

The background of the cover is a detailed illustration of a battle scene viewed through a jagged, circular opening in a light-colored stone wall. In the center, a dark-skinned, horned figure with long white hair and a black tunic holds a glowing yellow orb in his right hand and a sword aloft in his left. He is surrounded by other figures, including a blonde elf-like character on the right who is also holding a sword. The scene is filled with smoke and the glow of magical energy. The overall tone is dramatic and epic.

FORGOTTEN REALMS

Последний Мифал
АНТОЛОГИЯ

КОРОЛЕВСТВА ЭЛЬФОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ФИЛИПА ЭТАНСА

Включая новый рассказ о Дзирте
от Р.Э. Сальваторе

История Фаэруна написана плавным письмом Тель'Квессир. Хроника эльфов Фаэруна протянулась от начала времен к битве за будущее в мире постоянных перемен.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Изменники - Ричард Ли Байерс - **Arianna**
2. Посох Валмаксиана - Филип Этанс - **Arianna**
3. Необходимые жертвы - Лиза Смедман - **Arianna**
4. Большое сокровище - Эрик Скотт де Би - **Senar**
5. Друзья познаются в беде - Р.А.Сальваторе - **Аннаэйра**
6. Такие белые слёзы - Эд Гринвуд - **Senar**
7. Урок певчего клинков - Ричард Бейкер - **Senar**

Русская обложка: **nikola26**

Редактура: Алинка Назарова

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

«КОРОЛЕВСТВА ЭЛЬФОВ»

ИЗМЕННИКИ

Ричард Ли Байерс

-25090 ЛД

Респен Эш взмахивал серебряным посохом, выкрикивая слова Силы. Магия воздвигала щиты ветра и света, метала потрескивающие ослепительные молнии во врагов, прятавшихся в зеленых тенях между деревьями. Но этого было недостаточно. Вражеские маги раз за разом пробивали его защиту, множество стрел со свистом прорезали воздух, и люди Респена вместе с лошадьми продолжали гибнуть.

Если бы у него было время подготовиться, все сложилось бы совсем иначе. Но эта засада стала для них полной неожиданностью. Респен возглавил маленький отряд воинов своего лорда, направлявшихся в лес, откуда пришло известие от его обитателей – эльфов, представителей его собственного народа! – в котором они просили помочь отбить внезапное нападение троллей. Респен не подозревал, что это послание на самом деле было отправлено мятежниками с целью заманить часть королевской армии в ловушку. Он огляделся, чтобы посмотреть, сколько из его отряда – в основном это были тяжеловооруженные всадники человеческой расы – осталось в живых и способно сражаться. Врагу, похоже, удалось вывести из строя уже половину его воинов.

Битва была проиграна. На мгновение у Респена мелькнула мысль перенестись с помощью магии в безопасное место, но он посчитал своим долгом найти способ достойно сдаться и тем самым спасти жизни тех, кто еще оставался рядом с ним. Эльф уже пробормотал заклинание, усиливающее громкость голоса, приготовившись просить о пощаде, как вдруг огромная тень накрыла его окруженный отряд. Воины, задрав головы, разразились радостными криками. Точно такое же ликование охватило и Респена. Король Орктриен со своими детьми был сейчас связан битвами, ведя великие войны далеко на юго-востоке. Но каким-то образом один из них почувствовал беду в обманчиво тихом сердце королевства, и принц Бексендрал, воспользовавшись заклятьем телепортации, поспешил на помощь своему вассалу. Некоторые из врагов завопили от страха, кто-то пустился наутек или просто пал духом при виде летящего золотого дракона. Другие же начали стрелять из луков, целиться в змея дротиками света и метать морозные лучи. Бексендрал

парил в небе, хлопая сверкающими на солнце кожистыми крыльями, и, казалось, даже не замечал предпринимаемых против него атак. Он прорычал заклинание, и возникшие прямо из воздуха искры дождем полились на лесную почву, где стали взрываться жутким пламенем. Повернув клиновидную голову, венчавшую изогнутую шею и украшенную рогами, принц изрыгнул яркое пламя своего собственного огненного дыхания, уничтожая мятежников и сея хаос среди выживших. Люди Респена, обуреваемые жаждой мести за своих павших товарищей, с поднятыми мечами и копьями ринулись в сторону огня. В этом диком преследовании не было никакого порядка, никакой тактики. Да и какая разница? Появился Бексендрал, а это значило, что его воины не могли проиграть. Респен магически усиленным голосом прокричал в сторону врага:

– Сдавайтесь или дракон убьет вас всех!

Бексендрал был огромен, но его отец был еще больше. Респен служил королю уже столетие и несмотря на это всегда ощущал в его присутствии благоговейный трепет. Вот и сейчас его сердце билось чуть быстрее, когда он шел через просторный зал с высоким потолком, в конце которого преклонил колени перед цилиндрическим пьедесталом, украшенным сложной резьбой и служившим неким подобием трона, положив свой посох у когтистых лап Орктриена.

Вблизи от золотого дракона исходил запах шафрана, а его желтые глаза светились словно фонари.

– Встаньте, милорд, – прогремел Орктриен. – Расскажите, что вам стало известно.

– Да, Ваше Величество, – поднялся на ноги Респен. – Многие из лесного народа верны нам. Лишь три знатных дома – Вилирит, Старфол и Даскмир – участвовали в измене.

Кто-то рядом фыркнул. Респен повернул голову и увидел – как и ожидал – Мальдура Брейкстоуна. Человеческий маг с пухлым красным лицом и длинными волосами, специально выкрашенными в белый цвет, чтобы выглядеть мудрее, сверлил эльфа обжигающим взглядом.

– У вас есть какие-то замечания? – спросил Орктриен. Под его нижней челюстью покачивались свободно свисавшие кожистые усы и такая же борода. Лицо Мальдура исказилось притворным нежеланием говорить. Но затем:

– Я нисколько не оспариваю способности лорда Респена, Ваше Величество, и тем более его преданность, но если он не заметил сначала, как его соплеменники-эльфы замышляют измену, то стоит ли доверять его сведениям сейчас?

Волна гнева захлестнула Респена, но он подавил ее.

– Милорд, у вас есть какая-то конкретная причина сомневаться в моих сведениях?

Мальдур пожал плечами:

– Пожалуй, более важный вопрос сейчас – это *что* делать дальше. – Он перевел взгляд на Орктриена, запрокидывая голову, чтобы смотреть дракону в глаза. – Ваше Величество, я предлагаю казнить всех негодяев, замешанных в преступлении, и конфисковать их земли и имущество. Если кто-то еще из эльфов планирует сейчас измену, возможно, участь мятежников заставит их отказаться от своих намерений. Если же нет, то... что ж, предатели все равно заслуживают самого сурового наказания, а вам нужны средства, чтобы вести войны.

Респен нахмурился:

– Ваше Величество, я бы советовал более мягкое наказание.

– Ну еще бы, – бросил Мальдур. – Ведь эти мерзавцы – вашей расы, и это люди, кто заплатил самую высокую цену за их предательство.

– Прежде всего я служу Короне, – возразил Респен. – И я скорблю о павших воинах. Просто суровость наказания может вызвать еще большие волнения, а когда война свирепствует у наших границ, мы не можем себе этого позволить.

– Наверное, вы правы, – согласился Орктриен. – И все же мы должны что-то предпринять, чтобы удержать мятежных лордов от дальнейших глупостей. Мы возьмем в заложники их детей, и вы, Респен, проследите за их пленением.

– При всем моем уважении, Ваше Величество, – начал Мальдур. – Для лорда Респена это будет, скорее всего, слишком сложно... умирять представителей своей расы. Он может проявить чрезмерное сочувствие. В то время как я...

– Мне и нужен сочувствующий надзиратель, – сказал король. – Я хочу, чтобы заложники наслаждались своим пребыванием у нас и испробовали все удовольствия и чудеса, какие предлагает наш двор. Так мы завоюем их преданность и, когда они в один прекрасный день вернутся к своим родителям, положим конец этим ненормальным анархическим настроениям раз и навсегда.

– Вы очень мудры, Ваше Величество, – произнес Респен. – Но я надеялся отправиться с вами в поход, на юг и сражаться там бок о бок. Уверен, найдется кто-нибудь другой...

Орктриен фыркнул, выдохнув горячее облако пара – свидетельство того, что внутри дракона всегда теплился огонь.

– Сегодня все мои советники со мной спорят. Вы сделаете так, как я вам приказал.

Респен склонил голову.

У Респена были друзья среди воронов, ястребов и сов, которые всегда держали его в курсе событий, происходивших в окрестностях королевского города. Поэтому ему не составляло большого труда

перехватывать заложников до того, как те начинали подъем по главной горной дороге.

Когда приблизился последний кортеж, Респен к своему удивлению заметил, что окна кареты наглухо задернуты тяжелыми занавесками. Никогда прежде он не слышал, чтобы эльфы так путешествовали. Занавески не давали возможности наслаждаться дуновением ветра, пробегающим мимо ландшафтом, запахом трав и деревьев, которые были важны для его народа как хлеб и вода. Респену становилось не по себе от одной мысли, что кто-то может проехать несколько дней взаперти в этом ящике. Неужели граф Даскмир отправил во дворец Орктриена какого-нибудь калеку?

Респен пустил свою лошадь легким галопом, полдюжины его телохранителей поскакали следом. Шесть – наименьшее число, разрешенное протоколом, хотя он хотел встретить заложника как радушный хозяин, а не как враг, беспокоящийся о своей безопасности. Люди Даскмира приветствовали его с мрачным выражением на лицах, но не без почтения.

– Наша госпожа – Леди Винтерфлауэр, – сказал старший из провожатых. Теперь, когда ее официально представили, Респену стало интересно, соизволит ли она выйти из кареты, отодвинуть занавески или, по крайней мере, заговорить.

Ничего из этого не последовало.

– Леди плохо себя чувствует? – спросил он. – Или пребывает в глубоком Покое?

– Нет, не думаю, – ответил слуга.

Тогда, наверно, у нее проблемы со слухом, подумал Респен. Спрыгнув с лошади, он подошел к карете и постучал в дверцу.

– Миледи? – позвал он. – Я – Респен Эш, Королевский Советник и Маг. Прибыл сопровождать вас до Сверкающего Города и в дальнейшем проследить за вашим устройством и комфортом.

– Так сопровождайте меня, – ответила она, все еще не показываясь. Ее высокий голос был приятным, но холодным, как морозный воздух весенним утром.

– Погода замечательная, а горный пейзаж просто великолепен. Советую вам пересесть на лошадь или отодвинуть занавески.

– Без сомнения, у меня будет достаточно времени полюбоваться стенами моей темницы, как только я окажусь за ними.

Губы Респена сжались. У него не было желания досаждать ей, но он также не видел причин терпеть ребяческую неучтивость, выраженную в ее отказе показаться. Если сейчас он уступит, то в дальнейшем будет гораздо сложнее все это пресечь.

– Миледи, – сказал он, – я никогда не прощу себе, если своим бездействием лишу вас удовольствия созерцать одни из самых красивейших видов во всем Фаэруне.

Он пробормотал магические строчки и, достав талисман, взмахнул им в таинственном пассе. Слуги Винтерфлауэр, вытаращив глаза, тревожно вскрикнули, но заклинание было коротким, и Респен закончил читать его прежде, чем слуги успели вмешаться.

Он коснулся талисманом одной стороны кареты, и верхняя половина ее исчезла. Вздвогнувшийся кучер теперь сидел прямо на пустом воздухе, а Винтерфлауэр словно ехала в необычной и своеобразной открытой повозке. Респен повернулся, чтобы посмотреть на нее, и его глаза расширились.

Большинство эльфов со своей чистой гладкой кожей и стройными фигурами были внешне очень привлекательны, но даже по меркам их миловидной расы Винтерфлауэр была удивительно хороша. У нее были мягкие, блестящие волосы цвета эбенового дерева и сапфировые глаза с золотистыми крапинками. Черты ее лица были тонкими и изящными, но при этом не создавали впечатления хрупкости и изнеженности, а скорее свидетельствовали о храбрости и остром уме.

Она смотрела на него, ее глаза сверкали гневом.

– Если бы мне позволили взять с собой книгу заклинаний и амулеты, я бы развеяла эти жалкие чары, а потом наказала бы вас за вашу дерзость.

Респен справился с удивлением, вызванным ее красотой.

– Что ж, тогда я рад, что король запретил вам пользоваться ими, и вскоре вы тоже будете этому рады. А теперь продолжим наш путь.

Он свистнул, и лошадь, частично обученная с помощью магии, тут же перестала щипать траву и подошла к нему.

Респен ехал рядом с каретой Винтерфлауэр, а дорога серпантинном поднималась в горы мимо небольших укреплений и сторожевых башен, охранявших путь. Он болтал о достопримечательностях, которые им встречались, а она отвечала ему молчанием и выражением лица таким же каменным, как обступавшие их скалы.

Но вот показался Донфайр, и так как эльфы были очень чувствительны к красоте, Винтерфлауэр вопреки себе затаила дыхание, а черты ее лица смягчились.

Столица Орктриена представляла собой одновременно и город, и огромный замок, полностью высеченный в скалистой породе на вершине горы, а затем изящно обработанный и отполированный. Ни дюйма невзрачности, грязи, диспропорции. Каждый шпиль, каждая оконная рама, каждый участок стены радовал глаз искусным витиеватым орнаментом.

– Прогуляемся как-нибудь утром. Посмотрите, как все это выглядит во время восхода солнца, – сказал Респен. – Камень отражает красный и золотой свет подобно зеркалу.

Винтерфлауэр хмурилась, пытаясь развеять наложенное на карету заклинание, так же, как до этого Респен силился преодолеть изумление, вызванное ее красотой.

– Мне невыносима мысль о том тяжком труде, – сказала она, – который использовался для создания этой достопримечательности лишь для того, чтобы потешить самолюбие дракона.

– Это город. Огромное количество народа – *не* драконов – живет здесь, и к тому же неплохо. До наступления ночи вы станете одной из нас.

– Интересно, сколько бедных рабов встретило свою смерть, высекая и полируя этот камень?

– У Орктриена нет рабов. У него есть подданные, как у любого короля. Вы сами все увидите.

Он презрительно фыркнула, и карета, наполовину невидимая, застучала по дороге дальше.

Отряд, состоящий из личной охраны Орктриена, узнал Респена и, расступившись, освободил дорогу ему и его спутникам. Высокие, длинноногие воины со светлыми волосами и темно-желтыми глазами были облачены в доспехи золотого цвета. Их кожа также имела золотистый оттенок и в некоторых случаях едва заметный узор, напоминающий чешую. Винтерфлауэр внимательно разглядывала их, пока ее карета проезжала мимо.

– Это полудраконы, – сказал Респен.

– Я знаю, кто это, – резко отозвалась она. – Ублюдки Орктриена или ублюдки его сыновей-драконов. Мерзость, порожденная насилием над человеческими и эльфийскими женщинами.

Респен покачал головой:

– Насилием? Миледи, я даже не представляю, как вам могли прийти в голову такие жуткие фантазии.

– Вы хотите сказать, что у женщин есть выбор?

– Да. Хотя должен признать, что не помню, чтобы кто-то из них отказывался. Они получают приличное вознаграждение.

– Какое вознаграждение способно в достаточной степени компенсировать женщине близость с гигантской ящерицей? Они терпят ужас и стыд, потому что не осмеливаются отказать.

– Золотые драконы умеют менять облик. Они навещают своих любовниц в виде мужчин их расы. – Он усмехнулся. – В противном случае женщины были бы просто раздавлены. Но мы оба принадлежим к знатым фамилиям и познакомились совсем недавно, поэтому не должны вести такие вульгарные беседы. К тому же мы уже подъезжаем к вашему новому дому.

Колонна проследовала через арку в стене, украшенную мозаикой с изображением цветов, шмелей и птиц. За стеной, в самом сердце города, возвышался дубовый лес. Высоко в ветвях на разных уровнях были построены дома, часть которых была огорожена; другая часть

представляла собой простые платформы. Сумерки рассеивались светом белых, голубых и янтарных фонарей, в воздухе витали запахи стряпни.

– Это эльфийский квартал, – сообщил Респен. – Представляете, сколько труда и могущественной магии потребовалось, чтобы пересадить эти деревья на вершину горы, для того чтобы наш народ мог чувствовать себя как дома?

– Другими словами, – сказала она, – Орктриен нанес ущерб настоящему лесу, чтобы создать это искусственное место. Меня это не удивляет. Его вредители убивают деревья каждый день, чтобы расчистить место под его проклятые фермерские угодья.

– Армии нужна еда, миледи. Всему королевству нужна еда, а правда, как бы прискорбна она ни звучала, состоит в том, что леса не способны обеспечить нас таким количеством пищи, как хлебные поля. Уверяю вас, король собирается оставить большую часть лесов нетронутой.

– Каждая частичка земли, каждый листик, каждая веточка нашей родины священна, милорд. Если в вас еще осталась душа эльфа, вы поймете это. Но боюсь, она давным-давно захла в вас.

Респен почувствовал, что у него начинает болеть голова.

– Мы сможем обсудить это позже, на досуге. А сейчас позвольте сопроводить вас в вашу новую резиденцию, где вы сможете отдохнуть.

По вечерам Винтерфлауэр пела, стоя на одной из открытых платформ высоко на макушке своего дерева. Ее репертуар, состоящий из элегий и погребальных песен, был таким же мрачным, как и ее разговоры, но голос был так прекрасен, что соседи вскоре приобрели привычку останавливаться и слушать ее пение. Через какое-то время весть об этом представлении разлетелась по всему городу, и даже те, кто не принадлежал к эльфийской расе, начали приходить во время сумерек в квартал, чтобы послушать этот бесплатный концерт.

Когда сам король попросил о песне, это, вероятно, не должно было вызвать большого удивления, но Респена это тем не менее застало врасплох. Он оторвал голову от стола, за которым ужинал вместе с заложниками, и посмотрел в противоположный конец зала, туда, где на пьедестале сидел Орктриен, склонившись над своей тарелкой размером с колесо телеги, на которой лежал кусок говядины, и чашей красного вина.

– Прощу прощения, Ваше Величество?

– Я слышал о соловье из эльфийского квартала, – сказал дракон. – Пожалуйста, миледи, порауйте нас своим пением в честь моей победы над Красным Триумвиратом.

Внутренне Респен содрогнулся. Некоторые из детей мятежников хорошо переносили свой мягкий плен, но Винтерфлауэр оставалась такой же пренебрежительной и непреклонной, как и в самом начале. Он боялся, что она откажется выполнить приказ Орктриена и будет наказана. Респен

никогда не считал золотых драконов жестокими по своей природе, но его повелитель был полон королевской гордости, полон драконьей гордости, и не был склонен терпеть неуважение.

Респен начал подыскивать слова оправдания, чтобы вступить за Винтерфлауэр, но она встала из-за стола прежде, чем он успел что-нибудь придумать.

– Как будет угодно Вашему Величеству, – сказала она, затем проследовала к трону, остановилась возле него, сделала вдох и начала петь. Песня Винтерфлауэр, печальная баллада, была такой красивой, что ее очарование подействовало на всех присутствующих в зале. Респен был пленен ею так же, как и остальные, пока до него не дошло, какое значение могут иметь слова баллады. Ему лишь оставалось надеяться, что никто не истолкует их подобным образом. Многие в зале даже не знали эльфийского языка, остальным же, вроде, было достаточно самого пения, и они не искали в балладе провокационный подтекст. Возможно, он думал, все обойдется.

Но тут в воздухе замерцал голубым светом бесплотный кулак. Он ударил Винтерфлауэр по лицу, и девушка упала на пол.

Респен вскочил на ноги, отпинывая кресло, в котором сидел. Он призвал свой посох, и в его руке возник белый светящийся металлический шест.

Мальдур, усмехнувшись, тоже встал. Он не стал вызывать свой посох – возможно, он и не владел этим умением – но в драгоценных камнях, которые он носил на каждой руке, вспыхнул, а затем медленно погас огонь.

– Вы, конечно же, заметили, – сказал человеческий маг, – что в песне говорится о сумасшедшем, самовлюбленном короле и несчастьях, которые обрушились на подданных из-за его плохого правления.

– Это старая песня, – возразил Респен. – Она относится к тем временам, когда эльфы еще не ходили по этой земле.

– И все же. Она, без сомнения, замаскировала под этой балладой критику правления Его Величества. – Мальдур перевел взгляд на Винтерфлауэр. – Не так ли, миледи?

Респен пристально глядел на нее, умоляя глазами: хоть раз в виде исключения придержите свой острый язык, вы можете поплатиться жизнью, если признаетесь в этом.

Она тоже смотрела на него, затем опустила глаза и произнесла таким кротким тоном, какой он никогда прежде не слышал от нее:

– Как сказал лорд Респен, это всего лишь старая грустная песня. Я ничего не подразумевала под ней и прошу прощения, если она кого-то задела.

Респен протянул ей руку и помог встать, затем бросил гневный взгляд на Мальдура:

– Это вы, милорд, должны просить прощения.

– Вздор, – сказал человек. – Это очевидно, что она намеревалась нанести оскорбление, даже если сейчас ей недостает смелости признаться в этом. И в любом случае, я не прошу прощения у мятежников.

Респен повернулся к Орктриену:

– Ваше Величество, по вашему распоряжению леди Винтерфлауэр находится под моей опекой, поэтому мой долг обязывает меня защищать ее честь.

В действительности он ожидал, что дракон запретит любое подобие дуэли, так как он и Мальдур были ценными советниками, и Орктриену не захотелось бы никого из них терять. Но золотой дракон удивил его.

– Вы двое грызетесь уже столько лет, – сказал Орктриен. – Я устал от этого. Поэтому я позволяю вам разрешить ваш конфликт. Мы устроим военное представление, чтобы отпраздновать военный триумф.

Слуги убрали столы и стулья, стоявшие вблизи трона, расчистив место, достаточно большое, чтобы два мага могли метать друг в друга смертоносные заклинания, не рискуя случайно задеть ни в чем не повинного зрителя. Респен и Мальдур встали в противоположных концах, и король прокричал:

– Начинайте!

Респен произнес командное слово, вытягивая из посоха пульсирующий свет и заворачиваясь в магическую защиту. Тем временем Мальдур повернул на пальце кольцо с рубином, и его тело окутала сияющая красная аура – человек тоже привел в действие свой мистический щит. Какая именно защита у него, гадал Респен, и какое заклинание способно пробить ее?

Мальдур быстро проговорил магические слова. Респен не смог определить, какое именно заклинание решил сотворить его соперник – у каждого мага были свои секреты и хитрости – но был уверен, что человек призвал силу грозы. Это было не страшно. По прошлым наблюдениям Респен знал, что Мальдур любит бросаться молниями, поэтому его щит был как раз особенно эффективен против них.

Он вынул из кармана два зуба, сделал над ними пассы и произнес свое заклинание. Респен и Мальдур закончили одновременно.

Человек вскинул руки, и ослепительная молния сорвалась с кончиков его пальцев. Как и надеялся Респен, вьющийся разряд, не причинив ему никакого вреда, погас в двух дюймах от его груди. Но молнию сопровождал гулкий раскат грома, который оглушил эльфа – ему показалось, будто его огрел дубиной великан. Респен пошатнулся и упал, невыносимый гул в ушах не прекращался, сбивая и путая все его мысли.

Наконец, какофония стихла. Ошеломленный, Респен попытался поднять голову и оценить тактическую обстановку. Ничего хорошего он не увидел. Вызванная им дюжина клыкастых бесплотных челюстей летала вокруг Мальдура и атаковала его, но как только одна из пастей пыталась укунить свою цель, алая защитная аура человека уничтожала ее. Уверенный в эффективности своей защиты, Мальдур, не обращая

никакого внимания на кружащие вокруг него челюсти, начал сплетать очередное атакующее заклинание. У него было явное преимущество. Если Респен начнет накладывать свои собственные чары, человек в любом случае закончит читать первым и успеет нанести еще один сокрушительный удар. Пожалуй, лучший выбор сейчас – это воспользоваться одним из заклинаний, которые хранились в его посохе, так как на это требовалось не больше секунды.

Респен произнес нужное слово и только потом понял, что больше не держит в руках серебряный посох. Вероятно, он выронил его, когда гром свалил его с ног. Он огляделся, увидел его, дотянулся, и тут Мальдур закончил. Рваный силуэт тени прыгнул с поднятой руки человека. Респен бросился на пол, перекатываясь и пытаясь увернуться от вспышки темноты, но тьма все же настигла его. Холод пронзил его насквозь, и неестественный страх начал закрадываться в его разум. Он боролся с ним, не давая полностью овладеть собой, а Мальдур уже начинал читать следующее заклинание.

Замерзший и дрожащий Респен кое-как поднял свой посох, с трудом проговорил магическое слово и стукнул концом оружия по полу. Добрая часть мраморного покрытия затряслась и раскололась на куски. Вызванное землетрясение не могло сбить Респена с ног, так как он уже стоял на коленях. Но Мальдур упал на спину, у него сбилось дыхание, и его заклинание сорвалось. Человек тут же вскочил, и несведущему наблюдателю могло бы показаться, что Респен не многого добился своим волшебством. Но на самом деле ему удалось изменить темп битвы и лишить человека возможности непрерывно атаковать, не боясь ответного удара.

Оба мага пробормотали магические строчки. Мальдур выбросил перед собой сжатый кулак, из колец посыпались искры, и невидимая сила ударила Респена прямо в грудь, отбросив его на шаг назад и опрокинув на спину. Но она не успела сорвать заклинание эльфа. На последнем слоге, ощутив покалывание кожи, он сделался невидимым. Молясь, чтобы у Мальдура не оказалось подходящего заклинания, усиливающего остроту восприятия, Респен ринулся вперед. Он бежал, виляя, потому что в противном случае человек мог легко сразить его своей магией, несмотря на то что действовал вслепую. На эльфийские сапоги Респена были наложены чары, которые позволяли ступать бесшумно, и теперь на выступающих обломках разбитого пола они не издавали ни звука.

Исчезновение Респена застало Мальдура врасплох. Он раздумывал целое мгновение, затем, сведя руки, резко развел их в стороны. На пальцах вспыхнули кольца с топазами. Инстинкт подсказал Респену, что невидимость не защитит его от этой магии. Он бросился на пол. Клинки желтого света вырвались из тела Мальдура по направлению к четырем углам зала подобно спицам сверкающего колеса, подвешенного параллельно полу. Если бы Респен не прыгнул, одно из лезвий неминуемо пронзило бы его.

Как только они исчезли, он вскочил и побежал дальше. Еще три широких шага, и он оказался на дистанции удара. Размахнувшись, Респен ударил Мальдура посохом по лицу.

Так как человек не мог видеть угрозу, он не пытался парировать удар или увернуться от него, а красная аура, как и предполагал Респен, не защищала от физической атаки. Звякнул металл, и колени Мальдура согнулись. Из рассеченного лба хлынула кровь.

Став снова видимым, – таков был недостаток скрывающего заклинания, которое развеивалось при попытке атаковать – Респен продолжал наносить удары. Мальдур упал, свернулся в клубок, пытаясь прикрыть наиболее уязвимые части тела и выдыхая слова заклинания. Затем он резко встал на колени. На каждой из его ладоней Респен увидел широко открытый рот с похожими на иглы зубами. Мальдур попытался схватить его, но он отпрыгнул, и клыки на левой ладони человека разорвали камзол и рубашку под ним, но дотянуться до тела не смогли. Респен еще раз ударил посохом. Мальдур рухнул и остался, корчась, лежать на полу. Эльф поднял посох высоко над головой, намереваясь как копьем ударить в горло человека набалдашником.

– Стойте! – прогремел Орктриен. Его рев был таким же оглушительным, как раскат грома, вызванного Мальдуром.

Нет! Во имя всех сил земли и неба, Респен заслужил этот завершающий удар. Это нечестно лишать его такой концовки. Однако, тяжело и прерывисто дыша, он заставил себя опустить оружие и посмотреть в сторону трона.

– Ваше Величество? – выдохнул он.

– Вы постояли за честь своей подопечной, – сказал дракон, – а заодно вы и Мальдур порадовали нас отличным зрелищем.

Он оглядел весь зал:

– Не правда ли?

Подбадриваемые таким образом зрители разразились аплодисментами.

– Я рад, что смог доставить вам удовольствие, – сказал Респен, пытаясь сдержать гнев. – И все же я думал, вы позволите нам разрешить конфликт раз и навсегда.

– Вы это и сделали, – ответил Орктриен. – Вы испытали себя в схватке друг с другом, выпустили пар, и с этой ночи прекратите ссориться и будете работать дальше в полной гармонии.

Респен склонил голову:

– Как прикажете, Ваше Величество.

С годами в резиденции Респена скопилось много мебели и произведений искусства, созданных самыми разными расами со всем их культурным многообразием и эстетическим восприятием. Некоторые

вещи были подарками короля, другие – подарками просителей, жаждущих заслужить расположение влиятельного королевского чиновника. Но основная часть ценных предметов была куплена им самим, так как его вкус космополита и эклектика становился все обширнее.

В противоположность его резиденции дом Винтерфлауэр был полностью эльфийским. Мебели было мало, формы и линии выглядели обманчиво простыми, но каждая вещь была красиво сконструирована и являла собой образец безупречного мастерства. По всей вероятности, Винтерфлауэр выбросила все, что было создано руками не-эльфов. Когда они с Респеном вышли на одну из открытых платформ, он ощутил внезапный приступ ностальгии по маленькому лесному поселению, где родился.

Она остановилась у скамейки, над которой сквозь брешь в ветвях были хорошо видны звезды, и наполнила его бокал сухим белым вином. Они сидели молча какое-то время, наслаждаясь напитком и красотой ночного неба.

Потом она спросила:

– Что вы не поделили с лордом Мальдуром?

– Конкуренция – обычное дело при королевском дворе: идет борьба за милость короля и наиболее выгодные посты. Мальдур и я – оба волшебники, это делает соперничество между нами еще более ожесточенным. Кроме того, каждый из нас защищает свою расу. Он убеждает Орктриена править так, чтобы это было выгодно людям, я же ратую за политику, которая оставляла бы преимущество за нами. – Респен улыбнулся. – Поэтому несмотря на ваше плохое мнение обо мне, в конце концов, я – не такое уж жалкое подобие эльфа.

– Эльфы не должны просить у дракона разрешения жить так, как нам хочется.

– Да, таково ваше мнение, и вы очень четко дали это понять. Ведь на самом деле вы выбрали ту песню, чтобы оскорбить Орктриена, я прав?

– Разумеется. Вы это знали с самого начала. – Она помедлила. – Почему тогда вы защищали меня?

– Как я и объяснил, это было делом чести.

– Верю, что так и было, но мне кажется, есть и другая причина.

Он ухмыльнулся.

– Вы проникательны. Если бы я оставил обвинение Мальдура без ответа, это выставило бы меня слабым и неспособным олухом, который допустил, чтобы его подопечная оскорбила короля. А он бы стал верным советником, который поставил вас на место после того, как я не справился со своими обязанностями. Я не мог позволить, чтобы у двора сложилось такое мнение.

– А что если Орктриен поймет, что я действительно насмеялась над ним? Не лишитесь ли вы его доверия, из-за того что защищали меня? Возможно, более благоразумным было оставить меня наедине со своей судьбой, даже если это грозило вам небольшим унижением?

Он сделал глоток и посмотрел на звезды.

– Ну, возможно. Я тоже об этом думал. Вероятно, чашу весов склонила моя необъяснимая симпатия к вам, миледи. Вы мне нравитесь, несмотря на то что презрительно кривите губы в моем присутствии.

Боковым зрением он увидел, что она опустила глаза. Ему также показалось, что она покраснела, но было так темно, что он не взялся бы утверждать это наверняка.

– Я знаю, что не должна сваливать на вас свои проблемы. Просто иногда мне кажется, что они разорвут меня на части, если я не выскажу их. Мне ненавистно нынешнее положение дел в королевстве!

– Еще остаются земли, в которых правят эльфы. Думаю, если вам и вашей семье невыносимо жить под властью Орктриена, вы можете переехать.

– Это означало бы покинуть леса, которые мы заботливо выращивали и лелеяли, оставить их на растерзание топорам лесорубов. И, допустим, мы обосновались бы где-нибудь, построили бы новый дом... сколько бы это продлилось, прежде чем какой-нибудь принц-дракон не пожелал бы присоединить наши новые земли к своим владениям?

Респен вздохнул.

– Скорее всего, не долго. Один век, если вам повезет? Фаэрун меняется. Драконы устанавливают свое господство над всем континентом несмотря на сопротивление отдельных рас. Полагаю, этот процесс происходил бы еще быстрее, если бы драконы не так часто воевали между собой. Неизбежность, – продолжал он, – вот что ставит нас, эльфов, перед очевидным выбором. Мы можем стремиться к почетным титулам как вассалы драконов или бросить им вызов и умереть. Я сделал вывод, миледи, что вы не желаете последнего, иначе вы бы признались в том, что хотели оскорбить короля.

– Я должна была признаться. Любой из моих братьев и сестер признался бы. Но после того как Мальдур ударил меня своей магией и обвинил, а это огромное золотое чудовище пригвоздило своим взглядом к полу, я поняла, что не хочу умирать... я струсил.

– Нет, – возразил Респен. – Вы поступили мудро. Для чего было так бессмысленно бросаться своей жизнью?

Она окинула взором город, освещенный тысячами фонарей.

– Пожалуй, если мы, эльфы, откинем часть своей гордости, то обнаружим, что наша жизнь может быть полноценной и под управлением Орктриена. Пожалуй, я могла бы стать счастливой в этом месте, если бы какой-нибудь добрый друг научил меня видеть его радости.

Респен почувствовал, как его сердце стало биться быстрее.

– Миледи, это все, о чем я только мог мечтать.

Орктриен одарил Респена радостной драконьей улыбкой, но человеку непосвященному могло показаться, что дракон демонстрирует свои клыки, каждый из которых был размером с добрый клинок.

– Мы победили! – объявил король.

– Я знаю, Ваше Величество, – сказал Респен. Он уже не так жадно следил за новостями о ходе разных войн, которые вел его повелитель, как делал это раньше. Но он был королевским советником и должен был оставаться в курсе событий. – Мне рассказали, что войска зеленых интриганов отступили в полном беспорядке.

– Все так и есть. И теперь их лордам не остается ничего другого, как уступить свои владения на восточном берегу реки.

– Замечательно.

Респен хотел поинтересоваться, сколько воинов потерял золотой дракон, чтобы захватить эту территорию, но решил пока не спрашивать. Пусть король насладится своим триумфом. У них будет время оценить текущее состояние армии позже.

– Мы вернемся туда в следующем году или через год и полностью вытесним зеленых, – поведаль Орктриен. – Хроматовые драконы обращаются со своими подданными как со скотом! Сострадание требует, чтобы мы принесли этим бедным рабам просвещенное металлическое правление.

– Ваше Величество очень благороден.

– Расскажите, как вы здесь управлялись без меня. Надеюсь, больше никаких восстаний не было?

– Никаких.

– Я знал, что идея с заложниками решит проблему. Как поживают наши пленники?

Респен улыбнулся:

– Они неплохо поживают. Более того, им так понравилась жизнь в Донфайре, что когда придет время отправлять их домой, то, боюсь, нам придется толкать их в спину копьями.

Орктриен рассмеялся, наполнив воздух теплотой.

– Даже прелестная Винтерфлауэр?

Да, подумал Респен, если не сказать больше. В течение последних двух месяцев Винтерфлауэр была настолько увлечена жизнью города, ее настолько захватили развлечения двора, что ему оставалось лишь удивляться этой внезапной перемене. Казалось, будто она, создание крайностей и страстей, должна либо ненавидеть, либо любить свой плен, и, осознав бесполезность своего прежнего поведения, она выбрала второе, полюбив плен всей душой.

А, может, причина была в ее любви к *нему* и ее желании стать частью его жизни? Хотя они оба и старались погасить зарождающееся между ними чувство, – для тюремщика было бы слишком беспечным испытывать чрезмерную симпатию к своей пленнице, и вряд ли бы это одобрили ее родственники, мятежники в глубине души, – его ростки с каждым днем

становились все больше. И правда, со стороны Респена это была любовь, какую он никогда прежде не испытывал ни к одной женщине.

Но он не видел причин обсуждать свои личные дела с Орктриеном, поэтому просто ответил:

– Даже она.

– Я собираюсь устроить пир, чтобы отпраздновать победу, – сказал дракон. – Она должна присутствовать и опять что-нибудь спеть. – Его желтые глаза ярко вспыхнули. – Что-нибудь менее двусмысленное на этот раз. Мне бы хотелось избежать неудобства в виде разбитого пола.

Когда Респен и Винтерфлауэр приблизились к арочному проему, сделанному из драгоценных металлов и украшенному драгоценными камнями, она побледнела, ее синие с золотыми крапинками глаза закатились, а колени подогнулись. Респен успел подхватить ее, не дав упасть на пол. Не обращая внимания на любопытные взгляды и вопросы придворных, попадавшихся ему на пути в танцевальный зал, он отнес ее в нишу, завешанную бархатной портьерой. Ниша предназначалась для тех, кто после веселья и танцев нуждался в небольшой передышке и тишине, также она служила местом свидания для влюбленных пар.

Респен посадил Винтерфлауэр на диван, затем прочел несложное заклинание, увеличивающее жизненную силу. Его оказалось достаточно, чтобы привести ее в чувство, и девушка открыла глаза.

– Что с вами? – спросил он. – Вы заболели?

– Я боюсь, – ответила она.

Он взял ее за руку, ее пальцы были холодными.

– Чего?

– И вы еще спрашиваете? Я не видела Орктриена с той самой ночи, когда хотела оскорбить его.

– Зато я его видел и уверяю, он не собирается вас наказывать.

– Как вы можете быть в этом уверены? А вдруг это какая-то жестокая игра? Он пригласит меня на танец, я выйду в зал, ожидая веселье, и тут на меня набросятся палачи.

Респен покачал головой:

– Я уже говорил вам, вы наслушались слишком много страшных историй. Я тоже их слышал – эти рассказы о невероятных жестокостях, творимых драконами-тиранами. Должен признать, часть из них – правда, но только в случае с красными, черными, зелеными драконами. Золотые более великодушны.

– Орктриен посылает свои войска, отряд за отрядом, на войну, обрекая их на гибель. Он желал рискнуть вашей жизнью ради мимолетного развлечения, даже не задумываясь о том, насколько это бесчувственно и несправедливо. Мы для него – низшие существа, которых он может эксплуатировать, как ему вздумается.

Респен вздохнул:

– Я думал, мне удалось изменить ваши взгляды, и я надеюсь, что так и есть, и что подобные мысли у вас просто от волнения.

Она сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула.

– Что ж, может быть. Я хочу вам верить. Я знаю, вы бы не привели меня к нему, если бы знали, что он хочет мне навредить.

– Конечно нет. Так что соберитесь, и мы выйдем. Чем скорее мы это сделаем, тем быстрее вы убедитесь, что беспокоиться действительно не о чем.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице, они могли видеть внизу танцующих людей, которые кружились и прыгали под мощные, но быстрые звуки оркестра. На многих были золотые одежды или золотые украшения, или и то, и другое, надетое ими в честь короля. Двигаясь одновременно в такт музыке, они все вместе походили на блестящие скульптуры, которые внезапно ожили, чтобы повеселиться.

Это было великолепное зрелище, но Респен знал, что Винтерфлауэр все еще сильно напугана, чтобы по достоинству его оценить. Она вцепилась в его руку, словно боялась сорваться в бездну.

По такому случаю этикет не требовал от новоприбывших тут же засвидетельствовать свое почтение королю, но Респен считал, что им нужно сделать это как можно скорее. Как только музыка стихла, он повел Винтерфлауэр в центр зала, где в самом сердце бала танцевал Орктриен, который теперь болтал со своей партнершей, красивой молодой девушкой с золотисто-каштановыми волосами. Она была человеком и появилась при дворе совсем недавно. Чтобы принять участие в таком развлечении как танец, дракон изменил свою форму, выбрав этим вечером облик красивого эльфа со светлыми волосами, золотыми глазами и кожей цвета бронзы. Заметив приближающихся Респена и Винтерфлауэр, он повернулся в их сторону. При этом он оказался спиной к своей собеседнице, которая состроила кислую мину из-за того, что внезапно лишилась его внимания.

– Друзья мои! – воскликнул дракон.

Винтерфлауэр сделала реверанс, а Респен поклонился.

– Добрый вечер, Ваше Величество, – поприветствовал маг.

– Наконец-то леди удостоила нас своим присутствием, – сказал Орктриен. – Что вы собираетесь петь нам, моя дорогая?

– Новую... балладу, – чуть запнувшись, ответила Винтерфлауэр, – в честь вашей победы над зелеными драконами. Музыку я сочинила сама... ну, на самом деле, переделала старую мелодию, а один из придворных поэтов помог мне со словами.

– Звучит отлично. – Он внимательно смотрел на нее. – Хотя я не вижу в вас особого желания ее исполнить, или вообще тут находиться.

– Мне... мне говорили, что многие певцы очень волнуются, выходя на сцену. Придворные Вашего Величества – это искушенная и

требовательная публика, а я даже не бард... просто девушка, любящая попеть в свое удовольствие.

– Вы слишком скромны, – вымолвил Орктриен. – Еще меня беспокоит, что вы слишком зажаты. Надеюсь, вы не боитесь меня, миледи.

Винтерфлауэр помедлила.

– Лишь в той степени, в которой все подданные боятся не угодить своему королю.

– Ладно, бросьте, – сказал дракон. – Я вызвал вас в Донфайр, чтобы связать нас узами дружбы и чтобы вы смогли научить меня тому, как стать хорошим правителем для ваших людей.

– Конечно. Лорд Респен очень хорошо объяснил ваши намерения.

– О, он отлично справляется со своими обязанностями, но у вас есть качества, которых нет у него. – К удивлению Респена, Орктриен подмигнул ему. – Но сейчас я хочу послушать вашу песню, если, конечно, вы в состоянии спеть ее.

– Разумеется, Ваше Величество.

Хотя она это хорошо скрывала, Респену было понятно, что девушка готова зацепиться за любой предлог, лишь бы оказаться подальше от золотого дракона.

Винтерфлауэр взошла на помост с оркестром и запела, а музыканты, все мастера в своем деле, присоединились к ней, начав аккомпанировать со второй строфы.

Как и раньше, выступление было восхитительным и захватило каждого слушателя, но в этот раз слова баллады были настолько безобидными, что даже Мальдуру не к чему было придаться.

– Прелестно, – проурчал Орктриен, его слегка светящиеся глаза выдавали в нем дракона. – И тем прелестней, чем больше виден дух измены, витающий вокруг нее.

Респену стало не по себе от этих слов.

– Ваше Величество, клянусь вам, леди Винтерфлауэр не предательница.

– Чушь. Все заложники в глубине души изменники или, по крайней мере, начинали как изменники. Вот поэтому мы и пленили их, чтобы покорить... да, с помощью мягких методов, но тем не менее. Вы превосходно справились с первым этапом, и теперь, когда с войнами покончено до весны, я приступлю ко второму.

После окончания песни Орктриен аплодировал громче всех и подарил Винтерфлауэр золотой браслет в виде свернувшегося дракона, после чего увел ее в центр зала, где станцевал с ней несколько танцев подряд, в то время как остальные дамы лопались от зависти.

Дракон прижимал к себе свою пленницу и что-то шептал ей на ухо. Винтерфлауэр смотрела на Респена дикими, полными ужаса глазами. На другом конце зала эльф увидел Мальдура, который ухмылялся, глядя ему в лицо.

Респен поднимался по ступеням, ведущим к арочному проему, останавливался, но все-таки заставлял себя идти дальше. Сто лет, думал он, я служу ему верно уже сто лет. Это что-нибудь да значит.

По другую сторону арки находилась круглая каменная платформа, продуваемая холодными осенними ветрами и окруженная парапетом. Будучи созданием горных вершин и бескрайнего неба, Орктриен соорудил в городе несколько таких высоких открытых выступов, на которые приходил всякий раз, когда стены и потолки начинали угнетать его.

Респен пересек платформу, преклонил колени и положил свой посох у лап дракона. Чешуя Орктриена блестела, даже несмотря на то что солнце было скрыто за серыми тучами.

Дракон фыркнул, выпустив пар:

– К чему эта ненужная формальность, когда нас здесь двое! Должно быть, у вас какая-то действительно большая просьба ко мне.

Респен поднялся.

– Да, Ваше Величество.

– Выкладывайте тогда.

Он хотел, но это было так трудно. Хотя Респен всегда считал, что смелости ему не занимать, за прошедшее столетие он выработал привычку радовать своего повелителя, а не раздражать его.

Возможно, ему стоит начать издалека.

– Вы часто приглашаете леди Винтерфлауэр принять участие в том или ином развлечении, сделали ей много дорогих подарков. Другим заложникам вы не уделяете столько внимания.

Орктриен засмеялся:

– Другие заложники не столь очаровательны, и никто из них не является любимой дочерью графа Даскмира, который, по вашим же сведениям, был главным ненавистником драконов среди мятежников. Представьте, как он будет злиться, когда узнает, что я соблазнил Винтерфлауэр и сделал ее своей любовницей. Или когда она родит ему внука-полудракона!

– Я думал, вы хотите завоевать расположение мятежников.

– Молодых. Теперь же мы должны позаботиться о том, чтобы заставить их родителей повиноваться нам.

– Возможно, Ваше Величество, но... позвольте мне говорить прямо. Я люблю Винтерфлауэр, и она отвечает мне взаимностью.

Дракон вскинул голову:

– Я понятия не имел.

– Я так и думал. Вы были в отъезде, и мы делали все возможное, чтобы сохранить нашу связь в тайне.

– При данных обстоятельствах это даже к лучшему.

– Ваше Величество, вы понимаете, что я пытаюсь сказать? Для вас Винтерфлауэр – это забава на сезон или на год, даже не беря во внимание

тот срок, когда она только начнет вам наскучивать. Я же желаю провести с ней остаток своей жизни.

– Так вы хотите, чтобы я удовлетворил свои аппетиты где-нибудь в другом месте?

– Да, Ваше Величество. На самом деле, я прошу вас об этом. В королевстве полно женщин, которые отдали бы все ради того, чтобы стать вашими любовницами.

– Или вашими, Королевский Советник. Наверное, это то, что не нравится нам обоим – когда добыча сама устремляется в руки охотника. Никакого азарта. В то время как леди Винтерфлауэр сначала бросала вызов вам, а теперь избегает встреч со мной.

– Возможно, именно это поначалу и вызвало мой интерес, но сейчас мои чувства к ней гораздо более глубокие. Поэтому молю вас...

Орктриен с шумом выпустил воздух из ноздрей.

– Довольно, мой друг. Я выслушал твою просьбу и буду вести себя соответствующе.

С помощью магии Респен мог оторваться от земли и долететь до дверей резиденции Винтерфлауэр с такой же легкостью, с какой поднимается дым над костром. Он мог также в мгновение ока перенестись туда с помощью телепортации, но вместо этого предпочел тащиться по ступенькам, поднимавшимся спиралью вокруг ствола дуба, потому что боялся предстоящего разговора. И все же он оказался перед Винтерфлауэр до того, как смог придумать наилучший способ сообщить ей о своей новости, и радостное выражение ее лица сменилось на тревожное, когда она увидела беспокойство и тревогу на его собственном лице.

– Что стряслось? – спросила она.

– Сегодня утром король дал мне новое поручение. Видимо, он решил, что продолжение боевых действий зимой может оказаться выгодным для нас. Я возглавляю отряд, который должен будет перейти южные границы и совершать набеги на владения зеленых драконов: опустошать деревни, поджигать дома и амбары, красть или уничтожать запасы продовольствия.

– Оставляешь меня одну...

– Да. Когда я рассказал Орктриену о том, что мы любим друг друга, он, казалось, отнесся с пониманием, но, судя по всему, это не так.

– В действительности он наказывает тебя за твою дерзость, за то, что ты посмел просить его оставить меня в покое.

– Не знаю, – покачал головой Респен. – Он может думать, что откупается от меня. Это обычная практика, когда король или один из принцев хочет соблазнить жену какого-нибудь несчастного. Они назначают обманутого муженька на блестящую должность, которая

отсылает его подальше от двора, чтобы он никак не мог препятствовать происходящему. Дело в том, что до встречи с тобой я сам неоднократно просил о таком назначении. Когда королевство постоянно находится в состоянии войны, участие в боевых действиях – кратчайший путь к высоким почестям и самым прибыльным постам.

– Ты хочешь сказать, что не мог отказаться?

– Никто не может противиться королевскому приказу.

– Я не могу оставаться здесь одна и стать мишенью для этого существа. Давай убежим. Сегодня ночью.

– Мы могли бы попытаться, но он найдет нас.

– Ты не знаешь этого!

– Знаю. Ты понимаешь, почему драконы завоевывают мир? Дело не в их физической мощи, а в их магии. Им подвластны такие тайные знания, какими эльфы и люди не обладают.

Она перевела дыхание.

– Дай мне тогда одну из твоих книг заклинаний.

– Ты же знаешь, я не могу этого сделать. Если ее обнаружат у тебя...

– Разве ты не понимаешь?! Я не могу позволить ему взять меня силой! Я бы никогда этого не перенесла, а теперь, когда ты и я... Он будет уязвим в облике эльфа, и если мне удастся застать его врасплох...

– Нет! Не важно, в каком обличье он будет, ты не сможешь противостоять ему, и в любом случае, ничего такого не произойдет. Я уже говорил тебе, он не унижится до насилия.

– Боюсь, что даже сейчас ты отказываешься видеть в нем того, кем он является.

Он взял ее за руки:

– Пообещай, что не будешь делать никаких глупостей. Лучше используй свой такт и женскую хитрость, чтобы отдалить Орктриена, не оскорбляя его, и жди моего возвращения.

Она внимательно посмотрела на него:

– Ты можешь пообещать, что вернешься?

Респен выдавил уверенную улыбку:

– Конечно. К тому времени король, устав тщетно осаждать крепость твоей добродетели, переключит свое внимание на кого-нибудь другого, а я попрошу у графа Даскмира твоей руки.

Небо на востоке начинало сереть, но на западе еще оставалось черным. Респен прищурился, напрягая глаза и силясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки движения в звездном небе. Его заместитель Сердел, коренастый, седой ветеран, тоже вглядывался вдаль рядом с ним.

– Видите что-нибудь? – спросил воин, надеясь, что острое зрение эльфа сможет заметить то, что недоступно человеческим глазам.

– Пока нет, – ответил Респен.

Какая ирония, думал он. В начале лета принц Бексендрал поспешил на помощь своим людям, когда даже никто не звал его. Сейчас же у Респена было специальное заклинание, которое отправляло сообщение с просьбой о помощи его повелителям, и он им воспользовался сразу же, как запахло серьезной бедой. Но до сих пор никто не откликнулся.

Неужели Орктриен действительно отправил его в этот поход в надежде, что он погибнет? Хотя Респен и не говорил об этом Винтерфлауэр (ему нужно было успокоить ее, а не волновать еще больше), у него были причины так думать. То, что зимние кампании самые трудные и опасные, было общеизвестно. Именно поэтому цивилизованные народы старались их обычно избегать. Более того, король отправил его с относительно маленьким отрядом, мотивируя тем, что якобы большой группе будет сложнее находить пропитание и прятаться от врагов.

Но несмотря на мороз, завывающие метели и малочисленность отряда Респену удавалось довольно успешно выполнять поставленные задачи до тех пор, пока один из зеленых драконов, вероятно, отчаявшись полагаться на способность своих приспешников поймать рейдеров, опустошающих приграничные земли, не решил покинуть тепло и уют своего дворца, чтобы самому разобраться с этой проблемой.

Дракон атаковал неожиданно, в полночь. Респен подсчитал, что он убил половину его людей. Другие в ужасе разбежались кто куда и потерялись. Ему каким-то образом удалось собрать оставшихся и отступить с ними под прикрытием магической тьмы и прочих хитростей, которые должны были помешать преследованию. Но он был уверен, что это еще не конец. Зеленый дракон, конечно же, выследит их и найдет; и произойдет это, скорее всего, еще до рассвета. Он провел пальцами по волосам, пытаясь придумать какой-нибудь план, потом сказал:

– Очевидно, что по какой-то причине Его Величество не услышал мой призыв, а это значит, что мы должны рассчитывать только на себя. Разделите людей на четыре группы. Пусть они лягут и зароятся в снег там, там, там и там.

Пальцем он указал на нужные места.

Сердел нахмурился:

– Вы думаете, это обманет дракона, милорд?

– Не само по себе, это только начало. Теперь шевелитесь! Дракон может появиться в любую минуту.

Как только воины скрылись под снегом, Респен вызвал несколько вихрей, чтобы замести все признаки рытья, и когда духи воздуха закончили свою работу, были видны только те следы солдат, которые они оставили, до того как разделиться на четыре группы. После этого маг создал иллюзию пятидесяти напуганных воинов, спешащих настолько, насколько позволяют сугробы и усталость. Но поскольку эти фантомы не могли оставлять после себя следов, картина должна была быть более или менее статичной с отдельными фигурами, топчущимися на месте. Респен надеялся, что этого будет достаточно. Драконы летали так быстро, что

зеленый, скорее всего, обнаружит и набросится на иллюзию до того, как заметит, что колонна на самом деле не продвигается вперед.

Респен рассчитывал подсунуть ему ложные мишени для его магии и ядовитого дыхания. Дракон был взрослым, но не таким большим и древним, как Орктриен, а значит – в его арсенале было не так много заклинаний, и ему требовалось больше времени для восстановления своего смертоносного дыхания после нескольких применений. Он и так уже был довольно расточителен в использовании своих ресурсов во время первой атаки. Если Респену удастся хитростью заставить его потратить то, что осталось...

На лице эльфа появилась горькая усмешка. Что ж, в этом случае это будет по-прежнему дракон, самое ужасное создание в мире, чудовище, быстрое и ловкое, как кошка, чешуя которого крепка, как броня, а когти и клыки способны одним ударом вышибить дух из любого меньшего существа. Иногда драконы убивали друг друга, но представить, чтобы эльфы и люди смогли это сделать, было полным безумием.

И все же лучше попытаться, чем умереть трусом.

Респен вызвал дух земли и приказал ему затаиться в грунте неподалеку от иллюзии, сам занял позицию у кривой, голой березы и скрыл себя заклинанием невидимости. После этого оставалось только ждать. Ему было интересно, что сейчас делает Винтерфлауэр и узнает ли она когда-нибудь, как он погиб.

С севера, с шумом рассекая воздух, появился зеленый дракон.

У него были горящие желтые глаза, чешуя казалась темно-серой, а не зеленой в слабом свете восходящего солнца, на лбу и подбородке выступали маленькие костяные наросты, похожие на рожки. Восприятие дракона было настолько острым, что полностью полагаться на то, что невидимость и снег уберегут Респена и его людей от обнаружения, было нельзя, поэтому эльф старался не дышать до тех пор, пока стремительное пикирование дракона не убедило его в том, что тот нацелился на иллюзию.

Он заставил воинов-фантомов кричать от ужаса и сжиматься от страха, и когда рептилия промчалась над ними, выдохнув ядовитые испарения, они рухнули в снег, словно их легкие разъело. Дракон сделал круг, прорычал магические слова, и между фигурами на земле возникли клубы омерзительного на вид тумана. Респен заставил оставшихся марионеток скорчиться и упасть. Но не всех. Ему еще нужно было приберечь несколько фантомов, для того чтобы дракон решил атаковать их когтями и зубами – нужно было, чтобы он приземлился, и нужно было, чтобы это произошло как можно скорее, пока он не раскрыл истинную природу своих мишеней.

Дракон начал снижаться. Он плюхнулся на землю с такой тяжестью, что даже земля задрожала от удара – он бы раздавил любое существо из плоти и костей, окажись оно под ним. Дракон набросился на фантомов Респена и, конечно же, сразу обнаружил, что они бесплотны. После этого,

сосредоточившись, он перевел взгляд в ту сторону, где притаился элементаль. Дух земли выскочил из грунта. Безглазая голова массивного, почти бесформенного существа, состоявшего из камней и грязи, напоминала ровную глыбу. Длинные, гибкие руки были похожи на гигантских змей, и каждая оканчивалась кистью с тремя пальцами. Приземистое безногое тело было неотделимо от земли, являясь ее продолжением, но это не ограничивало подвижность элементаля. Он мог скользить где угодно с такой же легкостью, с какой волна скользит по поверхности моря.

Элементаль кинулся на удивленного дракона, схватил одно крыло, похожее на крыло летучей мыши, скрутил его и начал рвать – все в точности так, как ему говорил Респен. Эльф знал, что элементаль, каким бы могучим он ни был, не сможет сравниться с драконом, но если бы ему удалось лишить рептилию возможности летать, прежде чем погибнуть, это свело бы на нет еще одно преимущество дракона.

Змей попытался вырвать крыло из лап элементаля, но дух земли держал его крепко, тогда он выгнулся, чтобы пустить в ход передние лапы и клыки. Он начал кромсать и откалывать куски от тела элементаля.

Респен решил, что должен помочь своему слуге. Он произнес заклинание и посохом прочертил в воздухе таинственные знаки. Затвердевший снежный сугроб, превращенный в длинную сверкающую сосульку, оторвался от земли и полетел в сторону рептилии. Ледяное копье воткнулось в основание шеи дракона, и болевой шок заставил его пошатнуться и ослабить атаку. Элементаль – или что еще от него оставалось – взгромоздился на разорванное в клочья крыло, и послышался хруст костей. Одна кость, разорвав шкуру, вышла наружу.

Зеленый дракон в завершающей атаке когтями разметал элементаля на безжизненные комки и камни, после чего, шипя от ярости и волоча повисшее изуродованное крыло, кинулся на эльфа, который стал видимым после броска ледяного копья.

Респен должен был испытывать страх, но к своему удивлению, обнаружил, что не боится. Он, скорее, испытывал удовлетворение, наслаждаясь успехом своей задумки и последующим замешательством дракона. Вероятно, перспектива неминуемой гибели вызвала умственное расстройство.

Дракон поднял голову и откинул ее назад. Его шея и грудь начали раздуваться словно кузнечные мехи. В воздухе разлился отвратительный запах, от которого у Респена заслезились глаза. Очевидно, существо полагало, что сможет собрать достаточно яда для еще одного выдоха.

Респен выхватил из кармана маленький гранитный кубик, взмахнул им и выпалил замысловатую рифму. Голова дракона с разинутой пастью устремилась вперед, и в это мгновение Респен произнес последний слог своего заклинания. В пасти дракона возникла каменная глыба, и ядовитая струя, нацеленная на эльфа, впустую разбрызгалась по сторонам этой

гранитной пробки. Дракон начал дергать головой, стараясь избавиться от камня, который не давал ему дышать.

– Сейчас! – заорал Респен. – Бейте его сейчас!

Его люди, как до этого элементарно, повыскакивали из своих укрытий. Как и рассчитывал Респен, подбирая для них места и располагая свою иллюзию, дракон теперь сражался в центре, в окружении четырех групп.

Полетели копья и стрелы. Большая часть лишь скользила по чешуе, но некоторые все же вонзились. Высоко подняв посох, Респен сотворил клейкую сеть, чтобы обмотать и привязать голову дракона к целому крылу, которое хлопало сейчас над его спиной. Этим он хотел помешать ему выплюнуть камень, но дракон сразу же порвал паутину.

Челюсти змея с силой сжались, камень в пасти затрещал, и дракон выплюнул гранитные обломки вперемишку с костяными осколками сломанного зуба. Он повернулся к одной из групп и, сделав широкий шаг, бросился в атаку.

Респен сотворил силовое заклинание, вызвав чистую энергию, едва заметную в воздухе в виде бесцветной ряби. Она ударила дракона в бок, из которого тут же хлынула кровь, и дракон пошатнулся.

– Сюда, тупица! – закричал эльф. – Я – тот, кто тебе нужен.

Взбешенный змей развернулся и побежал к нему. Респен стоял не двигаясь столько, сколько мог себе позволить. Каждое мгновение, в течение которого он удерживал внимание дракона на себе, было мгновением, когда его воины могли атаковать, находясь в относительной безопасности. Когда дракон был уже в нескольких шагах от него, он выпустил еще одно заклинание, хранившееся в серебряном посохе. С помощью левитации Респен взмыл вверх словно поплавок, устремившийся к поверхности озера. Клыки дракона щелкнули прямо под его ногами. Дракон поднялся на задние лапы, пытаясь зацепить его передними, и ему это чуть было не удалось. Но Респену повезло, и вскоре он оказался вне пределов досягаемости рептилии.

Все это время в дракона, не переставая, летели стрелы. Когда они закончились, воины выхватили мечи и топоры, издали боевой клич и ринулись на врага, намереваясь резать и рубить. Люди, конечно же, боялись, но они также знали, что нападение – это их единственная надежда. Если они не убьют зеленого дракона, он убьет их.

Они сразу начали умирать. Дракон схватил зубами двоих, его когти, вспоров живот, выпустили кишки третьему, от удара хвоста обмяк четвертый, а шлепком крыла он сломал шею пятому. Но клинки солдат в свою очередь глубоко вонзались в его тело, и снег вокруг темнел от крови, хлеставшей из его ран.

Все еще паря в воздухе, – удобная позиция, позволявшая атаковать не боясь задеть солдат – Респен метал в дракона заклинания огня и увядания, но тот продолжал драться. Эльф вынул из кармана куриную кость, переломил ее и произнес еще одно заклинание.

Дракон вздрогнул и пронзительно закричал, когда его собственные кости начала ломаться. Ноги с правой стороны подогнулись, и он упал. Он извивался, пытаясь снова встать на ноги, но не мог этого сделать. Пока не мог. Просто боль от внутренних повреждений была слишком сильной.

Респен знал, что рептилия выведена из строя ненадолго, но это дало его людям преимущество, которым они сполна воспользовались. С ревом они стали снова и снова вонзать свое оружие в тело дракона, а Респен раздробил его бок звуковым ударом.

Змей забился, и воинам пришлось отскочить, чтобы не оказаться раздавленными. Респен подумал, что дракон сейчас встанет, но его конвульсии постепенно стихли, пока он окончательно не замер. Огонь в желтых глазах потух.

Воины уставились на огромный окровавленный труп с таким видом, как будто не могли поверить своим глазам. Затем один из них радостно закричал, и остальные последовали его примеру. Их ликующие крики раздавались среди заснеженных холмов.

Респен спустился на землю, чтобы присоединиться к ним, и Сердел отсалютовал ему, стукнув себя кулаком в грудь.

– Слава убийце дракона! – сказал солдат.

Воздух был благодатным и теплым, на деревьях пробивались робкие листики, талая вода искрящимися потоками журчала с горных склонов. Все это было чудесно, но сегодня у эльфа Респена не было желания останавливаться и любоваться природой. Ему не терпелось увидеть Винтерфлауэр.

Его люди тоже стремились поскорее встретиться со своими любимыми и насладиться свободой и наградами, которые они заслужили. Однако это не означало, что они скакали в Донфайр во весь опор. В походе они потеряли своих крепких боевых коней от рук врагов и от зимних невзгод, и им пришлось заменить их теми лошадьми, которых им удалось украсть. Эти коняги были не такими породистыми, а суровое обращение и голод не способствовали их хорошему состоянию. Всадники должны были радоваться тому, что вообще могут подниматься по горной дороге.

До начала подъема Респен отправил гонца из форта, расположенного у подножия гор, с донесением и новостями об их предстоящем прибытии. Его долгом было доложить Орктриену о результате миссии как можно скорее; кроме того, если Винтерфлауэр узнает, что он всего в нескольких часах езды от Сверкающего Города, возможно, она выедет ему на встречу.

Но когда до города оставалась четверть пути, их встретил Мальдур, серебряная шевелюра которого блестела на солнце.

– Добро пожаловать домой, милорд, – поприветствовал человеческий маг.

– Спасибо, – растерянно отозвался Респен.

После дуэли он и Мальдур делали попытки следовать приказу Орктриена и скрывать свою вражду, но взаимная неприязнь по-прежнему кипела в них. Поэтому казалось маловероятным, чтобы Мальдур сам

вызвался сопровождать своего соперника в город, но было не менее странно, что король отправил одного из своих главных советников выполнять такое мелкое поручение.

– Судя по вашему донесению, – обратился к нему Мальдур, – вы блестяще проявили себя. Я уже поздравил Его Величество, а также привез с собой чистую одежду, свежих лошадей, знамена и прочие принадлежности, чтобы вы смогли въехать в город с доблестным видом, как и подобает победителям.

Махнув рукой, сверкающей драгоценностями, он указал на вереницу слуг, лошадей и вьючных ослов позади себя.

– Отлично. Люди заслужили возгласов одобрения за ту работу, которую проделали.

– Конечно. – Мальдур развернулся, как будто хотел отдать приказы слугам, ехавшим позади, но тут же повернулся обратно к Респену. – Ой, чуть не забыл. Мне нужно вам еще кое-что сообщить. Небольшая новость, касающаяся одного из эльфийских пленников, которого король поручил вам опекать.

Респен почувствовал, как во рту стало сухо.

– Какая новость?

– В течение последних двух месяцев Винтерфлауэр была любовницей короля. – До этого момента Мальдур держался вежливо и сдержанно, но сейчас на его лице появилась злорадная улыбка. – Король подумал, что будет лучше, если вы узнаете об этом до того, как въедете в город... дабы предотвратить возможную неловкость.

– Я... – Респен с силой сжал поводья, – я не понимаю, что вы имеете в виду, милорд, но, конечно же, благодарю за информацию. Завтра или послезавтра я проверю, как поживают все заложники. Сейчас же, думаю, стоит заняться текущими делами.

Весь остаток пути Респен чувствовал себя разбитым и опустошенным. Он говорил себе, что Мальдур соврал, но не мог заставить себя поверить в это. Человек не питал к нему добрых чувств, но при этом был слишком горд, чтобы пойти на обман, который бы сразу раскрылся, как только Респен и Винтерфлауэр оказались бы вместе. После чего в глазах каждого, и в своих тоже, он бы выглядел жалким посмешищем.

Несмотря на подавленность, Респен пытался отвечать на восторженные приветствия толпы ради своих людей, и еще потому что к этому обязывал его статус. Было очевидно, что герольды разнесли весть о его подвигах по всему городу – иначе народ не понимал бы, что именно праздновать – и люди кричали:

– Убийца дракона! Да здравствует убийца дракона!

Он призвал все свое мужество, перед тем как войти в главный зал Орктриена, но все равно почувствовал неуверенность, когда увидел, что король выбрал облик эльфа с бронзовой кожей и топазовыми глазами, чтобы предстать перед двором. Должна быть причина, по которой он предпочел это обличье, и когда Респен заметил в толпе Винтерфлауэр,

ему стало все ясно. Девушка отказалась от одежды и украшений, которые привезла с собой из дома, и от тех драгоценностей, которые он подарил ей в знак своей любви, надев вместо этого совершенно новое платье и украшения, сверкающие золотом. Она улыбнулась ему – в конце концов, он был ее опекуном, который всегда по-доброму к ней относился – но улыбка не выражала восторга и не обещала ничего. Выражение теплоты на ее лице возникло снова, когда она вернула взгляд дракону, сидящему на троне.

Я действительно потерял ее, подумал Респен. Тоска и ярость охватили его, но он пытался сдерживаться. Все-таки он не потерял всего, что у него было, и не важно, как он себя сейчас чувствует. У него по-прежнему остается его пост, его положение (то, ради чего он столько работал), и он не собирается выкидывать свою жизнь в порыве истерики. Он не доставит им – Мальдуру, Орктриену и самой Винтерфлауэр – такого удовольствия.

Респен преклонил колени перед троном и положил посох у ног своего повелителя.

– Поднимитесь, – прогудел Орктриен, – поднимитесь, мой друг, и дайте взглянуть на вас. Во имя камня и неба, вы стали худым как соломинка!

– Рад вас видеть снова, Ваше Величество. Как, я надеюсь, стало ясно из моего доклада, воины, которых вы мне дали, проявили подлинные чудеса на вашей службе.

– Как и вы. Вы действительно убили одного из зеленых? Сами?

– У нас не было выбора. Я просил о помощи, но ни вы, ни принцы не пришли к нам на подмогу.

Респен не хотел поднимать это, но каким-то образом это вырвалось.

Орктриен помолчал секунду, потом сказал:

– Ваше послание не дошло.

– Конечно, Ваше Величество. Я так и подумал, что по какой-то причине магия не сработала.

– Радуйтесь, что так произошло. Ваша победа над зеленым драконом продемонстрировала вашу доблесть как нельзя лучше. Примерно через месяц, когда мы начнем серьезные боевые действия, вы будете одним из маршалов.

Респен напомнил себе, что всегда этого хотел, и заставил себя выглядеть благодарным:

– Спасибо, Ваше Величество. Я приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие.

– Это может подождать, – улыбнулся Орктриен. – Вы и так уже хорошо постарались, поэтому сейчас расслабьтесь и развлекайтесь.

Расслабиться и развлекаться. В каком-то смысле это был королевский приказ, и Респен старался выполнить его, как любой другой приказ Орктриена. Он давился деликатесами, которые камнями падали в его

желудок, с жадностью глотал выпивку, заплетавшей ноги и язык, но только еще больше омрачавшей настроение, и развлекался с благородными дамами и служанками, чьи ласки даже в момент экстаза не могли избавить его от чувства одиночества и пустоты. И все это время он улыбался и болтал, как того ожидал от него двор. Присутствуя на каком-нибудь развлечении, будь то пир, охота, бал или спектакль, он старался не замечать Винтерфлауэр, но как королевский фаворит был вынужден постоянно находиться вблизи любовницы короля; кроме того, несмотря на все свои усилия он часто ловил себя на том, что смотрит в ее сторону. У него мелькнула мысль, что это сродни импульсу, который побуждает человека оторвать засохшую корку или прикоснуться языком к воспаленному зубу.

Он смотрел ей вслед и в тот раз, когда она в сопровождении Орктриена покидала бал-маскарад. Очевидно, она сказала превращенному дракону что-то фривольное, потому что тот засмеялся и приблизил ее к себе. Когда они обнимались, Респен мог видеть лицо Винтерфлауэр – на котором была надета крылатая полумаска из белых лебединых перьев – на плече его повелителя. На какую-то долю секунды ему показалось, как будто за первой маской рассыпалась вторая, и девушка посмотрела на него теми же полными отчаянья и страха глазами, какими смотрела на него во время своего первого танца с королем. Потом ее взгляд снова оживился, и на губах опять заиграла влюбленная улыбка. Обняв ее за талию, Орктриен повел Винтерфлауэр дальше. Вне всякого сомнения, в их общую опочивальню.

Королевский дворец располагался в центре Донфайра. Это был разросшийся муравейник, служивший домом огромному количеству слуг, стражников и придворных. Внутри комплекса возвышалась высокая крепость, в котором находились личные покои короля и комнаты его приближенных. Респен крался по ночному саду, примыкавшему к южной стене замка, и, вдыхая аромат брунфельзии, размышлял о том, как лучше всего проникнуть внутрь, и о том, не сошел ли он с ума.

А вдруг под воздействием винных паров ему просто привиделось возникшее на миг выражение лица Винтерфлауэр? Да даже если и нет, даже если она действительно втайне несчастна, что он может сделать? Ничего! К тому же, он очень сильно рискует погубить свою жизнь, если будет продолжать копаться в этом.

И тем не менее, что-то внутри него требовало знать правду. Он подвигал плечами, чтобы снять напряжение, сжал посох и направился к главному входу. В конце лестницы у двойных дверей два длинноногих стражника-полудракона отсалютовали ему.

– Милорд, – начали они хором, затем тот, что был справа, продолжил, – короля сейчас нет в резиденции.

– Я знаю, – сказал Респен. Сегодняшнюю ночь он и выбрал для своей безумной затеи как раз потому, что Орктриен улетел на юг обсудить с баронами дела, касающиеся набора и тренировки солдат, которые должны были заменить тех, кто погиб в прошлогодних войнах. Респен вытянул из посоха два сгустка магической энергии, и полудраконы качнулись, а их глаза расширились, когда магия коснулась их сознания.

– Но мне нужно забрать важный документ, который я оставил внутри. Так что прошу вас, позвольте мне пройти.

В обычной ситуации стражники вряд ли бы согласились, несмотря на его служебное положение, но сейчас, благодаря наложенным чарам, они ему полностью доверяли и поспешили открыть маленькую дверцу, встроенную в середину правой створки огромных (под размер дракона) дверей.

Как только дверь за ним закрылась, Респен осторожно огляделся, чтобы удостовериться, что больше никто не смотрит, затем прошептал слова, накладывая на себя невидимость, и направился к тихим, темным комнатам в спальней башне. Эльфийские сапоги скрадывали звук его шагов.

Орктриен всегда размещал своих любовниц в комнатах, расположенных непосредственно над его собственными покоями, и это был общеизвестный «секрет», что спальни соединялись между собой потайной лестницей. Приближаясь к комнатам Винтерфлауэр, Респен увидел, что стражи у дверей нет, и это повергло его в уныние, так как лишало слабой надежды на то, что король, так или иначе, принуждает эльфийку быть его любовницей.

Я еще могу повернуть назад, думал Респен, пока не успел унизиться или еще что похуже. Но вместо этого он коснулся двери концом посоха. Щелкнул замок, и дверь отворилась. Закрыв ее за собой, он шагнул вглубь темной комнаты. Винтерфлауэр лежала на кровати у открытого окна и то ли находилась в Покое, то ли просто смотрела в темноту. Что бы это ни было, она тут же поднялась и села, как только Респен развеял заклинание невидимости.

– Милорд! – воскликнула она, сердито глядя на него. – Зачем вы вторглись сюда? Вы с ума сошли?

– Судя по всему, да, так как вижу, что мне здесь не рады.

– Конечно, не рады.

– Из чего я делаю вывод, что тот ваш взгляд ничего не значил.

– Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

– Тогда я ухожу. Пока вы не решили позвать стражу.

Он понял, что ему все равно, позовет она или нет.

– Именно это я и должна сделать. Вы предали короля, скомпрометировали меня... – Внезапно ее лицо исказилось. Она схватила его руку и крепко сжала. – Что я говорю! Прости меня!

Он мотнул головой:

– Чтобы простить, мне нужно понять.

Все еще сжимая его пальцы, она встала.

– Ты настоящий волшебник, не такой дилетант, как я. Я думала, ты сможешь определить. После того как Орктриен отослал тебя, он без устали пытался меня обольстить. Я каждый раз отвергала его ухаживания, даже тогда, когда он намекнул, что моя «неблагодарность» может вынудить его причинить вред моей семье. Устав наконец от уговоров и угроз, он наложил на меня чары.

– Чтобы изменить твои чувства?

Эльфы были в некоторой степени устойчивы к волшебству, воздействию на сознание, но, конечно же, никто бы не устоял против магии драконов.

– Да. Большую часть времени я обожаю его и жажду его прикосновений, и лишь изредка прихожу в себя и помню свои настоящие чувства, и то ненадолго. – Она горько усмехнулась. – Теперь ты видишь, почему никто из девушек не отказывался стать его любовницей?

– Это чудовищно.

– Я думаю, для Орктриена это примерно то же самое, как для нас обучать лошадей и собак. В любом случае, я рада, что ты теперь знаешь. Я бы не хотела, чтобы ты думал, что я бросила тебя по своей воле. Теперь ты на самом деле должен идти, пока тебя не обнаружили. Просто... будь счастлив и помни меня.

– Я не брошу тебя в этом рабстве. Мы убежим вместе.

– Как ты мне уже говорил, Орктриен найдет нас, а сейчас еще быстрее, потому что я буду всеми силами стремиться к нему назад.

– Я сниму проклятие.

– Я знаю, что ты бы попытался это сделать, но ты также говорил, что ни ты, ни любой другой эльф не сможет сравниться с Орктриеном в искусстве магии.

Респен почувствовал слабость от осознания собственной беспомощности, но тут ему в голову пришла идея. Она была безрассудной, сумасшедшей, но, вероятно, это было именно то, что требовалось в данной ситуации.

– Нет, – сказал он, – пока рано.

– О чем ты?

– Сейчас тебе лучше не знать, а то ты можешь поддасться искушению и рассказать об этом Орктриену. Будет лучше, если ты вообще не будешь помнить, что я был здесь. – Он сделал рукой магический жест, коснулся ее лба и подхватил ее, когда она потеряла сознание. – Забудь и потерпи еще немного.

Как и личная резиденция Орктриена, святилище, где король и принцы практиковались в магии, представляло собой цитадель, окруженную со всех сторон садом. Со временем силы, просачивающиеся сквозь толстые

гранитные стены, превратили цветы и кусты в растения, неизвестные природе. Разведывая обстановку, Респен прошмыгнул мимо скорчившейся сосны, чьи иголки тихо позвякивали, словно были сделаны из металла. Бледные, мясистые цветы с глазами без век повернулись ему вслед.

Перед высокой железной дверью находилась скульптура дракона, изваянная из того же металла. Она стояла неподвижно, но Респен был уверен, что она оживет, как только кто-нибудь подойдет слишком близко, и тогда будет недостаточно одного очаровывающего заклинания и благовидного предлога, чтобы убедить ее впустить внутрь. Он также подозревал, что простое заклинание невидимости вряд ли обманет статую, так что лучше вообще постараться избежать встречи с ней. Единственным способом сделать это было пространственное перемещение прямо в башню, причем вслепую, не зная заранее, где точно он окажется. Он может появиться прямо перед носом второго охранника, или даже материализоваться в месте, которое уже занято другим твердым предметом, и тогда это приведет к неизбежной травме.

И все же это был лучший вариант, поэтому он прошептал нужные слова и нарисовал в воздухе мистический знак, оставляя кончиком пальца мерцающий след.

Мир вокруг раскололся на куски света и тьмы, и эти осколки начали впиваться в него... ну, по крайней мере, ему так показалось. Потом он обнаружил, что стоит на каменном полу в темном помещении.

Маг огляделся в поисках опасности, но ничего не увидел, кроме стен, дверей и в противоположном конце комнаты железного портала, возле которого стояла еще одна статуя дракона. Она никак не реагировала на Респена и была неподвижной. Отсутствие немедленной угрозы успокаивало лишь отчасти. Уверенные в своей силе, Орктриен и его потомство полагались только на воинов и стены, принимая обычные меры для защиты своих резиденций и в частности своих персон. Можно было даже предположить, что золотые драконы имели телохранителей и стражников, только потому что это являлось стандартным атрибутом пышного королевского двора. Однако тайные знания драконов они оберегали куда более тщательно, и Респен подозревал, что железный змей был не единственным охранником – или охранной магией – призванным остановить нарушителей.

Справится ли он? Скоро это выяснится.

Он скрыл себя невидимостью – это могло пригодиться и вряд ли бы как-то повредило – и наделил свои глаза способностью видеть магию. Респен надеялся, что улучшенное волшебством зрение позволит ему избежать магических ловушек и одновременно облегчит поиски цели, но только если он будет всматриваться очень и очень внимательно. За прошедшие века тайные магические силы настолько пропитали саму материю цитадели, что, казалось, светится каждая поверхность, каждый

камень. Будет сложно выделить особые участки энергии среди этого всеобщего свечения.

Он двинулся вперед, минуя череду комнат для вызова, где на полу то ли руками ремесленников, то ли с помощью волшебства были выложены сложные пентаграммы из золота, серебра, нефрита, оникса, агата и лазурита. Многие начертанные на них фигуры и символы были ему незнакомы. Он мог бы многое почерпнуть из них, если бы в его распоряжении имелись месяцы и годы для их изучения. Но в той ситуации, в которой он находился, ему нужен был более доступный источник знаний.

На первом этаже такого источника, судя по всему, не было, но Респен, тщательно исследовав весь этаж, не нашел никаких средств, с помощью которых можно было бы подняться на верхние уровни. Прищурившись, он начал внимательно изучать потолок своим магическим зрением и наконец обнаружил мерцающую воронку, которая выдавала действие иллюзии. Вопреки тому, что видел глаз, в том месте потолка не было. Там находилось отверстие, первое среди таких же, располагавшихся одно над другим. Такое большое и ловкое существо, как дракон, могло пользоваться ими, чтобы карабкаться вверх и вниз.

Респену пришлось прибегнуть к помощи заклятия левитации, чтобы воспользоваться ими. Он исследовал второй этаж, где печи для обжига, перегонные аппараты, полки, уставленные колбами и ретортами, и лабиринты из стеклянных трубочек свидетельствовали о занятиях алхимией, после чего полетел на третий этаж. Он уже был на полпути к нему, как услышал наверху слабый шорох. Благодаря своему многолетнему опыту он сразу же узнал в этом звуке шарканье драконьего хвоста по полу. Через секунду темнота над головой Респена изменилась. Она теперь имела форму и плотность и стремительно надвигалась на него. Золотой дракон не мог расправить крылья и пролететь через такие относительно узкие – для существа его размера – отверстия, но он куда-то спешил, поэтому не стал карабкаться или скользить. Уверенный в том, что справится с ударом об пол, он просто прыгнул. Это означало, что у Респена оставалось лишь мгновение, чтобы убраться с его пути. Вокруг не было ничего, за что можно было бы ухватиться, а заклинание левитации позволяло подниматься и опускаться только по прямой. Респен взмыл вверх настолько быстро, насколько мог, достал руками потолка алхимического этажа и, как муха, отполз по нему в сторону.

Как только проем освободился, мимо просвистел дракон, да так близко, что, протянув руку, Респен смог бы дотронуться до него. Он видел его всего лишь мгновение, но даже этого ему хватило, чтобы узнать принца Бексендрала. И сейчас его больше всего волновал вопрос: заметил ли Бексендрал его? Это было вполне возможно несмотря на его невидимость. Нюх дракона был достаточно острым, чтобы учуять его запах, а слух – чтобы услышать биение его сердца. Он ждал, не двигаясь и едва осмеливаясь дышать, пока не услышал, как железная дверь внизу со

скрипом отворилась, а затем захлопнулась. Очевидно, принц все-таки не заметил его. Наверно, он был занят своими мыслями, а, может, просто пронесся слишком быстро.

Респен заставил себя успокоиться, затем отважился продолжить подъем. Почти на самом верху он обнаружил библиотеку.

Один большой зал занимал весь этаж. Некоторые книги и свитки были обычного размера, и любой эльф, или человек, мог пользоваться ими без каких-либо неудобств. Было ясно, что их написали драконы, умеющие менять свой облик. Однако большинство фолиантов были огромными и сделаны из материалов, более долговечных, чем пергамент, чернила и кожа. Один дракон выгравировал свои знания на медных пластинах, скрепленных между собой серебряной цепью. Другой выцарапал символы на тиковых восьмигранниках, а третий использовал продолговатые дощечки из песчаника, похожие на крышки саркофагов. Когда Респен осматривал эту коллекцию своим магическим зрением, она светилась так, словно пылала огнем.

Он поспешно шагнул вперед и только потом увиделдвигающиеся полосы багряного света, едва заметные на фоне общего сияния, и в этот миг врата между мирами раскрылись. Он не мог их видеть, но почувствовал, как словно терзающая уродливая рана открылась в ткани реальности. И оттуда кто-то выскочил.

Сначала Респену показалось, что это дракон, но только из-за размеров – существо было настолько огромным, что с трудом уместилось бы в помещении меньше этого. При этом наружность у него была совершенно другая – ничего общего с драконьей грацией и красотой. Это была высокая туша на двух ногах с бьющим из стороны в сторону цепким хвостом, оканчивающимся угольно-черным жалом, дюжиной непропорциональных многосуставных когтистых лап и головой, которая практически целиком состояла из пасти, усеянной клыками в несколько рядов. Невзирая на невидимость Респена чудовище сразу же двинулось в его сторону.

Эльф никогда прежде не встречал подобную тварь, но благодаря своим знаниям смог опознать в монстре гаргатулу, являющуюся разновидностью дьяволов. Это доказывало, что Орктриен со всей своей претенциозностью выглядит благороднее хроматых драконов не брезговал связями с inferнальными силами.

Это открытие придало Респену – как бы он ни был напуган – решительности, вновь разожгло в нем злость на Орктриена и напомнило о важности дела, с которым он сюда пришел. Я убил зеленого дракона, сказал он себе, смогу убить и эту тварь.

Но ему нужна была защита. Респен выпалил заклинание и начертил в воздухе знак. Фигуры, похожие на него как две капли воды, трехмерные отражения, созданные без помощи зеркал, окружили его со всех сторон. Гаргатула хлестнула себя хвостом и жалом ударила по одной из фигур,

лопнув ее, как мыльный пузырь. Хорошо. Это означало, что дьявол не мог отличить настоящего Респена от фальшивых.

Конечно, в любой момент гаргатула могла случайно выбрать в качестве цели его самого, а если даже и нет, то ей потребуется не так много времени, чтобы уничтожить все фантомы. Как только она припала к полу, сжимая свое громоздкое тело, чтобы разорвать вторую иллюзию зубами, Респен произнес еще одно заклинание, после чего стал быстро перемещаться туда и обратно между материальным миром и более высоким уровнем реальности. В те моменты, когда он отсутствовал в материальном мире, дьявол не мог до него дотронуться и даже увидеть. Как и призрачные двойники, это заклинание было полезным, но идеальной защиты не давало. Респену оставалось надеяться, что если заклинания будут действовать в тандеме, этого окажется достаточно. Он взмахнул посохом и швырнул в гаргатулу огненный шар.

Но атака не возымела должного действия. Ударом когтей дьявол уничтожил еще одну иллюзию. Тогда эльф обрушил на гаргатулу магический град, но он тоже не причинил ей никакого вреда. Видимо, как многие потусторонние создания, она была абсолютно невосприимчива к определенным силам. Но он не мог вспомнить, к каким именно, поэтому молился, чтобы ему удалось найти уязвимое место гаргатулы методом проб и ошибок раньше, чем ее собственные атаки увенчаются успехом.

Респен брызнул в нее дымящейся кислотой, но опять безрезультатно. Разинутая пасть гаргатулы, которая все так же сидела, низко пригнувшись, устремилась прямо к нему. Он почувствовал зловонное дыхание, фактически ощутил прикосновение кончиков гигантских клыков, сомкнувшихся на его теле, но в очередной раз стал призраком, и клыки прошли насквозь, не причинив ему вреда. Он высвободился из пасти гаргатулы прежде, чем его тело вернулось в материальный мир.

Он метнул во врага силовые дробы, и, наконец, тот вздрогнул от боли и зашипел. Респен бросался этим заклинанием столько, сколько мог, затем переключился на яркие, потрескивающие вспышки молний. Разряды жгли гаргатулу и заставляли ее корчиться и извиваться. Тем не менее, когда эльф выпустил последнюю молнию, чудовище все еще стояло на ногах. Покачивая боками, размахивая лапами и хлеща себя хвостом, оно ринулось вперед.

Респен начал отступать. Осмотревшись, он увидел, что остался только один двойник; а его прыжки между планами становились все медленней, по мере того как волшебство утрачивало свою силу.

Если боги будут добры к нему, он, возможно, успеет прочесть еще одно заклинание, прежде чем гаргатула вонзит в него свои клыки, когти или жало. И, может быть, его окажется достаточно. Респен израсходовал всю эффективную боевую магию, и теперь у него оставалась только одна тактика, одна слабая надежда.

Держа серебряный посох обеими руками, он поднял его высоко над головой параллельно полу и начал читать слова заклинания. Он старался

проговаривать их очень четко, соблюдая темп и интонацию, и вкладывать в магическую фразу как можно больше концентрации и силы воли. Верить в то, что магия одержит победу, было единственным способом сотворить ее безупречно, а он знал, что сейчас может надеяться только на безупречную магию.

Гаргатула уже возвышалась над ним, надвигаясь, как лавина, с широко разинутой пастью. Респен произнес последнее слово, и тело дьявола окутал зеленый свет, словно он сиял изнутри. Через мгновение гаргатула растворилась в воздухе, оставив после себя мерцающий дымок, который тоже постепенно исчез.

Тяжело дыша и дрожа, Респен не мог поверить в свою удачу.

Убийство гаргатулы было бы немалым подвигом, но он совершил нечто более выдающееся, отправив ее назад в Ад. Он разрушил чары, призвавшие и контролировавшие ее, то есть победил своей магией магию Орктриена.

Но как такое могло случиться? Ведь золотой дракон – гораздо более могущественный волшебник. Видимо, от того что в магии всегда присутствует элемент случайности, хаоса, теоретически возможно, что *любой* волшебник в состоянии разбить чары *любого* другого мага, и сегодня он доказал, что эта теория действует.

Однако это не означало, что опасность ему больше не грозит. Респен ощутил внезапный приступ тревоги. Он привел в действие защитный механизм, спустивший на него гаргатулу. А что если эта же самая магия предупредила Орктриена о том, что в библиотеку проник нарушитель?

Респен прислушался в поисках любых подозрительных звуков, но ничего не услышал. Магическим восприятием он проверил воздух вокруг себя, но, похоже, никто не собирался телепортироваться в библиотеку.

Кажется, все было в порядке. Он стал размахивать посохом, перемещая и формируя внешний магический рисунок и восстанавливая примерный вид красных полосок, которые успел заметить. Его движения напоминали движения художника, смешивающего краски на палитре. Полоски получились неподвижными, но если кто-нибудь из драконов просто окинет комнату магическим взглядом и не будет особо всматриваться, он может подумать, что сломанная печать не повреждена.

Респен повытаскивал из карманов кучу крошечных предметов и разложил их на полу. Он провел над ними рукой, и перья, чернила и чистые книги увеличились до нормальных размеров. После этого он вызвал духов воздуха, которые сразу же подхватили письменные принадлежности и начали переписывать содержание некоторых драконьих гримуаров. Перья летали, а страницы переворачивались, со сверхъестественной скоростью.

Респен положил руку на голову Винтерфлауэр и прошептал волшебные слова, заставившие тени плясать по темной комнате. Каждый маг изучал заклинания, позволявшие снять чары другого, но он сразу почувствовал, что это – особое. Его рука пылала от силы, рвавшейся

наружу. На последнем слоге, ярко вспыхнув, она перескочила из его тела в тело Винтерфлауэр. Девушка вздрогнула, затем неуверенно посмотрела на него.

С сомнением в голосе он спросил:

– Ты чувствуешь какую-нибудь разницу?

– Вроде... да, – ответила она.

– Противодействующее заклинание должно было разбить путы Орктриена. Я был уверен...

– Клянусь Дивной Розой, ты прав! Я – это снова я! Мне просто понадобилось немного времени, чтобы осознать себя.

Она кинулась в его объятия, и какое-то время они не могли наговориться. Наконец она спросила:

– Как? Как ты убил его? Ты подобрался к нему, когда он спал?

Респен удивленно заморгал:

– Мне не нужно было его убивать, чтобы освободить тебя. Ты свободна благодаря одной магии. Я украл его секреты, чтобы получить нужное контрзаклинание. Они вон там. – Он кивнул на сумку, лежащую на стуле рядом с посохом. В ней находились переписанные книги, которые для удобства были опять уменьшены.

Теперь настала ее очередь выглядеть потрясенной.

– Все будет хорошо, – заверил он ее. – У меня теперь есть все знания Орктриена. Я еще не все вызубрил, но знания – в той сумке, и доступны для использования. Это означает, что мы можем убежать отсюда, и он не выследит нас. Я смогу противодействовать его предсказывающей магии.

Винтерфлауэр слегка тряхнула головой, словно хотела привести мысли в порядок.

– Это здорово, но как ты собираешься вывезти секреты и меня из города?

Респен широко улыбнулся:

– Это очень просто. В моем посохе хранится заклинание телепортации. Бери все, что хочешь взять с собой, и я унесу нас обоих отсюда.

– Я возьму только свою шкатулку с драгоценностями.

Она повернулась, чтобы ее достать, как вдруг что-то хлопнуло. Респен понял, что это дверь, распахнувшись, ударила об стену. Бегущие шаги забарабанили по полу в направлении спальни.

Вздрогнув, он оцепенел. Комната озарилась ярким светом, который ослепил и дезориентировал его. Когда вспышка погасла, его измученные глаза смогли только различить сквозь плывущие световые пятна Мальдура, державшего в руке костяной посох, и нескольких арбалетчиков-полудраконов, которых человек привел с собой.

– Эти парни следят за тобой, – предупредил человеческий маг. – Попробуй только произнести заклинание, сделать магический жест или дотянуться до кармана, они тут же выстрелят.

– Как ты узнал? – спросил Респен. Вообще-то, ему было на это наплевать, но если он заставит Мальдура говорить и злорадствовать, у него появится время, чтобы попытаться найти способ выбраться из этой ловушки.

Он говорил себе, что такой способ должен быть. Ведь смешно представить, чтобы он, победивший гаргатулу, не смог справиться с полудюжиной людей. Но на самом деле Респен прекрасно понимал, что такое вполне реально. Волшебники сильны и опасны, но только тогда, когда у них есть возможность воспользоваться своей магией. Если же нет, то они так же уязвимы, как и все остальные.

– Когда ты вернулся домой, – начал Мальдур, – и узнал, что эта дамочка стала королевской шлюхой, это сломило тебя. Я достаточно хорошо тебя изучил и сразу это понял несмотря на все твои попытки скрыть это. Я ждал с радостным предвкушением, желая посмотреть, как ты увянешь, но этого не произошло. К тебе вернулась былая твердость, и в то же время ты начал выказывать признаки усталости. Я сделал вывод, что ты навещаешь леди Винтерфлауэр, когда король отсутствует, но как бы ни старался, не мог поймать тебя с поличным. До сегодняшней ночи.

– Это потому что я и не приходил сюда. Я проводил ночи, изучая новую магию. Десять дней назад я пробрался в волшебную башню драконов и переписал все гримуары.

Глаза Мальдура широко раскрылись:

– Это невозможно.

– Это было трудно, но не невозможно. Знания, которые я украл, все тайны драконьей магии, лежат вон в том мешке. – Он кивнул на сумку.

Респен справедливо полагал, что Мальдур повернет голову в указанном направлении. Беловолосый человек, в конце концов, был магом, который всегда с алчным любопытством и завистью относился к тайным знаниям драконов, хоть и пытался сдерживать эти опасные чувства. Респен надеялся, что стражники тоже непроизвольно посмотрят в ту сторону.

Ему нужно было отвлечь их, чтобы успеть произнести единственное магическое слово. Он прошептал первый слог, и раздался щелчок арбалетов. Боль пронзила его внутренности. У него подкосились ноги, но он сопротивлялся боли достаточно долго, чтобы успеть выдать оставшиеся слоги. Магия зазвенела в воздухе, и враги упали. Полудраконы были, скорее всего, мертвы или находились без сознания. Но Мальдура магия лишь оглушила благодаря, наверное, какому-то талисману или защитному заклинанию. Человек тряс головой. Зарывав от напряжения, он с трудом поднялся на колени. Его била дрожь, а из носа бежала кровь.

Мальдур пытался дотянуться до своего посоха.

Респен попробовал сплести второе заклинание, но не смог – жгучая боль в животе, дрожащие руки и прерывающийся голос не дали ему это сделать. Если бы у него сейчас в руках оказался его посох, возможно, он

успел бы переместиться вместе с Винтерфлауэр до того, как Мальдур полностью придет в себя и попытается остановить их.

Он нашел глазами девушку и обрадовался, увидев, что она уже догадалась схватить его посох и сумку. Затем она привела в действие заклинание телепортации и исчезла.

Респен с широко раскрытыми от удивления и ужаса глазами смотрел ей вслед, а потом взрыв из посоха Мальдура отправил его в забвение.

Очнувшись, Респен обнаружил, что лежит на столе, его запястья и лодыжки пристегнуты к приспособлению для пыток, а в пересохшем, потрескавшемся рту торчит отвратительный на вкус кожаный кляп. Такая фиксация была надежной гарантией того, что маг не сможет сотворить заклинание. Ему стало интересно: смог бы он вообще колдовать даже без всего этого?

Лекарь, видимо, позаботился о многочисленных колотых ранах, иначе он бы уже умер от них, или до сих пор оставался без сознания или в бреду. Но боль от ран по-прежнему была очень сильной, практически невыносимой. Он ощущал слабость, его трясло, и мучила жажда.

Респену казалось, что он лежит в подземелье целую вечность. Он подумал, может, именно такое наказание выбрал для него Орктриен – медленная мучительная смерть от жажды в одиночестве. Наконец на лестнице послышались шаги. Респен повернул голову и увидел самого короля в обличье эльфа, спускавшегося по ступеням.

Орктриен вытащил кляп из его рта.

– Мальдур просил меня назначить его главным в проведении допросов и определении наказания, – сообщил золотой дракон. – Я думаю над этим.

Респен попытался ответить, но не услышал собственного голоса. Орктриен откупорил кожаную бутылку и поднес ко рту эльфа.

– Мне сказали, что больше одного глотка нельзя, иначе тебе станет плохо.

Несмотря на боль и страх Респен ощутил ни с чем несравнимое блаженство, когда холодная вода потекла по его глотке.

– Благодарю, Ваше Величество, – прохрипел он.

– Благодарю меня отвечая правдиво на мои вопросы. Так будет лучше для тебя. Ты сказал Мальдуру, что переписал мои гримуары. Я надеялся, что это ложь, не более чем отвлекающий маневр, но потом обнаружил, что кто-то разрушил чары, удерживавшие гаргатулу. Так значит это правда.

– Да.

– И Винтерфлауэр сбежала с этими копиями.

– Да.

При этом забыв про Респена. Он мог лишь предположить, что она была слишком напугана, чтобы задержаться – чтобы метнуться через комнату, схватить его за руку и забрать с собой.

– И где она сейчас?

– Я не знаю. Мы не обговаривали место назначения.

– Ну и к дьяволу. Почему ты предал меня, Респен? Разве я не давал тебе всего?

– Давали, за исключением того, что я хотел больше всего. Когда я попросил об этом, вы отправили меня на смерть.

– Нет! – Золотой дракон помедлил. – Ну... ладно, эта возможность приходила мне в голову. Я хотел эту эльфийку, а никакому охотнику не понравится, если ему будут мешать преследовать выбранную дичь. Ты мне мешал, но я ни в коем случае не рассчитывал на твою смерть. Я подумал, что изгнание сможет вылечить тебя от твоей страсти и твоей дерзости; и что если ты успешно справишься с заданием, то награда сможет компенсировать потерю женщины, какой бы привлекательной она ни была.

– Если вы действительно не хотели моей смерти, почему тогда не ответили на мой призыв?

– Если бы я или кто-то из принцев пересек реку, все зеленые и их войска выступили бы против нас. Мне нужны были зимние рейды, а не тотальная война.

– И все же, если откинуть в сторону этот стратегический расчет, то вы ведь таким образом наказывали меня, даже если я и не обязательно должен был умереть.

– Верно. Но когда ты вернулся с победой, твое наказание закончилось. Я больше не злился на тебя. Когда я достаивал тебя разных почестей, я был искренен. Почему ты не мог просто забыть об этом инциденте?

– Возможно, я бы и забыл, – сказал Респен, – со временем. Но потом я узнал, что Винтерфлауэр стала вашей любовницей не по своей воле. Вы сковали ее разум и дух грязным колдовством.

Орктриен уставился на своего пленника с видимым изумлением, потом рассмеялся:

– Мой бедный друг... мой бедный дурак. Кстати, я не намного лучше. Она ведь и мне заморочила голову. Она клялась, что на самом деле в меня влюбилась.

– Она... что?

– Даю тебе слово короля и золотого дракона, я никогда никакого заклинания не накладывал на эту леди, не говоря уже о том гнусном колдовстве, которое ты упомянул. – Орктриен вздохнул. – А вообще, оглядываясь назад, довольно легко понять, что произошло. Когда Даскмир и его сообщники заманили вас в ловушку, это было бесполезное, необдуманное действие, рожденное скорее злостью и гневом, а не хитростью и коварством. Но после того как Бексендрал разгромил их, они начали пользоваться своим умом, и когда я потребовал заложников, отправили ведьму-шпионку, чтобы она нанесла нам как можно больший ущерб. С этой целью она и соблазнила тебя.

– Нет. Это невозможно. Она презирала меня сначала. Мне пришлось завоевывать ее доверие и любовь.

– Она хотела, чтобы ты так думал, и я тоже. Она была вынуждена. Учитывая ее происхождение, мы бы могли заподозрить ее, если бы она увлеклась нами слишком быстро. К тому же, как я до этого заметил, ее первоначальное пренебрежение только разожгло наши аппетиты и заставило еще сильнее добиваться ответных чувств. Интересно, не воспользовалась ли она сама какими-нибудь чарами, чтобы выглядеть более привлекательной.

– У нее не было книг заклинаний.

– Мы можем просто не знать о них.

– Если бы на ней были чары, кто-нибудь из нас это заметил. Она владеет магией на элементарном уровне, она – не настоящий маг.

– Или же она просто *так* сказала. Она оказалась достаточно искусной, чтобы схватить твой посох и сразу же им воспользоваться. В любом случае это не важно. Когда ты был уже полностью в ее власти, она могла пробовать различные ходы: выведать какие-нибудь секреты у тебя или, подорвав твою преданность, превратить в мятежника.

– Но затем вы отослали меня, сами положив на нее глаз.

– Да. Полагаю, у нее были смешанные чувства относительно своего пребывания в роли любовницы короля. Ей, наверно, было трудно, потому что я ей не нравлюсь. Она, наверно, жила в постоянном страхе, опасаясь, что я со своей проницательностью и магическими способностями разоблачу ее. Но в то же время как шпион она находилась в более удобном положении. Она могла даже попытаться совершить покушение в тот момент, когда, по ее мнению, я буду уязвим. Но ей так и не хватило мужества и глупости сделать это.

– А потом вернулся я...

– Да, и она сразу стала воздействовать на тебя, пытаясь превратить в наемного убийцу. Напрямую она, конечно, ничего не предлагала. Она знала, что у тебя все равно не получится, но даже если бы я убил тебя, королевство стало бы слабее, а она, возможно, рассчитывала улизнуть с добытой информацией в той суматохе, которая бы за этим последовала. К сожалению, – продолжал Орктриен, – ее послушный песик как обычно поддался на ее уговоры, хотя и не сделал именно того, чего она ожидала. Ты пошел на поиски секретов туда, куда бы она сама никогда не осмелилась войти. Она унесла с собой все знания, и теперь я вынужден отложить поход на красных драконов, чтобы вернуть их.

– Ваше Величество, – заговорил Респен, – если все, что вы говорите, правда...

– Конечно, правда! Зачем мне лгать тому, кто находится в твоём положении?

– Тогда я был неправ насчет вас, мой повелитель. Я был неправ в мыслях и действиях. И прошу дать мне шанс искупить свою вину. Позвольте мне помочь вам вернуть книги.

– Предатели, – сказал Орктриен, – не заслуживают второго шанса.

Он опять заткнул рот Респена кляпом.

После ухода Орктриена Респен всеми силами старался отрицать слова дракона. Но не мог – слишком много смысла было в них.

Винтерфлауэр превратила его в пешку, сделала изменником, лишила чести и всего остального, что он имел, а затем бросила, когда подвернулся удобный случай. Стыд и унижение от осознания всего этого были невыносимы.

Но он должен был не только терпеть их, но и переступить через них.

В противном случае он будет гнить и мучиться в этом подземелье, пока слуги короля не убьют его или не уведут на эшафот.

Хотя это может произойти в любом случае, потому что у Орктриена были все основания думать, что он беспомощен. Но на самом деле Респен еще давным-давно магически привязал себя к серебряному посоху. Эта связь позволяла ему призвать посох в любой момент прямо в руки. Для этого он всегда произносил вслух командное слово. Его тюремщики, без сомнения, думали, что это обязательно, и вполне возможно, что так оно и есть. Однако Респен надеялся, что если он соберет всю свою силу воли и произнесет слово мысленно, этого окажется достаточно.

Он начал делать попытки – одну за другой. Боль разрывала внутренности, а обида, ярость и ужас грызли сознание, не давая сосредоточиться. Прошло уже много времени, как ему показалось, но ничего не происходило. Вдруг он почувствовал, как в левой руке материализовался холодный округлый шест.

Респен вздрогнул от его неожиданного появления, и ему на мгновение стало страшно, что он может выпустить посох, и тот упадет, а шум привлечет стражу, или же ему не хватит волшебной силы призвать посох в руку во второй раз, даже если тот будет лежать всего лишь в шаге от него. Респен как можно крепче стиснул оружие – с той силой, на какую был способен в своем нынешнем состоянии, – и ему удалось удержать его.

Вместе со сменными заклинаниями, которые он вкладывал в посох исходя из своих текущих нужд, в оружии хранилось несколько постоянных чар. Одним из таких заклятий было то, которое позволило ему отпереть дверь в комнату Винтерфлауэр. Сейчас он воспользовался им, чтобы отпереть наручники и скобу, держащую кляп.

Респен встал. Подземелье завертелось вокруг него, резкая боль пронзила живот, и ему пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть. Он прошептал заклинание, восстанавливающее жизненную силу. Оно укрепило его и притупило боль, но он по-прежнему был очень слаб. По-настоящему эффективная магия исцеления была вотчиной богов и их жрецов и находилась далеко за пределами возможностей даже самого искусного волшебника.

В таком состоянии он и думать не мог о том, чтобы сражаться и даже накладывать более или менее сложные заклинания. К счастью, в посохе

еще оставалось несколько скрывающих чар, которые он захватил на всякий случай, когда пошел к Винтерфлауэр.

Он скрыл себя невидимостью, затем, используя посох в качестве трости, заковылял по ступеням, и, отворив наверху дверь с помощью магии, вышел в сырой коридор, освещенный факелами.

Справедливо рассудив, что Винтерфлауэр убежала к своим родственникам и остальным мятежникам, Орктриен повел свою армию в лес, туда, где они жили, но обнаружил лишь пустые дома и крепости. Граф Даскмир увел союзников в какую-то секретную цитадель в глубине леса, и у короля не было другого выбора, кроме как следовать дальше и стараться выследить их, если он хотел вернуть украденные записи.

Лес становился все гуще, идти становилось все труднее, и королевская армия была вынуждена останавливаться все чаще, чтобы отдохнуть и перегруппироваться. Всякий раз, когда это происходило, Респен в обличье человека-копейщика оставлял своих товарищей и куда-то уходил. Солдаты не обращали на его уходы никакого внимания, потому что постепенно привыкли к его странному и нелюдимому характеру.

Разумеется, им было невдомек, что на самом деле Респен отлучался, чтобы заняться магией предсказания. Воины не должны были застать его за проведением тайного ритуала.

Концом посоха, ставшего теперь обычным копьём, он нацарапал на глине мистическую фигуру, затем стал пристально всматриваться в круглое пустое пространство посередине. Это было окно, в котором Респен надеялся увидеть предмет своего поиска. Но ничего не было, и когда стало ясно, что ничего и не появится, зубы Респена стиснулись в разочаровании.

После того как он вынес копии из башни Орктриена, он наложил на них магическую печать, которая должна была предупредить его, если бы кто-нибудь прикоснулся к ним.

Винтерфлауэр или кто-то другой из мятежников сломал печать, когда Респен лежал в подземелье без сознания. Но он надеялся, что остался хоть какой-нибудь след от его связи с книгами, и эта связь позволит ему увидеть их.

Очевидно, он ошибся. Респен носком сапога стер магическую фигуру, посмотрел вверх и увидел ворона, сидящего на ветке прямо над ним. Глаза-бусинки поблескивали, а голова птицы была приподнята. Респен затаил дыхание.

Предполагая, что его попытки предсказания могут провалиться, он уговорил нескольких своих пернатых друзей произвести разведку. Самым сложным было дать им понять, чтобы они держались на расстоянии до того момента, когда им действительно удастся что-то обнаружить. Он не

мог позволить, чтобы его товарищи-солдаты застали его беседующим с птицами.

– В чем дело, Торн? – спросил он. После стольких лет практики карканье и чириканье давались ему достаточно легко.

– А ты как думаешь? – прощелкал ворон. – Я нашел их!

От волнения Респен чуть было не спросил «где», но вовремя спохватился. Торн не мог ему сказать, потому что не имел представления о единицах измерения, которыми пользовались люди и эльфы, а Респену не были известны какие-либо ориентиры в этой части леса.

Он огляделся вокруг, убедился, что никто на него не смотрит, прошептал заклинание, взмахнул талисманом и резко уменьшился, превратившись в существо, один в один похожее на черную птицу над головой.

Захлопав крыльями, он поднялся в воздух и каркнул:

– Показывай.

Как оказалось, крепость мятежников стояла совсем неподалеку. Но она была хорошо замаскирована, и Респен подумал, что без магии или летающих разведчиков королевская армия будет долго блуждать, прежде чем обнаружит ее.

По сравнению с оставленными поселениями это место выглядело голым и невзрачным. Бывшие дома мятежников были произведениями искусства, созданные больше для красоты, а не из соображений практичности. Построенные с усердием и любовью, они из века в век совершенствовались, становясь все блистательнее и изысканнее.

Здесь же было ясно, что новые укрепления на деревьях возводились в спешке, и единственное, что волновало мятежников во время их строительства, – это маскировка и защита.

Респен – уже в своем настоящем теле и под прикрытием невидимости – еще раз внимательно изучил крепость, стараясь запомнить общее расположение важных участков, после чего начертил на земле еще одну пентаграмму. Поскольку он находился совсем близко от книг, там, где раньше ничего не проявлялось, возникло видение.

Он увидел несколько эльфийских магов, поглощенных изучением украденных текстов. Они находились в комнате с высокими, узкими окнами, сквозь которые просачивался золотистый солнечный свет. Магия также позволила ему установить точное расположение этой комнаты на верхушке тенистого дерева. На первый взгляд лесной гигант, как и стоящие рядом, казался всего лишь частью девственной природы, нетронутой руками ремесленников. Но если бы осведомленный наблюдатель присмотрелся повнимательней, его взгляду открылись бы крепостные валы, лестницы и те места, где в полых стволах послушного дерева располагались залы и галереи. И в конце концов он понял бы, что

видит перед собой мощную крепость, являющуюся заодно и центром сети укреплений.

Теперь я все знаю, подумал Респен, и могу привести Орктриена прямо к книгам. Мне лишь нужно вернуться, открыться и рассказать ему.

И все же он не чувствовал уверенности. Король в недвусмысленной форме отказал ему в возможности искупить свою вину. И если он просто предоставит информацию, Орктриен может продолжать относиться к нему как к предателю. Дракон, возможно, считает, что его собственная магия или воздушная разведка приведут через день-два к эльфийской крепости, и в этом он, скорее всего, прав.

Но если я принесу ему сами книги, рассуждал Респен, этот впечатляющий поступок, несомненно, будет таким полным возмещением ущерба, что ему ничего не останется, как простить меня.

Более того, это такая возможность открыто ударить по этим проклятым мятежникам, а не просто красться и шпионить за ними. После того как Винтерфлауэр его бросила, у него не было возможности отомстить за себя, и зажатый внутри гнев лежал тяжелым грузом, не дававшим продохнуть.

Он пробормотал заклинание. Мир раскололся и опять восстановился уже в другом очертании. Респен стоял в углу той комнаты, где находились эльфийские волшебники. Он был по-прежнему невидим, и никто не заметил его появления несмотря на возникшее колебание воздуха. Слава богам за открытые окна и дующий из них ветерок.

Он прошептал волшебные слова, взмахнул посохом, и из конца оружия вырвалась яркая вспышка. Выпущенная магическая сила была психической природы и не наносила ущерба физическим объектам, но для сознания она была крайне разрушительной. Некоторые из собравшихся магов сразу же упали на пол, лишившись чувств, другие забились в эпилептическом припадке.

И те, и другие больше не представляли никакой опасности, и Респен почувствовал искушение убить их, пока они беспомощно лежат. Но это, наверно, будет не очень честно, да и лучше не терять лишнего времени.

Снова видимый, он поспешно собрал копии, проследив за тем, чтобы ничего не забыть, сжал их и положил в сумку. После этого он стал читать слова заклинания, которое должно было перенести его к армии короля.

Когда он сделал нужную паузу, то услышал, как кто-то шепчет свое собственное заклинание. Встревоженный, Респен постарался увеличить темп и закончить первым, но другой маг опережал его намного.

Она выскочила из-за стола в дальнем углу комнаты, вскинула руку, и стрела зеленого света сорвалась с кончиков ее пальцев. Респен хотел увернуться, но не успел. Луч ударил в него, и на короткий миг он почувствовал давящий вес, и у него возникло ощущение, будто его ноги приросли к полу.

Он понял, что произошло: враг наложил на него чары, и пока они будут действовать, он не сможет покинуть комнату с помощью магии.

Респен поднял посох, намереваясь поразить волшебницу, чтобы она не могла ему больше мешать. Но прежде чем он успел что-либо сделать, она плюхнулась на спину и, растянувшись на полу, осталась лежать неподвижно. Очевидно, после психической атаки ей пришлось приложить максимум усилий, чтобы сотворить одно-единственное заклинание.

И тем не менее, в отличие от своих коллег, она не потеряла сознание, а это значит – у нее больше силы воли и магического мастерства, чем у остальных. Не очень хорошая идея позволить ей собраться с силами во второй раз, и в любом случае, он взбешен тем, что она осложнила его уход. С прежним намерением нанести сокрушительный удар, как только она окажется на линии видимости, он начал к ней приближаться.

Респен замер, увидев, что волшебницей была Винтерфлауэр. Ранее он не заметил ее, потому что в тот момент она не держала в руках запретные книги.

Ее сапфировые глаза распахнулись.

– Когда посох исчез, – прошептала она, – я испугалась, что ты сможешь найти меня. Но я надеялась, что защитные печати из драконьих гримуаров помешают выследить нас, как ты обещал.

– Они сработали, – сказал он. – Я нашел вас другим способом, и ты пожалеешь о том, что я это сделал.

– Я не хотела бросать тебя. Просто эти книги важнее жизни любого, важнее твоей и моей жизни, а если бы я задержалась еще хоть на мгновение, Мальдур смог бы остановить меня.

Респен засмеялся, хотя это больше походило на то, словно что-то клоочет у него в груди:

– Ты продолжаешь врать, даже когда в этом уже нет смысла.

– Я не вру. После того как ты дрался за меня с Мальдуром и после того как я поняла, что ты пытаешься по-своему помочь нашему народу, у меня появились чувства к тебе, хотя для шпионки это было глупо и безрассудно. Если бы нам удалось бежать обоим, я бы не позволила моим товарищам причинить тебе вред. Я бы сделала все возможное, чтобы убедить тебя остаться и присоединиться к нашей борьбе.

– Я не верю тебе.

– Убей меня тогда, если этого ты хочешь. У меня нет сил остановить тебя.

Он поднял посох, но почему-то почувствовал слабость.

– Ты не отделаешься так легко. Я заберу тебя с собой, когда выберусь отсюда, и передам Орктриену. А теперь замолчи или мне придется ударить тебя.

Он прочел контрзаклинание, но удерживающие чары, наложенные ею, остались на месте. Великое развязывающее заклинание, которое он обнаружил в гримуарах Орктриена, без сомнения, развеяло бы их, но после потери копий у него не было возможности подготовить еще одно такое же.

Ладно, не важно. Путы Винтерфлауэр скоро спадут сами собой. А до тех пор ему просто нужно избегать обнаружения. Опасаясь, что его бывшая любовь не так беспомощна, как кажется, и рассудив, что лучше не оставлять ее лежать на полу предоставленной самой себе, Респен поднял ее на ноги и подтащил с собой к двери. Слово и касание посоха заперли дверь, как самый надежный замок.

– А теперь, – сказал он, – мы будем ждать.

– Делай со мной, что хочешь. Я заслужила любое наказание. Только не возвращайся к Орктриену. В его представлении твое предательство слишком серьезное, чтобы его можно было простить. Он убьет тебя независимо от того, принесешь ты ему книги или нет.

– Ты просто не хочешь, чтобы он получил их. Ты думаешь, что пока они остаются в других руках, даже моих, существует шанс, что когда-нибудь каким-нибудь образом эти знания послужат вашему делу.

– Я пытаюсь защитить и тебя, и тексты. Тебя, потому что люблю, а книги, потому что они жизненно необходимы. Мы, маги-мятежники, в первую очередь занялись изучением защитных заклинаний против предсказывающей магии в надежде сбить Орктриена со следа. Помимо этого, мы приступили к расшифровке тайных знаний. Думаю, после ста лет нахождения в компании драконов у тебя есть преимущество в этом отношении, но мы уже сейчас можем сказать, что наконец-то у нас появился шанс с равными силами противостоять могуществу драконов.

Респен сплюнул:

– Ерунда. Но, допустим, вам бы повезло, и вы бы основали ваше собственное независимое королевство. Что заставляет тебя думать, что государство, завоеванное при помощи лжи, воровства и совращения, окажется лучше того, что есть сейчас?

– Может, и не окажется. Но, по крайней мере, мы, эльфы, будем хозяевами сами себе, будем править в соответствии с нашей философией и нашими традициями. Лес будет священным, а если наши лучники погибнут в войне, то они умрут, защищая свой народ и свою землю, а не ради мечты завоевателя расширить свою империю.

Респена одолевали сомнения, он чувствовал сожаление и ноющую боль в груди. Нахмурившись, он попытался избавиться от них.

– Я уже говорил тебе замолчать. Еще слово, и я точно ударю тебя.

Она вздохнула, покорно опустила голову, и они просто стали ждать. Они ждали до тех пор, пока с улицы не послышались тревожные крики. Он подтащил Винтерфлауэр к ближайшему окну.

Оно было очень узким, а толщина деревянной стены равнялась длине руки Респена. Но благодаря волшебству окно все равно обеспечивало широкий обзор, хоть он и был растянутым и искаженным по краям. Они увидели, как бегут часовые на крепостных валах, как поднимают оружие к небу. Тень пролетела над ними, и что-то массивное и золотое блеснуло над деревьями.

– Орктриен, – простонала Винтерфлауэр.

– Да. Я знал, что если мне удалось найти вас, то он тоже найдет. Но я не думал, что это произойдет так скоро.

Стрелы полетели в золотого дракона. Большая часть не смогла пробить чешую, а на те, что воткнулись, дракон, казалось, даже не обратил внимания. Выбросив голову вперед, он выдохнул пламя. Огня было много – король, судя по всему, воспользовался каким-то усиливающим заклинанием.

Мятежники, конечно же, воздвигли защиту, препятствующую распространению огня. Но несмотря на это, сметающий все на своем пути огненный вихрь в мгновение ока превратил мощные ветви и некоторые участки ствола в уголь и золу. Воины начали прыгать вниз, чтобы спастись от надвигающегося пламени, но в большинстве случаев разбивались, падая с огромной высоты. В воздухе за клубился дым, не достаточно густой, чтобы заслонить яркое пламя Орктриена, и запахло паленым мясом.

Но сгорело не все. Некоторые участки крепости, включая центральное дерево, оказались прочными. После второй неудачной попытки поджечь их Орктриен проревел волшебные слова.

У Респена появилось то же самое чувство тяжести и прикованности к полу, которое ранее наслала на него Винтерфлауэр. Он увидел, как она качнулась и буркнула что-то, и понял, что она тоже это почувствовала. Как, без сомнения, почувствовали все в крепости.

Орктриен прорывал еще одно заклинание, и над потрепанной огнем цитаделью замерцал гигантский пульсирующий радужный купол. После этого золотой дракон сделал круг и улетел.

– Проклятье! – выругался Респен. Орктриен позаботился о том, чтобы никто не убежал с украденными текстами во второй раз ни магическим, ни обычным способом.

– Это конец, – сказала Винтерфлауэр. Она произнесла это сухим тоном, словно констатировала факт, но Респен чувствовал ее горечь и тоску, скрывающиеся под внешним спокойствием. – Все жизни, которыми мы пожертвовали. Мое падение. Мой обман и предательство. Все это оказалось напрасным.

Респен медленно перевел дыхание, чтобы успокоиться.

– Я вот думаю... Орктриен привел армию в лес. Он сейчас полетел за ней, и это даст нам немного времени. Посмотрим, сможем ли мы воспользоваться этим.

Незадолго до того как стало смеркаться, радужный купол исчез.

Орктриену пришлось развезать его, чтобы его воины смогли подобраться как можно ближе к тому, что осталось от мятежной крепости. Его огромное тело скользило в воздухе над тонкими обугленными останками деревьев.

Пора. Респен посмотрел на Винтерфлауэр, а она – на него. Мгновение затянулось, пока наконец обоим не стало ясно, что они не знают, что сказать. Он ободряюще улыбнулся ей, затем вышел из библиотеки, прошел по короткому коридору и шагнул на маленькую открытую платформу. Воздух вокруг был по-прежнему отравлен режущим глаза дымом и смрадом. Респен наложил на себя несколько заклинаний, поднял посох и полетел над верхушками деревьев туда, где находился Орктриен.

Некоторые драконы, как например Бексендрал, могли парить на месте, прилагая определенные усилия. Орктриен умел без каких-либо затруднений зависать в воздухе, словно был невесомым облаком. Вот и сейчас он парил на месте, когда его горящие желтые глаза смотрели на Респена.

– Я думал, – сказал дракон, – что улизнув из темницы, ты убежишь от меня как можно дальше.

Респен осклабился. Он чувствовал себя так же, как во время сражения с зеленым драконом. Он знал, что ему должно быть страшно, но вместо этого ощущал какой-то непонятный душевный подъем. Бросить вызов одному из хозяев мира – в этом было нечто бодрящее.

– Это было бы благоразумно, – ответил он, – но, как видите, вы ошиблись. Впрочем, вы часто ошибаетесь, осознаете вы это или нет.

– Я точно ошибался насчет тебя. Так ты всегда был предателем? Находился в сговоре с Винтерфлауэр с самого начала?

– Нет. Она меня обманом втянула в это, и когда вы открыли мне глаза, я пришел в ужас от своего сумасбродства. Еще сегодня утром моим заветным желанием было ваше прощение.

– Несмотря на это, твой тон и твоя манера поведения, а также то место, где мы встретились, явно свидетельствуют о том, что ты собираешься выступить *против* меня. Почему?

– Вам это может показаться смешным, но я сам не уверен. Жертвование всеми этими солдатами из года в год? Ущерб лесам? Ручной дьявол? Унижение моего народа, обязанного пресмыкаться перед повелителем, принадлежащим к другой расе? Люди, славящие меня как «убийцу дракона» – это ли не намек на то, что им тоже осточертело находиться под вашей властью? А, может, я просто возмущен тем, как вы обращались лично со мной? В любом случае вы правы. Я – на стороне мятежников.

– Что ж, будь по-твоему. – Орктриен выдохнул струю пламени.

Респен поднял посох, и ревущий огненный поток разделился надвое, обтекая эльфа с обеих сторон.

– Это будет не так-то легко, – сказал он. – Пока вы подтягивали войска, я потратил это время на подготовку заклинаний, украденных из вашей библиотеки.

К сожалению, даже великое развязывающее заклинание не смогло снять чары, препятствующие телепортации, и разрушить волшебный

барьер вокруг крепости. Но за то время, что у него было, он подготовился к магической битве так, как никогда прежде.

Орктриен, захлопав крыльями, бросился вперед. К счастью, волшебство полета позволяло Респену передвигаться в воздухе так же быстро, как дракону, и гораздо маневреннее. Он успел отлететь в сторону, выпалив на ходу заклинание и взмахнув талисманом в форме серебряной снежинки.

В воздухе прямо перед Орктриеном возникли огромные сверкающие ледяные кристаллы. Когда он пронесся через них, их острые, как бритвы, грани порезали его чешую и порвали кожистые крылья.

Дракон сделал круг, прорычал магические слова и выдохнул. Его дыхание устремилось вперед в виде дюжин крылатых змей, сделанных из живого огня. Летя со скоростью стрелы, они начали расходиться с явным намерением взять Респена в кольцо и атаковать его со всех сторон.

Понимая, что ему не удастся увернуться от них всех, Респен призвал духов воздуха. Вокруг него закружились вихри, пытающиеся перехватить змей. Воздушные воронки засасывали, кромсали и тушили огненных созданий.

Респен почувствовал удовлетворение, которое тут же уступило место страху, когда он понял, что Орктриен, воспользовавшись тем, что он был отвлечен змеями, смог приблизиться к нему. Дракон пикировал, набрав высоту, сложив крылья и выставив когти. Респен резко скользнул вбок. Один из когтей дракона зацепил плащ и сорвал его с плеч эльфа, больно дернув за шею. Зазубренный край огромного крыла просвистел совсем рядом, чуть не задев его. Когда Орктриен оказался под Респеном, он развернулся и забил крыльями, чтобы опять набрать высоту.

Внизу, на земле, королевская армия начала общее наступление на остатки мятежной крепости. Крошечный Мальдур со своими белыми длинными волосами, которые были отчетливо видны даже на таком расстоянии, гнал воинов вперед. Респен мог только надеяться, что один из его соплеменников-эльфов убьет его давнего врага, потому что, видит Черный Лучник, вряд ли у него самого появится такая возможность.

И действительно, Орктриен, вновь нацелившись на него, уже требовал к себе внимания. Эльф обрушил на дракона кислотный ливень, который, однако, не причинил королю особого вреда. Орктриен ответил ему магией, воспламенявшей и отравлявшей кровь в венах врага. Респен задержался от боли, но, к его удивлению, она быстро стихла. Заклинание ранило его, – может, даже сильно – но не убило на месте. Вероятно, сработал один из магических щитов и помешал волшебству подействовать в полную силу.

Сумерки перетекли в ночь, а он и Орктриен продолжали сражаться, метая друг в друга всевозможную магию, которой располагали, – заклинания огня, холода, молний, ужаса, увядания, трансформации и безумия. А в это время воины дрались на земле. В том и другом случае битва проходила так, как и предвидел Респен.

Благодаря украденным текстам его магическая сила значительно возросла, но Орктриен, который владел этими секретами столетия, был все же лучшим магом, чем он. Кроме этого, дракон обладал подавляющим превосходством в стойкости и выносливости, что позволяло ему выдерживать атаку за атакой. Несмотря на повреждения крыльев дракон по-прежнему летал так же быстро и маневрировал так же ловко, как и всегда. И он все так же забрасывал своего врага заклинаниями – одним за другим. У Респена, покрытого волдырями и замерзшего, болело все тело. У него заканчивалась магия, и он сомневался, что ему хватит сил сотворить то, что еще оставалось в запасе. Боль и усталость снижали концентрацию.

Защитники на деревьях находились точно в таком же отчаянном положении. Из того малого, что Респен мог разглядеть, было видно, что они дерутся хорошо, но одной отваги недостаточно, чтобы сдерживать натиск врага.

Орктриен убил очень многих и спалил слишком много из системы укреплений еще до начала настоящего сражения.

Печально, но ничего не поделать. Ничего, кроме как продолжать сопротивляться столько, сколько возможно.

Респен вызвал живой клинок. Оружие, словно сделанное из чернильной тени, было невидимо на фоне ночного неба. И когда Респен запустил его в Орктриена, он смел надеяться, что даже дракон не сможет заметить его приближения.

Орктриен обманул его надежды, прорывав заклинание. Белое пламя обрисовало по контуру темный клинок, и тот смялся и исчез. Молочно-белое сияние однако осталось. Оно поплавало в воздухе какое-то мгновение, затем стремительно понеслось в сторону Респена.

Эльф попытался увернуться, но полоса белого огня, повторив его движение, повернулась вслед за ним. Она ударила его прямо в грудь.

Удар не был болезненным. Более того, Респен даже не почувствовал его. В голову закралась мысль, что по какой-то причине – наверное, чудом – заклинание не подействовало на него. Но потом он понял, что падает. Пламя развеяло магию полета, а вместе с ней, скорее всего, и все защитные чары.

С помощью своего посоха он, по крайней мере, мог парить и таким образом избежать смерти от удара об землю. Но он мог двигаться только вверх или вниз, и у него не было шанса увернуться от следующих атак противника. Он начал вызывать призрачных двойников, которыми сбивал с толку гаргатулу, затем почувствовал сильный удар в спину и потерял сознание.

Очнувшись, он заметил, что больше не ощущает боли – ее сменила онемелость. Однако он чувствовал, что что-то не так, что произошло что-то страшное. Посмотрев вниз, он понял – что. Потемневший от крови коготь Орктриена торчал из его груди. Дракону удалось подобраться к нему сзади, нанести удар и пронзить когтем насквозь.

– Глупец, – в голосе Орктриена слышалось сожаление. – Неужели ты действительно вообразил себе, что если убил зеленого дракона, то сможешь победить и меня?

– Я победил, – прохрипел Респен, молясь, чтобы так и было.

Винтерфлауэр провела в хижине у моря месяц, пока наконец не приняла мрачную правду, что больше никто не придет на место встречи.

После первого штурма Орктриена всем стало ясно, что мятежники обречены. Но в них теплилась надежда, что они смогут сохранить украденные тексты, чтобы другие эльфы когда-нибудь ими воспользовались.

Вопрос был в том, как это сделать. Первое заклинание Орктриена исключило возможность использования передающей магии, а мерцающая радужная сеть, которую он набросил на крепость, препятствовала всякому бегству до тех пор, пока ее не окружили вражеские войска.

После снятия магического щита мятежники вверили по одной книге каждому из нескольких гонцов, которые должны были с помощью волшебства, хитрости и знания местности попытаться проскользнуть мимо наступающих королевских войск и раствориться в лесу.

Это могло сработать, но только в том случае, если бы Орктриен не видел происходящего на земле. Его магия была слишком могущественной, восприятие – слишком острым, а желание отнять у врагов похищенные знания – слишком сильным. Поэтому Респен вызвался отвлечь дракона в воздухе, удерживая его внимание столько, сколько понадобится его новым союзникам, чтобы убежать.

Он справился, хоть и ценой собственной жизни. Но проблема была в том, что больше никому из гонцов не удалось прорваться через вражеские линии. Мальдур и его коллеги убили или взяли в плен всех.

Таким образом, все остальные погибли, чтобы сохранить одну-единственную книгу. Но что это была за книга! Винтерфлауэр и другие гонцы поделили тексты в спешке, не особо обращая внимания, что кому досталось. Позже, когда у нее появилось время изучить свой фолиант, она обнаружила, что это вовсе даже не книга заклинаний, а скорее некий абстрактный метафизический трактат о фундаментальных свойствах драконьей природы и о связи драконов с силами мироздания, природными стихиями и звездами. То есть, эта книга не могла научить ее, как в мгновение ока лишить сотни людей возможности телепортации, или как запереть целый замок в силовом поле. Она вообще не давала никакого оружия или мало-мальски полезного инструмента. Слезы жгли глаза и затуманивали взор; Винтерфлауэр с перекошенным ртом подняла книгу и замахнулась, чтобы швырнуть ее в свой слабый костерок.

Но она не могла заставить себя сделать это, не могла вынести признания, полного и окончательного, что все жертвы были напрасны. Орктриен хранил эту книгу взаперти в своей магической башне, разве нет? Значит, наверняка, должна быть какая-то практическая польза от нее.

Винтерфлауэр вызвала светящийся белый шар, открыла фолиант и стала его перечитывать.

Восемьдесят девять лет спустя, поздней весной Орктриен со своим двором вышел в сад, чтобы насладиться благоуханием ночного воздуха и полюбоваться кометой. Комета была огненно-красной, она словно пылала, а ее хвост тянулся по большей части небосвода – зрелище было захватывающим. И в самом деле, дракон не мог оторвать от нее глаз.

Хотя каждый хотел отвлечь его – весь этот крошечный, суетливый народ, ноющий и выпрашивающий его внимания. Орктриен напомнил себе, что это – часть его жизни как короля (причем часть, которая ему обычно нравилась), но сейчас ему было сложно все это терпеть.

В его теперешнем настроении тараторящие и трещащие без умолку мелкие людишки казались ничтожными, как какие-нибудь мошки. Когда король почувствовал, что все-таки обязан уделить им внимание, он обнаружил, что свет новой звезды все еще окрашивает его взор – он смотрел на придворных будто сквозь кровавую пелену.

Что-то было в этом такое волнующее и тревожное одновременно. Он перевел взгляд на небо, и тут кто-то погладил его по передней ноге, заставив вздрогнуть.

– Пойдем в мою спальню, – промурлыкал сиплый голос. Он посмотрел вниз на человеческую женщину и через секунду вспомнил, что это его нынешняя любовница, вот только ее имя никак не всплывало в голове. – Я могу показать развлечение получше этого.

Орктриен поднял ногу и раздавил ее в лепешку.

Он тут же пришел в ужас от содеянного, но затем волна восторга смела предыдущее чувство. Он лизнул то, что осталось от ее руки, и с жадностью проглотил, впервые в жизни попробовав человеческую плоть. Она была столь изумительна на вкус, что он дрожал от удовольствия, когда пожирал ее.

Но даже это не могло надолго отвлечь его от еще большего экстаза, который обещало массовое убийство. Он лишил жизни еще одного человека, потом еще и еще – он сбился со счета.

Он потерял всякое ощущение реальности и мог лишь смутно осознавать, – и его это абсолютно не волновало – что опустошает свой собственный дворец. И когда во дворце закончилась добыча, он пошел по городу, разрушая и истребляя.

Не отдавая себе отчет, он вломился в крепость, где размещалась большая часть его армии. Он не замечал боли от ран, когда воины и боевые маги, запертые в ловушке, в отчаянии стали оказывать сопротивление.

Потом все силы разом покинули его, и он рухнул на живот. Только тогда его сознание немного прояснилось.

Он попытался встать, но не смог. Он хотел собрать еще огня для своего дыхания, но тоже не смог. Его взгляд затуманился.

А в это время воины кололи и рубили его. Такого не должно было случиться. Если бы он сражался, как привык, используя свой интеллект и магию, он бы мог сокрушить дюжину армий. Но он напал на них, как бешеный зверь, и вот результат.

– Красная звезда убила меня, – прошептал он.

Возможно, кто-то услышал. И так как в последующие дни все драконы Фаэруна, в одночасье сойдя с ума, убивали самых близких, убивали своих верных лейтенантов и военачальников и уничтожали все то, что сами когда-то построили, люди прозвали комету Убийцей Королей.

ПОСОХ ВАЛМАКСИАНА

Филип Этанс

23й Год Санфура (-7628 ЛД)

Жар от взрыва обжег ничего не подозревающие легкие Валмаксиана с расстояния ста восьмидесяти двух метров и сорока пяти сантиметров. Это была вспышка оранжевого огня правильной сферической формы, испещренная красными прожилками и желтыми пятнами, но с ослепительно белой сердцевинкой. Огненный шар увеличился до двенадцати метров в диаметре за время, которое понадобилось Валмаксиану, чтобы закрыть глаза при взрыве. Он прикрыл лицо руками и почувствовал, как взрывная волна растрепала его длинные синие-зеленые волосы и как белая атласная мантия, в которую он был одет, обвилась вокруг тела.

– О нет, – выдохнул он, затем разок кашлянул, стараясь сдерживать дальнейшие позывы.

Ударная волна прошла, но оставшийся жар обдал его с ног до головы, вышибая пот с каждой поры дрожащего тела, отчего мантия сразу же прилипла к нему.

– Что ж, – резко произнес наставник, – это было... менее чем успешно.

Валмаксиан опустил руки, его пальцы сжались в кулаки. Заморгав, он открыл глаза и ждал, когда рассеются световые пятна, слушая приближающиеся шаги учителя. Зрение прояснилось, и Валмаксиан увидел изящную мозаику золотого цвета на зеленом мраморном полу. Мозаикой были выложены четкие линии и дуги, отмечающие расстояние от центра комнаты и определяющие различные углы. Вот откуда он так точно знал, как далеко находится от центра взрыва.

Валмаксиан посмотрел вверх, не обращая внимания на масштабы огромной комнаты. Куполообразный потолок висел над его головой на высоте четырехсот метров. На внутренней стороне купола были отмечены радиусы и градусы. Круглая комната для заклинаний, частная мастерская его учителя, насчитывала шестьсот метров в диаметре и была главной центральной частью пятого по величине здания в Западных Провинциях Силуваниди, королевстве золотых эльфов. Это было все, что осталось от бывшего великолепия могущественного Аривандаара.

Желтовато-коричневые глаза Валмаксиана застыли на тонкой фигуре наставника, стоявшего на краю чашевидной впадины в центре комнаты. Зеленый мрамор в том месте обгорел и стал черным.

– Что с ним? – спросил Валмаксиан учителя, стоявшего к нему спиной.

– По крайней мере, твоя точность улучшается, – сказал Келаэрид. Его голос прозвучал очень громко в обширном пространстве многоколонной комнаты для заклинаний. – Ты выровнял огненный шар по центру почти правильно.

– Что с жезлом? – повторил Валмаксиан, зная ответ.

Келаэрид повернулся, но на ученика он не смотрел.

– Ты молод. – В его голосе не слышалось осуждения.

Валмаксиан вздохнул и пошел вперед. Его каблуки, как ему казалось, выколачивали похоронный марш. Он приблизился к краю впадины и посмотрел на колонну, которая поднималась из ее центра и достигала уровня пола. На круглой поверхности диаметром сорок шесть сантиметров он увидел узкую дорожку расплавленного серебра длиной примерно тридцать сантиметров. Металл еще пузырился по краям.

– Проклятье! – выругался Валмаксиан.

– Будут и другие жезлы, – сказал Келаэрид.

Валмаксиан повернулся и увидел, что наставник стоит теперь у маленького столика и наливает в стакан воды из запотевшего хрустального графина.

– Мастерам Дома Гиролен понадобилось три года, чтобы сделать этот жезл из серебра самой Селуны, – напомнил Валмаксиан учителю. – Жезл стоимостью в королевский выкуп.

Келаэрид пожал плечами в своей особой снисходительной манере:

– Тогда нам повезло, что наш любимый король на свободе, и выкуп за него не просят.

Валмаксиан с шумом выпустил воздух из носа.

– Мои неудачи забавляют вас, – буркнул он.

Келаэрид поднял голову, его лицо было серьезным. По еще потной спине Валмаксиана побежали мурашки.

– Вовсе нет, – тихий голос старого эльфа был хорошо слышен в застывшем воздухе. – Это не самое простое задание, Валмаксиан, но ты, похоже, думаешь иначе.

– Только помет летучей мыши нужно было подготавливать целых десять дней, – напомнил ему Валмаксиан. – И все зря.

– Да, зря, – подтвердил Келаэрид.

Они смотрели друг на друга долгое мгновение, потом Валмаксиан повернулся обратно к почерневшей центральной чаше комнаты для заклинаний.

– У меня не получится, – сказал он. – *Так* не получится.

– Ты не сможешь научиться у меня? – спросил учитель. – Не сможешь пробовать, терпеть неудачу, еще раз пробовать, потом...?

– Что? – перебил Валмаксиан. – Потом – что? Еще раз потерпеть неудачу, снова попробовать, снова потерпеть неудачу, снова попробовать, снова потерпеть неудачу, снова, снова и снова до тех пор, пока не добудут все серебро вплоть до западных границ континента, а я так и не закончу один-единственный простой жезл огня.

– Ты терпишь неудачи как раз из-за того, что отвергаешь возможность успеха, сын мой, – ответил Келаэрид. – Ты всегда был суров к себе, даже больше, чем я, хотя меня знают как строгого наставника. Ты с готовностью казнишь себя, но, как и все прочее, держишь свои терзания в себе. Я пытаюсь показать, что для создания по-настоящему могущественного предмета ты должен отдать частицу себя, тебе нужно раскрыться и позволить...

– Есть и другие пути, – снова перебил Валмаксиан. – Другой способ должен быть.

– Мои студенты, как и преподаватели, считают грубым со стороны ученика перебивать своего наставника. Мы это уже обсуждали, Вал, и я, по-моему, ясно дал понять, как относиться к этому.

– Я знаю, – сказал Валмаксиан, глядя вниз на обожженный мрамор.

Заклинание не должно было взорваться – серебряный жезл должен был поглотить его. Задание было простым, но он не смог с ним справиться – ужасный провал в глазах Валмаксиана, даже если Келаэрид так не считал. Молодой эльф не мог смириться с этим.

– Валмаксиан, – предостерегающим тоном заговорил Келаэрид, – ты обещал, что не пойдешь по этому пути. Никогда.

– Да... обещал. – Валмаксиан слабо улыбнулся учителю. – Извините.

Келаэрид ответил широкой улыбкой:

– Ты молод и нетерпелив, Вал. Тебе только пятьсот лет, понимаешь?

– Вы мне это уже говорили.

– Верно, – согласился Келаэрид. – В твоём возрасте и я бы мог допустить ошибку. Когда я был так же молод и разочарован, как ты сейчас, я тоже мог бы сделать то, о чём ты сейчас думаешь, но я не сделал этого. Мой учитель меня предостерег, так же, как я предостерегаю тебя. Десятилетия летят достаточно быстро для нашего народа, Вал, и могут пройти десятилетия, прежде чем ты сможешь выполнить это задание. Потом понадобится ещё много лет, чтобы ты стал полностью самостоятельным – может, целый век – но ты справишься, Вал. Ты добьёшься успеха.

Валмаксиан посмотрел вверх, на купол, висевший так высоко над головой, и выдавил ещё одну слабую улыбку.

– Да, – произнес он. – Я добьюсь успеха. Я добьюсь.

Десять дней спустя в комнате, гораздо меньшей по размеру, Валмаксиан развернул свиток на грубом каменном полу. Свиток был сделан из шкуры ягненка, которую тщательно дубили, пока она не стала тонкой, как бумага. Письмена на свитке были выведены аккуратной рукой Келаэрида. Лишь горстка эльфов на всем Ториле могла начертить руны, таинственные знаки и пентаграммы, изображенные на свитке.

Валмаксиан оглядел простенькую комнату, в последний раз проверяя, все ли готово. Мебель была отодвинута, единственная тонкая свеча горела в железном подсвечнике, а узкое стрельчатое окно было плотно закрыто.

На Валмаксиане была надета простая мантия из грубой пряжи. Его руки дрожали. Он сделал глубокий вдох и замер, досчитал до двадцати и только потом выдохнул, затем встал коленями на холодный каменный пол. Единственная дверь в комнате была заперта на ключ. Перед ним, за исключением развернутого свитка, не было ничего: пять метров пола, затем голая стена. Потолок высотой девять метров казался чересчур объемным для такой маленькой комнаты, но именно по этой причине Валмаксиан и выбрал ее. Ворота будут примерно шесть метров в диаметре.

Эльф протер глаза, сделал три коротких вдоха и начал читать.

Чтение давалось ему с трудом: слова было не так-то легко произносить. По инструкции их не нужно было выговаривать громко, но требовалось соблюдать ритм, тональность, тембр, даже советовалось произносить их со всей серьезностью и энтузиазмом. Также были даны инструкции по нужным жестам: руки и пальцы должны были двигаться в очень четкой последовательности и с правильными интервалами.

Валмаксиан читал заклинание минуту, и за это время он трижды был близок к тому, чтобы прервать его. Он знал, что должен остановиться, но также знал, что ему просто необходимо продолжать.

Последнее слово отозвалось эхом в тишине неподвижного воздуха, и Валмаксиан опустил дрожащие, вспотевшие руки на пол. Он не знал, куда их деть.

Он прищурился, когда свет только появился – мягкое голубовато-фиолетовое свечение. Постепенно оно становилось не столько ярким, сколько насыщенным и глубоким. Сначала это был шар размером с кулак Валмаксиана. Молодой эльф смотрел на него с растущим волнением. Он затеял это, и пути назад уже не было.

Светящийся шар продолжал расти и, достигнув размера головы Валмаксиана, начал вращаться. Вращаясь все быстрее, шар стал расплющиваться сверху – он превращался в овальный вихрь голубовато-фиолетового света. Появились белые всполохи, оставляющие после себя блестящие следы. Светящийся овал становился все больше, стремительно превратившись в плоский диск, который начал медленно переворачиваться на одно ребро, пока не встал перпендикулярно к полу на расстоянии двух метров от кончика носа Валмаксиана. От света не исходило никакого тепла, но золотой эльф тем не менее покрылся испариной. Он щурился, но глаз не отводил.

Внезапно в центре диска появилось отверстие, и диск стал превращаться в кольцо. В нем Валмаксиан мог разглядеть какие-то мельтешащие тени. Свет от вращающегося кольца мешал его природной способности видеть в темноте. Он попытался сконцентрироваться на пространстве в центре кольца и после нескольких морганий был уверен, что смотрит на обточенный ветрами булыжник. Искривленный камень напоминал женскую фигуру ростом не меньше Валмаксиана. Кольцо достигло шести метров в диаметре, и фиолетовый свет потускнел. Валмаксиан увидел еще булыжники – деформированные валуны были разбросаны то тут, то там по неровной поверхности из гравия и песка. На фоне темно-красного неба носились облака черной пыли, подгоняемые сильным ветром.

Еще одна фигура показалась в пылевом вихре – тень на две головы выше самого высокого эльфа. Она передвигалась на двух ногах, размахивая длинными, обезьяньими руками, плечи и голова были покрыты неравномерными шипами и рогами.

Валмаксиан затаил дыхание, наблюдая, как демон шагнул через ворота в его маленькую комнату. Заклинание и было предназначено для того, чтобы вызвать одного представителя бесчисленных легионов зла, населяющих Бездну, – только одно существо, одного набассу.

Демон напоминал гориллу с шелестящими за спиной, огромными, как у летучей мыши, крыльями. На широком, плоском лице выделялся огромный рот, из которого торчали два смотрящих вверх бивня. Маленький нос был словно вдавлен между поразительно умными серебристыми глазами, в которых отражался свет свечи и вращающихся магических ворот, отчего казалось, будто они сделаны из блестящей

платины. Кожа обнаженного демона была серого цвета и покрыта пупырышками.

Валмаксиан хотел было сглотнуть, но не смог – у него словно комок встал в горле. Демон это заметил и улыбнулся, отступив на полшага назад.

– Эн... – начал Валмаксиан, затем откашлялся. Он старался не смотреть демону в глаза. – Эн'Сэль'Динен.

Из пасти монстра вырвался низкий рык, сопровождаемый облачком зеленого пара.

– Да, а тебя зовут... – Голос демона был похож на раскат грома, поднимающегося со дна колодца.

– Я – Валмаксиан. – Эльф попытался придать своему голосу уверенность, которую на самом деле не ощущал.

– Что ж, – бросил демон, – неплохо. А Келаэрид?

Валмаксиану, наконец, удалось сглотнуть.

– Келаэрид запретил вызывать тебя. Мне пришлось украсть свиток.

Демон издал звук, похожий на смех.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал эльф.

– Ах, а я-то уж думал, что меня вызвали просто поболтать.

Валмаксиан почувствовал, как его лицо вспыхнуло. Все это время он смотрел в сторону.

– А ты знаешь, что не должен смотреть мне в глаза, – заметил Эн'Сэль'Динен. – Келаэрид – он твой хозяин?

– Он мой учитель.

– И что он рассказывал тебе обо мне? – поинтересовался демон.

– Достаточно, – ответил Валмаксиан. Его взгляд блуждал по уродливым пальцам ног Эн'Сэль'Динена. Он заметил крошечное насекомое, копошащееся под одним из шероховатых желтых ногтей.

– Богатства, значит? – спросил демон. – Власти? Магии?

– Да, – прошептал Валмаксиан.

Демон засмеялся.

Валмаксиан откашлялся и произнес более отчетливо:

– Магия. Все остальное приложится.

Демон замолчал и придвинулся ближе:

– За все нужно платить. Что ты готов потратить?

– Все, что угодно... – ответил Валмаксиан. – Не знаю.

– Я тоже, – сказал демон. – Но я что-нибудь придумаю. Единственная жертва. Ее мы обсудим позже.

Валмаксиан почувствовал, как его губы растягиваются в улыбке, хотя в глубине души ему вовсе не хотелось улыбаться.

– Все, что угодно, – повторил он. – Все, что угодно.

76й Год Аметиста (-6964 ЛД)

Огненный шар взорвался точно посередине – в круге, обозначенном белыми мраморными колоннами, простыми столбами высотой в триста метров. Диаметр пола, выложенного из такого же белого мрамора, равнялся полутора километрам. Валмаксиан сидел в кресле из красного дерева на таком расстоянии от взрыва, что его мантия из натурального шелка даже не шелохнулась от взрывной волны. Жара он также не почувствовал.

– Ты расплавила ее? – спросил Валмаксиан тихим, спокойным голосом.

Созданное им заклинание подхватило сказанные слова и перенесло их над мраморным покрытием прямо к ушам Юлманды, третьей ученицы.

Ученица, золотая эльфийка, которой не было еще и ста лет, быстро проследовала к центру круга и посмотрела вниз. Валмаксиан услышал ее тихий вздох.

– Это было последнее серебро Селуны, – сообщил Валмаксиан, не выражая никаких эмоций.

Юлманда повернулась к нему, но продолжала держать глаза опущенными к полу.

– Учитель, я...

– Провалилась! – заорал Валмаксиан, его голос прокатился над гладким полом словно накатывающая на берег волна. – Ты потерпела неудачу, потому что ты тупая, никчемная девчонка!

– Учитель...

– Замолчи! – рявкнул Валмаксиан, вскинув руку, словно хотел заткнуть ей рот ученицы. – Убирайся! Покинь круг сейчас же и не возвращайся. Твой отец получит счет за материалы, израсходованные так бездарно и впустую. Ты не годишься для работы с Плетением.

Он услышал, как девушка всхлипнула, услышал даже, как стукнулись об пол первые слезинки. Валмаксиан отвернулся и посмотрел на лазурное небо, раскинувшееся над Силуваниди. Ему показалось, что девушка пытается придумать какое-то оправдание, какие-то слова в свою защиту, чтобы сохранить свое место среди студентов Валмаксиана – место, которое жаждали получить все молодые эльфы Силуваниди. Магическая мастерская Валмаксиана была единственной в своем роде. За волшебными вещами, которые он в ней создавал, шла настоящая охота во всех эльфийских землях, как в районе Высокого Леса, так и за его пределами.

Но Юлманда не стала спорить. Плача, она быстрым шагом прошла мимо учителя по направлению к широким ступеням, расположенным у края магического круга. По ним она спустится на тридцать метров вниз, с холма, на котором был построен круг для заклинаний. Затем ей понадобится добрая половина дня, чтобы пересечь всю территорию Валмаксиана и выйти через ворота в город.

Как только Юлманда начала спуск, маг услышал еще шаги – кто-то поднимался к нему. Он следил глазами за одиноким облаком, лениво

плывущим по ясному небу, и ждал посетителя, которому еще долго подниматься.

Палочка, которую уничтожила Юлманда, была, конечно же, обычной безделушкой, предназначавшейся для одного богатого коллекционера, которого больше интересовало редкое серебро, а не волшебные свойства предмета. У коллекционера уже имелось несколько замечательных вещей, созданных Валмаксианом, и с недавнего времени он стал собирать только его работы.

– Мастер Валмаксиан, – раздался сзади голос.

– Кто ты? – Валмаксиан даже не взглянул на посетителя.

– Пира... – начал молодой эльф, но потом, видимо, понял, что Валмаксиана не интересует его имя. – Гонец, сэр, с тревожными вестями.

– Посох? – похолодел Валмаксиан. Взгляд, которым он наградил гонца, заставил юношу отступить на два шага назад.

– Посох, мастер? – Глаза гонца округлились, а лицо побледнело. – Нет, мастер Валмаксиан.

Валмаксиан вздохнул и приложил руку к груди. Взмокшей ладонью он почувствовал, как бешено колотится его сердце.

– Мастер? – окликнул гонец. – Вам плохо? Может, мне сходить за...?

– Тихо, – грубо оборвал его Валмаксиан, опять поднимая лицо к небу. Глубоко вздохнув, он закрыл глаза.

Гонец слегка покашлял. Не открывая глаз, Валмаксиан обронил:

– Ты все еще здесь.

– Да, мастер, – ответил юноша. – Мне сказали доставить послание.

– Ну так доставляй, только живо, а потом убирайся, – сказал Валмаксиан, стоя с закрытыми глазами. – Или у тебя почасовая оплата?

Гонец издал нервный смешок:

– О нет, мастер. Мне платят за доставку.

Валмаксиан медленно, с шипением выпустил воздух сквозь зубы и услышал, как юноша сделал еще один шаг назад.

– Мастер, это насчет лорда Келаэрида.

Валмаксиан открыл глаза. Маленького одинокого облака уже не было на небе. Маг по-прежнему не смотрел на гонца.

– Мастер, лорд Келаэрид при смерти. Он просил вас прийти.

Валмаксиан медленно повернул голову в сторону молодого эльфа:

– Келаэрид умирает?

– В настоящий момент, – кивнул юноша. – Мне так сказали.

Валмаксиан опять перевел взгляд на небо, его дыхание участилось. Гонец молчал, и, наконец, маг произнес:

– Ну, тогда я думаю, мне нужно идти.

Келаэрид выглядел неплохо. Валмаксиан не заметил перемен ни в лице эльфа, ни на его руках. Прошло почти семь столетий с тех пор, как

Валмаксиан в последний раз видел своего бывшего наставника, но разочарование в глазах Келаэрида, лежащего на смертном одре, читалось так же явно, как и в тот день, когда он прогнал своего ученика.

Маг опустился в жесткое кресло, стоявшее у низкой кровати Келаэрида. Старый эльф сидел, опираясь на подушки. Валмаксиан избегал его взгляда. Вместо этого он смотрел по сторонам неприхотливой спальни. Долгое время они сидели молча. Келаэрид тяжело и медленно дышал, его ноги все это время оставались неподвижными.

– Ты многого добился, – сказал наконец Келаэрид неестественно тонким голосом. Он выглядел, как и прежде, но вот голос изменился.

Валмаксиан кивнул.

– Я хотел увидеть тебя. В последний раз.

Валмаксиан посмотрел бывшему учителю в глаза:

– Чтобы примириться? После стольких лет?

Дыхание Келаэрида вырвалось со свистом через нос, и старый эльф вздрогнул.

– Ты мог бы стать одним из самых искусных мастеров Ариван... – Кашель не дал старому эльфу договорить. Затем он продолжил, улыбнувшись:

– Я хотел сказать «Аривандаара». Старая привычка. – Он опять закашлял. – Ты мог бы стать одним из лучших.

– Я и так лучший, – сказал Валмаксиан. Он вздохнул, осознав, как это звучит. Прошло столько времени, а он по-прежнему ощущает себя юнцом в присутствии Келаэрида.

– Ты совершил сделку.

– Я сделал то, что было необходимо.

– Невзирая на последствия?

– Последствия? – переспросил Валмаксиан. – Предметы, которые я создаю, ищут по всему Силуваниди. *Вот* последствия моих действий. Я прочел заклинание... со свитка, который вы сами написали. Я решил проблему с помощью Плетения. Разве не этому вы меня всегда учили?

Келаэрид покачал головой.

– Я говорил тебе, что ты добьешься всего, чего пожелаешь, но для этого ты должен пожертвовать частью себя.

– Я думал, что как раз от этого вы меня предостерегаете, – съязвил Валмаксиан. – Вы предупреждали, что демон потребует платы, а теперь говорите, что я должен был пожертвовать частью себя. Я бы пожертвовал всем, чем мог, но пока, за шесть с половиной веков, счет так и не поступил.

Келаэрид с горечью рассмеялся, и у него начался новый приступ кашля.

– Это не означает, что он никогда не поступит. И есть большая разница между тем, чтобы жертвовать ежедневно маленькой частичкой своей души, и ценой, которую, вне всякого сомнения, запросит Эн'Сэль'Динен.

– Вы тоже должны были об этом помнить, – бросил Валмаксиан. – Ведь это вы призвали демона в первый раз.

– И я же отправил его обратно в Бездну, где ему самое место.

– Это было мое решение. – Валмаксиан встал, его колени дрожали. – Я прекрасно справлялся без вас. Вы только тянули меня назад.

– Я учил тебя, – прошептал старый эльф.

– Вы тратили мое время! – Голос Валмаксиана почти сорвался на крик, отразившись эхом от голых стен. – Вы тратите мое время сейчас.

– Значит, я оторвал тебя от работы? – спросил Келаэрид. – Над посохом, я так понимаю.

Кровь отлила от лица Валмаксиана, и его бросило в жар, хотя он и догадывался, что старый эльф следит за его работой.

– Да, над посохом, – ответил Валмаксиан. – Он станет моим шедевром.

– Твоим шедевром! – Келаэрид жестоко рассмеялся. – Шедевр, который, я надеюсь, ты готов потерять. Если Эн’Сэль’Динен узнает, что он для тебя значит, именно его он потребует в качестве платы.

Валмаксиан открыл рот, чтобы возразить, чтобы накричать на умирающего эльфа, но не смог вымолвить ни слова. Ощущая дрожь в коленях (какое гадкое чувство!), он вскочил и отвернулся от постели.

– Эта болезнь поставила в тупик всех священников. Всех до единого. Мое тело меня подвело, так что я отправляюсь в последний путь, Вал. И это последний раз, когда ты видишь меня, – проговорил Келаэрид в спину Валмаксиана. – Ты не можешь сказать мне, что я был прав? Не можешь пообещать, что все исправишь?

Валмаксиан повернул голову, но недостаточно, чтобы видеть своего бывшего наставника:

– Поэтому вы отправили за мной? Чтобы по прошествии стольких лет я мог сказать вам, что вы были правы? Или вы надеялись услышать, что демон заставил меня заплатить какую-нибудь страшную цену, чтобы вы смогли, наконец, сказать «Я же говорил тебе»?

– Ты считаешь, что я этого хочу?

– А разве нет?

– Ты был как сын мне.

– Я не ваш сын. И никогда им не был.

Валмаксиан оторвал одну ногу от пола, и ему показалось, что она весит не меньше тонны, но когда он поднял вторую, стало уже легче. Маг бросился прочь из спальни. Келаэрид не пытался его остановить, он не издал ни звука: не звал, не смеялся, не кашлял.

Устремив глаза к полу, Валмаксиан выскочил через дверь и понесся по коридору. Внезапно он почувствовал прикосновение чьей-то руки и остановился.

Подняв голову, он встретился взглядом с молодой эльфийкой. Ее длинные каштановые волосы были перехвачены сзади лентой, простая хлопковая кофта и брюки выгодно подчеркивали безупречную фигуру со

стройными ногами и пышной грудью. Полные губы были плотно сжаты, а кристально-синие глаза, сузившись, смотрели с осуждением.

– Вы – Валмаксиан. – В ее мелодичном голосе явственно слышались гнев и возмущение.

Второй раз за день, второй раз за последние шестьсот с половиной лет Валмаксиан не знал, как отреагировать.

Девушка, вздохнув, спросила:

– Что вы сказали ему?

– Я... – начал Валмаксиан. – А кто вы собственно та...?

– Часианна. – Эльфийка скрестила руки на груди и еще плотнее сжала губы. – Он мой дедушка. Он спрашивал о вас. Он говорил о вас. А вы разбили ему сердце.

– Мы не сошлись во мнениях, – сказал Валмаксиан. – С тех пор прошло много времени.

– Может и много. Но сейчас времени осталось совсем мало. Дедушка хотел примириться с вами. Я понятия не имею, что вы сделали или что он сделал... в общем, что произошло... но я не могу допустить, чтобы он отправился в свой последний путь, не найдя успокоения.

Валмаксиан заметил, что не дышит. Он чувствовал себя очень странно, ощущая замешательство, злость, стыд – причем все это одновременно. Тряхнув головой, он спросил:

– Вы знаете, кто я?

– Меня не интересует, кто вы, – ответила эльфийка. – Я люблю своего дедушку.

Валмаксиан набрал воздух, чтобы возразить ей, и Часианна склонила голову набок, а ее глаза расширились в ожидании – было видно, что она готова к любому ответу.

– Вы можете вернуться, – тихо произнесла она с надеждой в голосе. – Еще не поздно.

Валмаксиан закрыл рот, и Часианна улыбнулась. Он обнаружил, что его губы тоже растянулись в улыбке, и, оглянувшись, посмотрел на дверь в спальню Келаэрида. Не говоря ни слова, он развернулся и пошел к двери.

– Скажите ему хоть что-нибудь, – попросила девушка. – Просто скажите то, что его успокоит. Даже если вы так не думаете.

Валмаксиан вошел в комнату и приблизился к кровати. Впервые с того момента, как он вошел в мастерскую своего наставника в тот знаменательный день, маг знал, чего хочет и как этого добиться.

– Келаэрид, – позвал он.

Старый эльф поднял на него глаза, и они показались Валмаксиану еще более тусклыми, чем несколько минут назад.

– Келаэрид, вы были правы, – произнес Валмаксиан. – Я хотел большего, чем должен был хотеть. Я желал жизни, которую не хотел заслуживать. Я должен был остаться с вами, должен был потратить десятилетия, если вы думали, что это необходимо. Я не должен был красть свиток и вызывать демона.

Келаэрид открыл рот, но ничего не сказал.

– Отправляйтесь в свой последний путь, учитель. – Валмаксиан услышал, как Часианна вошла в комнату и встала позади него. – Отправляйтесь, зная, что я исправлю свою ошибку.

Уголок пересохшего рта Келаэрида приподнялся в улыбке, и жизнь покинула старого эльфа.

Валмаксиан вздохнул, удовлетворенный тем, что и Келаэрид, и Часианна не только услышали, но и поверили в его неискренние, лживые слова. Келаэрид умер, и остался только один истинный мастер.

78й Год Турмалина (-6962 ЛД)

На мраморном полу круга для заклинаний Валмаксиан выложил плавную дугу из дварфийского мифрила. Вдоль дуги были расположены пять кругов, расстояние между которыми составляло ровно четыре метра и шестьдесят пять сантиметров. Из центра первого и пятого кругов выходили лучи, которые пересекались в точке, находящейся точно в пятидесяти семи метрах и восьмидесяти девяти сантиметрах от самого дальнего круга, расположенного в центре дуги. В каждом из кругов стояло по одному недорогому глиняному голему. Валмаксиан приказал этим гуманоидоподобным существам стоять спокойно, и поскольку они не обладали собственным разумом, то совершенно четко выполняли приказ своего хозяина.

Маг обозревал место действия с вершины одного из столбов, на котором была построена небольшая платформа без перил. Узкая лестница из эльфийской стали спиралью спускалась вокруг столба на триста метров вниз, до белого мраморного пола. Валмаксиану приходилось использовать сложную систему линз в золотых рамах, чтобы иметь возможность видеть происходящее на полу, и чтобы видели его.

Внизу показался ученик Мереллин с посохом в руках. Он двигался поспешно, но осторожно, взглянув только раз на Валмаксиана, который коротко кивнул ему.

Валмаксиан почувствовал запах духов и услышал шаги на верхних ступенях. Он улыбнулся – что делал всегда, когда видел Часианну. За последние два года после смерти ее бабушки они стали практически неразлучны. Он повернулся к ней, улыбаясь, и ее прекрасное лицо озарилось улыбкой в ответ. Часианна встала на платформу рядом с ним, коснувшись его локтя. Она боялась высоты и чувствовала себя неуютно из-за отсутствия перил, хотя и носила на своем пальце кольцо «Падение перышка», которое он дал ей несколько месяцев назад. Валмаксиан находил эту ее робость, как и все прочее в ней, очаровательной.

– Посох? – поинтересовалась она.

Валмаксиан кивнул и посмотрел на Мереллина, который стоял в вершине конуса.

– Мне закрыть глаза? – спросила Часианна.

Валмаксиан хохотнул:

– Нет, нет. В этот раз никаких молний. Всего лишь заряд волшебных стрел... я надеюсь.

– Надеешься?

Валмаксиан кивнул стоявшему внизу ученику. Мереллин повернулся к големам и выставил перед собой посох, сжимая его в обеих руках. Вдохнув, он произнес одно-единственное командное слово. Зазубренные стрелы голубовато-белого света вылетели из одного конца посоха и ударили в трех центральных големов. Первый снаряд разорвался в груди второго голема, второй попал в среднего голема, а третья стрела угодила в торс четвертого голема. Существа дернулись назад, но остались стоять на ногах.

– Проклятье, – вздохнул Валмаксиан.

– Ты же не надеялся, что одна волшебная стрела сможет убить голема? – сказала Часианна. – Одной-то уж точно недостаточно.

Валмаксиан протер глаза, избегая выжидательного взгляда ученика, стоявшего далеко внизу, и произнес:

– Дело не в этом. Вылетело только три стрелы.

– А должно было пять?

– Я знаю, что ты собираешься сказать.

– Ты сделал все по-своему, не так ли? – спросила она, хотя он знал, что ответ ей известен. – Воспользовался своим быстрым способом.

– Мой способ работает, – возразил он, но тут же осознал, что она только что стала свидетельницей обратного. – Раньше он работал. Просто я... это все...

– Позволь мне показать? – попросила она.

Он улыбнулся:

– В любом случае, хуже уже не будет.

Валмаксиан вытянул руку и пробормотал несколько слов. Посох выскользнул из рук Мереллина и, поднявшись в воздух, перелетел к Валмаксиану. Маг повернулся и протянул его Часианне.

Она взяла посох с уважением, которого, как чувствовал Валмаксиан, он заслуживает. Посох был еще не закончен, но он точно станет шедевром. Часианна аккуратно положила его на пол платформы, знаками показывая Валмаксиану отойти на несколько шагов назад. Затем, посмотрев на эльфа, она спросила:

– Волшебные стрелы?

Он кивнул, и она перевела взгляд на посох, вытянув левую руку над гладкой, полированной поверхностью.

Валмаксиан наблюдал за ее волшебством с огромным интересом и нескрываемым уважением. Часианна была искусным магом – не таким,

конечно, как он, но все же весьма могущественным, – и тем не менее, он сомневался, что ей удастся исправить изъян, который, по всей вероятности, ограничивал чары способностями того, кто в данный момент использовал посох. А он должен был делать то, что умел сам Валмаксиан.

Часианна колдовала достаточно долго, но Валмаксиан не отводил глаз. Уже заканчивая, она коснулась посоха, и тот озарился вспышкой света, и хотя Валмаксиан ожидал ее, он невольно вздрогнул. Краска отлила от тонкого лица Часианны, а ее руку свела судорога.

Валмаксиан, шагнув вперед, встал на одно колено и дотронулся до ее плеча. Часианна дернулась и посмотрела на него. Ее потускневший взгляд заставил Валмаксиана похолодеть. На лбу девушки выступила испарина, в волосах появилась седая прядь, а руки дрожали. Тихо и с трудом она проговорила:

– Теперь... он заработает.

– Часианна...

Она улыбнулась и, откинувшись назад, стала сползать на круглый пол. Он помог ей лечь, проследив за тем, чтобы она не ударилась головой о камень.

– Сколько раз он говорил тебе? – спросила Часианна.

Валмаксиан выдохнул через нос и поднял глаза к затянутому облаками небу.

– Девятьсот сорок три раза, – сыронизировал он. – Я считал.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – отозвалась она, закашляв.

Он покачал головой:

– Это не единственный способ.

– Попробуй его, проверь посох.

Валмаксиан с трепетом поднял теплое на ощупь оружие с пола платформы.

– Мереллин, – позвал он, затем кинул посох ученику. Он пробормотал странно звучащее слово, и посох плавно спустился прямо в руки Мереллина.

Ученик повернулся к големам, поднял оружие и посмотрел на Валмаксиана, взгляд которого был устремлен на Часианну. Несмотря на сильную слабость, девушка улыбалась. Валмаксиан повернулся к ученику и кивнул.

Мереллин повторил командное слово. С конца посоха вылетело пять стрел голубовато-белого света, каждая ударила в грудь одного из пяти големов. Два конструктора упали на спину.

Сердце Валмаксиана подпрыгнуло. Посох приобрел еще одно волшебное свойство – и сделал это не он. Посох зачаровала Часианна, придерживающаяся нелепой теории Калаэрида о самопожертвовании и вкладывании личной энергии.

Он повернулся к девушке и увидел, что она потеряла сознание. Ее дыхание было слабым и прерывистым. Он встал рядом с ней на колени и поднял ее на руки. Она улыбнулась, но глаза не открыла.

Спустя три ночи Валмаксиан сидел на холодном мраморном полу круга для заклинаний, построенного им на открытом воздухе, слабо теребя посох в руках и смотря вверх на звездное небо. Силы Часианны постепенно восстанавливались, и он мог снова работать, но результаты последнего дня оказались опять удручающими.

Эльф знал, что мог бы пойти по пути Келаэрида и Часианны – пути, который, казалось, вполне работал, но при этом сдерживал.

Каждый раз, зачаровывая предмет, Келаэрид и Часианна вкладывали частицу себя, тем самым теряя ее. Таким образом, чтобы получить, они были вынуждены сначала потерять. Такая игра с равным счетом никогда не интересовала Валмаксиана. Она не интересовала его шестьсот лет назад, когда Келаэрид на этом настаивал, она не интересовала его и сейчас, когда Часианна делала то же самое, хоть и по-своему.

Ему нужно больше для зачарования посоха. С этой целью он приказал двум своим самым доверенным ученикам сделать необходимые приготовления. На мраморном полу тонким мелом были нарисованы круги. Холодные свечи дожидались своего часа – дожидались момента призыва.

Он не делал этого уже давно, даже по меркам эльфов. Результаты первого призыва до сегодняшнего дня полностью удовлетворяли Валмаксиана, но речь шла о посохе, а посох требовал большего.

Валмаксиан положил оружие на пол рядом с собой и сделал вдох, приготовившись читать заклинание. Не успел он договорить первый слог, как ворота открылись. Они были такие же, как и в первый раз – такие же цвета, такая же яркость света, такие же движения – но все случилось гораздо быстрее, помимо его ожидания и воли. Было ясно, что он больше не контролирует процесс. Демон просто взял и появился.

– Валмаксиан, мой старый друг, – голос демона странным образом порождал эхо, хотя они находились вне помещения. – Чем я могу помочь тебе на этот раз?

Валмаксиан положил руку на посох и попытался унять дрожь... руки, а не посоха. Посох лежал на месте, холодный и безразличный.

Взгляд Эн'Сэль'Динена скользнул к оружию, и серебристые глаза демона широко раскрылись. Уголок его рта приподнялся.

– А, – прорычал он, – посох... Посох Валмаксиана.

Сердце эльфа забилося быстрее.

– Посох Валмаксиана... – повторил он. Да, посох будет носить его имя, решил Валмаксиан, он пронесет его имя через века.

– Чего изволите, сэр? – прошипел демон.

– Карающий удар, – сказал Валмаксиан, поднимая посох и кладя его на колени перед огромным чудовищем. – Карающий удар, всепожирающий огонь, воля, сознание, личность. Он должен жить и знать. Он должен

осознавать себя, знать своего создателя, упиваться своей и моей властью. Он должен жить вечно. Он должен стать достойным руки бога.

Демон ухмыльнулся, показывая свои ужасные, острые клыки, затем произнес:

– Нехилый список.

– Стоит все, что угодно, – выдохнул Валмаксиан. Всякая сдержанность и даже здравый смысл покинули его, уступив место чистым амбициям. – Посох должен стоять королевского... нет, божественного выкупа.

Демон сделал шаг вперед, но Валмаксиан даже не моргнул.

– Я просил плату за то, что дал тебе, – сказал Эн'Сэль'Динен. – Ты готов расплатиться со мной сегодня?

Валмаксиан с издевкой усмехнулся:

– Ты не...

– Я дал! – гаркнул демон.

Валмаксиан встал, выпрямил спину и приподнял одну бровь:

– До меня ты служил моему учителю, потом стал служить мне. Ты будешь и впредь мне служить.

– Я назначаю свою цену, эльф, – последовал единственный ответ демона.

Не собираясь давать ничего этому жалкому, магически связанному существу, Валмаксиан пожал плечами:

– Называй свою цену, и покончим с этим.

Демон фыркнул, выпустив облачко ядовитого желтого газа, и сказал:

– Часианна.

Несмотря на уверенность, что Эн'Сэль'Динен ничего не сможет сделать вопреки его воле, что заклинание привязки обязывает демона подчиняться, Валмаксиан почувствовал, как кровь стынет в его жилах.

– Что ты сказал?

– Девушка, – прорычал демон. – Часианна. Ты знаешь, о ком я говорю.

– Почему? – вырвалось у Валмаксиана. То, что Эн'Сэль'Динену было даже известно ее имя, пошатнуло его уверенность.

– Ее кожа, – демон практически прошептал, – она мягкая? Мягкая на ощупь? Теплая и приятная?

Голова Валмаксиана опустилась, и демон захохотал. От его смеха Валмаксиану стало плохо.

– Ты заплатишь мне, – прошипел демон. – Я больше не связан... и никогда не был связан тобой. Твой учитель, этот ублюдок Келаэрид, он ведь пытался предупредить тебя, не так ли? Пытался сказать тебе, что ты никогда не сможешь контролировать меня и что все, что ты от меня получишь, будет стоить свою цену.

– Убирайся. – Поспешность, прозвучавшая в голосе Валмаксиана, выдавала отсутствие уверенности. – Возвращайся в Бездну и больше никогда...

– Глупец, – прервал его Эн'Сэль'Динен. – Я получу ее мягкую кожу, ее податливые губы и ее вздымающуюся...

Валмаксиан выкрикнул командное слово, и сверкающие магические заряды вылетели из конца посоха. Они пересекли небольшое расстояние, отделяющее эльфа от демона, прежде, чем Валмаксиан успел закрыть глаза от внезапной вспышки света.

Вспышка была слишком яркой для волшебных стрел.

Маг открыл глаза и дико заморгал. Пурпурные пятна вскоре рассеялись, а демона уже не было. Стрелы должны были ранить его; разумеется, они бы его не убили, да и распылить бы тоже не смогли. Но демона нигде не было видно.

– Часианна, – выдохнул Валмаксиан, затем развернулся и побежал вниз по ступеням, бормоча слова заклинания, которое должно было в мгновение ока перенести его к дому единственного эльфа на всем Ториле, которого он по-настоящему любил.

Держа посох перед собой, Валмаксиан прошел через последнюю межпространственную дверь и оказался в доме Часианны. Он ожидал увидеть демона Эн'Сэль'Динена, ожидал увидеть, как Часианна и ее слуги отбиваются от монстра, думал вот-вот присоединиться к схватке. Но в доме было пусто, и этого он ожидал меньше всего.

В обставленной со вкусом гостиной, в которой он стоял, было темно и тихо. Эльф увидел перевернутый золотой столик филигранной работы, разбитую хрустальную вазу, лежащую рядом, и единственную лилию на длинном стебле, которая уже завяла на мокром ковре.

– Часианна! – крикнул Валмаксиан, и его голос эхом отразился от сводчатого потолка.

Он затаил дыхание в ожидании ответа, но ничего не услышал. Осмотрев комнату, он убедился, что остальные вещи находятся на своих местах. Вся комната была заставлена ценным антиквариатом, и некоторые предметы были зачарованы самим Келаэридом. Валмаксиан знал каждую вещь и понял, что ничего не пропало.

Он быстро пересек гостиную, вышел через широкий дверной проем в переднюю и направился к лестнице. Стук его каблуков по мраморному полу с шахматным узором посылал вверх звонкое эхо.

– Часианна! – снова крикнул эльф, но ответа опять не последовало. Остановившись у подножия лестницы, он открыл рот, чтобы в третий раз позвать девушку, как вдруг услышал какой-то звук. Сначала ему показалось, что кто-то кричит, но затем по спине Валмаксиана пробежал холодок. Это был не крик – звук был слишком неестественным, не эльфийским. Он напоминал завывание ветра, дующего... где? В горах? В узком каньоне?

Валмаксиан не стал задумываться над тем, почему у него возникла именно такая ассоциация. Вместо этого, он рванул вверх по ступеням,

взметнув полы мантии и вцепившись одной рукой в перила; в другой он держал посох.

– Часианна! – еще раз позвал он, поднимаясь по лестнице. Его ноги уже начали болеть, когда он взбежал на верхнюю ступеньку, но Валмаксиан не обратил на это никакого внимания. Он подошел к широким двойным дверям, ведущим в спальню Часианны, – они были закрыты – и обнаружил сразу две вещи: у спальни не было служанки, которая всегда открывала двери для него, и сквозь щель под ними просачивался яркий красный свет, не имеющий ничего общего с теплым оранжевым свечением каминного огня. Валмаксиан коснулся железной дверной ручки, но тут же, обжегшись, отдернул руку. Выругавшись, он взял уголок своей мантии и, используя его в качестве прихватки, открыл дверь.

Он словно вошел в доменную печь. Личная комната Часианны была большой – под стать женщине ее класса. В тридцати метрах от дверей, в том месте, где Валмаксиан ожидал увидеть стену, возле которой стояла кровать, была пустота. Создавалось ощущение, будто вся часть дома, в которой располагалось крыло для прислуги, просто-напросто отвалилась. Комната выходила наружу, но не Силуваниди увидел Валмаксиан в зияющей дыре. Там, «снаружи», простирался мрачный ландшафт из песка и камня – мертвый, бесплодный, окутанный кроваво-красным светом. Порывы ветра обрушивались неестественными, обжигающими волнами, а в воздухе, полном раскаленного песка, стоял отвратительный запах... нет, тысячи отвратительных запахов.

Валмаксиан, замерев в дверях спальни своей возлюбленной, смотрел в глубины самой Бездны.

– Часианна!!

Какая-то фигура показалась из-за выступа искривленного, обточенного ветрами валуна.

Валмаксиан шагнул вперед, посох стукнулся об пол рядом с ним.

– Часианна... это ты?

Вторая фигура вышла из-за другого булыжника, потом третья, потом четвертая. Валмаксиан сделал еще один шаг вперед. Его сердце бешено колотилось, а пот начинал лить уже градом.

Он увидел, как в песчаном вихре Бездны появились еще фигуры. Они были сгорбленными, обрюзгшими и, как эльфы, имели две руки, две ноги и одну голову. На этом сходство заканчивалось. Ростом существа были не выше метра, и их бледная, серая кожа казалась почти багровой в демоническом свете. В разинутых ртах виднелись неровные ряды заостренных клыков. Пухлые, похожие на детские, пальцы оканчивались длинными, массивными когтями. Монстров было больше дюжины, и когда Валмаксиан остановился, они кинулись вперед. Маг выбросил перед собой посох и произнес знакомую теперь команду. Заряды волшебной энергии вылетели с конца посоха (ровно пять штук) и, разделившись, устремились в направлении сгорбленных фигур. Пятеро упали, но

остальные продолжали надвигаться, тогда Валмаксиан выпустил еще пять стрел – и еще пять монстров рухнули замертво.

Так он мог убить многих, но на место пяти упавших вставляли семь-восемь новых чудовищ, которые появлялись из-за камней и выступали из песчаного вихря. Валмаксиан произнес другую команду. Первый маленький демон, наткнувшись на невидимую, но прочную стену, вызванную эльфом, отпрянул в удивлении. Другие демоны – дретчи, вспомнил Валмаксиан – сгруппировались вдоль стены, колотя по ней, царапая и даже кусая.

Валмаксиан шагнул через ворота и почувствовал, что падает. Это длилось не дольше секунды – и вот он уже вдыхал горячий воздух, поднимающийся от песка. Воздух обжигал его кожу подобно жаркому летнему солнцу, и даже сквозь подошвы своих крепких сапог Валмаксиан ощущал тепло песка.

Эльф посмотрел наверх и встретился взглядом с особо толстым дретчем, стоявшим по другую сторону невидимой стены. Существо оскалилось, обнажив игловидные зубы, глаза выпучились, а ноздри запылали. Валмаксиан почувствовал дрожь во вспотевших руках. Он сделал вдох и замер, поняв, что чудовище применило магию. Он тут же взял себя в руки – его не так легко запугать, его вообще не запугать.

Эльф улыбнулся и стал произносить сложные слова заклинания. Дретч хотел напугать его, но Валмаксиан тоже умел пугать и делал это лучше. Заклинание слетало с его языка, руки двигались в замысловатом рисунке. Валмаксиан почувствовал, как магическая энергия вырвалась наружу. Он ничего не увидел, но знал, что дретч и его толстые спутники увидели – увидели свои худшие кошмары, самые страшные и зловещие образы и познали ужас, который вселился в их сердца, ворвался в их хрупкую психику и смел все на своем пути. Они бросились врассыпную, теряя жидкость на раскаленном песке, визжа и что-то вопя на непонятном наречии демонов, которого Валмаксиан, к своему облегчению, не знал.

Но разбежались не все. Несколько дретчей умудрились найти лазейку в силовой стене, и остальные последовали за ними. Десятки других продолжали появляться из-за камней, а некоторые вылезали даже из песка, как зомби из могил. Валмаксиан забрасывал их сверкающими зарядами сконцентрированной энергии Плетения. За раз он сваливал пятерых: пять, десять, пятнадцать, двадцать...

Один дретч приблизился к Валмаксиану на расстояние нескольких шагов и выплюнул облако газа. Испарение подхватило ветром и стало перемещаться с его скоростью, хотя и недостаточно быстро из-за кружащегося в воздухе песка. Серо-зеленое газовое облако было похоже на миниатюрную грозовую тучу. Валмаксиан сразу же почувствовал его запах, и его затошнило – вонь была неподдающейся никакому описанию. Маг выпалил еще одно заклинание и развел руки в сторону. Внезапно

возникший порыв ветра сбил с ног нескольких маленьких демонов и разметал клубящееся зловонное облако в песчаном вихре.

Чтобы сотворить заклинание, Валмаксиану нужно было хотя бы чуть-чуть сосредоточиться, и вот когда его внимание было отвлечено волшебством, острые, зазубренные когти дретча вонзились в его тело. Эльф зашипел от боли и ударил дретча посохом. Изящное оружие размозжило голову монстра, забрызгав песок серо-зеленой жидкостью. Еще один маленький демон приблизился, чтобы занять место убитого дретча, и Валмаксиан, взмахнув посохом, ударил им в грудь монстра с такой силой, что проломил ребра, порвал кожу и выпустил наружу содержимое желудка. Демон, вскрикнув, испустил дух.

Затем все вокруг потемнело. Тьма не была естественной: это была не ночь, и Валмаксиан не ослеп. Эту тьму могло создать только Плетение. Валмаксиан действовал быстро. Он слышал, как к нему подбираются другие монстры. Пробормотав заклинание, он почувствовал, как его кожа стала тверже, почувствовал резкое прикосновение чего-то жесткого, но боли не было. Затем послышался звон, словно чем-то твердым ударили по металлу. Валмаксиан улыбнулся, хоть это было и не просто, после того как его кожа превратилась в железо.

В его правую ногу вцепился дретч, но Валмаксиан не видел его. С другой стороны он почувствовал еще одну руку, которая начала обхватывать его за талию. Эльф проговорил командное слово, и освещение вокруг вновь стало нормальным, тускло-красным. Посохом он убил дретчей, пытавшихся уронить его на землю. Их мозги были гладкими и желтыми.

С помощью волшебных стрел он прикончил еще пятерых, приблизившихся к нему под прикрытием темноты. Валмаксиан понял, что должен смириться с тем фактом, что эти дретчи всегда будут больше бояться Эн'Сэль'Динена, а не его, независимо от того, сколько заклинаний он истратит и скольких дретчей еще убьет.

Магическими зарядами эльфийский волшебник свалил еще нескольких чудовищ, подошедших слишком близко, но при этом сам отступил назад, чтобы выиграть время. Он наблюдал за тем, откуда они выходили, заметив, что все они двигаются, придерживаясь одной стороны, и скапливаются у входа в узкое, продуваемое ветрами ущелье. Он видел, что они блокируют ему путь, но только в этом направлении. Особого ума не требовалось, чтобы понять, что дретчи охраняют ущелье – охраняют путь, ведущий к Эн'Сэль'Динену и Часианне.

Валмаксиан повернулся и пошел к ущелью. Некоторые дретчи впереди оказывались достаточно храбрыми (или напуганными), чтобы бросить ему вызов. Одних он убивал ударами посоха по голове, других – волшебными стрелами, третьих – заклинаниями. Запах внутренностей маленьких демонов, их пот, страх и кровь пропитали горячий воздух и раскаленный песок. Валмаксиан не считал, скольких убил. Возможно, и тысячи.

Он просто продолжал идти вперед.

Демон сорвал с нее всю одежду, и кожа Часианны стала красной в горячем, душном воздухе Бездны. Ее руки были связаны за спиной, а во рту торчал кляп, чтобы девушка не могла колдовать. Эн'Сэль'Динен мощной рукой крепко держал ее за длинные волосы. Слеза оставила дорожку на ее грязной щеке, глаза были красными и опухшими, на руках виднелись глубокие порезы, колени были разбиты в кровь, а все тело покрывали синяки. Девушка была в ужасном состоянии, но то, что она была жива, делало ее в глазах Валмаксиана самым прекрасным созданием на свете.

– Демон! – крикнул Валмаксиан, напрягшись, чтобы сдержать жестокий приступ кашля.

Эн'Сэль'Динен ухмыльнулся. Дретчи, окружавшие его, разбежались и попрятались за гротескными каменными фигурами, разбросанными по продуваемой ветрами пустоши. Серебристые глаза демона пылали красным огнем в темно-оранжевом свете, который, казалось, лился прямо с неба. Солнца не было – ничего такого закономерного и постоянного не было в хаотичных глубинах бесконечной Бездны.

– А, Валмаксиан, – прогремел Эн'Сэль'Динен. – Наконец-то. Ты хорошо справился с дретчами, браво, мой старый друг! Давненько я не видел, чтобы кто-нибудь смог уничтожить так много за такой короткий промежуток времени.

Валмаксиан не удостоил демона ответом, он смотрел на Часианну.

– Ты... – начал он, обращаясь к девушке.

– Она не ответит тебе, эльф, – перебил демон. – Она теперь принадлежит мне – телом, если не душой.

Валмаксиан, раздался в голове золотого эльфа голос Часианны. Моргни, если слышишь меня.

Валмаксиан моргнул, и Часианна с облегчением опустила голову.

Как ты это делаешь? мысленно спросил Валмаксиан.

– Я был прав насчет ее кожи, мой друг, – прорычал демон. – Она такая же мягкая, как кишки дракона, но мне придется опустошить ее несговорчивый разум.

Он скоро услышит, сказала в ответ Часианна. Ты можешь его победить, но тебе придется пожертвовать посохом.

– Я знаю, – ответил вслух Валмаксиан.

Эн'Сэль'Динен посмотрел вниз на Часианну, его кривая ухмылка мгновенно исчезла.

– Сука, – зарычал демон. – Первое, чего я лишу тебя, будет этот маленький трюк.

Демон открыл клыкастую пасть и наклонился над девушкой, придвинув ее ближе к себе.

Валмаксиан выкрикнул командное слово, и шквал раскаленных добела сфер, вырвавшись из посоха, обрушился на демона с силой, которой хватило бы, чтобы сравнять с землей целый замок на Торице.

Демон вскрикнул, больше от удивления, чем от боли, и швырнул Часианну на горячую землю. Он развернулся к Валмаксиану, взревев:

– Она моя! Ты получил свое в полной мере!

– Я разрываю нашу сделку, демон, – сказал Валмаксиан, – и забираю ее с собой.

Эн'Сэль'Динен с горящими глазами кинулся к нему.

Валмаксиан почувствовал перебои в сердце, и резкая боль сдавила его грудь. Эльф упал на колени; он попытался сделать вдох, но не смог. Его лицо горело, правую руку, сжимавшую посох, свела судорога.

– Остановка сердца, – сказал демон. – Так это называют люди в твоём мире, эльф. Тебе осталось жить считанные секунды.

Валмаксиан не мог говорить, он не мог даже встать. Он бросил взгляд на Часианну, лежащую на песке, ее глаза были широко раскрыты от ужаса. Валмаксиан почти увидел себя, слабого и умирающего, в отражении ее глаз.

Он сломал посох.

Карающий удар был той силой, которую он надеялся получить от демона и которая всегда была внутри него. Эльф мог сам добавить к посоху много могущественных чар, но это потребовало бы таких магических жертв и столько личной энергии, что сил бы у него осталось, как у начинающего заклинателя. Вместо этого, он пожертвовал свободой Часианны, ее телом и своей душой, и теперь у него была только одна возможность все исправить.

Посох разломился с громким треском, почти заглушившим вопль демона.

Волна холода прокатилась по телу Валмаксиана, боль в груди стала меньше, и эльф смог наполнить легкие воздухом.

Он почувствовал грубую, горячую ладонь на своем плече, почувствовал, как его резко швырнули на песок, и как посох выпал из его рук. Он вновь услышал вопль демона, а после – магические слова, такие темные и грязные, что у него побежала кровь из ушей при их звуке.

– Часианна, – выдохнул маг, – прости меня.

Внезапно все стихло – тишина окутала их, словно саван. Боль и стесненность в груди Валмаксиана исчезли, и эльф мог опять свободно дышать. Холода тоже больше не было, его сменил знойный, сухой воздух Бездны. Валмаксиан выплюнул горячий песок и закашлялся. Он кашлял до тех пор, пока его взор не затуманился. Смахнув слезы, выступившие на глазах, он поднял голову и увидел, что Часианне удалось сесть. Новые синяки, порезы и царапины покрывали ее тело. Девушка тоже кашляла, но смогла поймать взгляд Валмаксиана. Кляп сполз с ее лица. Она открыла рот, чтобы сказать, но тут послышался голос демона.

– Это было очень, очень близко, эльф, – тихо и слабо произнес демон.

Валмаксиан огляделся в поисках источника голоса, и его чуть не вытошнило. Демон был разорван на куски силой карающего удара посоха. Красная кровь, такая темная, почти черная, была разбрызгана повсюду, мощная нога демона дергалась на песке в десяти метрах от бедра, к которому когда-то крепилась. Демон смотрел на Валмаксиана одним глазом, второй был уничтожен вместе с левой половиной лица. Голова, державшаяся только на одном плече с одной рукой, каталась на пропитанном кровью песке. Туловище демона было разрезано по диагонали до пояса, правую руку нигде не было видно, а в левой монстр сжимал мелкие обломки посоха.

Валмаксиан с трудом поднялся на ноги, но, едва дойдя до Часианны, опять упал.

– Ты дурак, – крикнул вслед ему демон. – То, что осталось от твоего величайшего творения, всегда будет насмешкой над твоей потраченной впустую жизнью.

Валмаксиан не ответил. У него болело все тело, и он почти физически ощущал пустоту. Он вернется в Силуваниди, в свою мастерскую, владея магией хуже, чем любой из его помощников, и с ним не будет его посоха... ему, и правда, конец.

– Валмаксиан, развяжи мне руки, – попросила Часианна.

– Конец, – пробормотал демон с легким сожалением. – Великий Посох Валмаксиана превратился в щепки.

Эльф долго возился с веревками, но в конце концов Часианна была развязана. Набрав воздух, она начала читать заклинание.

– Держись за меня, – прошептала она на ухо Валмаксиану.

– Конец! – завизжал демон в бессильной ярости, не имея возможности встать и убить двух эльфов, которые уже начали растворяться в воздухе. – У тебя ничего нет!

– Держись за меня, – повторила Часианна, и ветер вокруг стал стихать.

– Мы возвращаемся домой.

Валмаксиан закрыл глаза, крепче вцепился в девушку и улыбнулся.

Последнее, что они услышали в Бездне, был голос демона Эн'Сэль'Динена, разорванного на куски и кричащего:

– У тебя ничего не осталось, эльф! У тебя ничего нет!

Демон ошибался.

НЕОБХОДИМЫЕ ЖЕРТВЫ

Лиза Смедман

Год Бехира (1342 ЛД)

Корвин спускался по узким ступеням в подвал вслед за брюнеткой, любясь ее покачивающимися бедрами. Она двигалась, как танцовщица, в такт музыке, доносившейся сверху, из бара постоянного двора. «Старый Череп» имел сомнительную репутацию, но женщины, которых нанимала Джаэль для обслуживания столиков, с лихвой это компенсировали. Вот у этой, например, был самый прелестный смех и бедра, похожие на...

Что-то было не так. Брюнетка замерла у подножия лестницы. Она стояла неподвижно и смотрела на пол. Позади нее, в темном подвале, мелькнула тень.

Мгновенно протрезвев, Корвин вытащил короткий меч и прошел мимо девушки, отодвинув ее одной рукой за спину.

В дальнем углу подвала зазвенела спущенная тетива, и бедро Корвина пронзила боль, но он даже не взглянул на рану.

– Наверх, быстро! – крикнул он брюнетке, подталкивая ее к выходу. В ту же секунду Корвин заметил тусклые очертания белых волос на черной коже. Дроу.

Корвин бросился в атаку, намереваясь ударить темного эльфа в грудь. Дроу увернулся от клинка со сверхъестественной скоростью и, крутнувшись, пнул сзади по его ноге. Корвин упал на колено, но смог уклониться от кинжала, нацеленного ему в руку. Дроу не стал бить по жизненно важным органам, а это могло означать только одно: кинжал отравлен. Поднявшись на ноги и ощущая жгучую боль от арбалетной стрелы, торчащей в бедре, Корвин каким-то образом сумел перехватить запястье дроу свободной рукой. Запястье было липким – оно было чем-то покрыто, – и это помогло Корвину вцепиться крепче. Он ударил руку темного эльфа об стену и услышал, как выпавший кинжал застучал по полу.

Дроу, выругавшись ему в лицо, высвободил руку и с разворота ударил локтем в висок. Из глаз Корвина посыпались искры, он пошатнулся и чуть не выпустил меч. Размахивая оружием, он заставил темного эльфа отступить, но потом услышал, как скользнуло дерево по камню, и наступила тишина, не считая его прерывистого дыхания и шагов, забарабанивших по лестнице.

Он на чем-то поскользнулся – должно быть, кровь. Посмотрев вниз, Корвин увидел мальчика.

Год Лунопада (1344 ЛД)

Метель жалила лицо Соррелла, когда он пробирался по лесу. Белая завеса постоянно двигалась, то открывая его взору окружающие деревья, то опять скрывая их. Высоко наверху, на скрипучих ветвях, эльфы Кормантора, его Народ, сидели в тепле и уюте за закрытыми ставнями своих домов на верхушках деревьев и праздновали Ночь Середины Зимы.

Он улавливал слабый запах глинтвейна и запеченной оленины с луком, слышал отголоски песен сквозь завывание ветра.

Соррелл кутался в плащ и дрожал. Для него песни остались в прошлом. Боль внутри, словно льдом, сковала его голос.

Он шел, прижав подбородок к груди; на поясе покачивалась булава. Наконец, впереди, в темноте замаячили очертания гигантского дуба. Понадобилась бы дюжина взявшихся за руки эльфов, чтобы обхватить его ствол размером с башню. Приближаясь, Соррелл увидел, что дуб абсолютно черный, как и говорилось в песнях. Ствол, ветви и листья, которые никогда не опадали, ни разу за все пять тысячелетий, были такими же черными, как сердца дроу.

В земле между двумя массивными корнями виднелась дыра. Ступени, скользкие от льда, спиралью спускались вниз, в темноту. Стоя наверху, Соррелл помедлил. Он проделал такой дальний путь, и вот, наконец, он здесь – да к тому же подоспел к Ночи Середины Зимы. Хочет ли он по-прежнему, спустя два года, утопить свою печаль в крови? Рука Соррелла скользнула под плащ, палец опустился в карман на рубашке – карман, расположенный прямо у сердца – и коснулся золотисто-каштанового локона, перевязанного истрепанной лентой.

Соррелл дотронулся до черной коры. Белый свет вспыхнул вокруг его кисти так ярко, что стали видны темные очертания костей под кожей.

– Я отдаю себя тебе, Шевараш, – произнес он безжизненным голосом, ставшим таким от горя. – Я буду оружием в твоих руках, обращай со мной хорошо.

В воздухе пещеры под дубом стоял запах сырой земли и камня – запах Подземья. Пещера была большой, но черные переплетающиеся корни дуба делали ее тесной и узкой. В ней находились десятки эльфов: бледнокожие, стройные лунные эльфы; солнечные эльфы с кожей цвета полированной бронзы; более крепкие лесные эльфы, как Соррелл, и даже пара диких эльфов с черными татуировками на коричневой коже. Все Темные Мстители были одеты в ритуальные одежды веры Шевараша. Эльфийские кольчуги мерцали в свете свечей, которые они держали в руках, на плечи были накинуты кроваво-красные плащи, на головы надеты шлемы с забралами на пол-лица, оставляющие открытыми только глаза и суровые рты.

Один из даэраоватила провел Соррелла к алтарю, стоящему в центре пещеры. Вокруг алтаря лежало сваленное в кучу разнообразное оружие: топоры со сломанными рукоятями, рапиры с зазубренными лезвиями, изрядно потрепанные щиты, расколотые арбалеты без тетив и сотни сломанных арбалетных стрел. Оружие дроу. У Соррелла комок встал в горле, когда он заметил кинжал с навершием в форме паука; в царапине на лезвии еще оставался яд, который со временем стал темно-бурым. От

его вида в сердце Соррелла открылась незаживающая рана, всколыхнув болезненные воспоминания.

Он взобрался по неустойчивой груди сломанного оружия на алтарь. Повернувшись лицом к даэраоватила, он услышал, как эльфы в пещере, мужчины и женщины, принялись оплакивать и причитать. То, что среди служителей Шевараша, были женщины, нисколько не удивило Соррелла; Далмара оказалась сильнее его в ту страшную ночь.

Даэраоватила, который подвел Соррелла к алтарю – солнечный эльф с руками, исполосованными старыми шрамами, – подал ему арбалетную стрелу с белым оперением. Соррелл схватился за концы стрелы: правый кулак смял перья, в левую ладонь впился зазубренный наконечник – острая, и вместе с тем приятная, боль.

Когда плач перешел в вой, даэраоватила кивнул. Соррелл поднял стрелу и сломал ее об колено.

Наступила тишина.

– Соррелл Илитэйн, – торжественно провозгласил даэраоватила, – что ты ищешь?

Его голос был грубым и низким, как у дварфа.

Отравленный кинжал, лежащий на самом верху груди оружия, все еще приковывал взгляд Соррелла. Эльф сглотнул и прошептал:

– Возмездие.

Даэраоватила выкинул руку и схватил Соррелла за рубашку. Он приблизил лицо Соррелла вплотную к своему, его глаза полыхали в прорези забрала:

– Разве твое сердце не горит?

Соррелл заставил себя кивнуть. Он солгал. Его сердце не горело – оно было покрыто льдом.

– Тогда крикни это!

Соррелл отступил на шаг, когда жрец отпустил его. Он сделал глубокий вдох и еще сильнее сжал в кулаках обломки арбалетной стрелы. Перед его глазами возникла страшная картина, увиденная им в ту ночь в подвале. Те, кто был ему дорог больше всего на свете, мертвы.

– Возмездие!

Подняв высоко две половинки стрелы, он вскинул голову к потолку и крикнул:

– Возмездие!

Он стоял напряженно и неподвижно, ожидая, что вот-вот что-то сломается внутри и даст волю скопившимся слезам, которые никак не могли вырваться наружу.

Ничего не произошло.

Он медленно опустил руки.

Другой эльф шагнул вперед, передавая жрецу наполненный кровью шлем. Даэраоватила протянул шлем Сорреллу.

«Интересно, чья это кровь», – подумал Соррелл, но потом решил, что это неважно. Окунув в кровь концы сломанной стрелы, он поднес их к

своему лицу и коснулся ими щек, прямо под глазами. Замерев, он стал ждать. Кровь капала на его руки и стекала по запястьям.

– Клянешься ли ты служить Шеварашу? – спросил жрец.

– Клянусь, – ответил Соррелл.

– Клянешься ли быть оружием возмездия против дроу?

– Клянусь.

– Не знать пощады и не просить ее? Сражаться на земле и под землей? Не знать покоя, пока смерть не придет за тобой?

Соррелл горько улыбнулся. Смерть была бы желанной, она стала бы освобождением.

– Клянусь.

– Никогда больше не смеяться, никогда не улыбаться до того самого дня, пока не будет истреблен последний дроу?

Соррелл стиснул зубы. Он почувствовал, как вспыхнуло пламя в его собственных глазах.

– Клянусь.

Резким движением вниз он нарисовал на щеках две одинаковые красные полосы.

Кровавые слезы.

Даэраоватила опустил наполненный кровью шлем и сказал:

– Тогда добро пожаловать, брат. Присоединяйся к нашей войне.

Соррелл ждал на веранде, опоясывающей Зал Верховного Совета. Через решетчатую внешнюю стену залетали снежинки. Они кружились и падали у его ног. Пол слегка пошатывался в те моменты, когда поддерживающие его ветви склонялись под порывами ветра. Соррелл стоял, ссутулившись, но не утренний мороз был тому причиной. Внутреннее напряжение согнуло его как натянутый лук, когда он обдумывал просьбу, с которой собирался обратиться. Соррелл сжал кулаки – его просьба должна быть удовлетворена.

Через минуту открылась дверь, и из нее вышел лесной эльф с высоким лбом и седыми волосами. На нем была одежда из зеленого бархата с золотой вышивкой; на правом указательном пальце сверкало золотое кольцо с огромным ограненным рубином – печатью Совета. Он закрыл за собой дверь.

Соррелл приложил правую руку к сердцу и низко поклонился:

– Советник Реллиторн.

Пожилой эльф обхватил его за плечи, заставив выпрямиться, и устался на засохшую кровь на щеках. Одна рука потянулась к щеке, словно собираясь стереть кровь, но затем вновь вернулась на плечо. Соррелл почувствовал, как пожилой эльф крепче сжал его плечи, и на какой-то миг ему показалось, что его сейчас заключат в объятия.

– Соррелл. Добро пожаловать домой, племянник. – С этими словами советник отступил на шаг назад, восстанавливая формальную дистанцию.
– Что за важное дело заставило тебя настоять, чтобы я прервал срочное совещание Верховного Совета?

Соррелл стиснул зубы.

– Я слышал о произошедшем сегодня утром нападении, дядя Алкорн. Все в храме только и говорят об этом, после того как Верховный Совет вызвал даэраоватила. Вы собираетесь выслать один из отрядов Темных Мстителей. – Он дотронулся до своей булавы. – Я хочу пойти с ними.

Алкорн покачал головой.

– Ты еще не обучен. Боевой отряд, который мы высылаем, не возьмет тебя с собой, тем более, на такое важное задание. Двое нападавших прошли через портал, связывающий нас с Юирским Лесом; они каким-то образом узнали, как им пользоваться. Это часть разведывательной группы, которая должна быть уничтожена до того, как сумеет вернуться с этой информацией в отправивший ее город дроу. Если мы потерпим неудачу, Кормантору придется столкнуться с крупными силами противника, и при этом в самое неподходящее время.

Соррелл кивнул. После шестисот лет обсуждений Верховный Совет, наконец-то, принял решение. Кормантор, как и до этого Эаэрланн, будет оставлен под натиском нападающих людей. Эльфы отступят на Эвермит – на землю, которую люди никогда не смогут испачкать своим присутствием. Приготовления уже шли полным ходом, и если бы дроу атаковали сейчас, то все усилия пошли бы насмарку.

Соррелл расправил плечи.

– Дроу, которого убили... Я слышал... – Его голос понизился до шепота.
– Мне сказали, что его кулак был вымазан дегтем. Это правда?

Алкорн взглянул Сорреллу в глаза:

– Правда.

Это простое слово будто оглушило Соррелла, приведя его в смятение. Сделав глубокий вдох, он заговорил:

– Дядя, разве ты не видишь за этим руку Шевараша? В Ночь Середины Зимы я принимаю его веру, и уже на следующее утро происходит налет того же самого отряда дроу, который... – Он остановился, с трудом подавив волнение, вцепившееся в его глотку ледяными когтями. – Пожалуйста, – произнес он умоляющим голосом, у него из головы напрочь вылетели все заготовленные слова. – Может, это мой единственный шанс отомстить за Далмару и... и за...

Выражение глаз Алкорна смягчилось. Он оглянулся на дверь, ведущую в Зал Верховного Совета, затем вновь перевел взгляд на Соррелла.

– Я посмотрю, что можно сделать.

Соррелл вернулся в комнату, выделенную ему Темными Мстителями. Из мебели в ней находились лишь сундук для личных вещей и жесткая деревянная скамья для отдыха. Гладкие каменные стены были лишены каких-либо узоров и картин, которые обычно украшали эльфийские дома. Соррелл опустился на край скамьи, крутя в руках кожаный ремешок, свисавший с рукояти булавы, и задаваясь вопросом, сможет ли его дядя выполнить обещание.

Ответ последовал через секунду, когда дверь открыл Пендаран, жрец, принявший Соррелла в служители Шевараша. На даэраоватила были однотонные коричневые плащ и брюки, составлявшие контраст с блестящими доспехами, в которые он был одет накануне ночью. Шрамы на руках и грубый рубец на кончике левого уха свидетельствовали о многочисленных битвах, в которых ему довелось участвовать. Соррелл слышал, что солнечный эльф был офицером-кавалеристом на Эвермите до того, как присоединился к вере Шевараша.

Пендаран держал потрепанный мешок. Он бросил его на скамью и скрестил руки на груди. Руки, как и лицо, имели тускло-серый металлический оттенок, словно были покрашены.

Соррелл посмотрел на мешок, понимая, что это значит. Он чуть было не улыбнулся, но вовремя спохватился.

– Я иду?

Пендаран нахмурил пшеничные брови:

– Да, по приказу Верховного Совета.

Соррелл встал со скамьи, его сердце забило быстрее. Значит, началось – у него появился шанс отомстить.

– Вы не пожалеете.

– Посмотрим. – Пендаран кивком головы указал на булаву Соррелла. – Я заметил, что твое оружие зачаровано. Ты умеешь им пользоваться?

Соррелл поднял булаву из черного терновника. На ней лежали простые чары ускорения, но Пендаран был прав в одном: Соррелл знал это оружие. Он провел месяцы, обучаясь у лучших бойцов, которых смог найти, а потом – еще месяцы, раскалывая крупные шишки и орехи и представляя, что это головы дроу. Соррелл тренировался до тех пор, пока его рука не породнилась с оружием так, как когда-то с лютней. Он мог полдня держать булаву в вытянутой руке без ощутимого дискомфорта. Он был сильным, как любой воин – он мало походил на того, кем когда-то был.

– Я знаю, как им пользоваться, – заверил он Пендарана.

Солнечный эльф кивнул.

– Ты присоединишься к Безмолвным Убийцам, отряду мстителей, который я возглавляю. Будешь булавоносцем.

– Пятое и последнее оружие Шевараша, – процитировал Соррелл. – Булава Маэлат, которую он носит вместе с Шамой, его копьем, и Юкавой, его пращей, когда появляется в облике Эликараши, как зовут его в песнях Юира. – Он кивнул на колчан на бедре Пендарана. – Два других оружия – это Черный Лук и Погибель Предателей, его меч.

Брови Пендарана приподнялись.

– Для новичка ты уже знаешь достаточно много о нашей вере.

– Я выучил это много лет назад в одной песне. Задолго до...

– ...того как напали ассасины Черного Кулака, – закончил за него Пендаран. – Твой дядя рассказал мне, почему ты здесь. – Его глаза впились в глаза Соррелла. – Именно поэтому я согласился взять тебя. Не из-за приказа Верховного Совета, а потому что это твоя битва. – Он помедлил. – Ты должен будешь делать то, что тебе скажут, все так, как тебе скажут, и незамедлительно. Понял?

Соррелл энергично кивнул:

– Понял.

Глаза Пендарана загорелись.

– Мы отомстим. Дроу не знают жалости и не заслуживают ее. Это мерзавцы, убивающие мужчин, женщин и...

Соррелл удивленно заморгал:

– Они убили вашего ребенка?

– Почти. – Губы Пендарана дрогнули от волнения. – Ее звали Альфарас. Она была лунной лошадью, верной, яростной в бою... пока арбалетная стрела дроу не пронзила ее сердце.

Соррелл смотрел на него с изумлением. Как можно сравнивать потерю лошади с...

– Я взял ее жеребенком, – прошептал Пендаран. – Она сама вышла ко мне из табуна. Я ездил на ней почти век. Когда-нибудь я буду снова на ней ездить. В Арвандоре.

Он повернулся и поднял мешок.

– Внутри все, что понадобится тебе в Подземье. – Он развязал мешок и вытащил из него пояс с кармашками, в которых находились маленькие металлические фляжки с воощеными пробками.

– Лечебные зелья и противоядия.

Он положил пояс на скамью, затем достал нагрудный ремень с более крупными гнездами, в которых торчали грубо обработанные кварцевые кристаллы.

– Камни-вспышки. С задержкой. Произносишь командное слово, бросаешь в пещеру или расщелину и закрываешь глаза на счет три. Все, что чувствительно к свету, будет ослеплено на достаточно долгое время, чтобы ты успел убить его.

Следующими появились мягкие кожаные сапоги, выглядевшие новыми настолько, насколько старым выглядел мешок. Они были темно-красного цвета с золотистыми узорами. Пендаран уронил сапоги на пол, и, приземлившись, они не издали ни звука.

– Сапоги бесшумных шагов?

– И не только. – Пендаран произнес команду:

– *Леваритин*.

Сапоги плавно оторвались от пола. Пендаран, вытянув руку, остановил их, пока они не успели подняться к потолку.

– *Десенталлан.*

Сапоги так же плавно стали снижаться. Жрец вопросительно взглянул на Соррелла:

– Запомнил?

Соррелл кивнул.

– *Леваритин... десенталлан. Запомнил.*

Сапоги взлетели и опустились.

– Хорошо. – Пендаран вынул из мешка тонкую серебряную цепочку, на которой покачивалось кольцо из бесцветного стекла. Расстегнув цепочку, он освободил кольцо и протянул его Сорреллу. – Надень.

– На какой палец?

– Без разницы.

Соррелл надел на левый указательный палец. Волшебное кольцо приняло нужный размер, после чего исчезло из виду. Соррелл чувствовал его, но не видел.

– *Ванессариль*, чтобы стать невидимым, – учил Пендаран. – *Маниферриль*, чтобы стать видимым.

Соррелл повторил первое командное слово.

Невидимость дарила странные ощущения. Он еле сдержался, чтобы не обернуться кругом в поисках своего внезапно исчезнувшего тела. Это было так необычно, и у него даже слегка закружилась голова.

– *Маниферриль*, – произнес он, испытывая облегчение, что может опять видеть свои ноги.

– Ты привыкнешь, – сказал Пендаран. – Но не полагайся на него полностью. В Подземье полно ловушек и защитных механизмов, способных убить тебя хоть видимого, хоть невидимого.

Соррелл опустил руку.

– Когда мы выходим?

– Как только ты наденешь все это.

Пендаран вынул из мешка железную фляжку и протянул ее Сорреллу. Она была заткнута пробкой, как и фляжки с зельями, однако восковая печать была сломана, а края – испачканы чем-то серым. От фляжки исходил запах ила и трав.

– Волшебная маскировочная краска, – объяснил Пендаран. – Раздевайся и намажь ею все тело... даже те места, что скрыты от глаз.

Соррелл встретил взгляд Пендарана. Даэраоватила проверял его, он хотел посмотреть, не забыл ли Соррелл свою клятву и не улыбнется ли на шутку. Однако завуалированный намек на интимные отношения лишь напомнил Сорреллу о Далмаре... и детях.

Сердце эльфа вновь покрылось ледяной коркой.

– Что-то не так? – спросил Пендаран.

Соррелл покачал головой:

– Нет, сэр. – Титул непроизвольно сорвался с его губ, но показался Сорреллу вполне подходящим. Он посмотрел в глаза Пендарану и

хлопнул ладонью по рукояти булавы. – Жду с нетерпением, когда начну крушить черепа дроу.

– Отлично. Когда закончишь, присоединяйся к нам у Дуба Шевараша. Я буду инструктировать отряд там.

Соррелл стоял у портала вместе с остальными членами боевого отряда Пендарана, ожидая, когда два эльфа очистят его от снега. Его взору открывались свидетельства недавней схватки. Снег, выпавший уже после, не смог полностью запорошить кристаллизированные красные пятна – замерзшую кровь.

Пендаран инструктировал свой отряд:

– Дроу было двое. Один убит, второй удалось убежать через портал. Она была серьезно ранена и оставила следы, по которым пошли полуэльфы. Следы привели к пещере, вход в которую не больше трещины; полуэльфам пришлось воспользоваться магией, чтобы увидеть, что внутри. Они заметили расщелину, ведущую вниз, в Подземье. По отпечаткам сапог им удалось установить, что всего дроу было пятеро.

Пендаран провел исполосванной шрамами рукой по своим пшеничным волосам.

– Разведчики-талакз, – заключил он, вставив слово из языка дроу. – Один убит, четыре ушли. Одна из этих четырех ранена и задерживает остальных. Судя по всему, командир, иначе они бы прикончили ее.

Слушая, Соррелл разглядывал остальных трех членов отряда Пендарана.

Кора была диким эльфом с большим количеством татуировок на темно-коричневой коже и волнистыми черными волосами; настороженная и недоверчивая, как и всякое лесное создание, вздрагивающее от резкого движения. Вокруг лба, словно неугомонная муха, кружился маленький синий камушек – магический, по всей вероятности. На поясе висела праща, а рядом – пухлая кожаная сумка, набитая камнями-снарядами. Несмотря на снег, девушка была босая.

Родственная связь между другими двумя, Найреном и Адаиром, была очевидна. У обоих был треугольный подбородок, тонкие вскинутые брови и узкий нос. Несомненное сходство позволяло предположить, что они братья, хотя Найрен, у которого на поясе висел меч, был чистокровным лунным эльфом, а Адаир, опиравшийся на короткое копье, был наполовину человеком. Оба отличались высоким ростом и стройным сложением, светлой кожей цвета сливок и шелковистыми черными волосами, отливающими синим. Найрен заплетал сзади тонкую косичку; Адаир носил волосы распущенными, правда, создавалось впечатление, будто их обкромсали по плечи ножом. В волосах Адаира виднелись седые пряди – он выглядел в два раза старше Найрена. Но полуэльфы старели быстрее, и между ними, наверно, в действительности был лишь год разницы.

Оба были еще достаточно молоды. Сложив свои года, они едва достигли бы возраста Соррелла, которому было сто двадцать шесть лет.

Что до Пендарана, то солнечный эльф, вне всякого сомнения, был вдвое старше Соррелла, явно перевалив за третью сотню. Этим утром он вооружился черным, как ночь, луком с кроваво-красной тетивой. Колчан на поясе, рядом с кинжалом в ножнах, вмещал двенадцать стрел с красным оперением.

Метельщики отошли в сторону.

Портал представлял собой мозаику, выложенную галькой на лесной почве. Темно-зеленые камни изображали огромные листья, которые спиралью закручивались к центру рисунка. Только наступая на листья в определенной последовательности, можно было активировать магию портала. Соррелл никогда раньше не пользовался им, и теперь должен был смотреть внимательно, куда наступают другие, если не хотел, чтобы его оставили здесь.

Он думал, что Пендаран сразу же тронется в путь, но даэраоватила возился со шнурками маленького шелкового мешочка. Остальные члены отряда обступили его в ожидании. Соррелл присоединился к ним, испытывая на себе колющие взгляды.

Пендаран высыпал содержимое мешочка на мозолистую ладонь: пять колец, сделанных из какого-то коричневого материала, похожего на кость. Он протянул руку; Кора, Найрен и Адаир взяли по кольцу. Соррелл, колебавшись, взял пятое. Он надел его на левую руку, рядом с кольцом невидимости. В тот же миг его восприятие обострилось в несколько раз. Он знал обо всем, что происходит вокруг него, как будто смотрел и слушал в нескольких направлениях одновременно. Его разум заполнился голосами.

...грязные любители пауков. Мужской голос – либо Найрен, либо Адаир.

Серебряный пятак говорит, что я свалю больше, чем ты. Голос, похожий на первый, только более низкий, более человеческий.

Удачной охоты. На этот раз женский голос с различным акцентом дикого эльфа. Кора.

Прекратите болтать, приказал Пендаран.

Голоса смолкли.

Пендаран повернулся к Сорреллу.

– Чтобы воспользоваться кольцом, представь, что ты говоришь с тем членом отряда, к которому хочешь обратиться, – сказал он вслух.

Соррелл сосредоточился. *Вот так?* Он увидел, как поморщился Адаир. *Не так громко,* рявкнул Найрен. *Ох уж эти новички,* проворчал Адаир, качая головой. Соррелл холодно взглянул на полуэльфа. Адаир явно хотел, чтобы он это услышал. *Пошли,* раздался приказ Пендарана.

Соррелл думал, что Пендаран пойдет первым, но первой шагнула в портал дикая эльфийка Кора. Пендаран последовал за ней.

Ты следующий, сказал Найрен, кивая. *Новичок всегда идет посередине, там, где от него меньше всего вреда. Запомни это.*

Соррелл не обратил внимания на это замечание. Безмолвные Убийцы работали в команде почти шесть лет (он услышал об этом накануне), и, очевидно, у них были свои правила. А Сорреллу только предстояло проявить себя. Он кивнул и наступил на первый листок, наблюдая за тем, куда ставит ноги Пендаран. Найрен и Адаир последовали за ним.

Кора достигла центра спирали и исчезла. После нее – Пендаран. Вот он стоял прямо перед Сорреллом, а в следующий миг его не стало. Лишь едва заметное мерцание в воздухе отметило переход. Соррелл, чуть помедлив, наступил на центральный листок.

Он словно попал в циклон. Мир вокруг бешено завертелся, деревья, замелькав, размазались. Он качнулся, как пьяный, и упал на четвереньки. Подняв голову, он увидел, что Пендаран, слегка нахмурившись, смотрит на него сверху вниз. Соррелл встал на ноги, не обращая внимания на царапины на руках... и на гордости.

Найрен, затем Адаир, вышли из центра портала.

Мозаика, на которой они оказались, выглядела так же, как первая, только листья были красными. Пендаран огляделся, затем махнул рукой, давая знак двигаться.

Соррелл шел в середине группы, как ему сказали. В Юирском Лесу снега не было. Земля была чистой, хотя на ветвях звякали сосульки. А еще было холодно; у Соррелла изо рта шел пар. Раньше в такую погоду он всегда укутывал шею и прикрывал рот, чтобы защитить голосовые связки.

Сейчас он глубоко дышал, с наслаждением заполняя легкие колючим морозным воздухом.

Вскоре впереди показался гранитный выступ. Пендаран остановил отряд, указывая на трещину в скале шириной не больше ладони. *Вот здесь.*

Он огляделся и тихо свистнул. Мгновение спустя от ближайшего дерева отделилась какая-то коричневая фигура. Полуэльфийка. Ее плащ с накинутым на голову капюшоном и штаны были точно таких же оттенков, что и окружающий лес, а руки и лицо вымазаны пятнистой коричневой краской. Если бы не ярко-синие глаза, Соррелл вряд ли бы заметил ее, даже вблизи. Сапоги на девушке, по-видимому, тоже были волшебные, так как двигалась она абсолютно бесшумно. В одной руке полуэльфийка держала лук с натянутой тетивой. Она заверила Пендарана, что с утра никто не проходил через трещину.

Пендаран посмотрел на Найрена.

Дикая эльфийка стояла с закрытыми глазами, вытянув руки в сторону прохода. Пендаран кивнул.

Адаир приложил к трещине копье и начал что-то нашептывать.

Пендаран еще раз кивнул.

Найрен, взглянув на командира, покачал головой.

Соррелл понял, что Безмолвные Убийцы переговариваются между собой, обмениваются мнениями, исследуя пещеру с помощью магии. Он

почувствовал себя чужаком, сторонним зрителем, смотрящим представление, в котором ему принять участие не разрешили.

Готовься, сказал Пендаран. *Мы идем внутрь*. Он повторил вслух последние слова для полуэльфийки, которая все это время стояла на страже. Девушка махнула рукой и продолжила следить за лесом.

Остальные члены отряда положили руки на плечи командира. Когда Пендаран бросил на него нетерпеливый взгляд, Соррелл последовал их примеру. Он заметил, что другие стоят, чуть пригнувшись, и тоже пригнулся. Губы Пендарана задвигались в беззвучной молитве, и жрец шагнул вперед. У Соррелла возникло ощущение, будто его тело растянули и дернули – и вот он уже стоял внутри пещеры.

Покрытые льдом гранитные стены были неровными и шероховатыми, пол был усеян каменной крошкой. Соррелл начал выпрямляться...

Осторожней, болван!

Предупреждение исходило от Найрена – и оно запоздало. Соррелл ударился головой о каменный выступ, который не заметил в тускло освещенной пещере. Поморщившись от боли, он снова пригнулся.

Кора села на корточки у отверстия в задней части пещеры и вытянула над ним руки, ладонями вниз. Адаир и Найрен встали по обе стороны от нее, держа оружие наготове. Пендаран нахмурился, затем кивнул, словно приняв какое-то решение. Кора начала шептать – еще одно заклинание. Не зная точно, что от него требуется, Соррелл стал украдкой поглядывать сквозь трещину в скале на деревья Юирского Леса. Он старался запечатлеть в памяти их образ. Вполне может случиться, что он больше уже никогда не увидит лес.

Переключитесь на зрение Шевараша и активируйте кольца.

Соррелл услышал шепчущие голоса и увидел, как Убийцы исчезли один за другим. Он уже приготовился произнести нужное слово, как что-то у входа в пещеру привлекло его внимание. Сначала он принял это за большого жука, но затем понял, что оно имеет квадратную форму. Заинтересованный, Соррелл подошел ближе.

Он увидел маленькую деревянную коробочку, размером с кукольный домик. Она передвигалась на восьми ножках, похожих на жесткую черную проволоку. Соррелл поспешно убрал ногу с ее пути, когда она вползла в пещеру.

Что за чертовщина?!

Где? спросил Пендаран.

Соррелл не ожидал, что его мысленное восклицание будет услышано. Он начал отвечать вслух, но затем спохватился. Больше никаких ошибок.

На полу, у моей ноги. Маленькая коробка... Наверно, волшебная, предположил он. Чем-то на паука похожа.

Он услышал шепот Кору и увидел искры магической энергии, которые устремились к маленькой коробочке и вспыхнули вокруг нее, потрескивая. Ее ноги подкосились, и она упала.

Соррелл почувствовал чье-то прикосновение. *Не трогай ее*, раздался у него в голове голос Пендарана.

Соррелл отошел назад. Он услышал легкий шорох и понял, что Пендаран присел, чтобы рассмотреть странный предмет. Последовал слабый металлический скрежет – это кинжал заскользил из ножен, а после раздался хлопок, словно вылетела пробка из бутылки. Маленькая коробочка чуть шевельнулась, когда до нее дотронулся кончик невидимого кинжала. Медленно начала приподниматься крышка. Внутри оказался ярко-красный порошок, взметнувшийся облачком, когда крышка полностью откинулась. Из невидимой емкости на коробку полилась какая-то жидкость. Облачко сразу осело, а жидкость заполнила всю коробку, отчего оставшийся порошок зашипел и запузырился.

Ядовитые споры, произнес Пендаран.

Соррелл услышал шорох, когда Пендаран поднялся.

Их должно быть больше, продолжал командир. Они следуют за своими создателями, медленно ползут к расщелине, чтобы упасть и сбросить на нас свой яд. Но милостью Шевараша, нам удалось их обнаружить.

Соррелл был уверен, что эта многословная речь предназначалась для него – для поднятия морального духа. Хотя, возможно, и для просвещения остальных; он услышал низкие голоса братьев, когда те выразили понимание.

Найди остальные, Кора, приказал Пендаран. Обезвредь их.

Соррелл услышал женский голос, шепчущий молитву. Искры магической энергии вырвались из трещины наружу и заплясали вокруг крошечных коробочек, ползущих к пещере. Он почувствовал, что кто-то приблизился к нему... Пендаран.

Закрой глаза, сказал командир.

Соррелл так и сделал, ощутив прикосновение кончиков пальцев на своих веках. Последовала молитва. Когда Соррелл открыл глаза, он мог опять видеть остальных. Или точнее, он мог видеть подвижные ауры, фиксирующие тепло их тел. Тепловые пятна были разных оттенков красного цвета: темно-рубиновый в местах, скрытых под одеждой, ярко-оранжевый на открытых участках тела – руках и лицах. Всякий раз при очередном вдохе возле носов распускались белые завитки, быстро становясь желтыми, затем темно-оранжевыми, затем пурпурными. Уши и пальцы выглядели как капли бордового цвета. Камень в пещере был темно-фиолетовый, почти черный, холоднее окружающего воздуха. Когда эльфы двигались, следом тянулся короткий размытый шлейф остаточного тепла, который быстро таял. Сапоги оставляли тусклые пятна синего тепла на холодной земле.

Эффект был потрясающе красивым и настолько завораживающим, что Соррелл в какой-то момент обнаружил, что бубнит под нос мелодию и обдумывает, как ее можно переложить на стихи.

Затем в голове раздался низкий голос Пендарана, приказывающего спускаться в расщелину. Оружие наизготовку, давал он указания. Внизу пещера больше этой. Возможно, предстоит схватка. При приземлении сразу же рассредоточиться.

Опомнившись, Соррелл потянулся за своей булавой. Он увидел, как Кора встала на пустой воздух над расщелиной и медленно скрылась из виду. За ней последовал Пендаран. Потом настала очередь Соррелла.

– Десенталлан, – прошептал он вслух и шагнул вперед.

Плавнo спускаясь по узкой расщелине и прижимая булаву к груди, он спрашивал себя: было ли воинам из древних песен так же страшно, как ему сейчас?

Но время песен давно осталось позади.

Они долго шли по Подземью – должно быть, на поверхности уже давно перевалило за полночь, – прежде чем Пендаран, наконец, решил объявить привал. Переход был тяжелым и вовсе не таким, как ожидал Соррелл. Он представлял себе коридоры Подземья наподобие лесных троп: более твердых и извилистых, но все же позволяющих передвигаться шагом и в полный рост. Но все оказалось совсем по-другому. Они карабкались по неровным каменным склонам, протискивались через проходы настолько узкие, что Соррелл боялся дышать в полную силу, чтобы не застрять, левитировали с помощью волшебных сапог вверх и вниз по соединяющимся расщелинам и продирались через каверны с такими низкими потолками, что всю дорогу приходилось ползти на животе, уткнувшись носом в подошвы сапог ползущего впереди. Они держали высокий темп, остановившись лишь раз: Адаир пробормотал молитву, давшую им хлеб с орехами и наполнившую водой кожаные чашки – еда, которую они поглощали молча и в спешке. И несмотря на все это, они даже не чувствовали, что приближаются к своей добыче; дроу опережали их намного.

К тому времени, как Пендаран понял, что нет смысла выматывать себя окончательно, Соррелл, грязный и потный, уже еле стоял на ногах. Он не стал возражать, когда Пендаран разрешил Коре и ему отдохнуть первыми.

Время пролетело незаметно, Сорреллу показалось, что он только начал погружаться в Покой, когда Пендаран уже теребил его за плечо.

Твоя очередь сторожить, сказал командир. Он указал на нижний коридор. Смени Найрена. До него пятьдесят шагов, он стоит у входа в огромную пещеру, которую мы прошли.

Соррелл кивнул, выпрямил ноги и встал. Несмотря на усталость, он был рад дежурству. Был рад тому, что его тоже включили. Нагнувшись, он пошел назад, по коридору с низким потолком. Волшебные сапоги не издавали ни звука, даже когда он ступал по твердому камню.

Подойдя к тому месту, где должен был стоять лунный эльф, Соррелл никого не обнаружил.

Найрен?

Он стал вглядываться в пещеру. Она была такой же широкой, каким высоким бывает дерево, примерно в три человеческих роста. На полу проступали темно-красные пятна – то были светящиеся грибы, которые росли отдельными группами посреди камней. Их яркий цвет, выделяющийся на темном фоне холодного пола, был настоящим.

«Малиновые плеваки», так назвал их Пендаран. Потревоженные, они выпускают облака смертоносных спор, подобных тем, что содержались в маленьких коробочках.

Темные эльфы проследовали этим путем, но не по полу. Мерцающие голубые лишайники, цепляющиеся за потолок пещеры, были ободраны в тех местах, где их, судя по всему, задела дрею. Лишайники заметила Кора, хотя поначалу ей показалось подозрительным, что темные эльфы были так неосторожны. Если бы не она, Соррелл ни за что бы не обратил на них внимания. Он стал внимательно изучать потолок: не умудрился ли Найрен каким-нибудь образом спрятаться там?

Найрен? позвал он снова. Где ты?

Рука дотронулась до его плеча. Соррелл быстро обернулся и увидел, что рука появилась из твердого камня. Затем из стены вышел Найрен; его кожа, согреваясь, сменяла цвет с темно-синего на красный, пока камень выпускал его из своих объятий. Отряхнувшись, он указал на трещину в стене у входа в пещеру.

Тебе нужно хорошенько спрятаться, сказал он. Если только ты не владеешь магией.

Последняя фраза была произнесена с явным вызовом. Соррелл владел магией. Этой магией был его голос. Своим пением он мог пленить даже самую буйную публику, умиротворить драчливых пьяниц, прежде чем те успеют пустить в ход свои кулаки, заставить слушателей смеяться до слез и убаюкать самого беспокойного ребенка. Последнее он проделывал столько раз, столько ночей, еще в то время, когда Ремми был маленьким...

Ледяной комок снова встал в горле. Соррелл заморгал, чтобы избавиться от внезапного жжения в глазах, и покачал головой. *Незначительная магия барда,* ответил он. *Ничего полезного.*

Найрен недовольно хмыкнул. Смотри в оба, предупредил он. Не думай, что если мы уже прошли здесь, то пещера безопасна.

Голос Кору: Он на посту?

Соррелл втиснулся в трещину в скале.

Найрен: Да, я сейчас приду.

Лунный эльф тихо удалился. Соррелл заворожено смотрел, как синие отпечатки сапог медленно исчезают на полу туннеля, затем вспомнил о своих обязанностях. Повернув голову, он стал зорко следить за пустой пещерой.

Послышался короткий мысленный обмен словами, когда Кора доложила, что сменила Адаира, и когда полуэльф присоединился к Найрену и Пендарану на месте привала. Затем наступила тишина, когда те, что не сторожили, погрузились в состояние Покоя.

Время шло.

Сорреллу стало интересно, наступил ли рассвет в мире наверху. Когда они двигались, он мог легко отвлечься, потому что приходилось постоянно изучать окружающую местность в поисках расщелин, туннелей и тех участков, на которые можно поставить ноги. Было легче сосредоточиться на цели: догнать и уничтожить дроу, проделавших брешь в оборонительных укреплениях Кормантора.

Теперь же, когда он просто стоял, он стал слишком хорошо представлять себе, на какую глубину спустился, и какая каменная толща сейчас над его головой. Рассматривая холодные, темно-фиолетовые стены, он размышлял о том, сможет ли когда-нибудь снова увидеть дневной свет.

Одиноко?

Голос Коры. Прозвучал так, словно она стояла рядом. Соррелл вздрогнул от неожиданности, и ему стало интересно, передало ли кольцо его мысли. Вроде, оно должно передавать только направленные сообщения, и только определенному получателю.

Я себя так же чувствовала в своем первом походе, продолжала дикая эльфийка. Чужой. У меня не было ничего, когда я пришла к Шеварашу. Безмолвные Убийцы стали моим кланом... со временем ты тоже освоишься. Ты заслужил место среди нас, обнаружив ползучие коробки – то, что должна была обнаружить я. Найрен и Адаир примут тебя рано или поздно. Пендаран уже доверяет тебе, позволив сторожить. Ее мысленный голос хихикнул. Хотя и на безопасном посту. Если бы мы свернули, было бы, наверно, по-другому.

Соррелл, слушая, бдительно следил за туннелем – он решил, что не позволит себе во второй раз ослабить внимание. Акцент Коры напомнил ему одного кентавра, с которым он когда-то повстречался.

Откуда ты? послал он мысль.

Несколько биений сердца было лишь молчание, потом: *Из Леса Сатиров.*

Соррелл хорошо знал этот лес. Чондальский Лес, как его называли люди, находился к югу от Аррабара, города, в котором они с Далмарой выступали двадцать с лишним лет назад. Далмара хотела собрать побольше народных песен и настояла на том, чтобы съездить в поселение диких эльфов, расположенное в глубине Леса Сатиров. Кентавр был их проводником. Соррелл напряг память, пытаясь вспомнить имя арфистки, которую они там встретили.

Ты знаешь женщину по имени Бронвинн из Клана Красных Листьев?

Последовавшие мысленные слова Коры были тихими и скупыми. Нет больше Клана Красных Листьев. Пауза, затем: Я была на охоте, когда это произошло. Теперь я охочусь на дроу.

Соррелл удивленно заморгал, но ничего не сказал. А что он мог сказать? Он помнил сочувствующие, добрые слова, которые говорили после его собственной потери. Он знал, что никакие слова не смогут заглушить то горе, о котором он только что услышал, такое громкое, как звенящий колокол, в молчании Кору.

Руки крепче сжали булаву; посмотрев вниз, Соррелл увидел, что его пальцы стали темно-красными.

У тебя... Ему пришлось усиленно моргать какое-то время, прежде чем он смог продолжить. *У тебя был ребенок?*

Я не была тогда матерью, хвала Ангарадх. Зато моя сестра была. Три дочери, все мертвы.

Соррелл почувствовал, как по его грязной щеке покатилась слеза. Она упала на камень у его ног – бусинка темно-синего цвета, ставшая постепенно фиолетовой. Он больше не желал ничего слышать.

К его облегчению, Кора молчала.

Соррелл поднял руку, чтобы вытереть щеку... и замер, услышав шум за спиной: слабые стуки, похожие на шаги на каменном полу. Он стал поворачиваться, чтобы посмотреть, кто из отряда решил прийти, но потом вспомнил о волшебных сапогах.

Развернувшись, Соррелл увидел чудовищную фигуру, бегущую по потолку пещеры и оставляющую в лишайниках после себя темную дорожку. Это была некая помесь дроу с пауком: верхняя часть туловища от темного эльфа вместе с паучьей нижней частью – с луковицеобразным брюшком и восемью ногами.

Сердце Соррелла учащенно билось, когда он вышел из трещины с поднятой булавой навстречу монстру. Он нуждался в пространстве для замаха и надеялся на свою невидимость. Самой лучшей мыслью было скинуть чудовище в гущу малиновых плевак.

Соррелл, что случилось? Голос Пендарана, встревоженный и напряженный.

Монстр! крикнул Соррелл. Полу-паук, полу-дроу.

Чудовище взглянуло ему прямо в глаза.

Соррелл похолодел. Он, должно быть, владеет магией! Он может видеть...

Луч синего света вырвался из одной руки монстра и ударил в грудь Соррелла. Перед глазами эльфа поплыли черные пятна. Он зашатался, едва устояв на ногах. Булава, ставшая внезапно такой тяжелой, повисла в его руках. Монстр, выставив вперед свое брюшко, выстрелил темно-бурой паутиной из пальцевидных прядильных органов. Клейкие нити опутали Соррелла, повиснув на волосах и одежде, облепив лицо и глаза. Он попытался освободиться, но паутина очень крепко приклеилась к каменной стене позади него. Чем больше он размахивал руками, тем

сильнее запутывался. Тем временем монстр втиснулся в туннель и отодрал Соррелла от стены, после чего стал быстро вращать его. Прядильные органы выбрасывали все больше паутины, которая обматывала ноги Соррелла, надежно связывая их.

Не дай ему удрать! слышался возбужденный голос Пендарана. Удерживай его, пока мы не подоспеем.

Соррелл в ответ только простонал.

Словно услышав мысленное послание, чудовище рассмеялось. Соррелл с тревогой заметил, что его голос похож на эльфийский. Но лицо было другим. Из щек торчали изогнутые клыки, похожие на раскрытые ножницы, и с конца каждого свисала капелька яда.

Паутина спеленала руки Соррелла, и он не смог бы дотянуться до противоядия, висевшего на поясе. Все, что ему оставалось, это закрыть глаза и молиться. Сначала, по привычке, Кореллону Ларетиану, затем – Шеварашу. Он просил Охотника услышать его молитвы.

Еще не время! умолял он. У меня не было возможности убить...

Подобно раскату грома пришел ответ бога. Глубокий мужской голос, мрачный, как погребальная песнь. *День прошел.*

Соррелл распахнул глаза. Он сразу понял, чего хочет бог, и понял, к чему это приведет. Дрожащим голосом он стал напевать колыбельную, которую сочинил для своего сына:

– Стрижи летят к себе домой. Спать пора, нас ждет Покой...

Белое пламя вспыхнуло вокруг головы монстра.

– День прошел, закрой глаза...

Пламя стало ярче. Монстр помотал головой и заскрежетал клыками.

– Отдыхай же до утра...

Монстр зажмурил глаза от яркого света, продолжая трясти головой.

Слезы бежали из глаз Соррелла, но он не останавливался. Колыбельная напомнила ему о мягкой щечке сына, прижимающейся к его щеке, о молочном дыхании Ремми и крошечных ручках, обвивающих его шею, о маленькой головке, лежащей на подушке рядом с ним.

Его больше нет. Умер.

Соррелл поклялся тогда, в том темном подвале, что больше никогда не будет петь эту колыбельную – что больше вообще никогда не будет петь. Но что значит клятва по сравнению с приказом бога?

– Ляг в кроватку и не плачь...

Голос Соррелла окончательно дрогнул, но и этого было достаточно. Монстр повалился на пол туннеля, восемь ног рефлекторно подергивались, когти царапали по камню. Соррелл ощутил прикосновение руки и понял, что пришли Найрен и Адаир. Он изо всех сил старался успокоиться, пока они разрезали паутину, удерживающую его. Издалека до него донесся голос Пендарана. *Молодец.* Он почувствовал, как мозолистая ладонь сжала его плечо.

Командир отвернулся и, что-то бормоча, проделал над монстром магические пассы. Чудовище, разбуженное волшебством Пендарана, вскочило на ноги.

Вне себя от горя, Соррелл поднял булаву, но прежде чем он успел нанести удар, Адаир преградил ему путь своим копьем.

Подожди, с нажимом произнес полуэльф. Пендаран околдовывает его.

Жрец, странно щелкая, что-то говорил монстру. Тот улыбался ему в ответ, пружиня вверх-вниз на своем теле, затем повернулся и взобрался на потолок пещеры, показывая эльфийской рукой следовать за ним. Губы Пендарана дернулись, когда он сдержал улыбку.

Он поймал одного из дроу, сказал солнечный эльф, после этого приказал Коре оставаться на своем посту, а Адаиру, Найрену и Сорреллу – следовать за ним в пещеру.

Соррелл бросал настороженные взгляды на монстра наверху.

Что это за тварь? спросил он.

Ему ответил Найрен, когда они тщательно выбирали дорогу сквозь поросль малиновых плевак. Драйдер. Отверженный Ллос, их богини. Драйдеры ненавидят дроу так же сильно, как мы, хотя сами когда-то были дроу.

Соррелл поежился. Он слышал, что Ллос – жестокая и равнодушная богиня, начисто лишенная милосердия; что она обезображивает тех, кто не угодил ей. У него в голове не укладывалось, как можно поклоняться такому божеству.

Если он дроу, почему мы не убьем его?

Найрен подмигнул ему. *Терпение.*

В дальнем углу пещеры драйдер запустил руку в небольшую трещину в скале и вынул нечто, похожее на верхнюю часть сломанного посоха, украшенную изумрудом величиной с кулак. Что-то щебеча Пендарану, драйдер подполз к изгибу туннеля и дотронулся камнем до стены. Изумруд засветился, и в скале без единого звука образовалась дыра. Драйдер с посохом в руках полез в отверстие, из которого повеяло вонью разложения.

Найрен? Голос Пендарана. Что ты видишь?

Соррелл услышал произнесенную шепотом торопливую молитву.

Других выходов из пещеры нет. Самки, вроде, тоже нет. Тем не менее, в руке Найрен сжимал меч, держа его наготове.

Адаир, карауль сзади, на расстоянии пятидесяти шагов.

Кивнув, полуэльф пошел назад.

Пендаран, Соррелл и Найрен последовали за драйдером в пещеру, тускло освещенную сияющими лишайниками. В одном углу поблескивало озерцо. С паутины, протянувшейся по всему потолку, свисал липкий кокон, в который был закутан дроу. Выглядывала лишь часть лица – черная кожа на фоне грязно-белой паутины. Несмотря на то что дроу, скорее всего, был пойман не больше дня назад, от трупа исходил такой

запах, словно тело уже начало разлагаться. Зловонная жидкость стекала с него на пол.

Один из них, сказал Найрен. Скоро мы получим ответы на некоторые вопросы.

Но он же мертв, возразил Соррелл. Как...?

На счет три, вымолвил Пендаран, прерывая Соррелла и глядя на Найрена.

Пальцы лунного эльфа крепче обхватили меч.

Раз, два...

Сообразив, что они собираются сделать, Соррелл начал поднимать свою булаву. *Нет! Позвольте мне...*

Драйдер повернулся к нему, сверкнув клыками.

Три!

Несмотря на двеомер ускорения на булаве Соррелла, Найрен оказался быстрее. Одним ударом он перерезал драйдеру горло. Из раны фонтаном забила кровь, и монстр рухнул на пол. Брызги полетели на плечо и руку Соррелла.

Спасибо, что отвлек его, сказал Найрен.

Соррелл вспыхнул:

– Его должен был убить я!

Он выкрикнул это вслух, позабыв о строгом приказе Пендарана хранить молчание.

Твое время придет, вмешался Пендаран, когда того захочет Шевараш. Затем, обращаясь к Найрену, продолжил. Сними труп.

Найрен, взлетев, разрубил паутину мечом и осторожно спустил кокон на пол. Пендаран, сев рядом с ним, убрал паутину с лица дроу.

Соррелл уставился на темного эльфа – он никогда до этого не видел дроу так близко. Это была женщина. С узким лицом и заостренными ушами наземного эльфа, однако кожа была черной, как беззвездная ночь, а волосы – цвета слоновой кости. Даже в смерти ее лицо сохранило жестокое выражение. Соррелл сжал кулаки. Найрен схватил его за руку, словно почувствовав желание Соррелла обрушить на дроу свою дубину и бить, бить.... Взяв себя в руки, Соррелл просто плюнул на труп.

Бессмысленная трата хорошего плевка, на мой взгляд, бросил Найрен.

Пендаран, разорвав паутину, освободил плечо дроу. На нем оказалась повязка, темная от засохшей крови. Рука сильно распухла, и на ней виднелись маленькие точки – следы укуса.

Их командир, заключил жрец. Оставшиеся трое запаникуют.

Но при этом побегут быстрее, теперь, когда она их больше не задерживает, заметил Найрен.

Соррелл покачал головой. Он слышал, что во всех благородных Домах темных эльфов царит матриархат, но ему было сложно это понять. Дроу, убийца его сына, могла оказаться женщиной. Он вспомнил Далмару, ее

нежность и доброту. Разве может женщина быть настолько жестокой, чтобы убить трехлетнего мальчика?

Пендаран читал над трупом молитву. Соррелл не мог понять для чего, пока не увидел, как со скрипом раскрылись челюсти, и как со свистом вырвалось дыхание из мертвых легких.

– Сспрашивай! – прошептали губы, озаренные священным светом Шевараша.

– Ваш талакз – какой город послал его? – задал вопрос Пендаран.

– Брундаг, – ответил труп. Желчь булькала в глотке и стекала по щеке, когда он говорил.

Почувствовав тошноту, Соррелл отвернулся. Он прошел к озерцу и погрузил в него руку, пытаясь смыть кровь с рукава.

Хорошая идея, одобрил Найрен, присаживаясь рядом с Сорреллом. Только не забудь потом снова нанести защитную краску, а то она смылась.

Он опустил в воду свой меч. При свете лишайников Соррелл разглядел на клинке надпись, сделанную черной филигранью: «Бич Глубин». Найрен высушил меч и вложил его в ножны, после чего погрузил в воду руки. Умывая лицо, он засучил рукава, и Соррелл увидел на его предплечьях неравномерные бледные отметины – следы страшных ожогов.

В таких случаях вежливее всего – притвориться, что ничего не заметил, но Соррелл не смог сдержать любопытства.

Откуда это?

Это случилось много лет назад, ответил Найрен. Мы жили в Высоком Лесу. Не в самом Нордахэриле, а на окраине, из-за Адаира. В ночь, когда пришли дроу, жители города подняли наверх веревочные лестницы. Они были слишком напуганы, чтобы прийти к нам на помощь. Даже когда наше дерево начало гореть. Он глядел в стену своими зелеными глазами, потемневшими и беспокойными, как море во время шторма. Даже когда наша мать стала кричать.

Соррелл сделал глубокий вдох. *Мой сын...*

Найрен поднял руку. Вот только не надо начинать со мной игру «Мое горе больше твоего», предупредил он. Все это я слышал и раньше.

Он резко встал и пошел к выходу. Медленно Соррелл поднялся на ноги и пошел туда, где у трупа сидел Пендаран.

Солнечный эльф окинул его взглядом. *Ты был когда-нибудь в Амрутларе?*

Соррелл нахмурился, услышав странный вопрос. *Был. Много лет назад.*

Далеко от Юирского Леса, если идти по поверхности?

Соррелл пожал плечами. *Дней десять. Может, чуть больше, в зависимости от погоды. А что?*

Пендаран указал на труп. *Город, который она назвала, – Брундаг – находится приблизительно под Амрутларом. Дорога в Подземье*

займет вдвое больше. Связанные между собой туннели, покрывающие такое расстояние, вряд ли отличаются особым удобством.

Соррелл видел, к чему клонит солнечный эльф. Портал?

Пендаран кивнул. Он повернулся назад к трупу:

– Где находится портал, которым воспользуются разведчики, чтобы попасть в Брундаг?

– В маглустарн сарг заунил.

Соррелл придвинулся ближе. Что она сказала?

Ничего полезного, ответил Пендаран. «Отдельное место изучения боевого искусства» – термин дроу для обозначения воинской академии, расположенной вне стен города. Она может быть где угодно. Нам нужно что-то более конкретное, чтобы Кора смогла обнаружить ее с помощью своей магии.

По испытующему взгляду солнечного эльфа Соррелл понял, что Пендаран ждет от него ответа. Но все знания Соррелла о членах Черного Кулака ограничивались его желанием видеть их мертвыми.

Он облизнул губы. А разве у академии нет названия?

Что ты имеешь в виду?

Ну, у них всегда есть названия... в балладах. У дворцов, храмов...

Глаза Пендарана загорелись. Давай выясним. Затем, обращаясь к трупу:

– Как называется ваша академия?

– Маглустарн Джайнна'хиль Криш.

Монастырь Черного Кулака, повторил Пендаран. Кора, слышала?

Да.

Пендаран поднялся. Все ко мне, мы выдвигаемся.

Остальные члены отряда, подтвердив получение приказа, направились в пещеру. У вошедшей Кору лицо было мрачней обычного. После короткого обмена мыслями с ней, Пендаран повернулся к группе.

Академия находится внутри фаэрзресса, сообщил он.

Темные Мстителы стали нервно переглядываться.

Что... что это значит? выпалил Соррелл.

Фаэрзресс искажает магию. Если попытаемся туда телепортироваться, можем оказаться внутри камня.

Может, нам разделиться? предложил Адаир. Это гарантирует, что кто-то из нас выживет, чтобы продолжить охоту.

Пендаран покачал головой. Бесполезно. Талакз опережает нас намного. Если не телепортируемся, мы не догоним их. Но... шансов все равно мало. Будем надеяться на чудо.

Шевараш, даруй нам его, прошептала Кора.

Если же все пройдет удачно, мне понадобится каждый из вас, продолжал Пендаран.

Повисло короткое молчание. Я готова, сказала Кора.

Мы... тоже, почти одновременно проговорили братья.

Набрав воздух, Соррелл посмотрел в глаза командира. «Не знать покоя, пока смерть не придет за нами». Я иду.

Пендаран кивнул, будто и не ждал другого. Хорошо. Отправляемся.

Соррелл сжал булаву.

– Возмездие, – прошептал он, вспоминая...

Они с Далмарой проходили через Долину Теней, направляясь в Тилвертон, и остановились на ночь в «Старом Черепе», таверне, получившей свое название благодаря куполообразной возвышенности из белого гранита, которая находилась неподалеку. Местечко было уютным, с низким закопченным потолком из твердых брусьев и теплым огнем, потрескивающим в камине и защищающим от ночного холода. Соррелл и Далмара заработали на ужин своим пением; он играл на лютне, она – на цимбалах. Они выступали по очереди: пока один пел, другой приглядывал за Ремми.

Они надеялись, что Ремми уснет, но мальчуган, как обычно, купался во всеобщем внимании посетителей таверны. Соррелл смастерил для сына крошечную лютню, и Ремми в ту ночь «играл», не уставая – он бренчал, даже толком не зная, как правильно дергать за струны, и пел песню собственного сочинения к умилению всех собравшихся.

– Папа лад, папа иглает на лю-ю, – лепетал он. – Мама иглает на цимла-ла.

Завсегдатаи таверны покатались со смеху, когда Ремми стал раскланиваться, весь сияя.

– Хлоп! – подзадоривал он их. – Хлоп-хлоп!

В ту ночь был эль, смех и много песен. Соррелл подумал, что Далмара увела Ремми наверх, уложив его в постель; Далмара думала, что Ремми находится с ним. Соррелл до сих пор помнил выражение ужаса на лице жены, и как у него все обмерло внутри, когда они поняли, что их сын ушел куда-то один.

– Он не мог уйти далеко, – успокаивал Соррелл жену, молясь, чтобы так и было.

– Мы найдем его, – сказала она, с тревогой в глазах.

Соррелл отложил лютню, встал.

– Кто-нибудь видел нашего сына?

Посетители пожимали плечами, качали головами.

Потом послышался визг из подвала таверны, затем крик и звон стали.

Соррелл с трудом протиснулся сквозь толпу людей, загородивших вход в подвал. Сейчас он лишь смутно помнил бледное лицо пронесшейся мимо него официантки и следопыта с мечом в руке, смотрящего на арбалетную стрелу в своей ноге. Соррелл не помнил точно, как выглядел этот следопыт: был ли он высоким или низким, с темными или светлыми

волосами, был ли он эльфом или человеком. В ту ночь его глаза не видели ничего, кроме кинжала на полу... и тела его сына, лежащего рядом.

Он помнил, как поднял тельце сына, завывая: «Нет, нет, нет, нет...», когда маленькая головка безвольно откинулась назад – головка, которую он бережно поддерживал, когда сын был еще слишком маленьким, чтобы держать ее самостоятельно. Он помнил, как рядом возникла Далмара и закричала: «Он холодеет!», тормоша Ремми за руку в тщетной попытке привести его в чувство. Помнил рану: ужасную, кровоточащую дыру на руке сына. В этой ручке он когда-то держал игрушечную лютню, которая теперь растоптанная лежала рядом. Представил, как его сын в ужасе пытался закрыться от удара кинжала. Он помнил слова следопыта: «Бесполезно, клинок отравлен», каждое слово – ледяной камень, брошенный в сердце Соррелла. Помнил, как кто-то наверху звал священника. Но никто так и не пришел.

А потом Далмара с побелевшим лицом и красными от слез глазами сказала страшную правду:

– Ремми не обращен в веру. Никто из богов не заступится за него. Он придет на Равнину Фуги один.

Ее взгляд упал на отравленный кинжал. Лицо посуровело.

– Я не... дам демонам... забрать моего сына.

Она подняла кинжал.

Соррелл схватил ее за запястье:

– Нет! Я не позволю тебе!

Взгляд Далмары стал ледяным, она протянула кинжал Сорреллу, лезвием к себе.

– Тогда сделай это ты.

Глаза Соррелла расширились, он выпустил ее руку.

– Я люблю тебя, – все, что он смог произнести.

Далмара крепко сжала его в объятиях, но вместе с тем осторожно, словно Ремми был еще жив, и она боялась раздавить его.

– Встретимся в Арвандоре, – прошептала она, затем уколола ладонь кинжалом.

Это случилось два года назад. С тех пор Соррелл успел узнать, что в таверне «Старый Череп» был потайной вход в Подземье, и что дроу, убившие в ту ночь его сына, были ассасинами, которые предприняли неудачную попытку убийства одного известного волшебника, приехавшего в тот вечер в Долину Теней. Соррелл составил общую картину произошедшего: Ремми забрел в подвал и застал врасплох дроу, когда те выходили из своего скрытого убежища. Его «убрали» как свидетеля, хотя ему только-только стукнуло три года, и его детский лепет вряд ли кто-нибудь понял, за исключением родителей, двух эльфийских бардов, совершенно незнакомых с тайной жизнью Долин. Его смерть была бессмысленной; минутой позже следопыт и одна из девушек таверны спустились в подвал, чтобы уединиться, и тоже застали дроу врасплох. Несмотря на торчащую в ноге арбалетную стрелу, следопыту удалось

поднять тревогу и прогнать дроу. Ему также удалось выбить отравленный кинжал из руки последнего темного эльфа, руки, которая, как заметил острый глаз следопыта, была вымазана дегтем.

В последующие месяцы Соррелл узнал о Черном Кулаке все, что смог, но информация была очень скудной. Однако Шевараш вознаградил его за упорство. Через пару мгновений Соррелл отомстит за свою семью или погибнет пытаясь.

В одной руке Соррелл крепко сжимал булаву, другая рука покоилась на плече Пендарана, в то время как командир шепотом возносил молитву, которая отправит их в цитадель дроу... или, что более вероятно, замурует в камень, вытряхнув души на Равнину Фуги. Соррелл спрашивал себя, какой бог заступится за него и заберет в Арвандор. Призовет ли его Кореллон Ларетиан, чтобы он пел рядом с ним? Или это будет Шевараш, который позовет его в свои мрачные странствия? Возможно, он понадобится им обоим, и они не смогут договориться, а душа Соррелла будет вечно томиться ожиданием на Равнине Фуги.

Найрен поцеловал клинок своего меча и встретился взглядом со своим сводным братом. Адаир, глубоко вздохнув, кивнул. Кора взметнула к голове правую руку со сжатой в ней пращей, бойко салютуя Шеварашу. Она поймала взгляд Соррелла, и сердце его наполнилось бурной радостью. Совсем скоро с благословения Шевараша он, возможно, уничтожит того самого дроу, который убил его сына.

Пендаран закончил свою молитву.

Голос Адаира: *Ну...*

Появилось ощущение растянутости. Соррелл закрыл глаза. *...вперед!*

Мир вокруг побелел в священном огне Шевараша. Тело Соррелла устремилось сквозь пространство... «Далмара, – подумал он, запаниковав, – я иду. Я найду тебя».

Его ноги коснулись твердой поверхности.

У него перехватило дыхание. Быстро посмотрев вниз, Соррелл увидел темно-фиолетовый оттенок холодного камня. Он жив!

Вспышка! крикнул Пендаран. Рука командира резко опустилась, выпуская камень.

У Соррелла было лишь мгновение, чтобы осмотреться в помещении, в котором они оказались. Это был большой, круглый зал с восемью арками, за которыми темнели коридоры. В центре комнаты на хрупких с виду ногах стояла статуя паука, высеченная из гладкого черного обсидиана. В дальней части зала находились трое дроу: двое мужчин на коленях перед более крупной женщиной. Как только камень, проскользнув мимо ног статуи, со стуком подкатился к ним, двое мужчин вскочили, выхватив кинжалы из ножен, а женщина взмыла вверх при помощи левитации.

Камень...

Соррелл зажмурил глаза как раз в тот момент, когда бесшумная белая вспышка заполнила комнату. Как только снова стало темно, он бросился вперед, размахивая булавой.

Двое мужчин моргали и щурились; их зрачки превратились в булабочные головки. Тот, к которому приблизились Найрен и Адаир, сохранил достаточно хладнокровия, чтобы повернуть голову вбок, прислушиваясь, и сделать выпад кинжалом. Он умер, когда копьё Адаира пронзило его грудь, а меч Найрена отрубил его руку по локоть.

Второй мужчина развернулся и стремглав побежал к коридору. Мимо уха Соррелла просвистел камень, пущенный из пращи. Он ударил в затылок дроу, и темный эльф пошатнулся. Соррелл замахнулся булавой, и та, описав широкую дугу, опустилась на голову оглушенного дроу, расколов ее, как лесной орех. Дроу упал, а из пробитой головы вывалились куски мозга, светящиеся ярко-красным для магического зрения Соррелла.

Соррелл остановился, тяжело дыша. Его первый убитый дроу! Вместо ликования он ощутил лишь тошноту, подкатившую к горлу.

Сверху донесся плач. Вскинув глаза к потолку, Соррелл увидел женщину-дроу, которая все еще парила в воздухе, содрогаясь от горя. Слезы текли из ее глаз. На какую-то долю секунды ему показалось, что она оплакивает двух мужчин – по возрасту они годились ей в сыновья, – но затем он понял, что Пендариан накладывает на нее заклинание. Руки солнечного эльфа были направлены в сторону дроу, а губы двигались в беззвучной молитве.

Яростно замотав головой, дроу удалось сбросить с себя чары.

Пендариан выругался.

Кора выбросила вперед руку. Еще один камень со свистом рассек воздух, ударившись в стену рядом с головой женщины. Темная эльфийка (она, кстати, не была ослеплена, вероятно, зная о камне-вспышке и вовремя закрыв глаза) повернулась и уставилась в то место, откуда прилетел камень. Она что-то выкрикнула на языке дроу, и в воздухе возник паук размером с большую собаку. Он обрушился на плечи Кору.

Паук души! выдохнула дикая эльфийка. В следующее мгновение ей уже пришлось бороться за свою жизнь.

Соррелл сделал шаг в ее сторону.

Жрица! крикнул Пендариан, натягивая тетиву. *Атакуй ее!*

Дроу упала на пол рядом с Сорреллом. Он замахнулся булавой, но женщина с легкостью увернулась от удара, словно могла видеть его. Адаир метнул в нее копьё, но она успела отскочить в сторону. Подлетев к полуэльфу, дроу подняла ногу, намереваясь пнуть его. Адаир быстро присел, и она промахнулась, грациозно крутнувшись на другой ноге и оказавшись лицом к лицу с Найреном, который уже занес меч для смертельного удара. Клинок резко опустился, но дроу растворилась в воздухе. Как только оружие Найрена рассекло пустоту, и он потерял равновесие, дроу врезалась в него со всего маху, впившись зубами в щеку.

Лунный эльф окостенел. Адаир судорожно потянулся за зельем на поясе.

– Найрен! – вырвалось у него вслух.

Зазвенел лук Пендарана. Стрела с черным оперением вонзилась в спину темной эльфийки, проткнув сердце. Она упала, задержавшись, как придавленный паук.

Упал и Найрен, его лицо уже потемнело, став темно-фиолетовым. Адаир кинулся к нему, вырывая зубами пробку из фляжки. Он попытался разомкнуть губы Найрена, но сведенная предсмертной судорогой челюсть была неподвижна.

Соррелл услышал треск за спиной. Обернувшись, он увидел, что Кора медленно раздавливает паука, обхватив его обеими руками. Тело эльфийки пылало огнем Шевараша. Последний хруст – и паук был мертв. Выпустив его из рук, Кора пошатнулась. Несмотря на защитную краску, на ее руках виднелись несколько глубоких, кровоточащих укусов. Когда Пендаран бросил на нее обеспокоенный взгляд, она качнулась и ухватилась за стену.

Все в порядке, заверила она. Просто немного истощена. В коридорах никого?

Кора вытянула ладонь и, делая ею круговые движения, прочитала молитву. *Чисто.*

Пендаран кивнул и повернулся к братьям. Адаир, оттянув нижнюю губу Найрена, лил зелье на стиснутые зубы брата. Жидкость текла по щеке лунного эльфа, вызывая в памяти образ трупа в пещере драйдера.

Пендаран опустил лук. *Он мертв, Адаир*, сказал тихо солнечный эльф. *Он теперь с Шеварашем.*

Полуэльф обернулся, в его глазах светилась угроза. *Нет.*

В голосе Пендарана появился металл. Да. Он показал на копье. А теперь поднимайся, воин, и бери свое оружие. Жертва Найрена не должна быть напрасной.

Адаир колебался.

Ну же!

Полуэльф резко выпрямился. Широким шагом он пересек пещеру и поднял копье.

Пендаран, стоя позади него, закрыл глаза и вздохнул. Однако его мысленный голос по-прежнему звучал твердо. Мы должны действовать быстро. Соррелл, стой на страже. Кора, спрячь тела. И, Адаир,... возьми брата. Я выясню, где здесь портал.

Он присел у трупа женщины и прошептал молитву. Ее губы начали излучать свет Шевараша.

Держа булаву наготове, Соррелл стрелял глазами по сторонам, пытаясь контролировать все восемь выходов. Но его взгляд постоянно задерживался на темном эльфе, которого он убил. Теперь, когда битва была позади, Соррелл обратил внимание на его возраст. Судя по тому, что осталось от лица, дроу был подростком.

Пока Пендаран допрашивал мертвую жрицу о местонахождении портала, Кора медленно подошла к труп, на который смотрел Соррелл, и произнесла над ним молитву. Тусклое сияние тепла, остававшегося в теле, померкло, когда тело стало невидимым. Кора пересекла зал и проделала то же самое с трупом второго мужчины. Адаир тем временем выпрямил тело брата, подобрал его меч и положил оружие ему на грудь. После этого он вынул из кармана блестящий мешок из тонкой и нежной материи, похожей на шелк. Открыв его, он затолкал внутрь ноги Найрена. Казалось, мешок способен вместить только нижнюю часть ног, но он проглотил Найрена целиком. Как только Адаир затянул веревки, мешок сдулся, словно опять опустел. Адаир свернул его и положил обратно в карман, затем подобрал свое копье.

Он взглянул на Соррелла и коснулся кармана.

Соррелл кивнул. Неизбежные жертвы.

Послышался слабый шорох. Боковым зрением Соррелл заметил какое-то движение в одном из коридоров. Он повернулся...

И увидел маленькую фигуру. Ребенок дроу, не выше Ремми. Рот был широко открыт от удивления, глаза округлились и смотрели на мертвую женщину, чей скрипучий голос раздавался по всему залу, пока Пендаран задавал вопросы.

– Мама? – прошептал мальчик, на его глаза уже начали наворачиваться слезы.

Такое же слово, на любом языке.

Соррелл подскочил к нему и схватил. Рукой он закрыл мальчику рот. Ребенок замер, боясь пошевелиться, но потом стал сопротивляться и плакать за заглушающей ладонью Соррелла.

Заткни его! заорал Адаир и поднял копье. Сорреллу нужно было действовать быстро. Прижав мальчика к груди, он начал петь:

– Стрижи летят к себе...

Пендаран поднялся. Есть! Портал совсем близко!

Мальчик извивался, как угорь, и чуть не выскользнул из рук.

Давай же! разозлилась Кора. А то это отродье любителей пауков нас выдаст!

Я пытаюсь! Соррелл продолжил петь:

– ...домой. Спать пора, нас ждет Покой.

Пендаран натянул тетиву. Убей его, или уйди с дороги.

Я усыпляю его.

Он – дроу! процедил сквозь зубы Адаир.

Соррелл продолжал петь. Еще чуть-чуть, и он уснет. Он же ребенок.

Ловкие пальцы Кору зарядили пращу. Он – любитель пауков, прошипела она. *Паразит.*

Соррелл, перестав петь, переводил глаза с одного на другого. На лице каждого он видел одно и то же: ненависть. И полное отсутствие жалости. Если бы их кожа была черной, они вполне могли бы сойти за дроу.

Ледяная корка, покрывавшая сердце Соррелла, наконец, дала трещину.

– Нет! – закричал он, поворачиваясь спиной к остальным и все еще держа отбивающегося мальчика в руках. – Мальчик нас не выдаст. Он еще слишком мал, чтобы даже говор...

Камень из пращи Кору ударил его по затылку. Из глаз Соррелла посыпались искры, такие же яркие, как холодный белый огонь Шевараша.

Почти.

Соррелл тряхнул головой. Он встал и побрел прочь с мальчиком на руках. Один шаг, два... Боль в голове была слишком сильной. Он упал на колени, все еще прижимая ребенка к груди. Волосы мальчика пахли так же, как волосы Ремми, воскрешая множество воспоминаний. Соррелл через плечо посмотрел на Безмолвных Убийц, слезы жгли его глаза.

– Пожалуйста, – прошептал он. – Не надо...

Звякнула спущенная тетива. Соррелл сдавленно вскрикнул, когда стрела острой болью прошла сквозь его тело.

Он почувствовал тихий, судорожный вздох под рукой, когда стрела нашла сердце мальчика.

Две фигуры стояли рядом на серой, плоской равнине под небом, затянутым однообразными, серыми облаками. Эльф с медной кожей и рыжевато-коричневыми волосами, в руке, когда-то державшей булаву, не было ничего, ... и ребенок с кожей цвета ночи, белыми волосами и дикими, испуганными глазами. Мужчина посмотрел вверх, будто что-то искал. Небо оставалось безжизненным и пустым. Мужчина кивнул, словно ожидал этого. Он присел на корточки рядом с мальчиком и, протянув руки, что-то тихо сказал. Немного поколебавшись, ребенок позволил себя обнять. Слеза покатилась по щеке мужчины, когда он крепко прижал мальчика к своей груди. Потом он улыбнулся.

Подняв мальчика на руки, мужчина встал и неторопливым шагом начал долгий путь навстречу к горизонту, тихо напевая.

БОЛЬШОЕ СОКРОВИЩЕ

Эрик Скотт де Би

Элесиас, Год Шлема (1362 по ЛД)

Пламя поднималось в утреннюю высь, звуки сталкивающихся клинков разносились далеко вокруг, а купеческие повозки сторонились ворот. Даже издали было видно, что город Элверсолт сотрясают страшные волнения.

— Это оно? — спросила служанка в плаще на своем родном языке. В ее суровом тоне слышалось отвращение - что-то, что на эльфийском звучало диссонансом и практически безобразно. — Ты веришь, что те, кто несет реликвию, здесь?

Бронзовокожий эльфийский лорд рядом с ней не потрудился ответить. Вместо этого он направил своего коня в сторону города, намереваясь прибыть вовремя, чтобы оказать помощь.

Она последовала за ним, хотя и гораздо медленнее.

Когда они подъехали ближе, стало ясно, что в Элверсолте горело только одно здание - великая центральная башня. В воздухе над городом бушевала битва: горстка магов в черных одеждах кружилась, бросая заклинания в летящую девушку в кожаной броне, молниями и пламенем прихлопывая их, как мошек, одного за другим. На земле группа искателей приключений сражалась с дюжиной вооруженных людей, постепенно одерживая победу над невозможными шансами так, как могут только искатели приключений.

Когда солнечные эльфы подъехали к воротам, из-за стен донеслось ликование. Последний из одетых в черные мантии спикировал, чтобы избежать бури оживших клинков, но получил янтарный луч в грудь. Он рухнул на землю, пылая.

К счастью для мудрецов, предсказывающих погоду, он не был выше барьера клинков, иначе в тот день в Элверсолте мог бы пойти дождь.

Так группа авантюристов «Орлы со шрамами» победила династию Кованых Черепов из Элверсолта, и Янсельдара - летающая леди с убийственными заклинаниями была коронована вместо Черепов. Некоторые купцы ликовали, некоторые хмурились, но в целом жители Элверсолта приняли к сведению радикальную смену правительства, пожали плечами и занялись привычными делами.

В конце концов, это было Побережье Драконов.

И вот так случилось, что Илдар Наталан, опальный, изгнанный сын великой семьи Эвермита, опоздал разделить славу.

Как только двое эльфов сдали своих прекрасных коней в не очень хорошую конюшню, Илдар подошел к фонтану в центре города и скрестил руки на груди.

Он оглядел множество лиц, людей, идущих по своим делам. Ко всем он испытывал чувство отстраненности, даже большее, чем к глупым людям, которых он встречал в своих странствиях. Жизнь в Элверсолте

изменилась так радикально, так быстро, что у него - гостя - голова пошла кругом, но никто из местных жителей, похоже, этого не замечал.

— Люди, — ругался Илдар на эльфийском.

— Не веди себя так, — сказала Сайтара, мягко положив руку ему на плечо. Ее богатая красная мантия скрывала золотую гриву. — Это был не твой день.

Каждый день - не мой день, — ответил Илдар. Он обладал мелодичным тембром, но его голос был закален недовольством и годами разочарований.

— Сначала Башня, потом певцы клинка, даже пограничники... Сколько мы уже путешествуем, сестра, а ты не знаешь этого?

Такая же резкая чертами лица и стройная телом, Сайтара во многом была двойником Илдара, но никогда нельзя было сказать, что она страдала от его чрезмерной гордыни - недостатка, который пропитал семью Наталан, как кровь. Скорее, ее недостатки были более тонкими, коварными и совершенно недоступными пониманию младшего брата.

— Илдар, — сказала она. — Что бы сказал отец?

Что я мог бы и не рождаться на свет. — Эльф-лорд пожал плечами. — Я бы сказал ему то же самое.

Сайтара почувствовала, как напряглась ее рука, но не решилась ударить упрямого, почти капризного Илдара. Это только повредит ее руке.

— Брат, — сказала она. — Ты забыл о реликвии?

Илдар вскочил на ноги.

— Да! — Воскликнул он. — То есть... Нет!

Сайтара слегка улыбнулась, но это была раздраженная улыбка.

— Тогда давай поищем, — предложила она.

Илдар был уже далеко.

Солнечный свет струился через окно, смешиваясь с изрядным количеством пламени. С легким ругательством она вылезла из-под одеяла.

Она снова спала.

Дремление так редко посещало лунную эльфийку в эти дни. Возможно, она слишком много общалась с людьми, а возможно, эльфийские боги и впрямь проклинали ее. Этот трюк сильно смахивал на капризы ее переменчивого покровителя.

Пока она размышляла над этим, урчание в животе подсказало ей, что пора спускаться. Она даже успела одеться, прежде чем повиновалась его приказу.

Спускаясь по лестнице в своих сапогах, лунная эльфийка с удовлетворением отметила, что ворчливые и коренастые мужчины, часто посещавшие «Расколотый череп», отошли в сторону, давая ей место. Это

было вежливо. Возможно, они пытаются проложить себе путь к ее благосклонности, а возможно, и к постели. Но с другой стороны, подумала она с улыбкой, они могут быть просто справедливо настороже.

Она села за барную стойку, избегая столиков, которые чудесным образом освободились, когда она вошла, и помахала хозяину.

— Кип, — позвала она. Она поняла, что так и не удосужилась узнать его имя, но, похоже, он был доволен этим прозвищем. Или, возможно, это было его имя, в таком случае оно не имело значения.

— Что будешь, Свет, сердцеедка?

— Ты такой льстец, — сказала она, убирая вороной локон с бледных глаз.

— Завтрак? И выпивку?

— За твой счет, я полагаю.

Сумеречная склонила голову. Кип прокричал несколько слов в сторону кухни, а затем протянул ей эль из опрокинутого бочонка.

— Новости дня?

— Черепа ушли. Голос Кипа не был озадаченным.

Действительно, Побережье Драконов.

— Правда? — Сумеречная сделала глоток, не похожий на женский.

— Да, правда. Янсельдара и ее любовница, Варана, сместили их всех.

Сумеречная покачала головой. Мало что в королевствах заставляло ее врасплох в эти дни.

— Расходы вырастут, да?

Кип пожал плечами.

— Товары будут в большей безопасности, а конкуренты уйдут в подполье. - Он вытер цистерну и усмехнулся. — Лучшая атмосфера, можно сказать.

Сумеречная подняла свой эль.

Затем дверь в темную таверну открылась, впуская отвратительный свет, и Сумеречная удивленно моргнула. Лица такого оттенка не каждый день можно было увидеть в Элверсолте - особенно такого красивого, как вошедший эльфийский лорд.

Восхитительно, подумала она с язвительной улыбкой.

Когда в «Расколотый череп» вошел высокий солнечный эльф, в зале воцарилась тишина. Его кожа цвета полированной бронзы и прекрасный эльфийский клинок, висевший у него на поясе, казались неуместными в прокуренной таверне, заполненной грязными, измученными людьми. Никому не хотелось принимать вызов в глазах Илдара.

Когда хрупкая дева в красном плаще последовала за ним, брови поднялись еще выше. Она носила плащ низко, но под тонкими губами виднелся кончик угловатого бронзового подбородка. В тот день Сайтара

испекли не одно тело, проходя мимо, не обращая внимания на всех и возвышаясь над ними.

Илдар подвел Сайтару к столику в углу, где она неуверенно села. Она не обладала такой жизненной силой, как ее брат.

— Ты уверен, что это хорошее место? — спросила она на эльфийском.

— Мы могли бы остановиться в «Топоре и молоте», но там работают дварфы, — хмуро ответил Илдар. — Мне также не понравились цены в «Трубе Виверны». Я позабочусь о закусках.

— Помни, зачем мы здесь. Никаких дуэлей.

Илдар одарил сестру плутовской улыбкой.

— Я и не думал об этом.

Они оба знали правдивость этого утверждения.

Илдар ушел за чаем и медовухой. Сайтара прислонилась спиной к деревянной обшивке и протяжно вздохнула.

Она не обижалась на брата, но и не радовалась тому, что ей приходится полагаться на его силу. Телом Сайтара была хилой и слабой, но умом и волей... Один взгляд в ее холодные, странно красные глаза заставлял любого дважды подумать, прежде чем перечить ей.

Любого, кроме громилы Мартула, который, очевидно, смотрел недостаточно высоко, чтобы встретить ее взгляд.

Мартул был внушительным мужчиной, как внушителен дикий кабан. Мало кто догадается, но за его покрытым шрамами и изрезанным лицом скрывался достаточно проницательный ум, который должен был видеть опасность, присущую выбранному им курсу. Но под действием ротгута - Мартул обладал крепкой конституцией, но не карликовым желудком - здоровяк увидел лишь стройное тело, отчаянно нуждающееся в его дружеском общении. Он плюхнулся на сиденье рядом с ней.

Все это время пара блестящих бледных глаз наблюдала за ним из прокуренного конца бара, и именно этот ищущий взгляд привлек внимание Сайтары. Она не могла разглядеть лицо.

— Приветствую тебя, моя красавица, — промурлыкал Мартул. — Ты здесь одна?

— Шесть ударов сердца, — ответила Сайтара, не глядя.

— Что?

— Шесть ударов сердца, чтобы отказаться от своего предложения и уйти. — Темная магия вспыхнула в ее призрачных глазах. — Теперь четыре.

— Ай, это еще...

— Два. - Под столом ее пальцы подергивались в заклинании.

— Теперь держи...

— Один.

Он почувствовал ледящий душу толчок, когда невидимый черный луч ударил в его колено.

— Ты маленькая...

Слова Мартула прервались, и он схватился за горло. Его смуглая кожа стала серой, а глаза закатились в глазницы. Все взгляды в трактире обратились к ним, большинство смотрело в ужасе.

Не в силах дышать, Мартул тщетно махал рукой на эльфийку рядом с ним. Жизнь медленно уходила из него, словно какая-то ночная тварь высасывала его душу.

Однако Сайтара с ее бронзовыми волосами и лицом больше походила на дневное создание.

— Это был твой выбор, — сказала она, снова заговорив на эльфийском. Голос ее был мягким, словно заклинание отняло у нее немного жизненных сил. Она впервые холодно посмотрела на Мартула. — Надеюсь, это все, чего ты ожидал.

Если бы Мартул остался в тисках медленного, истощающего заклинания Сайтары, он вполне мог бы перестать дышать и упасть в обморок. Однако, к досаде Сайтары, но не к ее удивлению, Илдар оказался рядом, схватив Мартула за воротник.

— Прочь от моей сестры, проклятое, грязное обезьяноподобное отродье, — прорычал он.

Мартул не собирался спорить. Он и не сопротивлялся - если вообще мог сопротивляться - когда Илдар перевернул его через плечо и бросил в игру в карты за соседним столом. От удара Мартула стол раскололся, карты, монеты и игроки разлетелись в разные стороны.

На солнечного эльфа упали гневные взгляды, но когда Илдар с размаху выхватил свой длинный меч и усмехнулся, эти взгляды прошли мимо. Удовлетворенный, солнечный эльф повернулся к сестре.

Как только он повернулся спиной, дюжина клинков тихонько звякнула из хорошо смазанных ножен на поясе, сапогах, запястьях, груди, шее, спине и даже лифе и гульфике. Не зря трактир назывался «Расколотый череп». Не обращая на это внимания, Илдар ласково улыбнулся сестре. Сайтара увидела приближающихся нападающих и затаила дыхание.

Затем между Илдаром и толпой нападавших встала стройная фигура. Все взгляды устремились на новоприбывшего, и так же быстро клинки унеслись прочь. Прежде чем Илдар успел почувствовать, что за его спиной что-то происходит, «Расколотый череп» вернулся к комфортному спокойствию.

В конце концов, это было Побережье Драконов.

— Неплохой бросок, — сказала новоприбывшая.

Солнечный эльф повернулся, положив руку на рукоять меча, и озорно улыбнулся. Несмотря на свою неспособность произвести впечатление, Илдар стоял, моргая.

Лунная эльфийка, чувственно переминавшаяся с ноги на ногу, была самой красивой девицей, которую он когда-либо видел, наравне с высокородными дворянами Эвермита.

Ее смеющиеся глаза были бледными, неопределенного цвета, который, казалось, менялся от света. На фоне ее бледной кожи воронные волосы, ниспадающие до пояса свободным каскадом, сверкали, как небо в полночь. На ней были узкие черные бриджи, белая туника и серый жилет с полунакидкой из темно-алого шелка, закрывавшей левую руку. Только одна рука - правая, в алой перчатке - была видна, она лежала на стройном бедре.

Но самое главное, она была одета в уверенность и силу воли, как в плащ. Ее взгляд нервировал Илдара даже тогда, когда по его позвоночнику пробежали мурашки, а ее тело... Что ж.

— Да? — повторила она. Илдар понял, что уставился на нее. — Видишь что-нибудь приятное?

Солнечный эльф покраснел от негодования.

— Благодарю, леди, — сказал он, не задумываясь, на эльфийском. — За...

В этот момент Мартул, который за время паузы успел опомниться и выхватить крученный нож, зарычал и прыгнул на них. Илдар выругался и потянулся к своему клинку, но девица и глазом не моргнула. Ее левая рука высунулась из-под плаща.

Раздался щелчок, и Мартул зарычал. Его волнистый кинжал грохнулся на землю, и он схватился за руку - в ней торчала стрела.

Только тогда, посреди проклятий Мартула, девица оглянулась назад, на линию своего ранее спрятанного ручного арбалета, и лукаво улыбнулась. Лицо Мартула стало пепельным, и он с проклятиями выскочил за дверь «Расколотого черепа».

Илдар моргнул. Она двигалась слишком быстро, чтобы он успел разглядеть ее, а тем более среагировать. Он начал понимать, что скрывается за ее самоуверенной походкой.

Если бы он только знал.

— Еще раз благодарю и желаю познакомиться, — сказал он на эльфийском. — Я - Илдар Наталан, а это моя сестра, Сайтара, из Дома Полумесяца.

Сайтара шипела на Илдара, но он был слишком поглощен девицей, чтобы обращать на нее внимание.

— Впечатляет, действительно, — сказала лунная эльфийка на общем языке, пожав плечами. — Меня зовут Сумеречная Лиса.

Она протянула левую руку без перчатки. Поскольку он презирал человеческие обычаи, Илдар не принял ее.

— Если хочешь, можешь звать меня Светом.

— Я не хочу, — сказал Илдар. — Ты оскорбляешь нас языком животных?

— Так вот как ты играешь, — пробормотала Сумеречная под нос.

— Ты проявляешь к нам неуважение? — Илдар презрительно фыркнул. Его рука легла на рукоять меча.

Сумеречная подняла одну бровь. «Довольно вспыльчив», - заметила она. На ее поясе висела короткая рапира с выгравированной асимметричной звездой. «Дуэль? Это один из способов привлечь внимание девиц».

Сайтара протянула руку и поймала руку Илдара, но глаза ее не отрывались от Сумеречной.

— Твоя помощь не была ни востребована, ни желательна, — сказала она. — Уходи.

— Приветствую и вас, уважаемые Высочества, — прозвучал ответ на общем языке, поразив всех присутствующих. Сумеречная улыбнулась, когда глаза Илдара и Сайтары чуть не выскочили на лоб. Она добавила на эльфийском:

— И если вы не желаете, чтобы за вашим столом побывали все головорезы и бандиты «Расколотого черепа», я предлагаю вам смягчить порицание.

Илдар замялся. Глаза Сайтары опасно сверкнули.

— Ты знаешь, кто мы такие? — прошипела Сайтара.

— Дом Наталан мне известен, — сказала Сумеречная. Ее акцент был странным - почти человеческим, хотя Илдар услышал в нем отпечаток Эвермита. — Он известен своим богатством и престижем - достаточным, чтобы соперничать с большинством династий Фаэруна, и привлечь внимание большинства ее продажных мечей - хотя я сомневаюсь, что кто-то в Элверсолте слышал о Вас. Итак, Высочество... Если вам будет угодно «Высочество». Ее последние слова прозвучали достаточно громко, чтобы пронестись по комнате.

Сайтара нахмурилась и сгорбилась, закрыв рот.

— Чего ты хочешь? — спросил Илдар.

Сумеречная усмехнулась.

— Просто дружеская беседа на всеобщем, — сказала она. А если это перерастет в нечто большее, тогда отлично. Можно? — Она жестом указала Илдару на место, и солнечный эльф вздрогнул. Сумеречная тяжело села.

— Обе руки на стол, Ваше Высочество.

Сайтара, подавив хмурый взгляд, побарабанила пальцами по деревянной поверхности, чтобы показать, что она не произносит никаких заклинаний.

Удовлетворенная, Сумеречная повернулась к Илдару.

— Угощаете даму выпивкой? Милорд, вы слишком добры.

Взбешенный, Илдар махнул рукой буфетчице, которая нерешительно подошла к столику.

— Ваше лучшее вино фей, — сказала Сумеречная. Они сидели в молчании, пока не принесли напиток. Сумеречная выпила его одним глотком и махнула рукой, чтобы принесли еще один.

— О чем мы будем говорить? — спросил Илдар.

— Расскажите мне, почему вы здесь, — сказала она. — В конце концов, я не так уж много вижу представителей Народа в «Расколоте черепа» - ну, во всяком случае, достаточно мало кузенов королевы Амлауруил.

— Илдар..., - предупредила Сайтара.

— Нет выбора, Сайт. — Он снова повернулся к Сумеречной. — Мы ищем кое-что.

Сумеречная приняла от барменши второй бокал и поднесла жидкость к розовым губам.

— Большинство из нас что-то ищет, а для тех, кто не ищет, это кто-то, — сказала разбойница. — Что-нибудь конкретное? Может быть, кого-нибудь?

Илдар прикусил губу, а Сумеречная закатила глаза.

— Ну же, лорд Наталан, не скромничайте. Это не похоже на вас, Солнечных.

— Очень хорошо, — сказал Илдар. — Что если я скажу вам, что мы ищем некий могущественный эльфийский артефакт, который мы проследили от руин Аскалхорна на юго-восток по торговым путям, через руки искателей приключений, и сейчас он находится где-то, как мы полагаем, на Побережье Драконов, если не в самом Элверсолте?

Сумеречная пожала плечами в манере «так себе».

— А что это такое вы собираетесь сказать в ближайшее время?

Илдар прикусил губу.

— Мы ищем... Браслет Инлоэта.

Молчание. Глаза Сумеречной мелькнули, как блеск монет. Вот оно.

Имя Инлоэт было известно не многим на Фаэруне, но большинство эльфийских детей знали древнюю историю о Коронеле Инлоэте из Шантель Отрайр, герое Войн Короны, расколовших расу эльфов. И все, кто знал его имя, помнили легенду о его сокрушительных мечах, на которых он призывал уничтожить тысячу врагов в одно мгновение разрушительной ярости. Легенда также гласила, что сила этих мечей уничтожала их владельца - если только он не пользовался защитой браслета.

— Понятно, — наконец сказала Сумеречная. Судя по ее пустому выражению лица, можно было предположить, что ее мало волнуют легенды и история - так можно было предположить.

— Браслет - бесценная реликвия древности, как и сокрушительные мечи Инлоэта, — хмуро сказала Сайтара, упрямо придерживаясь эльфийского.

— Меня всегда интриговало понятие «бесценный», — сказала Сумеречная. - Возможно, мы сможем быть полезны друг другу.

— Какую пользу ты можешь принести? — усмехнулся Илдар. Ему хотелось, чтобы его высокомерные слова содержали больше тепла, чем он хотел. Они были скорее защитой, прикрытием неуверенности. — Никчемная, безземельная разбойница, говорящая на языке обезьян? Ха!

Если его гордость и задела Сумеречную, она никак этого не показала. — Два варианта использования моей помощи, — сказала она, смахнув с глаз вороной локон. — Первое - я умею приобретать вещи.

— Ты воровка, — прошептала Сайтара.

— Одним словом, и, похоже, не людским. Сумеречная склонила голову. — Хотя я скорее вор в общепринятом смысле, миледи, чем в эльфийском.

— Нет, — сказала Сайтара, наконец, смирившись. — Ты взяла мой браслет.

— О, да. — Сумеречная ухмыльнулась и положила на стол золотой браслет с рубинами. Сайтара выхватила его обратно.

— Мои извинения, — сказала Сумеречная. — Красть у своих соратников - плохая практика.

— Соратников? - спросил Илдар.

— О, да, второе, - сказала Сумеречная. - Ты ищешь браслет. Я знаю, у кого он. - Она сдержанно встретила его взгляд, но в ее глазах мерцало нечто большее. — Мы с тобой созданы друг для друга, принц.

Илдар не был уверен, должен ли он быть возмущен или взволнован, возмущен или согласен, но одно было точно: его сердце определенно начало биться быстрее.

— А теперь, если ваши высочества меня извинят, — сказала Сумеречная.

Она поднялась, и сердце Илдара подпрыгнуло.

— Куда ты идешь? — спросил он.

Сумеречная одарила его лукавой улыбкой.

— Поговорить с таинственным человеком, сидящим в углу, который либо навредит, либо поможет, — ответила она. — Встретимся здесь за вечерней трапезой. Тогда у меня будет для вас план.

— Откуда ты знаешь, что такой человек есть, — спросила Сайтара, — не глядя?

— В таком месте, как это? Он всегда есть. — И с этими словами она ушла, оставив Сайтару и Илдара смотреть друг на друга, а затем на нее, не говоря ни слова.

И точно, в тени появился человек, которого они раньше не заметили - тот, кто увидел приближающуюся Сумеречную, подавил проклятие и поднялся, чтобы убежать. Не останавливаясь, сумеречная девушка направилась за ним в подсобку, скрытую за гобеленом с изображением охоты на кабана.

Никто из трех эльфов не догадался, что некое хмурое, страдальческое лицо - этот человек не был ни тенью, ни загадкой, а просто предусмотрительным - подслушивал у окна и слышал каждое слово.

Ругаясь и сжимая руку, Мартул вышел из окна «Расколотого черепа» и направился вверх по Храмовому холму. Его шпионская миссия была

завершена, даже если она и потерпела неудачу, он как можно быстрее выбрался из окружения эльфов, пробираясь локтями по улицам, не обращая внимания ни на кого, кто мог бы его преследовать.

Он отомстит, и он знал, куда идти.

Прибыв к воротам борющегося Дома Монет - храма Вокин, Владычицы торговцев, Мартул свернул в темный переулок и остановился возле кучи мусора. Службы в храме уже закончились - из-за странного отсутствия богини, продолжавшегося со времен Времени Бед, посещаемость была низкой, и место казалось пустым.

Мартул знал лучше. Он ощупал стену, пока не нашел ее - небольшое отверстие, которое показалось бы любопытной уличной шпане всего лишь зарубкой.

Он снял с шеи ожерелье из золотых монет и повернул украшение надвое, обнажив зазубренный ключ. Он вставил его в отверстие, и в стене появилась дверь, окруженная черным светом, который могли видеть только его опытные глаза. Мартул улыбнулся и прошел через зияющий портал, который закрылся за ним, как рот.

Вполне уместно, что за хилым храмом пропавшей богини скрывался процветающий храм, посвященный ее похитителю.

Спустившись в длинный туннель, Мартул позволил восхитительной темноте окутать себя и глубоко вдохнул. В воздухе витал стойкий запах крови, пота, благовоний, испорченного мяса и ритуалов их повелителя демонов. Ступени вели в предбанник за пределами алтарной комнаты, где готовился ритуал для этой самой ночи.

Чтобы усилить впечатления, Мартул собирался употребить немало напитков во время своего шпионского задания, но боги отнеслись к этому неодобрительно. Возможно, он все равно получит удовольствие - он надеялся, что жертва снова окажется хорошенькой девушкой. Преступница, уличная бродяжка или буфетчица - для культистов это не имело значения, но Мартул всегда предпочитал невинных.

— Мартул-рабовладелец, — раздался леденящий душу женский голос в тени прихожей.

По его позвоночнику пробежал холодок, и он повернулся, чтобы увидеть сладострастную женщину в черном плаще и, очевидно, без всего остального, которая смотрела на него красными глазами.

— Избранная Лейс'анна, — пробормотал он, кланяясь. — Благословение нашего принца да будет на...

— Оно уже есть, — сказала женщина, сверкнув длинными, похожими на кинжалы зубами. Как всегда, когда он встречался с ней взглядом, голова Мартула раскалывалась, а перед глазами все расплывалось. — Ты опоздал.

— Неприятности в «Расколоте черепа», — сказал он.

Что-то в его тоне выдавало его - возможно, одичавший Избранный действительно мог читать мысли. Лейс'анна нахмурилась, ее лицо напоминало недовольную львицу.

— Я послала тебя шпионить за искателями браслета, а не затевать с ними дуэль, - сказала она.

— Что ж, прошу прощения, — прошипел он.

Мартул собрался уходить, но она схватила его за руку. Ее огромная сила не соответствовала ее мягкой фигуре, что поразило его. Но что еще более удивительно, ее прикосновение было мягким, успокаивающим.

— Есть еще кое-что, — сказал он.

— Говори. — В словах прозвучало едва уловимое принуждение.

Мартул понял, что ему следовало бы отказаться, но ее прикосновение... Соблазнительная магия, проникающая в его душу и претендующая на нее, делала это невозможным. Ее лицо казалось странно кошачьим, а глаза заплыли черным. Он погрузился в эти воды и тонул, как тонет человек, который не понимает, что тонет, пока его не окружит тьма.

Мартул больше не мог контролировать себя. Он рассказал ей обо всем: об эльфах, пришедших в город, о черноволосом эльфе и о браслете Инлоэта.

Глаза Лейс'анны при этом вспыхнули, и она улыбнулась. Мартул почувствовал, что освободился, хотя в голове все еще было мутно.

— Лиса снова ввязалась в это дело, — сказала она. — Интересно.

Она провела мягкими пальцами по щеке Мартула.

— Наше соглашение с ней все еще в силе, я полагаю.

Она снова окинула Мартула пронизательным взглядом. Он понял, что вокруг них образовалась толпа культистов - безликие фигуры в черных плащах.

Лейс'анна, казалось, возвышалась над ним.

— Мы, однако, недовольны, что ты их всех познакомил. Необходимо принять меры.

— Это... это было не то, что я... Я не имел в виду... — Он начал чувствовать сонливость.

— О, я понимаю это, дитя, — сказала Лейс'анна. — Мне просто все равно. Как и лорду Граз'эту, если уж на то пошло.

С наступлением темноты Мартул почувствовал, что из глубины его горла доносится звук, похожий на мурлыканье.

А когда он снова очнулся, то оказался на алтаре Лорда Демонов.

«Расколотый череп» держал комнату, скрытую за гобеленом, для частных встреч, деловых или приятных - таких встреч, о которых дозорным просто не нужно знать. В данный момент за половиной столов сидело около дюжины скрытных людей, участвовавших именно в таких встречах.

Человек в плаще нырнул в комнату и, сбросив плащ, бросил его в углу. Под плащом он был немыт, пузат и ничуть не загадочен. Десяток взглядов метнулись в его сторону и так же быстро отвели их.

Отступление было подготовлено для него: за столом его ждали цистерна пива, миска тушеной баранины и кусок черствого хлеба. Он опустился на стул напротив стены и принялся за еду, как будто давно уже был здесь.

— Добрая встреча, — сказала Сумеречная из тени.

Когда он поднял голову, она сидела там же, прислонившись к стене, поставив одну ногу на скамью. Десяток взглядов обратились к ней, еще более обеспокоенные, но крошечное пожатие плечами отвело их.

— Боги, — прорычал мужчина в смеси шока и отвращения. — Что ты делаешь, заставляя мое сердце остановиться?

— И быть лишенным такой остроумной речи с таким красивым парнем? — спросила Сумеречная. — Конечно, ты шутишь.

Со шрамом на губе и глубокими язвами на лбу и щеках он больше походил на красивую свинью. Однако внешность обманывала, как это обычно бывает, ибо это был Макогнак Шепчущая Паутина, знаток скупщиков, торговец контролируемые веществами и плотвой, а также самый осведомленный шпион в Элверсолте - и на всем Побережье Драконов, по его словам. Он, конечно, ошибался, как они оба знали, но это ничуть не уязвляло его самолюбия.

- Мак, мне нужна услуга, - сказала Сумеречная.

Макогнак поморщился.

- Лучше бы ты меня так не называла, - простонал он. Он, несомненно, вспоминал их долгую и неприятную - в основном с его стороны - историю.

- Очень хорошо. - Сумеречная пожала плечами. - Маки, мне нужна информация для некоторых людей, с которыми я.... веду дела.

- Нет.

- Я заплачу.

- Нет.

- Тебе нужна монета.

- Нет, то есть да, но нет. Я не буду этого делать.

Сумеречная надулась.

- О, Маки, - сказала она ласково. - Ты знаешь, что они говорят. Друг, которого ты кормишь - это друг в-.

- Я не хочу иметь ничего общего с твоими делами, Свет, - сказал Макогнак. - Это не Западные Врата.

- А как насчет ограбления «Арфизэля» вчера?

Маки не смог сдержать возглас узнавания.

- Ничего об этом не знаю.

- А как насчет ростовщичества у дварфов Стальной Лощины? - наредила Сумеречная.

Еще одна морщинка.

- Это не имеет никакого отношения к....

- Как насчет тех ожерелий в Миртуле? Я слышала, графиня потеряла довольноно...

- Ладно, ладно, - прошипел Макогнак. - Что ты хочешь знать?

Сумеречная одарила его победной улыбкой.

- Группа культистов - мне нужно знать, где находится их храм.

- Какие культисты? Их в Элверсолте - серебряная дюжина.

- Глубинный Шабаш.

Макогнак моргнул, и его лицо побледнело.

- Эй, девушка, не стоит иметь дело с этой стаей. Они поклоняются дьяволу.

- Вообще-то, демону, - сказала Сумеречная. - Кстати говоря, я, кажется, помню что-то о тебе и шабаше - что это было? Может быть, поставки лотоса?

Макогнак помрачнел.

— Вопреки моему здравому смыслу, но да, я это сделаю. — Он посмотрел на нее с подозрением. — Ты собираешься что-то у них забрать. Откуда ты знаешь, что у них это есть?

Глаза Сумеречной заблестели.

— Назови это женской интуицией, — сказала она. — Воровской.

Настала его очередь его глазам заблестеть.

— Ты играешь на обе стороны, — сказал он. — Опять.

Сумеречная одарила его лучезарной улыбкой.

— Всегда приятно иметь с тобой дело, Маки. — Она встала, чтобы уйти, но он поймал ее за свободный белый рукав.

— Давай-ка мы с тобой поднимемся в мою комнату и сыграем вместе в Лафат, — предложил Макогнак, имея в виду стратегическую карточную игру, в которой игроки расставляют карты, как отряды солдат.

— На этот раз я не буду насаждать на твои фланги — просто атакуй в центре. — Пока он говорил, его рука переместилась с ее руки на бок и на упругий живот.

Сумеречная улыбнулась.

— А теперь, мой дорогой Добряк Макогнак, что бы сказала твоя румяная жена, если бы услышала такие разговоры?

— Она современная женщина, — успокоил он ее, притянув Сумеречную к себе на колени. — Она бы присоединилась к нам, я думаю.

— А если бы она услышала о Сьунитских празднованиях Середины Лета?

— Очень открытый образ мыслей, я, жена, — сказал Мак. Его пальцы играли с бахромой ее жилета и двигались вверх.

— А Ловиатарцы позже той ночью? С кнутами?

Цвет исчез с лица Макогнака.

— Откуда ты узнала... о.... Затем вспыхнул гнев. — Ах ты, дерзкая девчонка!

Встав, Сумеречная выскользнула из зоны досягаемости.

— Да, я такая — сказала она с улыбкой.

— Советую тебе хорошенько выспаться перед завтрашним днем, — сказала Сумеречная в тот вечер за бокалом вина в общей комнате «Расколотого черепа». Накануне она более осторожно играла с мешочком монет Илдара, настаивая на бокале второго лучшего вина фей, а не первого.

- Ты знаешь, куда мы должны идти? - сказал Илдар.

Сайтара бросила на брата опасливый взгляд.

- Мы не пойдем ночью? - спросила она. - Ты хочешь украсть браслет, да? А разве такое дело не лучше делать ночью, вор?

- Не с такими клиентами, - сказала Сумеречная Илдару.

- Клиентами? - спросил Илдар.

- Наши невольные деловые партнеры, - ответила Сумеречная. - Которые до самого ближайшего будущего владели некой реликвией, которой они лишатся в том же ближайшем будущем. - Она усмехнулась. - И они из тех, кто живет ночными часами, что будет очень неприятно им и выгодно нам.

- Как скажешь, - сказал Илдар. Сайтара бросила на него косой взгляд, потрясенная тем, что он так легко доверился этой плутовке, но охотник за сокровищами не отвел взгляда.

Сумеречная продолжала:

- Мы отправляемся на рассвете, когда Селуна сядет и солнце согреет горизонт. Будьте готовы. - Наконец она взглянула на Сайтару. - И приготовь свои заклинания. Они могут оказаться полезными.

Сайтара сверкнула глазами.

— Я считаю очень удобным, — произнесла Сайтара на властном эльфийском, — что она, похоже, точно знает, у кого находится браслет и куда идти. И она не стала расспрашивать нас о природе Браслета.

Она не кричала, но Илдар знал, что ее ярость безгранична.

Они разговаривали в общей комнате: Сайтара корпела над своим гримуаром, а Илдар расхаживал взад и вперед, глядя вверх, словно ведя беседу с потолком.

— Возможно, ее собеседник сказал ей, где искать, — сказал Илдар. — А что касается знания о Браслете, то она ведь эльф, не так ли? Слава Коронеля Инлоэта легендарна. Я бы с подозрением посмотрел на простого человека, знающего это имя, но так ли удивительно, что это знает эльф?

Сайтара скорчила гримасу и нараспев произнесла слова заклинания.

Он снова поднял голову.

— Цветок беззвездной ночи или прекрасная лилия сумерек? — спросил он. — Что больше подходит?

Балки не соизволили выказать предпочтение.

— Что ты делаешь? — спросил Илдар свою сестру.

Не обращая на него внимания, златокудрая волшебница закончила песнопение и на мгновение уставилась невидящим взглядом в воздух. Затем она моргнула, нахмурилась и снова погрузилась в чтение.

— Пыталась вычислить твоего вороватого друга, — сказала Сайтара. — И потерпела неудачу, как будто ее не существует.

— Значит, она призрак?

— Нет, бородатый дварф. Она маскирует свои движения магией, или это делает что-то другое.

Она отбросила затянувшуюся магию, перевернула еще одну страницу гримуара и сдалась.

— Клянусь клинком Кореллона, здесь что-то не так. — Еще одна страница заскрипела. — Она манипулирует нами в своих интересах, а ты - дурак, что ты вообще делаешь, позволяя ей это.

— Не будь смешной, сестра. Она одна из Народа - конечно, она бы не...

— Теперь ты говоришь, как она. — Сайтара побледнела от ярости, и Илдар понял, что, сам того не осознавая, перешел на простонародный язык. — Селдарин, брат! Вечно выглядишь идиотом перед красотками.

— Значит, ты считаешь ее красивой, — сказал Илдар.

Сайтара захлопнула книгу заклинаний.

— Хорошего отдыха, брат, — сказала она, поднимаясь.

— Но куда ты идешь? Я полагал, что мы строим планы на утро.

— Я вижу, ты не в том состоянии, в котором нужно, — сказала Сайтара. — И вот я ухожу - посмотрю, нет ли в этой лачуге другой комнаты. Сладкой воды и легкого смеха.

И с этими словами она захлопнула дверь.

— Слава Деве, я думала, она никогда не уйдет, — сказала темная фигура, выходя из тени за дверью.

Илдар вздрогнул, выхватил меч, но это была лишь прекрасная Сумеречная.

— Айлесель селдари, — задохнулся он. — Ты всегда так пугаешь?

— Только тех, кто меня так забавляет, — ответила она.

Илдар не знал, почему его так задело.

— Кем ты клянешься? Может быть, «дева» — это наша Леди Лунная Радуга или Ханали Селанил?

— Девой Несчастья. — Когда Илдар уставился на нее, она криво улыбнулась. — У нас с Бешабой есть взаимопонимание. — Затем ее уши наострились, как у кошки.

— Беш...? - Илдар позволил ей замолчать. Он знал, что лучше не пытаться расшифровать эту странную и непонятную девицу. Он узнает, чем она занимается, и потребует, чтобы она оставила его в покое.

— Почему, а ..., — начал он, но тут Сумеречная перепрыгнула через комнату и поцеловала его.

Илдар был так потрясен, что даже не стал протестовать. Затем им овладело замешательство.

— Что? — спросил Илдар, отбиваясь от ее рта - ее сладкого рта. — Что?

— Нас сейчас грубо прервут, — сообщила ему Сумеречная. Она снова поцеловала его, крепко. — Просто обними меня, а? — Она положила его руки себе на спину. — Вот так.

Илдар заикался, потрясенный, но не сопротивлялся. Он предоставил Сумеречной легкую мишень для ее губ.

Пока они целовались и проводили руками друг по другу - вернее, пока Сумеречная делала это, а Илдар стоял довольно деревянно - за ними открылись порталы потрескивающей тьмы. Наступила неловкая тишина, когда пара эльфов просто стояли, исследуя рты друг друга, а незваные гости смотрели друг на друга, пытаясь решить, что делать.

— О, прижмись к нему спиной, золотой мальчик, — сказала Сумеречная между поцелуями.

Илдар неловко вздрогнул. — Истинная дева, ты...

— Кхм, — сказал один из незваных гостей.

Сумеречная улыбнулась.

— Так сойдет.

Не поворачиваясь, она направила арбалетный болт в голову кашлянувшего.

Их было трое - двое мужчин в темной одежде с волнистыми зигзагообразными клинками в обеих руках и один в рваной черной мантии, стоявший позади с посохом в руке. Один из них вскочил на путь спорящих - или, скорее, был вынужден вскочить туда с помощью магии - и зацепил его лицом. Владелец посоха нахмурился.

— Ты! — рявкнул он на Сумеречную. Он указал пальцем. — Зса'кай!

Илдар не понимал нецензурного языка, но смысл был достаточно ясен, поскольку оставшийся мечник бросился на них.

— Золотце, — крикнула Сумеречная, — бери мага!

Сумеречная выхватила рапиру как раз вовремя, чтобы заблокировать наступающего мечника. Ее сумрачное лезвие сверкнуло, ударив по его чудовищно зазубренному мечу, и низко повернуло его. Уголком глаза Илдар заметил, как по лезвию рапиры Сумеречной пробежало пламя, а по всей ее длине - электричество.

Однако у него были другие заботы.

— Поймать мага? — спросил он в замешательстве.

Затем посох из темного дерева засветился бездонной силой, и Илдар попятился. Он в отчаянии сплел щит.

В следующее мгновение он уже вытаскивал себя из разрушенной стены, отбиваясь от черного пламени, лижущего его тунику. Похоже, его защиты было недостаточно.

— Илдар! - зашипела Сумеречная. — Что я сказала?

— Ты са..., — начал он, но увидел, что некромант навис над ним, мрачно напевая.

— Во имя Граз'зта, — шипел тот и положил горящую черную руку на грудь Илдара.

Мерзкая магия ворвалась в солнечного эльфа, прожигая его кровь и стремясь к сердцу. Он почувствовал ее цель - навсегда остановить этот бьющийся орган - и боролся с ней всеми силами, всеми фибрами своей жизненной энергии. Он заставил свое сердце биться дальше, сопротивляясь дурной магии.

И он противостоял ей, потому что разрушающее заклинание ослабло, не поддавшись его крепкому телу. Илдар упал на землю, кашляя и отхаркивая дурную магию.

— Что это? — прорычал некромант. — Не маг?

Илдар улыбнулся, несмотря на себя. Без физической подготовки на уроках фехтования - если бы он изучал только магию, скажем, - он бы никогда не смог отбиться от этого заклинания.

— Неправильное солнце, — раздался голос сверху.

Привлеченная магией, Сайтара парила под потолком, словно в тумане. Некромант кружился, спокойно произнося слова заклинания, но Сайтара оказалась быстрее. Она метнула луч мерцающего золота ему в грудь, намереваясь превратить некроманта в пыль.

Ее сила ударила в щит из мерцающей черноты и рассеялась, словно ее и не было.

— Невозм..., — успела она сказать за мгновение до того, как темный болт некроманта ударил в нее. Обжигающая, проклятая чернота пронзила ее тело и душу, и хотя ее воля сохранила ее жизненную силу в целостности, ее тело ослабло. Она упала и скорчилась на земле, все еще пылая ледяным, черным пламенем.

— Какая сила, — прошептала Сайтара. В ее глазах промелькнул блеск, не похожий на вожделение, и она поддалась заклинанию демониста.

Некромант усмехнулся и обернулся к Илдару, который тут же вонзил свой меч в кишки мужчины. Маг закричал и скрутился, чернота разъедала лезвие, словно его кровь была кислотой. Илдар с отвращением отпустил меч и поспешил к сестре, которая застонала.

— Во имя Граз'зта, я убью...!

Некромант не успел закончить угрозу, потому что Сумеречная перепрыгнула через всю комнату и вонзила свою рапиру ему в бок. Однако кислотная кровь мужчины не повредила древнюю сталь, и он умер без единого протеста.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился грузный трактирщик с крепкой дубиной в руке и два таких же широких громилы, один из которых держал толстую цепь, а другой - длинный нож. Они смотрели на поле боя со смесью растерянности и неверия. Затем Кип обнаружил Сумеречную, забрызганную кровью, и закатил глаза.

— Лучше освободи мою комнату, Кип, — сказала Сумеречная с блеском в глазах. — Утром я отправлюсь в путь.

Грузный трактирщик повертел в руках крепкую дубину.

— А как насчет твоего счета, красавица? Мне причитается изрядная сумма золота.

Сумеречная пожала плечами, встала на носочки и быстро поцеловала его в щеку.

— О, Кип, — сказала она. — Тебе лучше знать, чем сомневаться во мне, не так ли?

— Кхм, — ответил Кип. — Что-то вроде этого.

Сумеречная лиса улыбнулась ему и, протанцевав мимо, вышла в коридор.

Трактирщик и два солнечных эльфа остались в комнате, где надолго воцарилась тишина. Затем Кип пожал плечами.

— Неплохо устроилась, эта Светлая, — сказал он.

— Действительно, — сказал Илдар, подумав, что Кип имеет в виду ее имя.

По его слегка приподнятым бровям было ясно, что это не так.

За «свежим» хлебом - только двухдневной давности! - с сыром и куриными яйцами на рассвете следующего дня лицо Сумеречной выглядело усталым, морщины углубились и вытянулись, что не умаляло ее красоты, но лишь привлекло внимание и озабоченность Илдара.

— Как ты себя чувствуешь сегодня утром, дева? — спросил он.

— Как и следовало ожидать, — ответила она, — после столь короткого отдыха.

Илдар нахмурил брови.

— Четыре колокола звонили на площади Элверсолта с момента нападения. Мы с Сайтарой сочли, что этого времени более чем достаточно для Дремления. Ты плохо отдохнула?

Она криво улыбнулась и ответила:

— Что-то вроде того.

Всю оставшуюся часть трапезы Сумеречная провела за язвительными речами с Илдаром, даже сделала несколько непристойных замечаний, от которых охотник за сокровищами покраснел, а Сайтара нахмурилась. Она никогда не отказывалась от возможности бросить недоверчивый взгляд в сторону Сумеречной.

После особенно остроумного обмена мнениями, в результате которого Сумеречная чувственно улыбалась, а Илдар был совершенно сбит с толку, волшебница вскинула руки.

— Не можем ли мы просто перейти к делу? — спросила она на эльфийском. — Я устала от твоих детских игр.

Сумеречная закатила глаза и пожала плечами.

— Очень хорошо, Ваше Высочество, — ответила она по-доброму. — Вам, наверное, интересно, куда вы должны отправиться, чтобы найти Браслет.

— Вот это дело, — пробормотала Сайтара.

Илдар бросил на сестру ругательный взгляд и сказал:

— Продолжай.

— Ну, он в руках Глубинного Шабаша.

— Кого? - спросил Илдар.

— Культа повелителя демонов по имени Граз'зт, — ответила Сумеречная. — Наши друзья прошлой ночью.

Наступила тишина, потому что пришло время для гневного междометия Сайтары, которого не последовало. Илдар взглянул на нее. Солнечная эльфийка откинулась на спинку кресла, глядя куда-то вдаль. Илдар не собирался гадать, о чем она могла думать, но был рад передышке от ее языка. По какой-то причине ему больше нравилось слушать голос Сумеречной.

Раз уж Сумеречная заговорила, она так и сделала, рассказав за чаем о Глубинном Шабаше. Оказалось, что они действуют из-под Дома Монет, где в этот день службы не будет. Судя по ее спокойным заверениям, создавалось впечатление, что она уже планировала украсть браслет еще до встречи с солнечными эльфами.

— Ты уверена, что стоит идти туда днем? — спросил Илдар, повторяя опасения Сайтары, высказанные накануне. Он выглянул в окно, на небе не было ни облачка.

— Культисты, наверное, сейчас отсыпаятся после ритуала, — сказала Сумеречная. — Свет всегда на твоей стороне, как правило, когда имеешь дело с демонами.

Илдар понял, что под «Светом» она могла подразумевать себя, но оставил свое остроумие при себе. Он посмотрел на свою сестру.

— Сайт, ты была довольно тихой. Ты в порядке?

Сайтара смотрела прямо перед собой, как будто не слышала его. Когда он коснулся ее руки, она вздрогнула. Илдар чувствовал себя далеким от нее.

— О да, — сказала она по-эльфийски. Она спрятала улыбку. — Да. Я просто... задумалась. — Она посмотрела на Сумеречную. — Когда мы начнем?

— Прямо сейчас, — сказала Сумеречная. Она сделала еще один глоток чая и улыбнулась сквозь пар. — Ну, уже скоро.

Когда они закончили трапезу, расплатились и ушли, флирт Сумеречной и Илдара только продолжился, к крайнему огорчению Сайтары и разочарованному удовольствию Илдара. Лунная эльфийка вела их извилистым маршрутом по улицам - чтобы избежать следов,

объясняла она - что казалось безнадежно сложным и долгим. Судя по тому, как она нахмурилась, Сайтара заподозрила, что это было сделано исключительно ради продолжения перепалки с Илдаром, на что тот очень надеялся.

Когда полуденное солнце поднялось над головой, Сумеречная повела их по темному переулку рядом с Домом Монет на Храмовом холме. Пока Илдар неловко двигался, а Сайтара порхала вокруг в необычном избытке энергии, Сумеречная внимательно изучала стену.

— Ты уверена, что это оно? — спросил Илдар в одиннадцатый раз примерно за столько же вдохов.

— Молчи, солнце, — прошипела Сумеречная. — Дай девушке поработать.

С легким рычанием охотник за сокровищами заерзал, недовольный тем, что стоит в таком грязном месте и ничего не делает. Ему было ужасно стыдно.

Илдар никогда не любил стоять на месте - у него был фундаментальный недостаток терпения, который мешал ему учиться. По словам его мастеров на Эвермите, ему не хватало внимания и сосредоточенности, которых требовало волшебство, и он мог выучить лишь жалкие заклинания. Для эльфа, которому, по крайней мере, по его собственному мнению, было суждено овладеть высшей магией, это было очень тяжело. Потом, когда его по той же причине не приняли в орден Певцов клинка, Илдар отказался от своих учителей-эльфов. Не то чтобы люди - да и другие расы, если уж на то пошло - были лучше.

Сайтара не помогала. Она ходила взад и вперед, произносила заклинания - раздвоения, как он догадался - и у Илдара хватило ума понять, что она делает это только тогда, когда Сумеречная меньше всего может это заметить.

Через мгновение он снова спросил:

— Ты уверена?

— Да, брат, — тихо сказала Сайтара. Она говорила на общем языке, что показалось Илдару необычным. — От этой стены исходит магия. Там почти наверняка есть дверь.

Сумеречная недоверчиво уставилась на Сайтару. Затем она пожала плечами.

— Моя благодарность, Ваше Высочество. Почти пришли... — Ее пальцы нашли бороздку, затем углубление, и она победно щелкнула языком. — Получилось. — Ее правая рука опустилась к поясу и достала из потайного кармана пару проволочных отмычек. — Теперь...

Через пару-тройку мгновений дверь вздрогнула, и камни начали сдвигаться. Сумеречная откинулась назад, любуясь своей работой. Кирпичи завибрировали и закрутились, и в стене зиял портал, похожий на демоническую пасть, освещенную изнутри странным тусклым пламенем - факелами, надеялся Илдар. Снизу доносился запах гниющей плоти и запекшейся крови.

Как уместно, подумал Илдар, борясь с тошнотой.

— Помни, — предупредила Сумеречная. — Эти культисты поклоняются демону, который выступает за соблазн, предательство и извращения ради темной силы. Это самые мерзкие люди, каких только можно себе представить. Если они поймут тебя, это будет хуже смерти - гораздо хуже, я думаю.

Волоски на шее Илдара встали дыбом.

— Весело. Какие меры предосторожности мы предпримем?

Сумеречная пожала плечами.

— Не попасться.

Они спустились в темноту, Сумеречная шла впереди и искала ловушки и охранников, затем Сайтара со своими заклинаниями обнаружения, а за ней шел Илдар, держа руку на рукояти своего меча.

По мере спуска температура медленно повышалась, настолько, что, даже несмотря на устойчивость эльфов к перепадам температур, на их лбах выступили капельки пота. Сумеречная спускалась по ступеням медленно, осторожно, осматривая стены чуткими глазами и кончиками пальцев.

Несколько раз она показывала Сайтаре и Илдару, чтобы они избегали определенного шага или отошли от стены в определенный момент. Иногда она возилась с механизмом, которого не замечал Илдар, обезвреживая ловушку или снимая защиту, которую он не мог почувствовать даже после семи десятилетий магической подготовки. Она замечательно разбиралась в магических ловушках, что часто ускользало от его воровских навыков, которые он приобретал в основном самостоятельно. Он сделал мысленную пометку спросить о ее технике позже.

Через пятьдесят ступеней лестница заканчивалась округлым помещением с полудюжиной одинаковых двустворчатых дверей из армированного дуба. Илдар сразу же принялся за непосильную задачу - решить, какую из них исследовать первой, но Сумеречная не колебалась.

— Нет никакой причины открывать эти двери, — пробормотала она. — И не заперты. Мне следует пожаловаться.

Она сразу же подошла к двери, которая была второй справа, и прислушалась. Переведя дух, она кивнула и пригласила вперед Сайтару и Илдара.

— Откуда ты знаешь, куда идти? — Илдар приподнял бровь.

Сайтара молча изучала Сумеречную.

— Я... ну... это потребует некоторых объяснений. Достаточно сказать, что я чувствую этот браслет. Называй это даром. Он показывает мне, куда идти. Как по волшебству. — Она щелкнула пальцами. Когда остальные не присоединились к ее улыбке, она нервно рассмеялась. — Только не это.

— Я знакома с этим заклинанием, — сказала Сайтара. — Как и мой брат. Чтобы найти что-то уникальное, каким является браслет Инлоэта, нужно знать об этом не понаслышке. Разве это не так?

— Я не знала, что ты разбираешься в Искусстве, — коротко сказала Сумеречная Илдару, игнорируя его сестру.

— Мы - эльфы, — быстро сказал он, пытаясь отвести ее обвинительный тон. — Для нас это вторая натура.

— Для меня - нет, — холодно сказала Сумеречная. — Никогда не чувствовала себя комфортно рядом с магами.

Лицо Илдара покраснело, и он проклял сестру за то, что она включила его в эти ряды, что понизило его в глазах Сумеречной. Он не знал, почему это его так расстроило, но это было так.

— Итак, ответь на мой вопрос, — сказала Сайтара. — Откуда ты знаешь, где находится Браслет?

— Я объясню позже, — сказала Сумеречная. — Давайте поторопимся. Не знаю, кажется ли тебе это место удобным, но мне оно не нравится. Напоминает Абисс - но, думаю, это уместно, ведь это храм Граз'зта...

— Согласен, — сказал Илдар. Он взглянул на Сайтару, которая закусила губу, и на время оставила этот вопрос. Он подошел к двери и медленно открыл ее.

Внутри находилась алтарная комната Граз'зта. Факелы тлели в настенных креплениях и излучали туманный фиолетовый свет, создавая странную, сюрреалистическую атмосферу. В воздухе смешивались мускус и кровь. Стены украшали грубые фрески, изображавшие отвратительных, ужасающих демонов, акты насилия и похоти. В комнате возвышался огромный обсидиановый алтарь, заваленный черепами и костями. Что-то металлическое блеснуло на нем, и глаза Илдара загорелись.

— Браслет! — воскликнул он про себя. Он бы продолжил, если бы Сумеречная не закрыла ему рот рукой, заставив замолчать.

— Полегче, Золотце, — сказала она, обводя комнату жестом своего острого носа.

И действительно, хотя в тусклой дымке они их не видели, по комнате были разбросаны тела в черных одеждах, все они неглубоко дышали. Большинство из них были полураздеты и переплетены друг с другом. Плащи и тени скрывали лица, но эльфы были уверены, что они спят. Илдар мог только представить, что представлял собой их ритуал, и у него сжалось горло.

— Давайте просто возьмем его и уйдем, — прошептал Илдар.

Они медленно двинулись в комнату, не теряя бдительности. Сайтара произнесла заклинание, чтобы сделать их движения бесшумными, и они осторожно пробирались через спящие тела.

Только когда они прошли половину комнаты, Сумеречная насторожилась и нахмурила брови. Она остановилась и потянулась к плечу Илдара, но он был уже в шаге от нее. Вместо него она поймала Сайтару.

— Что, воровка? — спросила Сайтара.

— Что-то не так, — ответила Сумеречная.

Илдар не останавливался. Он как раз подошел к помосту и взглянул на серебряный браслет, без всяких украшений, но с гравировкой в виде тонких нитей трех остроконечных листьев. Без сомнения, это было одно из самых прекрасных произведений мастерства, которые он когда-либо видел.

Он провел пальцами в заклинании обнаружения, ища ловушки или заслоны. Их, похоже, не было, но он почувствовал вокруг браслета ауру - иллюзию. Возможно, это была его собственная магия, призванная защитить владельца. Чтобы убедиться в этом, он решил развеять ее; он сомневался, что его небольшой талант в искусстве сможет навсегда повредить такую мощную реликвию. Илдар начал заклинание.

— Браслет, — сказала Сумеречная. — Это не... Илдар! Остановись!

Она уже собиралась прыгнуть вперед, но тут пришла очередь Сайтары схватить ее за руку.

— О, пусть. — В ее голосе звучала вновь обретенная уверенность в себе. — Разве ты недостаточно сделала?

— Но... но это не реально, — растерянно сказала Сумеречная.

Сайтара наклонилась и что-то прошептала Сумеречной на ухо. Глаза лунной эльфийки расширились, и она выхватила свою рапиру.

— Илдар! — крикнула Сумеречная в тот же миг, когда Сайтара воскликнула:

— Это ловушка! — и начала заклинание.

Как один, все культисты в комнате вскочили на ноги, в их руках появились волнистые кинжалы или мечи. Эльфы были окружены.

В то же мгновение рассеивание Илдара не просто подавило магию браслета: оно исказило и деформировало ложную реликвию. Серебряный нарукавник потускнел, сморщился и превратился в оторванную человеческую руку, которая вскочила и вцепилась в его запястье, словно живая. Илдар закричал и яростно затряс рукой, пытаясь вырваться из чудовищной хватки, но все было напрасно. Почерневшие, грязные когти вонзились в его плоть, пробив легкий хауберк, который он носил.

Стиснув зубы, он произнес заклинание, которое должно было освободить его, и едва успел вовремя, чтобы защититься от двух здоровенных культистов, которые рубанули его мечами. Дав заклинанию угаснуть, Илдар уклонился от одного удара и парировал другой, но сила удара заставила его пошатнуться. В сочетании с затянувшейся болью в левой руке и звоном в правой у Илдара закружилась голова.

Тем временем из орды вышел культист, направив зигзагообразный длинный меч в сторону двух эльфийских дев.

— Сдавайтесь или умрите! — прорычал он.

Тот получил арбалетный болт Сумеречной в глаз. В то же время лунный эльф бросился на Сайтару, но браслет мага, усыпанный рубинами, вспыхнул, а рапира с сумрачным лезвием вызвала щит из золотой магии, окруживший ее.

В ответ Сайтара произнесла заклинание, соединив руки, поблескивающие энергией, и пустив между ними электрические разряды. Глаза Сумеречной расширились, и она нырнула в сторону, изворачиваясь так, что казалось невозможным.

Багровые молнии вырвались из рук Сайтары, пронеслись над Сумеречной и вокруг нее, срубив трех незадачливых культистов. Болты вылетали из дымящихся тел обратно в сторону лунной эльфийки, но она снова уклонялась с неестественным изяществом. Словно сдавшись, молния метнулась в другого демониста, который закричал и почернел.

Сумеречная приземлилась и перекатилась через упавших культистов, вовремя успев парировать удар топора и отпрыгнуть в сторону. Молния Сайтары разрывалась и свободно летала по камере, пока заклинание одного из скандирующих культистов не поймало ее в ледяной тьме.

Тем временем Илдару удалось ускользнуть от одного нападавшего, обойдя другого. Когда перед ним был только один меч, его уроки фехтования вмиг вспомнились, и он попятился назад, меняя дистанцию. Когда двуручный меч вырвался, предсказуемо короткий, Илдар вскочил на ноги, нанеся удар, который глубоко прорезал черный плащ культиста. Человек упал с хрипом. Очевидно, культисты не носили почти никаких доспехов под своими одеяниями.

Он успел перевести дух, прежде чем второй мечник навалился на упавшего товарища, и окинул взглядом помещение. То, что он увидел, расширило его глаза.

Там стояла Сайтара, окруженная рубящими клинками, которые отскакивали от ее магических щитов, сплетаясь и разя страшными силами, имевшимися в ее распоряжении. Илдар знал, что этого будет недостаточно - не с четвертью культистов, скандирующих контрзаклинания. Цепная молния была одним из самых мощных ее заклинаний, но и оно не смогло поразить главную цель: Сумеречную.

Сумеречная, которая и тогда уклонялась от медленных ударов культистов и парировала их быстрые. Она отлично владела клинком, ее тонкий меч кружил вокруг блоков и парирований, словно острое жало собственной жизнью, а ее танцующая работа ног была просто потрясающей. Илдар не завидовала своим противникам в том, чтобы нанести ей удар.

Затаив дыхание, Илдар наблюдал, как Сумеречная крутит клинок кругами вокруг дикого, рывкового парирования, отпрыгивает в сторону, даже притворившись, и пробивает культиста насквозь.

Затем Илдару пришлось повернуться к своему врагу, уклониться в сторону и едва избежать того, чтобы его голова не была разрублена надвое, как капуста.

— Илдар! — крикнула Сумеречная, парируя и отпрыгивая от культиста с коротким зазубренным мечом. — Мы должны выбраться отсюда!

— Нет! — крикнула Сайтара, по ее бронзовой коже стекали бисеринки пота. — Не слушай ее, Илдар! — Она произнесла еще одно заклинание, и вокруг нее вспыхнули пять сфер энергии, каждая разного цвета, как радужные шарики. Они кружились вокруг ее головы, как крошечные спутники. — Она предательница!

Сумеречная зарычала, парировала удар с высоты и послала низкий рипост, от которого ее противница отпрянула назад.

— Она предательница, Илдар! Не... — Она могла бы сказать еще что-то, но звон стали оборвал ее слова.

У Илдара закружилась голова. Кому он верил? Сестре, которая была с ним на протяжении всех его приключений после Эвермита, или Сумеречной, загадочной, едкой и обманчивой женщине - воровке по ее собственному признанию?

На первый взгляд, выбор казался совершенно очевидным, но что-то в Илдаре восставало против него. Что это было за чувство, которое зародилось в нем?

Тогда Сумеречная сделала выбор за него. Возле выхода аколит с диким лицом поднял руку, чтобы призвать заклинание уничтожения на слабеющий щит Сайтары, открыв тем самым блеск серебра на весьма женской руке.

— Браслет! — крикнула Сумеречная.

Внезапный выпад сбил противника с ног, но Сумеречная не сделала никакого движения, чтобы последовать за ударом. Вместо этого она вырвалась и бросилась к аколиту. Пока она бежала, тени сгущались вокруг нее, словно плащ.

— Останови ее, Илдар! — крикнула Сайтара между заклинаниями. Палочка, которую она достала с бедра, вспыхнула, посылая охристый луч в Сумеречную, но вместо этого он попал в демонического раба, повалив его, распластавшегося, на пол. — Она уходит. Останови ее!

На ее пути возник культист, но Сумеречная не замедлилась. Она прыгнула в тень за шаг до него и снова появилась, спустя мгновение и десять шагов, у выхода.

Теневая танцовщица, подумал Илдар. Эта дева полна сюрпризов.

Илдар парировал удар противника о каменную опору и бросился за Сумеречной, не обращая внимания ни на какие атаки. Он настиг мага-демониста у выхода и громоздкого культиста с копьем.

Сумеречная прыгнула на аколита, как прыгающая лисица, повалила ее на землю и направилась прямо к браслету на запястье женщины в капюшоне. Страж аколита отбросил копье назад.

— Нет! — крикнул Илдар, бросаясь на него, и вызвал шокированный взгляд Сайтары.

Затем реальность померкла, и Илдару показалось, что он слышит откуда-то легкий смех, похожий на смех эльфийского ребенка, которого слишком позабавила собственная шутка.

Сумеречная поднялась и поймала копьё под левую грудь. Ее глаза широко раскрылись, когда древко отнесло ее назад и прижало к стене. Сумеречная забилась в конвульсиях, и кровь потекла у нее изо рта.

Его глаза помутнели, мир стал красным, и Илдар бросился на копыеносца с мечом наперевес. Его яростный бросок сбил телохранителя с ног, а сильный удар в правое плечо заставил руку бесполезно болтаться на боку. Зверь зарычал и плюнул в Илдара, но солнечный эльф сделал ему приятное. Он вонзил свой меч в грудь громадного человека.

Илдар отвернулся от скорчившегося тела. Воровка казалась мертвой, прижатой к стене, ее лицо было еще бледнее, чем обычно, но Илдар все равно схватился за копьё, чтобы выдернуть его.

Глаза Сумеречной открылись, и она издала крик, скорее от дискомфорта, чем от боли.

— Осторожнее с этим! — укорила она. — Больно, знаешь ли.

Илдар был ошеломлен. Он ожидал, что лунная эльфийка умирает, если она еще не умерла, но разговаривает? И спокойна?

Он выдернул копьё из Сумеречной, и она хрюкнула. Кровь потекла струйкой. Должно быть, каким-то образом она не задела все жизненно важные органы. Илдар удивился, как такое возможно.

— Идем! — огрызнулась она. — Давай...

— Предатели! — крикнула Сайтара. Углубившись в очередное заклинание, она усилием воли послала пять орбитальных сфер за ними.

Илдар выкрикнул предупреждение и закрыл Сумеречную своим телом. Сферы разбивались о его спину, опалая его огнем, обрызгивая кислотой, сотрясая электричеством и оглушая разноголосым звуком. Одна прорвалась - синяя сфера, которая с леденящей энергией взорвалась у плеча Сумеречной. Но вот на руке воровки вспыхнуло кольцо, и смертельный холод исчез. Стиснув зубы, Илдар попятился.

— Идем! — снова крикнула Сумеречная. Закинув раненную руку Илдара себе на плечи, она рванулась к лестнице. — Опустить голову!

Они побежали к двери.

— Стоять! — крикнула Сайтара.

Она произнесла еще одно заклинание, и на выход обрушилось пламя, огласив комнату, но Сумеречная и Илдар уже прошли через дубовые двери.

— Илдар! — был последний, протяжный крик Сайтары.

Два эльфа лежали оглушенные на полу вестибюля за стеной пламени, с трудом соображая. Потребовался вдох, чтобы восстановить навык. Илдар оглянулся на горящий занавес, отделявший их от культистов, и пробормотал одно слово: «Сайтара».

Для Сумеречной это было совсем другое слово.

— Поднимайся, — сказала она и потянула его в ту сторону. Раны Илдара вспыхнули, и он зашатался. Он бы упал, если бы она не подхватила его.

— Что там случилось? — спросил Илдар. — Я думал, что потерял тебя!

— Эреван так просто меня не отпустит. — Сумеречная стиснула зубы и потащила Илдара вверх по ступеням. Ей явно было больно, но она хотя бы могла идти - он не мог утверждать того же.

— Эреван... - пролепетала Илдар. — Эреван Илесир? Фейский шутник?

— Клянусь Черным Луком, золотце, — выругалась Сумеречная, пытаюсь оттащить его. — Сколько ты вообще ешь?

Сквозь боль Илдар сумел наложить на Сумеречную заклинание укрепления, так что она смогла поднять его, как мешок с перьями.

Однако внезапная сила застала ее врасплох, и, продолжая тянуть, она ударила его о низкий потолок. Мир померк, и Илдар больше ничего не слышал.

Сайтара опустила руки со страдальческим видом. Как будто это уже не имело значения, она позволила своей защите пасть, за исключением заслонов, которые не позволяли никому приблизиться ближе чем на пять шагов. Стоя в центре алтарной комнаты, она чувствовала себя очень слабой, очень хрупкой и очень одинокой.

Но культисты не смотрели на нее так. Наоборот, они настороженно смотрели на нее и держали оружие наготове. Как только кто-нибудь из них видел возможность, Сайтара знала, что ее кровь прольется.

Затем раздался странный звук, который начался слабо, но становился все сильнее, пока не разнесся эхом по камере: смех Сайтары.

Он длился всего мгновение, но этого было вполне достаточно, чтобы по всем присутствующим демоническим существам пробежал ощутимый холодок. В этом смехе не было ничего неопределенного или насмешливого - он был совершенно безумным.

Затем, подавив хихиканье, Сайтара приняла властную позу и подняла подбородок.

— Ваш лидер, — сказала она. — Кто отдает приказы в этом шабаше?

Вперед вышел плотный мускулистый мужчина.

— Я, — сказал он. — И кто может...

Луч янтарного света вырвался из пальцев Сайтары и ударил его в грудь. В культисте появилась дыра, которая мгновенно разрослась. Он корчился в агонии, и все больше и больше его плоти плавилось и распадалось у них на глазах. Через мгновение от него осталась только пыль.

— Кто настоящий лидер? — спросила Сайтара.

Женщина у выхода, та самая, что носила браслет, шагнула вперед. Она откинула капюшон, обнажив острые, почти кошачьи черты лица и копну

огненно-рыжих волос. В ее движениях чувствовалась сладострастие и чувственность, она была прекрасна в жестоком смысле.

— Я - Лейс'анна, Избранница Граз'зта. Кто ты, что нарушила наш покой?

— Рожденная повелевать, а не следовать, — ответила Сайтара. — Ты уступаешь?

Лейс'анна рассмеялась.

Солнечная эльфийка запустила в нее заклинание - черный, изнуряющий луч, но Лейс'анна отбила его защитной магией, созданной из амулета, который она носила.

— Ты хочешь сразиться, эльфийка?

Сайтара лишь улыбнулась.

— Очень хорошо, — сказала демоница. — Покорись мне.

Она почувствовала, как магия принуждения Лейс'анны бьет по ее разуму. Слова прорезали ее сознание, словно предложение бандита, приставившего нож к ее горлу.

Сайтара почувствовала крошечное мерцание разума Лейс'анны и поняла, с кем она столкнулась: избранная слуга могущественного принца демонов - мастера манипуляций, который читал и контролировал мысли с благословения могущественнейших темных сил.

Могущественных темных сил. Сайтара улыбнулась.

И тут Лейс'анна вздохнула, почувствовав, как ее собственная сила вновь обратилась к ней. Сайтара не только подавила волю Избранной, но и ответила ей своим заклинанием принуждения.

Лейс'анна корчилась на полу, рычала и скребла когтями по камню, разбивая собственные иллюзии. Манящее женское тело превратилось в мощный торс и лапы огромного льва, а руки стали могучими лапами. Ее лицо стало более темным, мохнатым и явно кошачьим. Разрушив иллюзии, ламия в ужасе уставилась на Сайтару.

— Так кто настоящий лидер? — снова спросила Сайтара.

Ламия поднялась, но только на колени. Вокруг нее культисты пали ниц в поклоне. Сайтара слышала шепот повелителя демонов Лейс'анны и видела, как сильно Граз'зт желает заполучить ее потемневшую душу. Она задрожала от силы, которую ощутила через эту связь разумов.

Как ловко зло маскировалось в плоти самых ярких и сияющих людей.

— Да, — сказала Лейс'анна, слегка скривив губы.

Когда солнечный эльф проснулся, его охватило ощущение легкости и тепла. Он медленно осознал, что лежит обнаженный на широкой мягкой кровати. Теплая рука ласкала его лоб, и, подняв бледную руку, он увидел темноволосую женщину с бледными глазами, которая улыбалась ему.

Илдар подумал, не было ли все это сном, и не вернулся ли он в Эвермит.

Потом он вспомнил культистов, логово и мучительный крик Сайтары и задохнулся. Он понял, что дева-эльфийка - это Сумеречная, одетая в простую белую одежду.

— Не волнуйся, — сказала она. — Ты в безопасности. Я сняла комнату в «Топоре и Молоте». Тебя окружает настоящая армия закаленных в боях dwarфов, о борьбе против которых даже Эльминстер подумал бы дважды. Здесь нас никто не найдет.

Илдар полуприподнялся, морщась от усилий, и потянулся за своей туникой на край кровати. Сумеречная перехватила его руку, встав между эльфом и одеждой. Она задержала его руку между ними на долгий, тихий вздох. Затем она толкнула его обратно на подушки и поднялась на ноги.

— Отойди! Я должен...

— Солнце, правда. В твоём хрупком состоянии ты не в силах противостоять лестнице, тем более шайке демонов-культистов. — Тон Сумеречной был почти укоряющим.

— Но...

— Я не для того так старалась, чтобы спасти твоё сверкающее тело, чтобы ты снова его разорвал. — Она оглядела его с ног до головы и улыбнулась, криво выгнув краешек губ, от чего у Илдара волосы встали дыбом от предвкушения. — Оно слишком красивое.

Он оттолкнул локтем это чувство.

— Отойди от меня, предательница! — огрызнулся он. — Ты бросила Сайтару на верную смерть!

— Не будь посмешищем, — сказала Сумеречная. — Это она предательница. Она сказала мне многое в храме: Я сказала: «Браслет не настоящий», и она наклонилась, чтобы сказать: «Я знаю».

— Ложь.

— Естественно, ты мне не веришь, — сказала Сумеречная. — Отлично. Спрашивай меня о чём угодно - я обещаю правду. И никак иначе. Мое слово.

— Слово воровки? — голос Илдара был саркастичен.

— Этого будет достаточно.

— Очень хорошо, тогда, — ответил он. — Для начала: как тебя зовут?

— Сумеречная лиса, как я уже говорила...

— Твое настоящее имя, — поправил Илдар.

Сумеречная прикусила губу.

— Спроси меня о чём-нибудь ещё.

Илдар нахмурился.

— Очень хорошо. Это правда?

— Что правда?

— Что ты работаешь с демонопоклонниками. Вот почему ты знала, что у них есть Браслет и куда идти. Поэтому ты все знала.

Сумеречная закатила глаза.

— Я могла бы рассказать тебе, но кому ты поверишь? Мне, воровке, или своей драгоценной сестре, которую ты, несмотря на все доказательства обратного, все еще считаешь другом?

— Говори, и мы увидим, что я думаю, — сказал Илдар.

— Хорошо, — сказала Сумеречная. — Работаю ли мне с ними? Нет, отбрось эту мысль! Они слишком зациклены на власти, тьме и манипуляциях - и ни капли чувства юмора. Ску-ка. Демоны. Ты когда-нибудь слышал, чтобы повелитель демонов рассказывал анекдоты? Нет? Ну, конечно, ты никогда не встречался с ними, но поверь мне на слово. Граз'эт, Оркус - совершенно несмешные. Хуже только архидемоны, особенно Мефистофель...

— Ты несешь чушь, — сказал Илдар.

— Что? Все верно, — сказала Сумеречная. — Нет, я не работаю на них. И почти ничего для них не делаю. — Она пренебрежительно пожала плечами. — Немного мелкой работы тут и там... кража - ничего серьезного... может быть, что-то вроде... не знаю... этого. — Она показала серебряный браслет на правой руке. — Ничего особенного.

— Ты изначально украла браслет Коронеля Инлоэта? — спросил Илдар. — Как?

— У кого, — поправила Сумеречная. — Ни у кого важного... У Коронеля Инлоэта. Испарил себя своими мечами, знаешь ли. Разве это не сюрприз - Оп: нет Браслета, нет защиты. Проклятие.

Лицо Илдара стало пепельным, а рот раскрылся.

— Шучу, шучу, — сказал Сумеречная. — Надо было видеть твое лицо, просто бесценно. Она рассмеялась. — Если такое вообще возможно.

Солнечный эльф сглотнул. Он снова сел и откинул одеяло, чтобы можно было подняться.

— Но, но... — Он нахмурился. — Правильные поступки не имеют цены - твой дух не имеет цены, или ты так давно продал его за ум и красоту?

Молниеносным движением, которым мог бы гордиться любой дуэлянт, Сумеречная вlepила ему пощечину. Вот тебе и забота о его нежном состоянии.

— Тебе легко судить, — сказала она. — Твоя черно-белая мораль - роскошь, которую не могут позволить себе те из нас, кто не вырос на лоне безмятежности Эвермита.

Илдар уже собирался ответить, но она продолжала.

— Королевства не так просты, как вы, солнцеликие, думаете. Ваш драгоценный Исход - ха! Бегство - вот что лучше. Вы просто не могли вынести вида расы, которая живет более страстно, более полно, чем вы сами. И поэтому вы бежали - в страхе перед миром.

— Н-но..., — сказала Илдар, но ее было не остановить.

— Жизнь не вписывается в вашу надменную, академическую... арифметику! Люди видят дальше вас, эльфов, так, как вы и представить себе не можете. Эльфы боятся людей, потому что люди - это то, чем эльфы боятся стать - живыми, энергичными! Они видят в жизни больше, чем

просто добро и зло, честь и долг. Они знают страсть и красоту, настоящую любовь-спонтанность. Держу пари, что солнечные даже не...

На этот раз прервал ее Илдар, причем поцелуем, который потряс их обоих. Нехарактерно, но Сумеречная колебалась - она была ошеломлена.

Илдар разорвал поцелуй.

— Прости, — сказал он. — Я... я не знал, что я...

Набросившись на него, как тигрица, Сумеречная оборвала его следующие слова, впившись в его губы яростным, страстным поцелуем, от которого у Илдара перехватило дыхание, даже когда она повалила его на спину. Он даже не подумал протестовать, когда она вдавила его в пуховый матрас. Боль от порезов и синяков исчезла, уступив место жару, пульсирующему в нем.

Это не было похоже ни на что из того, что он ранее испытывал. Илдар и раньше знал любовь женщин, но никогда еще ни одна не прижималась к нему так сильно, так неистово...

Сумеречная отстранилась, прикусив губу, и посмотрела на него похотливыми глазами.

— После вчерашнего я подумала, каково это - делать это, когда ты не жалуешься, — сказала она в своей ироничной манере. — И я была права.

Она развязала лиф одним движением запястья и потянула за шнурок.

Илдар моргнул, пытаясь вернуть здравый смысл, и полусшепотом спросил:

— Разве не ты сказала мне, что я не в форме?..

— На это тебя хватит, — она с треском распустила свои вороньи волосы, и они рассыпались по обнаженным плечам.

Слова подвели его.

Сайтара проснулась в кромешной тьме.

Даже ее зоркие эльфийские глаза не могли проникнуть на расстояние большого пальца перед ее лицом. По насыщенному, влажному воздуху, бьющемуся о ее кожу, она поняла, что была обнажена. Хотя ей должно было быть холодно, вместо этого все было знойным и тяжелым, от чего выступил густой пот, пропитавший каждый дюйм ее кожи. Она потянулась, чтобы расчесать лоб, но рука не двигалась. Должно быть, она прикована цепями.

Сайтара попыталась позвать, но тут же поняла, где находится. Кровь бурлила в ней, как огонь, а легкие пульсировали, втягивая и выпуская воздух.

Она лежала на алтаре Граз'зта.

Ей казалось, что все вокруг затихло, если не считать гула в голове, но она почувствовала тупой стук, который не был стуком ее сердца. Это был бой барабана, и хотя она не могла его видеть, откуда-то она знала, что это кожа разумного существа. Ее пульс участился.

Усилием воли она успокоила себя. Это не было неожиданностью - она сама выбрала этот путь, и теперь ей предстояло пройти его.

Затем начались песнопения.

Глубокие, низкие и призрачные, она слышала голоса вокруг себя, произносящие слова тьмы. Язык был Абиссальным, она знала, но каким-то образом искаженным, словно прохождение сквозь реактивную черноту искажало слова.

Словно по негласному сигналу, песнопение стало громче, и она смогла различить слова. Ужасные, развратные деяния, которым нет названия, падали на ее слух, как засахаренные кинжалы. Вопреки себе, Сайтара почувствовала, как у нее свело живот и задрожали пальцы.

— Са'Граз'зт, са'за, са'за, — скандировала тьма. — Граз'зт, са'за, рзал'за! Са'лза, рзал'за!

— Лорд Граз'зт, приди, приди, — тихо перевела Сайтара. Граз'зт, приди и убей нас... Войди в нас, убей нас...

Затем наступила тишина. Постепенно темнота углублялась и наваливалась на нее все сильнее, тяжелее и плотнее, обжигая и обжигая. Она с ужасом осознала, что из темноты на нее смотрят два светящихся зелено-белых глаза.

В этот момент уверенность Сайтары пошатнулась. Та, кто не встречала себе равных в магических дуэлях, та, кто никогда не сталкивалась с реальной угрозой, та, кто никогда не знала настоящего страха, - в этот момент она осознала истинный ужас.

Если раньше она и боялась, то это ощущение полностью разрушило ее решимость. Оно обрушилось на нее так же неумолимо и безжалостно, как топор старосты опускается на шею приговоренного. По ее коже поползли мурашки, а тело отстранилось, насколько это было возможно. Она не могла думать - вся ее сила, вся ее безопасность, вся ее воля исчезли из нее в этот момент.

Потом она увидела его, и дыхание тоже покинуло ее.

Над ней возвышалась эбеновая мускулистая грудь, стоящая на мощных козлиных ногах с двойным шарниром. Ветвящиеся мускулами мощные руки широко раскинулись, словно призывая силы тьмы исполнить волю повелителя демонов. А его лицо; оно было красивым, как бывает красивым идеальное убийство, с сильными, угловатыми чертами, как у эльфийского лорда. Но это существо было гораздо больше, чем эльф - любой смертный - вообще когда бы мог быть. Ее разум кипел от ужаса, а тело подергивалось от желания - Сайтара никогда не знала любовника и не думала о нем.

Потом он улыбнулся, и ее дух улетучился.

Шестипалая рука поднялась над ее телом, и Сайтара сжалась от ее прикосновения, даже страстно жаждая его. Граз'зт наклонился над ней, и тело Сайтары напряглось.

Один из его пальцев нашел ее лоб и провел по лицу, задержавшись на губах и погрузившись в рот - она ощутила вкус меда, крови и пепла, - а

затем опустился ниже. Палец прошел по впадине ее горла, по груди и животу.

Затем темный лорд сделал паузу. И усмехнулся.

Он щелкнул двумя из своих двенадцати пальцев, и оковы Сайтары ослабли.

Ей захотелось броситься в его объятия. Либо это, либо в ужасе убежать. Но нет, она не могла пошевелиться, не могла думать, помимо жгучего желания в ее теле и духе.

Лорд Демонов взмахнул рукой, и Сайтара почувствовала, как сотни рук схватили ее. Прежде чем Сайтара поняла, что происходит, рабы перевернули ее на живот.

Темный Лорд вновь провел пальцем по ее коже - плоти, которая зудела от желания. Его палец скользнул по ее ягодицам и добрался до впадинки у основания позвоночника. Он коснулся ее там, и она с нечестивым экстазом почувствовала, как на ее коже загорелась метка. Она задохнулась и перевернулась на спину, чтобы встретиться с ним взглядом, но все уже было сделано, и ничего нельзя было изменить.

— Теперь я объявляю тебя своей, Сайтара Наталан, — сказал Граз'зт. — Носи мой знак и знай, что ты моя.

Он прижался губами к ее губам. Сайтара не могла думать, не могла реагировать, не могла бежать. Она потеряла всякий контроль, и ей это нравилось.

— Да! — задыхалась она.

И Сайтара познала экстаз, который никогда не могла себе представить: экстаз тьмы.

Зашнуровывая свой хауберк из эльфийской кольчуги на следующее утро после Дремления с Сумеречной, Илдар бросил взгляд на разбойницу, когда она вошла в пару гладких черных бриджей. Он залюбовался ее спиной и нежными изгибами бедер. Приснилось ли ему это прошлой ночью, или все произошло на самом деле?

Затем взгляд Илдара уловил золотистый отблеск на ее кремовой коже, у основания позвоночника, как клеймо. Он сделал шаг ближе, присмотрелся и моргнул. Это не было обманом света - действительно, на ее спине была звезда с восемью асимметричными лучами, расходящимися, как лезвия, словно выгравированные золотом.

С такой смелостью, какую может знать только влюбленный, Илдар придвинулся к Сумеречной и обнял ее сзади. Разбойница озорно улыбнулась и покачнулась в его объятиях, потянувшись к его крестцу.

Однако он не позволил ей сменить тему разговора. Илдар провел рукой по ее позвоночнику и остановился у звезды.

— Что это? — спросил он, положив ладонь на метку. Илдар почувствовал, как по нему пробежала пульсация силы, подобная удару электричества, и был ошеломлен.

Сумеречная отшатнулась и отпрянула в сторону, выскользнув из его рук, как из раскрытых оков. Она повернулась к нему с опасными глазами и потянулась к бедру, как будто хотела достать сталь.

Когда Илдар лишь уставился на нее, Сумеречная задрожала и снова выпрямилась.

— Метка Эрвана Илесири, — сказала она. — Ее носят все его девы.

— Родимое пятно?

Все та же кривая улыбка.

— Дар, — сказала она. — Когда его каприз отдалился от меня, Эрван отправил меня в путь, но он не был неблагодарен за ночи, которые мы провели вместе.

Илдар моргнул.

— Ты хочешь сказать, — заикаясь, произнес он. — Ты спала с... с богом?

— Он всегда называл меня своей маленькой Лунной Радугой, — сказала она. — Может быть, это фантазия?

Илдар издал придушенный крик.

— Ты же не... Ты же не серьезно!

Сумеречная улыбнулась, подошла и поцеловала его в щеку.

— Хочешь почувствовать себя особенным? — Она похлопала его по плечу и зашагала дальше.

— О. — Она обернулась. — Он был более искусным, чем ты, конечно.

Илдар покраснел золотисто-красным цветом.

— Ну, возможно, с определенной долей практики, — сказал он.

Ее глаза сверкнули.

— Это вряд ли.

После полудня эльфы снова вернулись к лестнице, ведущей в храм. Сумеречная была против, но Илдар настоял на своем. Они должны были сделать хотя бы попытку.

Дверь они нашли открытой, а проход зиял. Темнота, пропахшая жертвоприношениями разумных существ, казалась более легкой, какой-то пустой. Илдар позволил себе внезапную вспышку надежды.

Неужели Сайтара убила культистов? Возможно, она сбежала!

На нижних уровнях они никого не нашли. Все двери аколитов висели открытыми, камеры были пусты. Двойные двери в алтарную комнату, обугленные и расколотые от событий предыдущего дня, стояли закрытыми. Хотя Сумеречная пыталась остановить его, решительный Илдар подошел к дверям и толчком распахнул их.

Алтарная комната была пуста, вся мерзость вычищена, все следы жертвоприношений уничтожены. Все, кроме одной фигуры, стоявшей

перед ними в одеянии чистого черного цвета. Она откинула капюшон, открыв знакомое золотистое лицо.

— Сестра! — крикнул Илдар, собираясь броситься вперед.

Жест Сайтары остановил его так же уверенно, как если бы он наткнулся на невидимую стену. Илдар опустил руку на рукоять своего меча.

— Брат, — сказала Сайтара. Она говорила на общем языке, отметил он. — Ты все еще не понимаешь. Столько лет, а ты так ничему и не научился.

Она повернулась и позволила своему платью соскользнуть вниз по спине. Там, у основания позвоночника, расположилась демоническая руна - шестипалая рука. Знак ее нового хозяина.

— Ты... — вздохнул Илдар. — Ты стала одной из них!

— Молчи и дай мне сказать, — произнесла Сайтара. Ее голос резанул его как нож. Темная харизма капала с нее, как пот и страсть. — Слишком долго я обитала в твоей тени, помогая тебе в твоих поисках, помогая тебе вернуть свою честь. Я достаточно терпела, брат. Я выбрала свой путь - путь тьмы и силы. Теперь ты должен выбрать.

— Выбрать?

— Браслет или я, — сказала Сайтара. Она указала на запястье Сумеречной, где поблескивал серебряный браслет. — Что является большим сокровищем? Пыль наследия Инлоэта или бьющееся сердце Сайтары? Эта вероломная воровка или твоя некогда любимая сестра? Твой долг и честь или твой род и кровь. Выбирай.

Возможно, это была его гордость. Возможно, дело было в его неспособности измениться. А может, дело было в Сумеречной.

Как бы то ни было, Илдар колебался.

Сайтара кивнула и почти незаметно вздохнула.

— Ты выбрал, — сказала она. — В сердцах братьев нет любви.

— Но...

— Прощай, Илдар, — сказала Сайтара. — У тебя свой путь, а у меня свой. Я не держу на тебя зла, но клянусь, что если ты последуешь за мной, я забуду, что когда-то мы были братом и сестрой. — С этими словами она исчезла в черном дыму и жаре.

— Нет! — закричал Илдар, но Сайтара уже исчезла.

Он обыскал место, где она стояла, но мага и след простыл. Он оглянулся на Сумеречную, но та лишь пожала плечами. Илдар ударил кулаком по пустому алтарю и вскрикнул, издав крик боли из самых глубин своей души.

Илдар медленно, сердито выпрямился. Он поднял подбородок, и глаза его стали холодными.

— Что теперь? — спросил он, снова став надменным эльфийским принцем.

Наступило долгое молчание.

Затем Сумеречная обняла его и страстно поцеловала.

— Пойдем со мной, — сказала она. — Мы продадим Браслет — он стоит целое состояние в монетах. Мне бы не помешал партнер.

Илдар отвернулся, и Сумеречная прижалась головой к его плечу. — Отпусти свою сестру. Она сделала свой выбор, теперь ты ей ничего не должен.

— Нет, — сказал Илдар. — Нет, я не могу.

Сумеречная открыла рот, чтобы заговорить, но Илдар остановил ее поцелуем.

— Пойдем со мной, — попросил Илдар. — Я должен идти, но ты можешь помочь мне - помочь мне спасти ее.

Сумеречная долго не отвечала. Когда она наконец заговорила, ее голос был мягким, как шепот ветерка.

— Ты не имеешь права просить меня об этом.

— Но я люблю тебя, — сказал Илдар. — Неужели это ничего не значит? Сумеречная улыбнулась, но ее глаза казались далекими.

В ту ночь они снова лежали вместе, прижавшись друг к другу, как будто никогда больше не увидят друг друга, как будто рассвет никогда не наступит.

Но он наступил, и когда солнце поцеловало восточный горизонт, Илдар вышел из Дремления, а Сумеречная исчезла.

Илдар лежал один, и, несмотря на пустоту в сердце, он не мог сказать, что удивлен. Он встал и оделся, почти не интересуясь восходящим солнцем, бросающим свои лучи на еще одну одинокую дорогу и пустую кровать.

Для Илдара следующие столетия действительно выглядели одинокими и пустыми.

Его внимание привлек блеск серебра на полу. Это было что-то под его кольчужной рубашкой. Он сдвинул доспехи в сторону, и у него перехватило дыхание. Это был браслет Инлоэта, чудесный фрагмент давно забытой эпохи.

Там была записка. Три слова, написанные на пергаменте. Всего три маленьких слова на общем языке, но для Илдара они несли в себе море смысла.

— Прощай, — говорилось в ней, — и помни.

Илдар закрыл глаза, но не смог остановить слезы.

Обрывочная информация об Инлоэте

-11050 ЛД Инлоэт Отрайр выбран в качестве нового Коронеля для Шантель Отрайр. Первым делом он отрекается от всех претензий Вишаанов на троны Шантель Отрайр и Миэритара. В анналах эльфийской истории он становится известен как Инлоэт Неукротимый и Инлоэт Великий.

-11000 ЛД Кузнецы и Селу'таары Миэритара и Шантель Отрайра собираются вместе, чтобы выковать оружие и доспехи для нового Коронеля. За 50 лет, которые уходят на завершение работ, они выковывают одни из самых могущественных предметов. Выкованы Корона Инлоэта, Кираса Инлоэта, Сокрушающие Мечи Инлоэта, Браслет Инлоэта, Топор Осенней Луны и самый могучий из них - Эльфийский Длинный Меч Лунной тьмы.

-10900 ЛД Третья Война Короны разгорается, когда соглашения между Шантель Отрайром и Аривандааром окончательно проваливаются. Агенты Инлоэта узнают о вероломстве Вишаан в Соболиных Войнах и их роли в поражении Тернитаара и Иилура. Начинаются пограничные стычки между небольшими патрулями, а затем разгорается полномасштабная война, когда Инлоэт захватывает город-крепость Никерим на южной границе Аривандаара.

-10700 ЛД

Битва при Театре Богов

Театр Богов (ныне: Тунземли) на востоке Шантель Отрайр - место одной из самых крупных и кровопролитных битв всех Войн Короны. Стремясь окончательно положить конец войне с Шантель Отрайр, командующий армиями Аривандаара решает обойти своих врагов с фланга, проведя свои войска через долину, известную просто как «Щель». (Тунземли). Узнав об этом шаге через своих шпионов, Инлоэт бросает свою армию на север, чтобы встретить Вишаанти у южного входа в долину в природном котловане под названием «Театр Богов». Здесь он выступает с 60000 воинами Лунных и Золотых Эльфов, жрецами и магами за его спиной.

В свою очередь численность армии Аривандаара составляет почти 120000 эльфов, но, несмотря на превосходство над противником два к одному, они оказываются в ловушке на естественном поле для смертоубийства размером с большой город. Около 70 000 эльфов погибают от рук эльфийских и орочьих врагов, а орда численностью 100 000 орков обрушивается на и без того сраженных эльфов. Аривандаар одерживает победу и занимает северную половину Шантель Отрайр. Инлоэт со своими немногими оставшимися силами бежит на юг, в столицу, уступая все земли к северу от Чонтара своим завоевателям, Вишаанти.

(Более подробно см. запись о Сумеречных клинках).

...

Браслет Инлоэта

Одиночный серебряный браслет (на самом деле это обожженный мифрил), сделанный под левую руку, украшенный витиеватой листвой и виноградными лозами. Он действует как браслет АС 2 (+8) и делает владельца невосприимчивым к эффектам дезинтеграции от Сокрушающих Мечей Инлоэта. При ношении в сочетании с Коронай Инлоэта он позволяет владельцу отслеживать местонахождение

Сокрушающих Мечей независимо от расстояния, планарного расположения или времени.

...
Более подробную информацию вы найдете в homebrew буклете **Shantel Othreier: Empire of a Sundered Crown**

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Роберт Сальваторе

Зима, Год Ненатянутой Арфы (1371 ЛД)

Он смотрел на вечернее небо, что словно посмеивалось над бродягой-дроу, Тос'уном Армго, который надеялся, что никогда не будет снова рассматривать обширный потолок поверхностного мира. Несколько лет назад, во время набега дроу на Мифрил Халл, Тос'ун покинул своих спутников и свой дом, предпочитая дезертирство длительному безумию и смертельной войне, которая захватила весь Мензоберранзан.

Он нашел друзей, группу подобных ему темных эльфов-отступников, и вместе они неплохо зажили в верхних туннелях Подземья, появляясь даже среди жителей поверхности – особенно рядом с королем орков Обальдом. Эти четверо играли главную роль в провокации вторжения, которое привело армию Обальда к воротам Мифрил Халла. Также дроу тайно заключили союз между Обальдом и морозными гигантами северных гор, и именно они понукали короля орков к нападениям, соблазняя его видениями славы.

Но три компаньона Тос'уна были мертвы. Последняя, жрица Каэр'лик, была убита на глазах у Тос'уна самим королем Обальдом. Только проворство и явная удача спасли Тос'уна от подобной судьбы.

Таким образом, он оказался в одиночестве. Нет, не в одиночестве, поправляя он себя, опустив руку на рукоятку Хазид'хи, разумного меча, который он нашел под тем утесом, где король Обальд сражался с Дзиртом До'Урденем.

Странствуя по недавно созданному королевству Обальда, где было полным-полно вонючих тупых орков, Тос'ун пришел к выводу, что настало время оставить мир поверхности позади и вернуться в туннели Подземья, возможно даже для того, что отыскать дорогу в Мензоберранзан, к его семье. Глубокая пещера привела его в туннельный комплекс, ведущий в верхнее Подземье, к старому месту жительства, которым он поделился со своими тремя товарищами-дроу. Оттуда Тос'ун знал путь и к более глубоким туннелям.

И вот он шел, но с каждым шагом росли его сомнения. Тос'ун не был чужаком в Подземье; первое столетие своей жизни он провел в рядах армии Дома Бариссон Дель Армго в Мезоберранзане. Он был руководителем патрульных отрядов дроу, отправляемых во внешние туннели, и даже охранял торговые караваны, отправляемые в соседний город дроу Чед Насад.

Он знал Подземье.

Он знал, в своем сердце, что не выжил бы в этих туннелях один.

Каждый его шаг становился все медленнее и преднамереннее, чем предыдущий. Сомнения омрачали его мысли, и даже посторонний голос в его голове, который был чутким советом Хазид'хи, убеждал его возвращаться.

Стоя у выхода из туннеля, под звездами, что были немыслимо выше его, чувствуя порывы ветра, бьющие в лицо, Тос'ун стоял один и в совершенном замешательстве.

Мы найдем свое место, телепатически уверил его Хазид'хи. Мы сильнее, чем наши враги. Мы умнее, чем наши враги.

Тос'ун Армго не мог не задаться вопросом, включил ли разумный меч Дзирта До'Урдена и короля Обальда в эту оценку.

В отдалении вспыхнул походный костер, и вид его напомнил дроу, что он не ел уже больше суток.

- Пойдем и отыщем несколько хорошо снабжаемых орков, - сказал он своему рычащему животу. - Я хочу есть.

Хазид'хи согласился.

Хазид'хи всегда хотел есть.

Солнечный свет отразился от покрытых белыми перьями крыльев существа, напоминающего лошадь, когда Дзирт До'Урден послал его в крутой поворот, сильно накренившись в воздухе. Верхом на своем собственном пегасе, к северу от дроу, эльфийка Инновиндиль заметила беспокоившие ее большие темные облака, колеблющиеся к югу от Болот Троллей. Двое эльфов отбыли из Мифрил Халла за три дня до этого, уверенные, что тупиковая ситуация между дворфами Клана Боевых Топоров и вторгнувшейся армией орков будет держаться в течение всех суровых зимних месяцев. Дзирт и Инновиндиль должны были отправиться на запад, к самому Побережью Мечей, чтобы найти тело Эллифейн, павшего лунного эльфа и родственницы Инновиндиль, что была убита Дзирта при трагическом недоразумении.

Они начали свой путь на юг и юго-запад, чтобы увидеть город Несм на северных берегах страшного Болота Троллей, и оценить, как началось его восстановление после резни, устроенной предыдущим летом. Они надеялись, что, посетив Несм, они обогнут Болота таким образом, чтобы

их маршрут пролегал еще южнее до самого запада и далекого города Лускана.

В небе было очень холодно, потому что ледяные зимние ветра уже начали свирепо дуть. Заря и Закат, их пегасы, не жаловались, но Инновиндиль и Дзирт могли оставаться в воздухе только очень ненадолго, столь холодны были бьющие им в лица ветра. Бренор снабдил их обоих прекрасными тюленьими накидками, плащами с капюшонами и толстыми рукавицами, но воздух все равно был слишком холоден, чтобы они могли оставаться в воздухе надолго.

Поскольку Дзирт начал медленно поворачивать, Инновиндиль стала показывать ему спускаться на обширное плато к западу от них. Но дроу не согласился, вместо этого показывая на запад и немного на север — причем не заставляя ее спускаться, а лишь предлагая посмотреть.

Выражение ее лица стало кислым, как только она посмотрела туда, поскольку она сразу увидела цель дроу: линию черных точек – орков, она в этом не сомневалась — движущуюся на юг вдоль узкого тропы.

Заря пролетел под ней, поскольку Дзирт начал медленный, кружной спуск. Он опустил ладонь на один из своих мечей, слегка вытащив его из ножен и словно бы молчаливо спрашивая эльфийку, готова ли она к сражению.

Инновиндиль в ответ улыбнулась ему, поскольку она вела Заката вслед за Зарей, спускаясь после Дзирта.

- Они переправятся только к западу от нас, - сказал Дзирт, когда она приземлилась на широкой, плоской скале в нескольких футах от него.

Она не могла видеть белозубую улыбку дроу, поскольку его шарф скрывал половину лица, но его яркие глаза цвета лаванды явно улыбались ей.

Инновиндиль ослабила воротник и сняла капюшон. Встряхнув своими длинными золотистыми волосами, она вернула взгляд Дзирту и сказала:

- У нас впереди сотни миль, а зима быстро кончается. Ты готов задержаться только для того, чтобы убить нескольких орков?

Дзирт пожал плечами, но, сбрасывая шарф, он все еще с рвением усмехался.

Инновиндиль едва могла привести доводы против этого.

- Мы должны знать, зачем они здесь, - объяснил дроу. - Удивительно видеть любого орка, перемещающегося настолько далеко к югу.

- Ты имеешь в виду их мертвого короля?

- Я думал, что большинство орков вернутся на север, в безопасность их горных убежищ. Значит ли это, что они продолжают свое продвижение на юг даже без той объединяющей силы, какой был Обальд?

Инновиндиль посмотрела на запад, хотя они и потеряли орков из виду во время их спуска.

- Возможно некоторые из них стали слишком самонадеянными. Большая часть земель была захвачена столь легко, что, возможно, они забыли о могущественном сопротивлении, организованном против них.

- Мы должны напомнить им, - сказал Дзирт. Он перекинул одну ногу через спину пегаса так, чтобы сесть на животное боком, оказываясь лицом к Инновиндиль, а затем бросился назад в кувырке по лошадиной спине, и приземлился на ноги с другой стороны. Он прошел мимо Зари, лаская животное.

- Давай-ка посмотрим, зачем они здесь, - сказал он эльфу, - а потом заставим их убежать.

- Таким образом, мы не будем их напрямую убивать, - согласилась Инновиндиль. Она скатилась со своего седла и открепила свой большой лук.

Надеясь, что умные животные останутся на месте, пара отбыла со всей возможной скоростью, ловко скрываясь за неровными камнями. Они направились на северо-запад, думая приблизиться к длинному ущелью немного впереди орков, но лязг металла о камни остановил их и заставил вернуться на юго-запад.

Некоторое время спустя, Дзирт выполз на каменное возвышение, и в то время как он понял причину странного звука, он был более, чем смущен, потому как впереди его, в месте небольшого сужения ущелья, несколько орков возводили стену из обтесанных камней.

- Ворота, - сказала Инновиндиль, подползая к нему.

Пара наблюдала, как несколько орков подносили камни с южной тропы.

- Нужен лучший обзор, - заметила Инновиндиль.

- Солнце скоро сядет, - сказал Дзирт, передвигаясь назад, к востоку и пегасам.

У них было меньше чем полчаса перед тем, как солнечный свет окончательно угас, но за это время они обнаружили намного больше, чем ожидали. Всего в нескольких сотнях ярдов от пока еще незаконченных ворот высилось ограждение из сложенных камней, и еще одно находилось в сотне ярдов дальше. Часовые охраняли оба поста, в то время как рабочие разбирали самую близкую к воротам блокаду, обтесывая и укладывая камни в наиболее высокую стену.

Согласованность и тщательное планирование не могли быть не замечены.

- Падение Обальда еще не разъело их единство и точность, - сказала Инновиндиль.

- Они носят форму, - сказал Дзирт. Казалось, он едва мог дышать, и причиной тому был не только холодный ветер, Инновиндиль ясно могла это видеть.

Его слова были верны, так как часовые на всех трех постах носили шлемы из белой кости и совершенно одинаковые черные плащи.

- Их тактика прекрасна, - продолжил дроу, поскольку он видел много подобных сцен в течение его жизни в Мензоберранзане, среди воинов его расы. - Они расставляют блокады так, чтобы замедлить любых

нападавших, чтобы они не были уязвимы на их постоянной строительной площадке.

- Орки всегда были умны, если не были связаны между собой, - напомнила ему эльфийка.

- Кажется, Обальд в совершенстве исправил этот последний пункт. - Дроу озирался, и его пристальный взгляд медленно скользил в направлении Мифрил Халла. - Мы должны исследовать все это более полно и вернуться к Бренору, - сказал он, поскольку он смотрел на свою спутницу-эльфийку.

Некоторое время Инновиндиль молча выдерживала его взгляд, но потом покачала головой.

- Мы уже выбрали свой путь.

- Мы не могли знать.

- Мы все еще не знаем, - ответила эльфийка. - Эти южные орки, стража и чернорабочие, еще, возможно, не знают о падении Обальда. Мы не можем сопоставить то, что видим здесь с тем, что мы можем увидеть месяц спустя, или после зимнего сезона. В любом случае, безвыходное положение будет держаться с обеих сторон, как только выпадет ближайший снег и ударят холода, и нам нечего сказать такого, что убедит короля Бренора изменить свои планы на эту зиму.

- Ты должна вернуть тело Эллифейн, - сказал Дзирт.

Инновиндиль кивнула и сказала:

- Это важно — для моих родных, и для того, чтобы мы смогли принять тебя.

- Так что же это – поездка, чтобы вернуть потерянную душу? Или это может определить возможность завести новых друзей?

- И то, и другое.

Дзирт откинулся назад, как будто его ужалили. Инновиндиль коснулась его.

- Не для меня, - уверила она. - Тебе нечего мне доказывать, Дзирт До'Урден. Наша дружба искренна. Но мне не хочется оставлять эти сомнения среди моих поредевших и озлобленных соплеменников. Эльфов Лунного леса не так уж и много. Прости нам наше предостережение.

- Они предлагали плату, чтобы ты сделала это?

- Не было потребности. Я понимаю важность этого, и не сомневаюсь, что я, что все мы должны этой павшей. Падение Эллифейн отмечает большой провал наших попыток еще в Лунном лесу, что мы не могли убедить ее в ошибочности ее пути. Ее сердце было изуродовано, но в том, что мы не предложили ей никакого средства, мы можем видеть падение Эллифейн только как плод наших бесполезных усилий.

- И как же возвращение тела это исправит?

Инновиндиль пожала плечами и сказала:

- Позволь нам учиться на своих ошибках.

У Дзирта на это не было никакого ответа, но при этом он не думал, что не вернется к этому вопросу еще раз. Он согласился полететь вместе с

Инновиндиль к Побережью Мечей, и он полетит. Он был должен ей, по крайней мере, это. Но, что еще более важно, он был должен это Эллифейн, потерянной эльфийке, которую он убил.

Они возвратились в их лагерь и двинулись выше по тропе, поскольку темнота сгустилась, и холод стал просто невыносимым, так что они могли хотя бы попытаться лучше понять, что это были за орки вокруг. Они обнаружили, что выступ скалы со всех сторон обдувает суровый северо-восточный ветер, а потому притаились поблизости.

Как они и ожидали, походные костры уже горели. Линия огня протянулась от строительства ворот на север. А что более любопытно, так это то, что каждые несколько минут пылающая стрела взлетала в вечернее небо. Больше часа Дзирт измерял промежутки времени между сигнальными вспышками по движению луны и маленькой звезды, и каждый раз кивал в восхищении.

- Не случайный, - сообщил он Инновиндиль. - Они разработали закодированную систему передачи сигналов.

Долгое время, эльфийка не отвечала. Потом она спросила:

- О том, как рождается их королевство?

Следующий день был более теплым и не таким ветреным, так что Дзирт и Инновиндиль, не желая идти пешком, сели на пегасов. Они приземлились вскоре после этого, переместившись выше от строительства ворот, и скоро поняли, что их гипотезы оправдались. Орки продолжали координировать разрушение защитных барьеров на юг со строительством более сложных ворот. Караван, который они сначала разыскивали, прибыл вскоре после этого, загруженный поставками для рабочих, и который, также, казался весьма необычным этим двум зрителям.

Не типично для орков произошло и распределение воды и пищи; это было роздано аккуратно, и было отложено достаточно, чтобы накормить тех орков, что все еще работали на юге, по их возвращении.

Еще более любопытным было то, что охранники сменяли друг друга, охранники ворот и блокад менялись местами с теми, кто отправлялся на север. Новые охранники, также были одеты в шлемы из белой кости и черные плащи, которые, казалось, были униформой фаворитов Обальда.

Заинтригованные удивительной аккуратностью орков, два эльфа, лунный и дроу, попятись в сторону от выступов и вновь поднялись в небо. Они повернули вдоль северного маршрута, желая более полно исследовать продолжающуюся организацию орочьей армии. Они отметили сложенный хворост для сигнальных костров на многих вершинах. Они видели, что все караваны ехали вдоль различных троп, направляясь из одной точки, как щупальца гигантского осьминога. Центр этого существа, огромную лагерную стоянку, не было трудно найти.

Они полетели прочь, на северо-запад, и всюду находили новое строительство. Группы каменных зданий и недостроенных стен показывались через каждый заснеженный луг, и любую вершину, казалось, укрепляют новые башни.

- Слухи словно и не распространяются среди орков, - сказала Инновиндиль, когда они приземлились в укромной долине.

Дзирт не отвечал, но его сомнение было красноречивее всяких слов. Все эти орки не могли все еще не быть осведомлены о случае столь же важном как падение Многострельного Обальда. Могло ли случиться так, что единство, которое Обальд породил среди своих воинов, пережило его?

Эта возможность пугала Дзирта. Обезглавливание орочьей армии, смерть Обальда, как предполагалось, станет роковым для его тупых сородичей. Борьба и грызня разрушили бы их целостность на корню. Природа орков добилась бы того, чего не смогла достичь армия Бренора.

- Слухи все еще не достигли этих мест, - сказала Инновиндиль, и Дзирт понял, что его страхи отразились на его лице.

- Слишком много времени прошло.

- Наши враги не были проверены на прочность, начиная с падения Обальда, - сказала Инновиндиль. - Ни мечом, ни яростью зимы.

- Кажется, они готовятся и к тому, и к другому.

Инновиндиль коснулась рукой плеча дроу, и он посмотрел в ее синие глаза.

- Не оставляй надежду, - сказала она ему. - Не делай выводы о тех вещах, которые мы еще не знаем. Что будет с этими остатками орочьей армии, когда зима наступит окончательно? Как они справятся, если какое-нибудь племя решит, что пришло время возвращаться к безопасности их горных логов? Другие попытаются остановить отступление, и если они это сделают, если орки начнут бороться против орков, как долго они смогут оставаться вместе?

Дзирт оглянулся на отдаленные следы работы орков и позволил своему пристальному взгляду задержаться там на некоторое время.

- Слишком рано, чтобы судить, - наконец согласился он. - Давай отправимся дальше на запад и выполним свою задачу. Возможно, когда мы вернемся, день будет сиять ярче, чем сегодня.

Инновиндиль взяла его за руку, и вместе они вернулись к своим пегасам, а вскоре они продолжили свой путь на запад, к Лускану. Они выбрали свою дорогу, и считали ее правильной, при том, что каждый из них, как мог, держался за их общее утверждение, что то, что они видели, вряд ли будет совпадать с тем, что они увидят по своему возвращению.

Но каждый из них смотрел по сторонам и замечал продолжающееся продвижение по-прежнему единой орочьей армии, которая, как предполагалось, должна была распасться на куски.

События того дня, сигнальные выстрелы и скоординированные огни той ночи, и события следующего дня, свидетелями которых они были,

пока не оказались в свободном от орков Проходе на западе, отнюдь не поддержали их уверенность.

Будучи аристократом не самого высокого ранга во втором доме Мензоберранзана, Тос'ун Армго провел несколько лет, обучаясь искусству сражаться в Мили-Магтире, школе воинов. Он служил под начальством легендарного оружейника, свирепого Утегенталя, который выделялся среди воинов-дроу своим внушающим ужас стилем атаки. Не обремененный ни тонкостью, ни изяществом, Утегенталь восполнял этот недостаток явной силой и яростью, так что воины Баррисон Дель'Армго, которых он обучал, овладевали умением бить сильно и бить быстро.

Тос'ун не был исключением. Так что, когда он спускался к каравану орков, с Хазид'хи в правой руке и со вторым мечом в левой, он не колебался. Он прыгнул с утеса одним большим скачком, нанося удар левой рукой, приземлился рядом с ведущим орком, а затем крутанулся на месте, вращая Хазид'хи, и разрубил тупую тварь от плеча до бедра. Резко изменив движение и ударив слева, Хазид'хи, хлестнул следующего орка в колонне, что схватил мешок с повозки, пытаясь заблокировать его.

Лезвие, столь тонкое и острое, как ни одно другое в мире, прошло через мешок, поднятую руку и удивленное лицо орка с такой непринужденностью, что Тос'ун даже засомневался, достал ли он своего врага.

Разумеется, до того момента, как все это свалилось кучей в расплывающуюся лужу крови.

Тос'ун поставил ногу на упавшего орка, чтобы найти опору для прыжка вперед, завершая следующее убийство, ударив Хазид'хи через окованные свинцом доски телеги по груди орка, который попытался под ней спрятаться.

Больше! кричал разумный меч в его голове. Этот вопль послал волны гнева в мозг дроу, еще больше распалившие его ярость.

Двое орков двинулись ему наперерез, их мечи были подняты, чтобы заблокировать его атаки.

Второй меч Тос'уна двинулся слева направо под лезвием орка с правой стороны от дроу. Он провернул его, используя нижнюю сторону лезвия меча другого орка, а потом вернул его назад, снова направо и назад, налево, в ряду легких парирований. Орки не сопротивлялись, поскольку атаки не были сильны, но, при этом, они не понимали, что дроу так же легко уходил и от ударов их клинков.

Тос'ун остановился в середине движения и бросил свой второй меч в воздух, чтобы он пролетел между двумя удивленными орками. В том же самом плавном движении дроу пригнулся и повернулся на месте, бросившись вперед на одно колено и поднырнув под мечи орков. Хазид'хи

разорвал толстую необработанную кожу поясов и черных плащей орков так легко, словно они были пергаментные.

И орки взвыли, отшатываясь и зажимая распоротые животы, из которых вываливались внутренности.

Хазид'хи тоже взвыл, но от удовольствия — в голове Тос'уна.

Другая пара охранников направилась к дроу, окружая его и выставив в его сторону окованные металлом копья. Он проанализировал их движения и тут же решил, как ему драться, где парировать, а где искать несогласованности в их движениях.

Когда копья ударили, Тос'ун был более чем готов. Демонстрируя свое превосходство в скорости и ловкости, он отставил правую ногу назад и полуповернулся на месте, избегая удара, который прошел позади, и парируя тот, что пришелся спереди.

Один шаг вперед – и охранник оказался в пределах досягаемости, а Хазид'хи испил еще больше орочьей крови.

Другой орк напал на дроу сзади, и Тос'ун выполнил блестящий удар слева, из-за спины, своим обычным мечом, вслед за которым следовал второй меч, и воин пронзил Хазид'хи сердце орка.

Меч заваливал Тос'уна своими комментариями.

Дроу видел, что слева от него уцелевший орк начал карабкаться на скалы, и двинулся, было, за ним, но потом он заметил еще двоих орков, что бросили караван, дабы спасти собственные шкуры. Тос'ун сделал несколько шагов в их сторону, однако понимал, что вряд ли он сумеет разобраться со всеми тремя быстро, а потому вложил мечи в ножны и вернулся к каравану, чтобы разобраться с тем, что там было.

Хазид'хи молчал, но меч был больше заинтригован, чем доволен. Тос'ун был прекрасным владельцем, настоящим воином-дроу, и, конечно, куда лучше той человеческой женщины, которая владела мечом в течение нескольких лет, женщины-воин, что слишком часто предпочитала использовать свой лук — вместо великолепного Хазид'хи.

Мы можем многому друг от друга научиться, вещал меч в мыслях Тос'уна.

Дроу, что бросил мимолетный взгляд на рукоять меча, мог ощутить его трепет.

Ты не доверяешь своему воинскому чутью, объяснил меч.

Тос'ун прекратил есть, взялся за рукоять и потянул Хазид'хи из ножен, держа мерцающее лезвие перед своими красными глазами.

Ты слишком много думаешь, передал меч.

Тос'ун подождал немного, а затем вложил меч обратно в ножны и вернулся к еде.

На пока что достаточно, решил Хазид'хи. Дроу не отклонил предложение. Меч был готов в их следующей схватке помочь темному

эльфу достигнуть большей концентрации, усиленного понимания, в котором он мог осознавать свои возможности и полностью соизмерять их с недостатками.

Не так давно Хазид'хи владел Дзирт До'Урден, непревзойденный воин-дроу. Тот темный эльф без колебаний отвергал все вторжения меча в свой разум, потому что он и так обладал великолепным чутьем воина, мгновенно узнающим своих врагов и оценивающим их способности. Дзирт перемещался неосознанно, без отдельной на то команды, демонстрируя полное смещение мыслей и движений.

Хазид'хи чувствовал этот инстинкт воина, внутреннюю концентрацию, которая подняла Дзирта выше даже такого великолепно обученного воина, каким был Тос'ун Армго. Разумный меч неплохо изучил своего носителя во время схватки Дзирта и Обальда, и Хазид'хи многому научился от своего владельца.

И меч предложил преподавать ту же технику Тос'уну. Хотя этот дроу никогда не будет столь же силен и морально тверд, как Дзирт, но и он был неплохим малым. А, поскольку он не был так же внутренне определен в своих взглядах и помешан на своей раздутой добродетельности, Тос'ун не будет в состоянии отрицать Хазид'хи, как это делал Дзирт. Меч мог многому научить Тос'уна, но без мертвого груза его доброй воли.

Хазид'хи не мог ждать лучшего времени.

- Ты был очень тих все это время, - сказала Инновиндиль Дзирту, когда они начали ставить свой лагерь на ночь.

Запах морской воды наполнил их легкие. Тем вечером закат полыхал особенно ярко через все черное пространство воды, обтекающей Побережье Мечей. Погода пока что держалась, и они оставили позади сотни миль за куда более короткий срок, чем ожидали. Двое эльфов даже смели надеяться, что, если удача не покинет их, они смогут вернуться в Мифрил Халл прежде, чем зима полностью вступит в свои права, прежде, чем глубокие снега заполнят Долину Хранителя, и ледяные ветра вынудят их передвигаться только по земле. В воздухе пегас мог покрыть тридцать миль за день, и те тридцать миль были в прямой линии к цели, не огибающей холмы и пригорки, и не обращающей внимания на реки, в которых брод можно было найти лишь спустя несколько часов утомительного поиска. К тому же, на вьющихся узких тропах и посреди пустого ландшафта дикой местности, где они должны были остерегаться монстров и диких животных, было бы удачей проехать десять миль за день, и более, чем удачно – если бы больше чем одна треть из этих десяти была в направлении их цели.

- Наше продвижение было удивительно, - Инновиндиль продолжала, так как Дзирт, стоя на утесе и смотря на море, даже не попытался ответить. - Риллифейн с нами, - сказала она, обращаясь к лесному богу эльфов, одному из божеств ее клана в Лунном лесу. - Его дыхание успокаивает и сдерживает зимние ветра, чтобы мы могли вернуть тело Эллифейн и отправиться в обратный путь со всей возможной скоростью.

Она продолжила разговор о боге Риллифейне Рал-латиле и поведала несколько историй, связанных с ним. Край солнца уже коснулся темной воды, а она все говорила. Небо становилось все темнее, приобретая насыщенный синий цвет, едва только пламенный шар исчез за волнами, и тут она поняла, что Дзирт не слушал, что он не слушал ее вообще.

- Что такое? - спросила она, обойдя вокруг него. Она спросила снова, мгновение спустя, и вынудила его посмотреть на нее.

- Ты в порядке, мой друг? - спросила Инновиндиль.

- Что знал Обальд, чего не знаем мы? - спросил в ответ Дзирт.

Инновиндиль сделала шаг назад, и ее хорошенькое лицо вытянулось, поскольку он застал ее врасплох.

- Как ты думаешь, есть ли хорошие орки и плохие орки? - продолжил Дзирт.

- Хорошие орки?

- Ты удивлена, что такой темный эльф, как я, задал такой вопрос?

Глаза Инновиндиль широко распахнулись, и она медлила с ответом, но Дзирт не позволил ей от него увильнуть своей обезоруживающей усмешкой.

- Хорошие орки, - сказал он.

- Ладно, тогда я скажу, что я не знаю. Я никогда не встречала ни одного орка словами - только мечом.

- А если б ты знала, смогла бы?

- Хорошо, если на свете действительно есть и хорошие орки, - явно взволнованная Инновиндиль уступила. - Думаю, что я не смогла бы, но я также уверена, что, если такие существуют, они - особенные среди своих сородичей. Возможно, их несколько, но какие из них преобладают, твой гипотетический хороший орк или же помешанный на зле?

- Это не имеет значения.

- Твой друг, король Бренор, вряд ли согласился бы с тобой на сей раз.

- Нет, - сказал Дзирт, качая его головой. - Если и есть хорошие орки, даже если их несколько, не значит ли это, что есть всего-навсего различные степени совестливости в пределах орочьего сердца и ума? Если есть хорошие орки, даже несколько, дает ли это надежду, что вся раса движется к цивилизации, так же, как и эльфы и дворфы.. хафлинги, гномы, и люди?

Инновиндиль уставилась на него, как будто не понимая.

- Что знал Обальд, чего мы не знаем? - снова спросил Дзирт.

- Ты предполагаешь, что король Обальд Многострельный был не таким, как другие орки? - резко спросила эльфийка.

Дзирт глубоко вздохнул и придержал свои последующие мысли, поскольку он понимал чувства Инновиндиль, что видела, как ее возлюбленный пал, разрубленный напополам королем Обальдом.

- Орки сохранили свое единство и создают границы своего нового королевства даже без него, - сказал Дзирт, и он смотрел на море. - Действительно ли они были готовы создать собственное королевство?

Неужели это – исключительно план Обальда, который он им внушил, чтобы выманить их из их горных логовищ?

- Они падут к борьбе друг против друга, племя против племени, - ответила Инновиндиль, и ее голос все еще звенел убежденностью в этом.
- Они будут сражаться друг с другом, пока не превратятся в ползучую массу непроходимых дураков. Многие убегут назад, в свои темные норы, а тем, что не успеют спрятаться, не зная пощады, как не знали те, что пали, когда Король Бренор двинулся на приступ, и когда воины Лунного леса приняли участие в этой резне.

- А что, если они этого не сделают?

- Ты сомневаешься относительно эльфов?

- Не их, - сказал Дзирт, - орков. Что, если орки не падут в борьбе против друг друга? Предположи, что новый Обальд возвысится среди них, поддерживая среди них дисциплину и продолжая укрепление этого нового королевства?

- Ты не можешь быть в этом уверен.

- Я предполагаю возможность, и, если так, задаю вопрос, на который все мы — от Серебристой Луны до Сандабара, от Несма до Мифрил Халла, от Лунного леса до Цитаделей Фелбар и Адбар —должны ответить тщательно, чтобы поступить мудро.

Инновиндиль на мгновение задумалась, затем сказала,

- Очень хорошо, тогда я предоставляю тебе эту возможность. Если орки не отступают, что мы должны делать?

- На этот вопрос мы все должны ответить.

- Просто ответ кажется очевидным.

- Убить их, конечно.

- Они - орки, - сказала Инновиндиль.

- Так действительно ли было бы мудро с нашей стороны продолжать эту войну, пока мы не выгоним их обратно? - спросил Дзирт. - Или мы могли бы помочь им, ведь создание их царства способствует совершенству, которое находится в пределах их возможностей? Позволить этому продолжиться, поскольку, если у них будет свое собственное королевство, они обязательно должны в некоторой мере приобщиться к цивилизации? И не будет ли у такой цивилизации потребности ставить мудрость выше силы?

Выражение лица Инновиндиль показало, что она не отнеслась к нему очень серьезно и вдумчиво, поскольку он и сам понимал, что слова, которые только что вырвались у него, звучат немного безумно. Однако, он знал, что он должен был закончить мысль, чувствовал, что он должен был говорить прямо и ясно, так, чтобы понимание этого могло бы помочь ему утишить некоторую смуту в его собственном разуме.

- Если мы верим в общее совершенство общества эльфов — или дворфов, или людей — это лишь потому что мы верим, что эти народы в состоянии прогрессировать к совершенству. Конечно, в истории любого

народа достаточно злодеяний, как в прошлом, так и сейчас. Сколько войн люди вели друг против друга?

- Одну, - ответила Инновиндиль, - без конца.

Дзирт улыбнулся неожиданной поддержке и сказал:

- Но мы верим, что каждый человек движется к совершенству, да? Люди, эльфы, дворфы...

- И дроу?

Дзирт мог только пожать плечами, столкнувшись с этим общеизвестным исключением, и продолжил:

- Наш оптимизм основан на общем принципе, что вещи становятся лучше, что *мы* становимся лучше. Так неужели мы ошибаемся, близоруко и глупо, рассматривая орков как неспособных к такому росту?

Инновиндиль уставилась на него.

- К нашему собственному несчастью? - спросил Дзирт.

Эльфийка все еще не могла ответить.

- Мы ограничиваем свое собственное понимание этих существ, которых мы рассматриваем как наших извечных врагов, думая о них так же, как и все те, кто были до нас. - Дзирт усилил натиск. - Допускаем ли мы ошибку, к нашей собственной неудаче, в том, что считаем их неспособными к созданию своей собственной цивилизации?

- Ты предполагаешь, что цивилизация, которую они создали за всю свою историю, так или иначе противоречит их природе, - наконец сказала Инновиндиль.

Дзирт пожал и кивнул.

- Возможно, ты права.

- Ты снял бы свой пояс с мечами и отправился бы к оркам в надежде, что это просвещенная раса, и они не убьют тебя?

- Конечно нет, - сказал Дзирт. - Но опять, что знал Обальд, чего мы не знаем? Если орки не перегрызут друг друга, то, по решению совета, собранного в Мифрил Халле, у нас мало надежды выдворить их из земель, которые они себе присвоили.

- Но дальше они не продвинутся, - поклялась Инновиндиль.

- Таким образом, их оставят с этим королевством, которое они требуют, как свое собственное, - сказал Дзирт. - И это царство будет только процветать от торговли с теми королевствами, что оказались вокруг них.

Инновиндиль одарила его недоверчивым взглядом.

- Это - просто размышление, - ответил Дзирт с тихой усмешкой. - Я часто так делаю.

- Ты предполагаешь...

- Ничего, - Дзирт тут же ее прервал. - Я только задаюсь вопросом, а что, если через столетие — или через два, или через три - наследие Обальда докажет нам то, что мы даже не смели предполагать.

- Орки, живущие в гармонии с эльфами, людьми, дворфами и хафлингами?

- А разве нет города на востоке, в дебрях Ваасы, чье население состоит полностью из полуорков? - спросил Дзирт. - Города, который поклялся в преданности королю паладинов Земли Кровавых Камней?

- Палищак, да, - допустила эльфийка. - Они - потомки, все до одного, существ, родственных Обальду. И твои слова сулят надежду, но все же в моих мыслях они звучат не особо привлекательно. Смерть Тарафиэля еще слишком свежа в моей памяти.

Инновиндиль пожала плечами.

- Я только задаюсь вопросом, возможно ли, что эти орки способны на большее, чем мы им позволяем, - сказал Дзирт. - Я только задаюсь вопросом, не сконцентрированы ли мы на одном-единственном взгляде на орков, к которому мы привыкли, и не затмевает ли он видение прочих их возможностей.

Дзирт выложил все до конца, и в замешательстве уставился на море.

Тем не менее, Инновиндиль удивила его, когда добавила.

- Разве это не было той же самой ошибкой, которую Эллифейн допустила относительно Дзирта До'Урдена?

Поток пустого бесцветного шума заполнил мысли Тос'уна, поскольку он отрабатывал свои боевые навыки на орочьей лагерной стоянке. Он хлестал, он наносил удары, и орки отшатывались от него. Он бросался в одну сторону, затем в другую, никогда не давая предсказать свой следующий шаг. Все это было чистой реакцией, инстинктом для темного эльфа, и как будто некая музыка несла его вперед, перемещая его ноги, двигая его руками. То, что он слышал и то, что он видел, выливалось в исключительное ощущение, полное понимание своей среды. Не на сознательном уровне, но, тем не менее, в момент полнейшей ясности, Тос'ун, как это ни парадоксально, не ощущал ничего и в то же время – все.

Его левый клинок, сделанный мастерами дроу меч, постоянно менял направление удара, изменяя угол, чтобы отразить любые нападения, которые могли оказаться у него на пути. Неожиданно он прыгнул в сторону большого камня, и во время прыжка этот меч вынырнул с левой стороны от него и отклонил брошенное копье, затем вернулся, чтобы сбить второе, поворачивая его так, чтобы оно безопасно пролетело мимо него, поскольку дроу уже продолжил свой убийственный путь.

Столь же смертоносный, как и второй меч, Хазид'хи был поглощен работой. Пять орков лежали мертвыми по следу темного эльфа, двое других были тяжело ранены, и Хазид'хи был тем, кто уничтожил всех семерых.

Разумный меч не позволил бы второму мечу забрать себе всю удовольствие от убийства.

Нападение на орочий лагерь было быстрым и яростным, с тремя из орков было покончено еще до того, как остальные узнали об этом. Ни один из дюжины орков во всем лагере не смог оказать достойное сопротивление горячим атакам Тос'уна, и последних двоих он убил, настигнув убегающими прочь.

Однако, несмотря на нехватку истинного сопротивления, Хазид'хи чувствовал, что Тос'ун боролся куда лучше, намного более эффективно и более инстинктивно. Ему еще было далеко до уровня Дзирта До'Урдена, Хазид'хи это прекрасно знал, но непрерывная работа с мечами, закрывающая мысли дроу бесцветным шумом, вынуждая его реагировать на свои чувства памятью тела, а не сознательными решениями, делали его перемещения и атаки более быстрыми и более точными.

Не думай.

Это было тем, чему Хазид'хи выучился у Дзирта До'Урдена, и тем, что разумный меч тонко передал Тос'уну Армго.

Не думай.

Его рефлексy и инстинкты должны были заменить ему это.

Тяжело дыша от вихря ярости, Тос'ун приостановился около деревянной треноги, на которой орки имели обыкновение разогревать себе еду. Ни одно копьe не полетело в него, ни один враг не показался на глаза. Дроу рассмотрел свою собственную работу, линию мертвых орков и двоих, что все еще извивались на земле, корчась и постанывая от боли. Чувствуя, насколько сильно они мучаются перед смертью, Тос'ун не спешил их убивать.

Он вновь прокручивал в уме все свои действия, мысленно возвращался все той же дорогой, прыгая и нападая. Он даже заглянул за валун, чтобы убедиться в том, что на лету сбил два брошенных в него копьe.

Там они и лежали, в грязи.

Тос'ун покачал головой, не совсем понимая, что только что случилось. Он не понимал свою ярость и свою жажду крови.

Он вспоминал Мили-Магтир. Он был довольно незаметным студентом, сущим разочарованием для могущественного Утегенталя. Но в этой школе одним из первых уроков было то, как научиться отпускать свое тело, позволять ему, а не разуму, вести себя в битву.

Никогда прежде Тос'ун так не ценил те давние уроки.

Стоя посреди трупов, Тос'ун наконец понял, в чем же заключается разница между обычными воинами дроу, пусть и заслуживающими всех похвал по стандартам любой расы – и настоящими мастерами.

Он понял, что тот бой он вел так, как мог бы вести его сам Утегенталь: прекрасная гармония инстинкта и оружия, с каждым движением, только немного более быстро, чем то, что было типично для оружейника Второго Дома.

Хотя Тос'ун не знал, как он достиг такого уровня мастерства, и задавался вопросом, смог бы он сделать это снова, он мог бы сказать без малейших сомнений, что Хазид'хи был доволен.

Синнафейн перемещалась от укрытия к укрытию, чтобы осмотреть всю разрушенную орочью стоянку. Она приостановилась позади валуна, брошенного в стороне от навеса, где лежала пара мертвых орков. Эта точка обзора предоставило ей широкий обзор перепутанных следов и явный намек на то направление, в котором сбежал темный эльф.

Она осматривалась в течение нескольких секунд, и ее острые эльфийские глаза замечали любое движение, независимо от того, насколько оно было незаметным. Бурундук несся вдоль небольшой груды камней приблизительно в тридцати футах от нее. В стороне, немного дальше вперед, ветер поднял несколько высушенных листьев и закружил их над свежеснеженным снегом. Дроу нигде не было видно.

Синнафейн переместилась к следующему пятну, опрокинутой треноге. Она присела позади предоставленной ей скудного убежища и вновь замерла.

Ветер донес до нее язычки пламени от тлеющих угольков, но это было единственной жизнью во всем этом лагере. Кивнув, эльфийка подняла кулак, сигнализируя своим товарищам.

Словно призраки, лунные эльфы появились со всех сторон вокруг мертвого лагеря, так тихо, как будто плыли, и их белые и коричневые плащи скрадывали их силуэты на фоне запорошенной снегом земли.

- Семь убийств, и они все еще продолжаются, - отметил Албондиэль, лидер группы. - Этот дроу хитер и быстр.

- Как и его меч, - заметил другой эльф, один из пятерки, а когда другие посмотрели на него, он показал им одного из мертвых орков с отсеченной рукой и чисто разрубленным толстым деревянным щитом.

- Это могущественный воин, без всякого сомнения, - сказала Синнафейн. - Возможно ли, что мы нашли второго Дзирта До'Урдена?

- У Обальда в приближенных были дроу, - напомнил ей Албондиэль.

- Этот убивает орков, - она ответила. - И весьма энергично.

- А дроу когда-нибудь разбирались в том, кого они убивают? - спросил другой эльф.

- Я знаю по крайней мере об одном таком, - быстро напомнила Синнафейн. - И я не повторю ошибки своей сестры Эллифейн. Я не буду предугадывать и руководствоваться общей репутацией.

- Многие из жертв, вероятно, говорили так же, - сказал ей Албондиэль, но когда она прожгла его неодобрительным взглядом, он успокоил ее своей усмешкой.

- Второй Дзирт? - спросил он риторически, и пожал плечами. - Если да, тогда это хорошо для нас. Если нет...

- Тогда плохо для него, - закончила за него Синнафейн, а Албондиэль кивнул и уверил ее:

- Мы скоро все узнаем.

Дзирт отбросил прочь последний ком застывшей грязи, полностью убрав покрывавшую могилу землю. Под ним лежало завернутое в покрывало тело Эллифейн, заблудшей эльфийки, что выдавала себя за мужчину, Лелоринеля, и, ослепленная своей яростью, попыталась убить его.

Дзирт стоял и смотрел на обернутое в ткань тело. Она лежала на боку, ее ноги были подтянуты к груди. Дзирту она казалась очень маленькой, совсем как ребенок.

Если бы он смог исправить одну ошибку во всей своей жизни...

Он обернулся через плечо, чтобы видеть, как Инновиндиль копается в одной из седельных сумок Заката. Эльфийка достала из нее серебряное кадило на тонких, прочных цепях. Затем она вынула серебряный разбрызгиватель, украшенный зелеными драгоценными камнями, с выпуклым узором и сеткой маленьких отверстий.

Инновиндиль доставала из седельной сумки масло и ладан, а Дзирт все смотрел на Эллифейн. Он снова и снова переживал прошлые моменты жизни бедной эльфийки, которые могли бы быть прошлыми моментами его собственной жизни, если бы Бренор и остальные не появились вовремя, чтобы спасти его с помощью целебного зелья.

Его репутация была ее погибелью, он знал это. Она не могла вынести то, как быстро распространялись о нем слухи, как о дроу с добрым сердцем, поскольку в своих исковерканных воспоминаниях о той зверской ночи десятилетия назад она запомнила Дзирта лишь как одного из проклятых темных эльфов, что убили ее родителей и столько ее друзей. Дзирт тогда спас Эллифейн, испачкав ее кровью и прикрыв телом ее убитой матери, но бедная девочка-эльф, в ту ночь еще была слишком юна, чтобы все помнить, и она никогда не принимала ту историю.

Ее гнев поглотил ее, и по жестокой насмешке судьбы Дзирт был вынужден убить ту, которую он когда-то спас.

Он настолько ушел в себя, глядя на Эллифейн и раздумывая об извилистых дорогах, что так трагически привели их обоих к краху, что даже не замечал тихую песню Инновиндиль, пока она бродила по могиле, разбрызгивая волшебное масло сохранения и качая кадило так, чтобы его аромат замаскировал запах смерти.

Инновиндиль своей песней просила эльфийских богов, моля их спасти душу Эллифейн от ее гнева и внутренней сумятицы.

Когда Дзирт услышал свое собственное имя, он прислушался к песне эльфийки. Инновиндиль убеждала богов позволить взгляду Эллифейн спуститься вниз, на темного эльфа Дзирта, чтобы увидеть его и узнать правду о его сердце.

Она закончила свою песню так мелодично и спокойно что ее голос, казалось, слился с ночным ветром, став его частью, но ветер еще долго нес с собой отголоски печальной песни эльфийки.

Она предложила Дзирту помочь ей, и он грациозно соскользнул вниз. Вместе они подняли труп и обернули его чистым одеялом, обвязав его сверху веревкой.

- Ты думаешь, она обрела покой? - спросил Дзирт, когда они закончили, и, отступив от тела, взялись за руки.

- В ее немоги она оставалась достойной нежной руки Кореллона.

Некоторое время она смотрела на него, ясно видя все его сомнения.

- Ты не сомневаешься относительно этого, - сказала она. - Ты сомневаешься относительно непосредственно Кореллона.

Дзирт все еще не отвечал.

- Относительно Кореллона? - спросила Инновиндиль. - Или Дзирт До'Урден сомневается относительно самого существования загробной жизни?

Вопрос был крайне неприятен для Дзирта, ведь он затрагивал то, до чего сам он редко позволял себе доходить в своих прагматичных представлениях.

- Я не знаю, - ответил он мрачно. - Да и знает ли кто-либо из нас наверняка?

- Призраки существуют, и мы можем с ними разговаривать. Мертвые возвращаются в этот мир, разве нет? С рассказами, чтобы поведать нам о времени, проведенном ими по ту сторону смерти.

- Мы считаем, что призраки - это... призраки, - ответил Дзирт. - И вернувшиеся из мертвых слишком неуловимы... во всяком случае, те, о которых я слышал. Эти методы были известны среди благородных Домов Мензоберранзана, хотя всем известно, что потянуть душу из объятий Ллос значит призвать ее гнев. К тому же, разве их рассказы - что-то большее, чем просто туманные мечты?

Инновиндиль сжимала его руку и долгое время молчала, обдумывая его слова.

- Возможно мы просто так думаем потому, что, отказавшись от этого, мы выберем дорогу, которая приведет нас к падению, к вечному отчаянию. Конечно, есть вещи, которые мы не можем объяснить. И, если эта жизнь конечна, то через много лет эльф может осознать, что...

- Что все это - жестокая шутка? - спросил Дзирт.

- Наверное.

Дзирт покачал головой прежде, чем она закончила.

- Если этот момент самосознания короток, - сказал он, - всего лишь вспышка в необъятности всего того, что есть, всего, что было, и всего, что будет, тогда это может все еще иметь цель, иметь значение.

- Есть больше, Дзирт До'Урден, - сказала Инновиндиль.

- Ты знаешь, или ты молишься?

- Или я молюсь, потому что я знаю.

- Вера – не знание.

- Поскольку восприятие – не действительность?

Дзирт обдумывал сарказм ее вопроса некоторое время, после чего улыбнулся, признавая поражение, и одновременно – с благодарностью.

- Я полагаю, что она обрела покой, - сказала Инновиндиль.

- Я слышал о священниках, возрождающих мертвых, - сказал Дзирт, полностью выдав этим замечанием свою неуверенность и расстройство. - Конечно жизнь и смерть Эллифейн – не обычный случай.

Его обнадеживающий тон исчез, поскольку он повернулся и увидел сморщившееся лицо своей спутницы.

- Я только подразумеваю...

- Что твоя висит на тебе слишком тяжело, - закончила за него Инновиндиль.

- Нет.

- Ты думаешь о возможности воскрешения ради Эллифейн, или же ради самого Дзирта До'Урдена? - нажала Инновиндиль. - Ты сделал бы так, чтобы священники исправили твою ошибку, за которую ты до сих пор не можешь себя простить?

Дзирт слегка покачнулся, его пристальный взгляд вернулся к маленькой фигурке, завернутой в одеяла.

- Она обрела покой, - снова сказала Инновиндиль, встав перед ним и заставив его смотреть себе в глаза. - Есть заклинания, с помощью которых священники — или даже волшебники — могут говорить с мертвыми. Возможно, мы сумеем с помощью жрецов Лунного леса установить контакт с духом Эллифейн.

- Ради Дзирта До'Урдена?

- Это вполне достойная причина.

Они поставили свой лагерь перед тем, как отправиться обратно. До самого горного хребта на западе бесконечные черные волны неустанно бились о прибрежные камни, дразня само понятие смертности.

Инновиндиль использовала ритм шума набегающих волн, чтобы снова спеть свои молитвы, а Дзирт присоединился к ней, словно бы впитывая эти слова, и ему пришло в голову, что, доходили или нет их молитвы до ушей богов, были в них власть, мир и спокойствие.

Утром, вместе с Эллифейн, чье тело было переброшено через широкий круп Заката, пара эльфов повернула домой. Эта поездка обещала стать куда длиннее, потому что зима набирала силу, и они будут вынуждены больше идти пешком вместе со своими скакунами, чем лететь на них.

Орк потерял равновесие, как Тос'ун и ожидал, поскольку тот слишком резко двинул своим тяжелым палахом. Он использовал эту ошибку врага, чтобы полностью отрезать ему все пути к отступлению, начав внезапный завершающий бросок.

Но дроу резко остановился, поскольку орк неожиданно дернулся. Тос'ун отступил, заинтересованный странным поведением своего противника, последнего из маленькой группы, которую он заманил в засаду, сделав вид, что споткнулся и упал.

Орк снова дернулся, и Тос'ун двинулся вбок, чтобы отразить его атаку, но тут же понял, что это вовсе не нападение. Он вновь отступил, поскольку орк упал, и стали видны две длинные стрелы, торчащие из его спины. Тос'ун же смотрел мимо мертвой твари, через маленькую лагерную стоянку, на женщину-эльфа с черными волосами и бледной кожей, что спокойно стояла с луком в руке.

Без стрелы на тетиве.

Убей ее! Закричал Хазид'хи в его голове.

Действительно, первая мысль Тос'уна была именно такой. Его глаза вспыхнули, и он почти прыгнул вперед. Он мог добраться до нее и убить прежде, чем первая стрела полетела бы в него, или прежде, чем успела бы достать из ножен свой маленький меч и приготовиться к надлежащей обороне.

Дроу не двигался.

Убей ее!

Взгляд на лицо эльфийки помог дроу сопротивляться и требованиям меча, и своим собственным инстинктам убийцы. Прежде, чем он даже посмотрел налево и направо, он уже все понял. Он смог бы сделать, самое большее, один шаг, прежде чем целая туча стрел уложила бы его на месте. Возможно, два, если бы он был достаточно быстр и удачлив. Во всяком случае, он бы ни за что не успел добраться до эльфа.

Он опустил Хазид'хи и возвратил ему его поток проклятий, заполняя ум страхом и осторожностью. Меч быстро сообразил, чем им все это грозит, и поутих.

Эльфийка что-то сказала ему, но он ничего не понял. Он немного понимал их язык, но не мог расшифровать ее специфический диалект. Звук со стороны заставил его повернуться, и он увидел трех стрелков-эльфов, выскальзывающих из теней, сосредоточенных и с луками наготове. С другой стороны сходным образом появилось еще трое.

Дроу подозревал, что в тени их оставалось еще больше. Он приложил все усилия, чтобы тихо сообщить об этом Хазид'хи.

Меч ответил надтреснутым рычанием.

Эльфийка заговорила снова, но на Общем языке поверхности. Тос'ун признал этот язык, но он понял лишь несколько слов. Он мог только сказать, что она не угрожала ему.

Он попытался улыбнуться в ответ и вдвинул Хазид'хи в ножны. Он поднял свои пустые руки, затем убрал их и пожал плечами. По обеим сторонам от него стрелки расслабились, но лишь ненадолго.

Другой лунный эльф появился из теней, и этот был одет в церемониальные одежды жреца. Тос'ун сперва испытал одно лишь отвращение – среди своего народа его бы назвали еретиком, но он вынудил себя успокоиться, поскольку тот уже начал жестикулировать, сопровождая это мягким пением.

Он накладывает языковые чары, чтобы лучше общаться с тобой, тихо сообщил дроу Хазид'хи.

И чары, чтобы отличить правду от лжи, если его возможности – хоть что-нибудь, родственное тому, что умеют жрицы Мензоберранзана, заметил Тос'ун.

Как только он закончил свою мысль, то ощутил странное спокойствие, исходящее от разумного меча.

В этом я могу помочь тебе, объяснил Хазид'хи, ощущая его беспокойство и уже ожидая его следующий вопрос. Истинный обман – это полностью достояние разума, даже перед лицом волшебного обнаружения.

- Я должен знать твои цели и намерения, - сказал Тос'уну эльфийский жрец на вполне понятном языке дроу, вырвав его из его личной беседы с мечом.

Но эта связь не была полностью уничтожена, осознал Тос'ун. В его мысли неожиданно проникло небывалое спокойствие, и это полностью изменило тон его голоса, когда он ответил.

И таким образом он прошел через опрос священника, отвечая искренне, хотя он прекрасно знал, что не был с ним честен.

Без помощи Хазид'хи его бы в тот же день пронзила бы дюжина стрел.

И куда я должен бежать? – спросил Тос'ун у своего меча немного позже,- Что я найду за пределами этого лагеря? Тебе нужен я, охотящийся на орков ради их гнилого продовольствия, или же вернувшийся в дебри Подземья, где мне не выжить?

Ты - дроу, ответил меч. Ты стоишь перед ненавистными эльфами, угнетателями твоего народа. И они ничего не подозревают, они даже охрану не выставили, потому что я помог тебе.

Тос'ун не был настолько уверен в этом. Конечно те эльфы, что находилось поблизости от него, казались непринужденными. Он мог бы спокойно пройти мимо них. - Но сколько еще их скрывалось в тенях? - задавался он вопросом, таким образом, чтобы меч мог его слышать.

У Хазид'хи не было на него ответа.

Тос'ун наблюдал за эльфами, что обходили кругом их лагерь. Несмотря на близость к врагам, несмотря на то, что они были на другом

берегу реки Сарбрин, на неофициальной территории королевства Обальда, смех звучал почти постоянно. Один из них запел песню на своем языке, и ритм и мелодия, хотя он и не мог знать слов, перенесли мысли Тос'уна назад в прошлое, в Мензоберранзан.

Ты бы заставил меня выбирать между этими эльфами и уродливыми родичами Обальда? спросил дроу.

Меч молчал.

Дроу, бездельничая, закрыл глаза, позволив звукам лагеря эльфов закружиться вокруг него. Он рассматривал открывающиеся перед ним пути, и, действительно, ни один не казался ему подходящим. Он не хотел продолжать идти вперед в одиночку. Он осознавал все ограничения и всю рискованность этой дороги. Рано или поздно, но король Обальд настиг бы его.

Он вздрогнул, поскольку вспомнил зверскую смерть своей напарницы-дроу, жрицы Каэр'лик. Обальд вырвал ей горло.

Мы можем победить его, прервал Хазид'хи. Ты можешь убить Обальда и захватить власть над его армией. Его королевство будет твоим!

Тос'ун лишь огромным усилием воли заставил себя не засмеяться в ответ, но его скептицизм и так неплохо успокоил разволнованный меч. С Хазид'хи или без него, Тос'ун по своей воле ни за что бы не выступил против могучего короля орков.

Дроу снова рассматривал возможность отступления в Подземье. Он помнил дорогу, но сумеет ли он добраться до Мензоберранзана живым? От простой мысли об этом его снова бросало в дрожь.

Все это заставило его остаться с эльфами. Ненавистные поверхностные эльфы, исконные враги его народа – мог ли он действительно найти себе место среди них? Он хотел убить их, всех, почти так же сильно, как и его вечно голодный меч, но он понимал, что, поддайся он этому импульсу, и он останется без всяких вариантов вообще.

Действительно ли возможно, что я найду свое место среди них? спросил он свой меч. Может ли Тос'ун Армго стать следующим Дзиртом До'Урденом, выбравшимся из Подземья и живущим в мире с обитателями поверхности?

Меч не отвечал, но дроу ощутил, что он не был удивлен. Таким образом Тос'ун позволил своим собственным мыслям следовать в этом направлении. На что могла бы походить его жизнь, если бы жил и сражался вместе с поверхностными эльфами? Он следил за женщиной-эльфом, и думал, что это не было такой уж безнадежной идеей. И в конце концов, среди поверхностных эльфов, в отличие от того матриархального общества, в котором он жил, он не был бы ограничен своим полом.

Но всегда ли ограничивал бы его эбеновый цвет кожи?

- Дзирт - напомнил он себе. Из всего, что он узнал, Тос'ун понял, что Дзирт неплохо уживался не только с поверхностными эльфами, но даже с дворфами.

Может ли быть так, что Дзирт До'Урден проложил путь, которому мог бы следовать и я?

Ты ненавидишь этих эльфов, ответил Хазид'хи. Я чувствую твою ненависть.

Но это не означает, что я не могу принять их гостеприимство, ради меня самого, не ради них.

Ты прекратишь борьбу?

Тос'ун снова почти рассмеялся вслух, поскольку он понял, что единственной вещью, о которой заботился Хазид'хи, были новые и новые жертвы, пронзаемые его великолепным лезвием.

Вместе с ними я буду и дальше убивать уродливых родичей Обальда, пообещал он, и меч, казалось, успокоился.

А если я жажду крови эльфа?

В свое время, ответил Тос'ун. Когда я устану от них, или найду другую, более многообещающую дорогу...

Это было, конечно, весьма ново и очень рискованно. Дроу ни в чем не мог быть до конца уверен, но, во всяком случае, в его нынешнем положении он мог выбирать, а внутренний диалог и возможности, которые он видел перед собой, были ему весьма приятны. И на пока что этого было вполне достаточно.

Дзирт стоял, положив руки на пояс и в недоверии смотря на указатель:

Берегись! Остановись! Ты стоишь на границе Королевства Многих Стрел Короля Обальда. Или иди дальше и умри!

Это было написано на многих языках, включая эльфийский и Общий, и это, на первый взгляд, простое сообщение очень о многом поведало Дзирту и Инновиндиль. Они потратили месяц, или даже больше, чтобы пересечь огромную, заваленную снегом пустошь и оказаться на той самой тропе, где они видели в прошлый раз, орки строили огромные ворота. Те самые ворота стояли футах в пятидесяти к северу, и были образцом строительного искусства, заставившего бы гордиться даже дворфа.

- Они не уходят. И они по-прежнему едины, - сказал Дзирт.

- И они объявили своего короля, как Обальда, а королевство назвали его прозвищем, - добавила Инновиндиль. - Кажется, мечта этого необычного орка пережила его самого.

Дзирт покачал головой, хотя у него не было никаких доводов против ее очевидного наблюдения. Однако для него это просто не имело смысла – он не привык ждать подобного от орков.

Немного погодя, Инновиндиль добавила.

- Ну, ночь сегодня будет холоднее, надвигается буря. Давай продолжим наш путь.

Дзирт оглянулся на нее и кивнул, хотя его мысли были все еще сосредоточены на этом странном указателе и на том, что это все значит.

- Мы сможем добраться до Мифрил Халла до захода солнца? - спросил он.

- Я хочу пересечь Сарбрин, - сказала Инновиндиль, заставив Дзирта оглянуться на фигурку Эллифейн, привязанную к спине Заката, - Если не возражаешь, сначала нам стоит отправиться в Лунный лес.

Погода пока что держалась, и солнце светило все еще ярко, хотя черные облака уже собрались на северо-востоке, так что они быстро долетели до Долины Хранителя, промелькнув мимо западных дверей владений короля Бренора. Они оба испытали удовлетворение, увидев, что ворота по-прежнему целы и закрыты.

Они облетели вокруг южного склона самой высокой горы на границе дворфской родины, затем мимо стены и моста, который был построен к востоку от подгорного комплекса. Несколько часовых-дворфов признали их лишь спустя мгновение паники, и Дзирт помахал в ответ, услышав, как они выкрикивают его имя.

Пролетев над широкой рекой, чьи серые волны, несмотря на частично сковавший их лед, текли по-прежнему быстро и яростно, они приземлились, и их длинные тени легли у их ног.

Земля была безопасна. Фавориты Обальда не продолжили свое наступление, и, едва путешественники разожгли костер, а с неба начал валить снег, их уже обнаружил патруль эльфов, родичей Инновиндиль, обходящих свои южные границы.

Это была радостная встреча. Эльфы пели и танцевали, и Дзирт искренне улыбался, соглашаясь с ними.

Буря становилась все сильнее, ветер завывал над деревьями, но он не мог помешать эльфам, укрывшимся за стеной сосен, отпраздновать возвращение Инновиндиль и испытывать мрачноватое удовлетворение от того, что потерянная Эллифейн все же вернулась домой.

Вскоре после этого Инновиндиль начала рассказ об их путешествии, делаясь с родичами своим удивлением и разочарованием от того, что орки не вернулись назад, в свои темные норы, после падения их короля.

- Но Обальд не мертв, - сказал один из эльфов, и Инновиндиль с Дзиртом замерли, пораженные.

Другой эльф вышел вперед, сказав:

- Мы нашли твоего соплеменника, Дзирт До'Урден, охотящегося на орков, как и ты когда-то. Его зовут Тос'ун.

Дзирту показалось, что ветер, едва пробирающийся сквозь толстые сосновые ветви, стих окончательно. Он убил двух других темных эльфов в борьбе против вторгающейся армии Обальда, и видел еще по крайней мере двоих во время сражения с королем орков. Фактически, одна из тех дроу, жрица, вызвала волшебное землетрясение, которое сбросило Дзирта и Обальда вниз, причем дроу удачно успел зацепиться за уступ, а вот король рухнул на самое дно ущелья, и там должен был встретить свой

конец. Мог ли этот Тос'ун быть одним из тех, кто наблюдал за его схваткой с Обальдом?

- Обальд жив, - снова сказал эльф. - Он выжил после того падения.

Дзирт не хотел верить, что это возможно, но что еще ему оставалось предположить, глядя на единую и организованную орочью армию?

- Где этот Тос'ун? - спросил он, и его голос больше напоминал шепот.

- На другом берегу Сарбрина, далеко к северу отсюда, - ответил эльф. - Он сражается вместе с Албондизелем и его отрядом, и по всем донесениям бьется хорошо.

- Вы его приняли, - заметил Дзирт.

- У нас были на то серьезные причины.

Дзирт едва ли был убежден.

Он сейчас в Лунном лесу, напомнил Хазид'хи Тос'уну одним чертовски холодным, морозным утром.

Они все еще передвигались вдоль берега Сарбрина, по северным окраинам недавно объявленного орочьего Королевства Многих Стрел, к югу от самых восточных пиков Хребта Мира. Дроу попытался проигнорировать замечание меча, но его мысли тут же отнеслись назад, к тому моменту, когда Синнафейн сказала ему, что Дзирт До'Урден вернулся с запада и остановился в Лунном лесу.

Он видел тебя в тот день, когда сражался против Обальда, предупредил Хазид'хи. Он знает, что ты был заодно с орками.

Он видел двоих дроу, поправил Тос'ун. И издалека. Он не может знать наверняка, что это был я.

А если он знает? Его глаза куда привычнее к яркому солнечному свету, чем твои. Не недооценивай его. Он сразил двух твоих товарищей. Ты не можешь знать того, что он вытянул из них перед тем, как убил.

Тос'ун отодвинул меч подальше, уставившись на кольцо валунов, что окружали маленькую пещерку, в которой он и эльфы отдыхали предыдущей ночью. Он подозревал, что Дзирт был причастен к смерти Доннии Сольду и Аднона Кариза, но подтверждение меча просто потрясло его.

Ты хочешь отомстить за них? Спросил Хазид'хи, и было кое-что в тоне меча, что принудило его признать все безумие этого пути. По правде говоря, Тос'ун никогда не пылал желанием сразиться с легендарным отступником, который перевернул вверх дном весь Мезоберранзан. Каэр'лик боялась, что Дзирт был фактически в фаворе у Ллос, поскольку хаос, казалось, возникал всюду, где он появлялся, но даже если это и было всего лишь пустыми домыслами, репутация этого дроу все еще заставляла поджилки Тос'уна дрожать.

Мог ли он избежать подозрений Дзирта, или же тот попросту его убьет?

Хорошо, промурлыкал Хазид'хи. Ты понимаешь, что это не тот бой, который ты готов вести. Меч заставил его взглянуть на Синнафейн, что сидела на скале неподалеку и смотрела на долину, раскинувшуюся под ней.

Убей ее быстро и дай нам шанс скрыться, предложил Хазид'хи. Других поблизости нет, или же они медитируют, и ни один из них не успеет нам помешать до того, как мы исчезнем.

Несмотря на все свои сомнения, рука Тос'уна тут же оказалась на рукояти меча, однако он почти сразу отпустил ее.

Дзирт не убьет меня. Я могу отговорить его. Он примет меня.

По крайней мере, он потребует, чтобы ты вернул ему меня, сказал Хазид'хи, Чтобы он мог отдать меня той человеческой женщине.

Я этого не позволю.

А как ты ему помечаешь? И как ты сможешь отвечать на вопросы жрецов, если меня не будет рядом?

Мы уже закрыли этот вопрос, ответил дроу.

Нет, если я оставляю тебя, предупредил меч.

Тос'ун вздохнул, понимая, что попался. Ему не очень-то хотелось идти одному, навстречу зимнему холоду, и он не знал, что сказать мечу.

Но при этом он не желал отдавать Хазид'хи ни Дзирту ни кому-либо другому. Тос'ун понял, что его навыки борьбы улучшались благодаря обучению меча, и мало какое другое оружие в мире обладало столь же совершенным лезвием. Однако он не сомневался относительно замечания Хазид'хи, в том, что он еще не готов дать отпор воину, равному Дзирту До'Урдену.

Едва заметными шагами дроу подошел к Синнафейн сзади.

- Сегодня прекрасный день, но ветер заставит нас укрыться в пещере, - сказала она, и Тос'ун понял большинство слов и их значение. Он был способным учеником, и язык эльфов не так уж отличался от дроуского, в них было много похожих слов и корней, и структура тоже была идентична.

Она повернулась к нему лицом, прежде, чем он ударил.

Мир, должно быть, завращался перед глазами Синнафейн. Она лежала на камне, и дроу стоял над ней, а острие его смертоносного клинка касалось ее подбородка, заставив эльфийку выгнуть шею.

Убей ее! Потребовал Хазид'хи.

Мысли Тос'уна помчались. Он хотел погрузить свой меч в ее горло и пронзить голову. Или, возможно, он должен был взять ее в заложники. Она была бы ценным преимуществом, и той, что предоставила бы ему много приятных возможностей прежде, чем он бы ее убил.

Но для чего?

Убей ее! Закричал Хазид'хи в его голове.

Тос'ун отодвинул лезвие назад, и Синнафейн, наклонив подбородок, посмотрела на него. Страх в ее синих глазах доставлял ему удовольствие,

и он бы задержал меч, только чтобы дать ей немного надежды, прежде чем проткнуть ей горло.

Но зачем?

Убей ее!

- Я тебе не враг, но Дзирту этого не понять, - Тос'ун услышал свои собственные слова, но он знал ее язык еще настолько плохо, что лицо Синнафейн исказилось, когда она попыталась понять.

- Я тебе не враг, - медленно, тщательно выговаривая каждое слово, сказал он. - Дзирт не поймет.

Он расстроено покачал головой, наклонился вниз и, достав оружие беспомощной эльфийки, отшвырнул его прочь. Он вздернул Синнафейн на ноги и повел ее прочь, приставив Хазид'хи к ее спине. Он несколько раз оглянулся на пещеру, прежде чем понял, что преследования не будет.

Он развернул Синнафейн и заглянул ей в глаза.

- Я тебе не враг, - повторял он снова и снова.

А затем, к высшему неудовольствию Хазид'хи's, Тос'ун Армго убежал.

- Это - меч Кэтти-бри, - сказал Дзирт, когда Синнафейн рассказала ему о Тос'уне несколько дней спустя, когда она и ее группа вернулись в Лунный лес. - Он был одним из тех двоих, что я видел, когда боролся с Обальдом.

- Наши заклинания поиска правды не обнаружили его ложь, или любое преступное намерение, - заспорила Синнафейн.

- Он - дроу, - вставила Инновиндиль. - Они - раса, полная всяческих уловок.

Но простой ответ Синнафейн: - Он не убил меня. - смягчил большую часть веса этого аргумента.

- Он был с Обальдом, - снова сказал Дзирт. - Я знаю, что несколько дроу помогли королю орков, подстрекая его к нападениям.

Он посмотрел на Инновиндиль, что кивала, соглашаясь.

- Я найду его, - пообещал Дзирт.

- И убьешь? - спросила Синнафейн.

Дзирт промолчал, но лишь потому, что ему вовремя удалось сдержать слово «Да», и оно так и не покинуло его губ.

- Ты понимаешь, что это вообще такое? - спросил Инновиндиль жрец по имени Джаллинал. - Что такое привидение?

- Дух с незаконченными земными делами, - ответила Инновиндиль, хотя и не без дрожи в голосе. Священники не согласились бы на такой ритуал просто так. Обычно привидения были очень редкими, беспокойными душами, отошедшими в мир иной посреди жизни и не успевшими завершить все начатое. Но Эллифейн не была такой. И все же эльфийские жрецы верили, что во всех отношениях будет лучше, если они хотя бы на время смогут *создать* привидение Эллифейн, кое-что почти

неслыханное. Они были убеждены в своем решении, но, тем не менее, несмотря на всю их веру, Инновиндиль беспокоилась. Хотя она-то уже сделала свой выбор.

- Воплощение не очень болезненно, - уверил ее Джаллинал. - Физически. Но это тревожно в высшей степени. Ты уверена, что ты можешь сделать это?

Инновиндиль вздохнула и оглянулась назад, в сторону деревянной хижины, где, она знала, сейчас был Дзирт, и ее уверенность окрепла. Она готова была пойти на это, ради дроу, которого полюбила, как самого дорогого друга, и она понимала, что он нуждается в этом – так же, как и Эллифейн.

- Давайте закончим с этим и наконец-то сможем спать спокойно, - сказала Инновиндиль.

Джаллинал и другие жрецы начали свой ритуал, а Инновиндиль откинулась на подушки, разложенные на полу, и закрыла глаза. Волшебство проникало в нее мягко, бережно открывая путь к духу, который вызвали священники. Ее сознание дремало, но не оно умерло окончательно. Скорее уж ее мысли казались словно бы проникающими из сознания ее погибшей подруги, и она видела и слышала все, отраженное из сознания Эллифейн.

Она знала, что Эллифейн была там, рядом с ней, и когда ее тело село, это было волей Эллифейн, не Инновиндиль.

Было кое - то еще, замеченное Инновиндиль: хотя это и была Эллифейн, в пределах ее тела, бок о бок с ее собственным духом, ее подруга была совсем другой. Она была спокойна и безмятежна, и в ее душе впервые царил умиротворение. Мысли Инновиндиль тут же подвергли сомнению это изменение, и Эллифейн ответила воспоминаниями о своем отдаленном прошлом, ясно возникшими в ее сознании.

Это воспоминание было смутным и очень далеким. Вопли ужаса и предсмертной агонии витали в воздухе.

Она чувствовала тепло, влажное тепло, и знала, что это было кровью.

Небо вращалось над ней. Она упала на тело женщины, что держала ее... Конечно же, это же мать Эллифейн!

Ум Инновиндиль проносился через все эти видения, запутавшийся и разбитый, не зная, за что ухватиться. И вот тогда она сосредоточилась на единственном ясном изображении, что возникло перед ней: глаза цвета лаванды.

Инновиндиль знала эти глаза. Она смотрела в те же самые глаза в течение многих месяцев.

Мир стал еще более темным, теплым и влажным.

Видение исчезло, и Инновиндиль поняла, что в загробной жизни Эллифейн показали правду о действиях Дзирта До'Урдена той ужасной ночью. Эллифейн показали ее ошибку в ее ненависти к этому темному

эльфу, в отказе верить его подвигам, о которых ей доводилось слышать, в ее смертельном нападении на него.

Тело Инновиндиль встало и вышло из хижины, направляясь туда, где находился Дзирт. Она вошла к нему, даже не постучавшись, и увидела дремлющего, что смотрел на нее со смешным выражением любопытства и признательности, но без всякого намека на то, что что-то казалось ему неправильным.

Она шагнула вперед и встала перед ним на колени. Она смотрела в его лавандовые глаза, те же самые глаза, которые она, Эллифейн, видела так давно, в ночь убийства ее матери. Она подняла руку, коснувшись его щеки, а потом и вторую, так, чтобы держать его лицо, прямо глядя на него.

- Инновиндиль? - спросил он, и в его голосе послышалось сомнение.

- Эллифейн, Дзирт До'Урден, - Инновиндиль услышала ее ответ. - Та, кого ты знал как Лелоринеля.

Дзирт с трудом смог вздохнуть.

Эллифейн потянула его голову вниз и поцеловала в лоб, а потом еще долго, долго не отпускала.

Потом она отодвинулась на длину вытянутых рук, и Инновиндиль ощутила слезы, медленно катящиеся по ее щекам.

- Я теперь все знаю, - прошептала Эллифейн.

Дзирт кинулся к ней и сжал ее запястья. Он шевелил губами, как будто хотел что-то сказать, но никакие слова не шли ему на ум.

- Я теперь все знаю, - повторила Эллифейн. Она кивнула ему и поднялась на ноги, а затем вышла из хижины.

Инновиндиль чувствовала все это совершенно ясно. Ее друг наконец обрел покой.

Дзирт улыбался искреннее, чем когда-либо раньше, и слезы на его щеках были слезами радости и удовлетворения.

Он знал, какая беспокойная дорога ждет впереди его и его друзей. Орки все еще нависали над ними темной тучей, да, к тому же, он пообещал разыскать темного эльфа, владеющего Хазид'хи, самым смертоносным мечом в мире.

Но этим утром все проблемы казались ему намного менее внушительными, и когда Инновиндиль, освободившаяся от присутствия духа, пришла к нему и заключила его в объятия, он чувствовал себя так, словно ничто во всем мире не могло быть плохо.

Дзирт До'Урден, верил в своих друзей, а теперь, обретя прощение и спокойствие Эллифейн, Дзирт До'Урден вновь смог поверить в себя.

ТАКИЕ БЕЛЫЕ СЛЁЗЫ

Эд Гринвуд

Алтуриак, Год Грозových Штормов (1374 ЛД)

Свет камина играл в нежном танце на старой, выцветшей карте Фаэруна, нарисованной на потолке кухни Шторм Серебряной Руки. Ратан Тентравер опустил взгляд от праздного изучения знакомых береговых линий и лесов и радостно прорычал:

- Аххх, это было чудесно! Соус...

Отрывка, прорвавшаяся сквозь рапсодию Ратана, была столь же внезапной, сколь и непреднамеренной. Поэтому он на мгновение потерял дар речи.

Его лучший друг Торм сидел у его локтя - а Торм, безусловно, самый хитрый из Рыцарей Миф Драннора, был человеком, которому никогда в жизни не требовалось более полуминуты, чтобы что-то начать.

- В этом определено что-то есть, Шторм, - усмехнулся он, закончив фразу захлебывающегося священника. - Не хочешь поделиться одним секретом котелка?

Их хозяйка улыбнулась ему через плечо, не отрываясь от раковины.

- Вареные змеиные глаза - две полные горсти, и они должны быть свежими. Только гадюки, имейте в виду.

Вокруг сверкающего стола добродушно хихикали полногрудые рыцари, уютно расположившиеся над кружками горячего зеленого чая. Все, кроме Дав и Мерит, которые красноречиво вскидывали брови, зная, что бард из Сумеречной долины говорит чистую правду.

Торм тоже был человеком, который мало что упускал из виду. Он заметил их обменявшиеся взглядами, и его ухмылка немного померкла.

- Ты ведь не шутишь, правда?

Шторм обернулась, длинные серебряные локоны заиграли на ее плечах, словно множество беспокойных змей, и ответила: - Нет.

Флорин вздрогнул, Ратан изумленно вытаращился, а Джессайл вздохнула и посмотрела на потолок.

Следующая отрывка Ратана, последовавшая в наступившей тишине, была менее довольной.

- И справедливо даже по отношению к вам, мастер Тентравер, - ответил ему старый и ворчливый голос, добавив еще одну отрывку - почти перед тем, как ее обладатель скрылся из виду. Рыцари за столом переглянулись, но никто не ругался и не хватался за оружие. Говоривший был слишком хорошо знаком.

Волшебник Эльминстер, такой же клювоносый и ясноглазый, как всегда, стоял прямо перед западной дверью кухни Шторм - крепкой старой овальной дверью с перекрестьями, глазницами и переплетенными ягодными лозами, которая весь вечер была закрыта от ледяного алтуриакского холода и даже тогда оставалась тихой и запертой за ним.

Старый маг из Сумеречной долины был одет в свою излюбленную одежду: мантию, бриджи и сапоги из поношенной мягкой кожи, такие же потрепанные погодой, как у любого бродяги. Он был одет как путник, не имеющий ни гроша за душой, но господствовал в комнате как король.

Все шесть рыцарей, пировавших под крышей Серебряной Руки, уставились на него. Никто из них - ни Флорин, ни Дав, ни Джессайл, ни Мерит, ни Торм, ни Ратан - никогда прежде не видели, чтобы Старый Маг выглядел так мрачно. Более того, один из его глаз мерцал так, словно в нем был жидкий огонь или мерцающая звезда, норовящая выплеснуться наружу. Действительно, мрачно.

Его следующие слова были такими: - Вы мне нужны. Сейчас. С любым оружием, которое у вас наготове. Заклинания не имеют значения.

Торм вздохнул и отставил пустой бокал.

- Не хочешь рассказать нам, какой именно уголок Фаэруна мы спешим спасти на этот раз, Старая Борода, или ты, как обычно, играешь в самого таинственного мага?

Эльминстер поднял руку. Два его длинных костлявых пальца указывали на Торма и Ратана.

- Не вы двое. Твои проделки лучше всего удаются здесь - держать Фзула на расстоянии, избивать любых Демонических Фей, достаточно глупых, чтобы забрести сюда; все в таком духе. Ты знаешь.

Затем великий маг зашагал вперед, крошечные звезды замигали в пустом воздухе вокруг него. Все наблюдали, как они превращаются в два длинных меча в его руках.

Эльминстер обогнул стол, сопровождаемый любопытными взглядами, кивнул Шторм и хрипловато добавил:

- Будь здесь в безопасности, девчонка. Кто-то должен защищать Долины от этой парочки болванов.

Он наклонил голову в сторону Торма и Ратана, подошел к огромному стволу дерева, растущего в самом сердце кухни Шторм, и шагнул в него, словно был сделан из одной лишь тени.

Дав в мгновение ока оказалась на ногах и пробормотала: - Поторопись. Вон там путь снова закрывается. Только вырвись и неси свои сапоги.

Рыцари поспешили, в несколько мгновений погрузившись в темное небытие дерева вслед за Эльминстером, оставив Торма и Ратана с недовольством смотреть друг на друга.

- Так что же это было?

- Да, как обычно, ничего не сказал. Нам, счастливым танцующим дуракам, никогда не нужно знать ничего важного.

В один голос они повернулись к Шторм Серебряной Руке и замолчали, в унисон отвесив челюсти.

Шторм Серебряная Рука в ужасе уставилась на дерево, через которое только что исчезли пятеро друзей, и лицо ее было таким же белым, как свежавыпавший снег за окнами ее кухни.

Мир был белым. Не холодный, влажный, тяжелый снег Сумеречной долины, а туман, клубящийся среди бесконечной паутины гладких нитей, больших, маленьких, извилистых... и все они пульсировали с неумолимой силой, от которой болели зубы и чесалась кожа. Все белое, и больше ничего - ни неба, ни горизонта, ни деревьев, ни чего-либо еще, что могло бы послужить основанием для этого.

- Можно ли, - тихо спросил Флорин возле уха Эльминстера, когда рыцари натягивали сапоги, - спросить, где мы находимся?

Рейнджер был поражен тем, что его леди Дав взяла его голову в обе руки и глубоко поцеловала. Сквозь слабый аромат огненного вина, которое она пила на кухне Шторм, ее рот казался горячим, а язык - огненным.

Прежде чем Флорин успел почувствовать настоящее удивление, она отстранилась, с тоской посмотрела ему в глаза, их носы почти соприкоснулись, и прошептала: - Помни меня всегда.

И она исчезла, отступив от него и прижавшись спиной к ближайшей большой ветке - одной из бесчисленных тысяч, возвышавшихся в туманной, бесконечной паутине, как деревья без листьев. Широко раскинув руки и ноги, Дав шлепнулась на белесую белизну, не сводя с него глаз.

Флорин издал небольшой звук недоумения и шагнул вперед, подняв руку к ней - даже когда она задыхалась, дрожала, выгибала спину и... белела вся, ее изгибы трепетали, как нить, частью которой она стала. Рейнджер наблюдал, как лицо его жены... и вся она... тает в гладкой безликости, в абсолютной тишине и за считанные мгновения превращаясь не более чем в привлекательный выступ на веревке.

И так же тихо и легко Избранница Мистры исчезла.

Флорин повернулся к Эльминстеру, потрясенный.

- Миледи говорила так, словно не ожидала увидеть меня снова. Значит, один из нас или оба, скорее всего, умрут здесь?

- Мы все умрем, парень, - сказал Старый Маг, вглядываясь в даль с двумя своими мечами с мерцающими звездами, поднятыми и готовыми. - Более того, я не могу сказать.

Вздыхая отчаяния Джессайла был резче, чем обычно.

- Где мы находимся?

- Тшаддарна. То, что некоторые называют "Мирами Плетения".

- О, хорошо, - сказал Мерит, - это все объясняет.

Лунный эльф с вороньими волосами достал свой тонкий меч. Его серебристое лезвие стало сапфирово-синим и запульсировало.

Он бросил на него взгляд отвращения, отвесил челюсть, подошел к Эльминстеру и встал прямо перед ним, выпрямившись во весь рост и пытаясь загородить обзор Старому магу своей стройной, обтянутой кожей массой.

- Итак, что, согласно шепчущимся тайнам Мистры, представляет собой Тшаддарна, и что означает наше присутствие здесь? Хоть раз ответь прямо, волшебник.

- Значит, у нежного и очаровательного Прочнолука все-таки есть клыки, - заметил Эльминстер, и в его обычном глазу блеснуло нечто, что можно было бы назвать блеском. Другой глаз пульсировал, как беспокойное серебряное пламя. - Полезно знать историю.

- То, чего у тебя в избытке, Старый Маг, и чего не хватает остальным, - огрызнулся Мерит. - Я устал и даже более чем устал следовать за тобой туда и сюда, в места, о которых знают или забыли только боги, выполнять тяжелую работу, пока ты улыбаешься, киваешь и ничего нам не говоришь. Так говори, Эльминстер. Что это за место, и почему мы здесь?

- Вопрос "зачем" редко меняется, юный Мерит. В наши дни Фаэрун так часто нуждается в спасении.

Эльф ждал, но Эльминстер лишь отступил назад, не говоря больше ни слова.

Мерит шагнула вперед, за ним, и потребовала: - От чего или кого спасти на этот раз? Говори правду, Эльминстер!

- Не верь в магию, - ответил волшебник. - Наконец-то вы стали мудрыми людьми, вы, рыцари. Вы будете знать, кому доверять и что делать.

Он вскинул руки, его сверкающие мечи коснулись огромной пряди, поднимавшейся позади него, и растаяли в ней. В полной тишине внезапная белизна опустилась на Эльминстера, словно занавес.

Мгновение спустя волшебник был уже не более чем хрупкой выпуклостью на ветке. Флорин, Джессайл и Мерит уставились на него - или на то, во что он превратился, - и нахмурились друг на друга. Вокруг них все казалось более белым, а гул становился все сильнее и сильнее.

Когда господство Эльминстера было скрыто, Флорин вновь засиял суровой красотой и королевскими манерами. Высокий рейнджер достал свой меч.

- Надеюсь, - обратился он к Мерит, - ты не ожидал ответов.

- Я никогда не жду, - ответил эльф в темном одеянии, ухмыляясь так же беззлобно, как и любая лиса. - По крайней мере, не в этом последнем столетии.

Его жена закатила глаза, но придержала язык.

Три рыцаря смотрели во все стороны. Везде их взору представал один и тот же дрейфующий туман и бесконечный лес из ветвей.

Устав от этого зрелища, мужчина и эльф повернулись к стоявшей между ними женщине. Их молчаливые взгляды были просьбой о совете.

Жена Мерита смотрела на них обоих с обычно веселым лицом, искаженным в раздумье, положив руки на бедра и поглаживая тонкими пальцами рукоять поясного кинжала. Несмотря на свою эльфийскую красоту и маленький рост, с годами она стала чем-то вроде строгой матери для своих товарищей-рыцарей. Ее большие серо-зеленые глаза смотрели с одного товарища по мечу на другого и обратно. Они знали ее достаточно хорошо, чтобы позволить ей думать в тишине.

Она пнула каблуком сапога по гладкой, ровной белой земле, не издав при этом ни звука. Флорин повернулся, чтобы осмотреть туман, а Мерит наблюдал за его женой, наслаждаясь видом. Ее стройные ноги были обуты в узкие, хорошо поношенные кожаные бриджи. Широкий кожаный пояс стягивал ее тунику на тонкой талии, так что ее свободная нижняя часть развевалась вокруг бедер, как короткая юбка. Поверх пояса кожаный жилет скрывал ее грудь за стеной магических мешочков, кожаных петель для подвешивания инструментов и карманов. Свои длинные, распущенные огненно-рыжие волосы Джесс собрала в кобылий хвост с кожаным рукавом, а посох оставила на кухне у Шторм.

Она приняла решение, властно взмахнув рукой.

- Я не хочу их оставлять, - сказала она своим товарищам-рыцарям, махнув рукой на растрепанные ветви, которые держали - или когда-то были ими - Дав и Эльминстером. - Если мы покинем это место, мы можем никогда не найти их снова... и что бы с ними ни случилось, разве они не являются нашей самой вероятной дорогой домой?

Флорин кивнул и сказал: - Одно место во всем этом, похоже, не лучше любого другого. Я рад, что мы будем знать, что делать, потому что сейчас у меня нет ни малейшего представления.

Он опустил на одно колено и осторожно положил руку на идеально гладкую, ровную белизну, служившую землей под их ногами - настолько ровную, что его разум настаивал на том, что это должен быть "пол" - и ждал каких-либо изменений в ее холодной твердости.

Никаких. Через некоторое время Флорин пожал плечами и сел, положив меч на колени.

- Итак, мы ждем. Я побелел?

Мерит покачала головой. - Ничуть. Но тогда ты не Избранный.

- Смотри! - шипела Джессайл, указывая.

Двое мужчин-рыцарей повернули головы, чтобы увидеть его: высокая темная фигура женщины неподвижно стояла вдалеке спиной к ним. Она выглядела и человеком, и, судя по волосам и форме бедер и плеч, женщиной, но было в ней что-то странное. Что-то... исхудалое.

Потом она исчезла, и на том месте, где она стояла, не осталось ничего, кроме гудящих белых прядей и лениво клубящегося тумана.

- Ты ведь не видела, как она шла к тому месту? - спросил Флорин, поднимая свой меч.

- Нет, - ответила ему Джессайл. - Я случайно заглянул туда, и говорю тебе прямо и честно: ее там не было, а потом она там появилась. Так, как ты ее видел, стоя неподвижно. Лицом к нам. Никакой ходьбы, и, насколько я видела, она никогда не смотрела в эту сторону.

- Это какое-то магическое место, - предположил Мерит, - через которое проходят заклинатели, когда телепортируются? Или при произнесении какого-то другого заклинания?

- Твоя догадка не менее верна, чем любая другая, - ответил Флорин. - Нам лучше быть начеку, чтобы не пропустить новых... посетителей.

Как будто его слова были подсказкой, над ним возвышалась огромная темная фигура, появившаяся из ниоткуда. Не исхудавшая женщина, а получеловек, верхняя половина которого парила в воздухе, а ниже пояса ничего не было.

Шлем, обращенный к Флорину, висел темный и пустой, над огромными, покрытыми черной броней плечами, которые двигались в угрожающем молчании, а длинные, могучие руки замахивались черным мечом назад, а затем вниз, на рейнджера.

Флорин отпрыгнул в сторону, перекатился, вскочил на ноги, смахнул пряди, развевающиеся в стороны, как пожухлые листья, и крутанулся, вздымая клинок...

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как клинок Мерита Прочнолука вонзился в правые наручи существа с удивительно тупым, приглушенным лязгом. Кровь не потекла, но пластины доспеха разлетелись вдребезги, а под ними виднелась разрубленная плоть. Серая кожа поверх плоти, не увядшая и не сморщенная, но сухая, без намека на кровь.

Зловещая тварь крутанулась, чтобы встретить своего нового врага, змеино извиваясь и не выказывая никаких признаков боли. Мерит поднял длинный меч и кинжал, на лице его играла мягкая улыбка, которую всегда вызывала битва, а Джессайл бросилась на него с поднятым кинжалом.

- Нет! - воскликнул Мерит, соизмеряя скудный кожаный жилет своей жены с длинной черной шпагой, даже когда парящая штука снова закружилась вокруг нее, чтобы свалить ее.

Флорин, высоко подпрыгнув, обрушил весь свой вес на двуручный меч, нацеленный на перчатки, но под таким углом, что его клинок пронесся над руками и вонзился в пустой шлем, где должны были находиться лицо и горло.

Его сталь вгрызлась в то, что казалось кожей с плотью и костью под ней, и все это было таким же твердым и тяжелым, как последний живой человек - шпион Зентилара, которого он зарубил. Бронированный палец полетел, кувыркаясь, меч зазвенел, задрожал и закружился вслед за ним, а его собственный клинок пронзил...

Пустой воздух. В этом темном шлеме не было ничего твердого, ничего телесного между ним и бронированными плечами под ним. Ничего, кроме

длинного меча Мерита, высекавшего искры из клинка Флорина, когда он пробивался сквозь пустые доспехи снизу.

Значит, тварь была полая, если не считать рук. Клинок Мерита с силой вонзился в темные доспехи - и в жуткой тишине одна из этих тяжелых рук отвалилась от парящей штуковины, упав на гладкую белизну под ногами. Она отскочила в сторону, Джессайл увернулась и... исчезла - предположительно там же, где исчезли отрубленный палец и меч.

Флорин не успел ничего предпринять, кроме как оглядеться и не увидел ни малейшего следа - оставшаяся рука зловещей твари налетела на него, как летящее копьё. Темные и ужасные пальцы с черными перчатками тянулись к нему, словно для того, чтобы схватить.

Когда она нависла над ним, а он боролся за то, чтобы вовремя поднять клинок и отвести лезвие в сторону, Флорин увидел на кончиках пальцев крошечные рты, усеянные маленькими клыками, как у летучих мышей, открывающиеся, чтобы вгрызться ему в глаза.

Джессайл зашипела от отвращения и произнесла заклинание. Все, что она пыталась бросить, превратилось в пульсирующее серебристое пламя в воздухе за кончиками ее пальцев; огонь тщетно рычал в сторону бронированной твари, но угасал и угасал еще до того, как Флорин успевал сделать вдох.

Клинок Мерит впился в шлем безмолвной твари, но, казалось, ничуть ее не потревожил. Старая сталь, должно быть, и мягкая. Очень старая сталь.

Старая сталь, которая все еще тянулась к Флорину с холодным терпением, проносясь по другому его флангу, скрежеща и лязгая крошечными клыками. Мерит преследовал ее - хлестал клинком по боковому оружию, как фалом, рубил до тех пор, пока не отлетали кончики пальцев. Флорин Соколинорукий уперся в сердце этой поющей стали и вонзил свой крепкий меч глубоко между пальцами и в руку, по броневой пластине пошла рябь.

Крови все еще не было, но невидимая сила толкала его, пока рукоять не уперлась в судорожно сжатые пальцы. Мерит ухмыльнулся, отрезая пальцы, и поморщился от внезапного потока искр, которым был отмечен кинжал Джессайл, пронзивший открытую переднюю часть шлема в ужасающее небытие.

Темные доспехи отлетели в сторону, падая и исчезая одновременно. Со слабым лязгом и грохотом он исчез, оставив трех задыхающихся рыцарей лицом друг к другу на гладкой белой поверхности без опознавательных знаков, окольцованной диковинным туманом.

- Что это было? - спросила Джессайл, немного дико озираясь. Она провела пальцами по рукояти кинжала, покрытой инеем, словно все еще могла что-то почувствовать.

Мерит пожал плечами. - Ну что, я похож на Эльминстера? - поддразнил он.

Флорин, бросавший взгляды во все стороны, уделил достаточно времени белой полустатuye, которая, как он знал, была Старым Магом, и нахмурился. - Ты будешь знать, кому доверять и что делать, - пробормотал он. - Думаю, нет.

Внезапно он уставился в сверкающие глаза человека в мантии с лицом черепа, который только что мелькнул среди ветвей справа от него.

- Уэр! - прошипел он, поднимая меч, но не успело это слово слететь с его губ, как лич - если это действительно был он - исчез.

Джессайл вскинула голову, кивком давая понять Флорину, что она тоже это видела, и прижалась к нему бедрами еще до того, как рейнджер скомандовал: - Спина к спине! Эта штука может появиться в любой момент...

- Наёт, - выругался Мерит, когда в десяти шагах от них возникла совсем другая нежить - один в короне на пожелтевшем черепе и в бронированном табарде арканного дизайна. Он окинул их холодным взглядом, а затем так же внезапно исчез.

- Рыцари! - крикнула Джессайл, и в ответ два меча просвистели мимо ее плеч и вонзились туда, куда не доставал ее кинжал.

Только что появившаяся лич - женщина с почерневшими зубами, выпавшими из отвисших челюстей, как жемчужины, - отпрянула назад от захватов Джессайл, чтобы избежать двух остриев грохочущей стали - пытаясь улыбнуться, ее голова дернулась в одну сторону и болезненно покачивалась, прежде чем снова исчезнуть.

- Думаешь, наше присутствие здесь привлекает их? - спросил Мерит, возвращаясь в прежнее положение и снова вглядываясь в туман вокруг, его клинок был поднят наизготовку.

- Я бы в этом не сомневался, - ответил Флорин. - Все кажется... белее, как-то так, только здесь.

- И распространяется отсюда, - добавила Мерит.

- Распространяется от Дав и Эльминстера, - пробормотала Джессайл. - Я бы хотела знать, почему они сделали - что бы они ни сделали - связь с этими ветвями.

- Я думаю, они... как-то питают это место, или усиливают его силы... или что-то еще, - пробормотал Мерит.

- Спасибо, мудрейший из мудрецов, - усмехнулся Флорин. - И все же я вынужден согласиться. Эти размышления мне кажутся правильными. То существо, с которым мы сражались, и личи, вероятно, тянутся к Элу и моей возлюбленной, а не к нам троим.

- Но почему? - шипела Джессайл, почти изнемогая. - Что это за место?

Что-то возникло из тумана у ее ног и взмыло ввысь. Она едва не ударила его ножом, когда увидела сапфирово-синие волосы, черты лица эльфийки и улыбку, которую она могла назвать только "нежной".

- Это место, куда может добраться только Плетение, - ответил музыкальный голос. - Приветствую вас, Рыцари Миф Драннора. Добро пожаловать. Вы нужны. Видите ли, есть личи и есть ещё личи.

Это явление было, конечно, легче для глаз, чем для чего то ещё. Перед тремя рыцарями предстала эльфийка изящного телосложения, изящная и в то же время стройная, как осиная талия, с роскошными волосами насыщенного сапфирово-синего цвета, глазами цвета битого золота и нежной улыбкой. Она носила пояс из бирюзы и лунного камня вокруг бедер, леггинсы из бирюзового мерцающего плетения и подходящий нагрудник, украшенный золотыми капельками. Ее кожа была бледно-загорелой, а крошечные руки были пусты и... исчезали, быстро становясь полупрозрачными, и... она снова исчезла, оставив после себя лишь туман.

Джессайл вздохнула. - Итак, есть личи и есть ещё личи. По мере того, как складывается моя жизнь, я все больше убеждаюсь, что ненавижу загадочные изречения и таинственные загадки. Разве не было бы проще и эффективнее для всех, если бы люди говорили просто и ясно?

Она повернулась к своему товарищу, но Мерит усталился мимо нее на Флорина, его глаза расширились от удивления. - Это было...?

Флорин кивнул один раз. - Ты тоже так думаешь?

Что бы еще ни говорили рыцари, это было забыто навсегда, когда из внезапного туманного вихря между Флориным и Джессайлой появилось еще одно надвигающееся привидение.

Они оказались достаточно близко, чтобы почувствовать запах трав и слабого тления, и подняли клинки.

Это был эльф ростом выше Флорина, он стремительно отступал еще до того, как его боевая сталь настигла его. Он скользил между рейнджером и магом, бросая на всех трех рыцарей взгляды безмолвной тревоги из глаз, представлявших собой два светящихся белых мотылька в глубоких впалых глазницах.

Оно выглядело... мертвым, его кожа была тускло-синей и сморщенной. В когтистых руках оно сжимало упавший скипетр, длиной почти с одну из ног, который источал отголоски накопленной магии. На нем был нарядный табард архаичного дизайна, а поверх него - одежда из белого шелка, потемневшая от старости до черноты в каждой складке и изгибе. Рыцари Миф Драннора уже встречали бэлнорна и знали его таким, какой он есть.

Мерит поклонился и заговорил с ним на языке эльфов, добавляя приторно-ласковые слова, которые он слышал от старшего из своих сородичей: - Почтенный Хранитель, мы удачно встретились, ибо между нами нет ссоры. Мы заблудились и потерялись, и хотели бы знать: Что это за место, и что охраняет вас здесь?

Любой эльф, у которого правый глаз голубой, а левый - зеленый, как у Мерита, привык к острым и оценивающим взглядам других эльфов, но он был уверен, что именно его речь заслужила пристальный взгляд, и пробормотал в ответ: - Я охраняю Плетение Ралава, и вам не следует здесь находиться, тэс. И все же я начинаю думать, что мне здесь не место, ибо я слабо чувствую Плетение. Что это за место?

- По правде говоря, мы не знаем, - проговорил Мерит.

Светящиеся глаза при этом заскулили и полыхнули внезапным огнем.

- Значит, ты вторгся сюда и должен умереть!

Скипетр взметнулся вверх, Джессайл зашипела в отчаянии и пригнулась, а длинный меч Флорина пронесся низко и стремительно над ее изящной спиной и пронзил костлявое синее запястье, прежде чем скипетр успел точно нацелиться.

Бэлнорн попытался двинуть рукой, как хотел, чтобы опустить скипетр, но приковывающая внимание сталь и сила Флорина помешали этому - и клинок Мерит отбил его вторую руку в сторону.

Откуда-то сзади неживого эльфа, в клубящемся тумане, сверкнула вспышка, и Джессайл с Меритом бросили взгляды в ту сторону, успев увидеть второго бэлнорна в некотором отдалении. Эльф-лич изумленно уставился на них через мерцающий дымящийся конец скипетра, только что высвободившего магию, которая, очевидно, сделала то, чего не ожидал ее владелец.

Стоящий перед рыцарями бэлнорн выбрал этот момент, чтобы выразить свое разочарование шипением, очень похожим на то, что издала Джессайл. Все еще борясь с мускулами Флорина, он запустил свой скипетр.

Последовала вспышка, поток летящих искр, и... ничего, кроме пустого воздуха, туман отступил, словно испугавшись или взбунтовавшись. Бэлнорн с потрясенным ужасом смотрел на расширяющийся поток исчезающих, гаснущих искр, на его лице застыла маска недоумения. Он исчез - скипетр, изумление и все остальное - за полминуты до того, как далекий бэлнорн тоже исчез.

От их исчезновения Флорин вздрогнул и потряс онемевшей рукой: меч, который он держал, застыл и больше не гремел.

Джессайл уже оглядывалась по сторонам, довольно дико, во всех направлениях - ничего, кроме тумана, тумана и еще более клубящегося тумана.

- Я бы многое отдала, чтобы узнать, зачем Эльминстер привел нас сюда, где и что такое "здесь", и что мы должны делать. Если мы будем сталкиваться с одним врагом за другим, появляясь у нас под носом из ниоткуда, то это лишь вопрос времени...

- Уар! - взвизгнул Флорин, кружась на месте.

Это был еще один лич, более низкорослый и исхудавший, чем предыдущие. Клинок Флорина вонзился в руку, которую он поднял, и пронзил пристальный взгляд, который только что открылся в его иссохшей ладони. Лич исчез во вспышке синего пламени и едкого дыма, унося с собой кончик меча Флорина.

Рейнджер долго рассматривал чистый, квадратный конец своего укороченного клинка, чтобы убедиться, что металл не плавится дальше и не пытается превратиться во что-то другое.

Затем он повернулся к Мериту, который выглядел пепельно, и спросил: - Что случилось?

Эльфийский рыцарь вздохнул: - Ты видел сигил на ладони того лича? Вокруг глаза, который пытался нас рассмотреть?

- Не настолько хорошо, чтобы нарисовать его как следует, нет, но я бы наверняка узнал его снова, - ответил Флорин. - А что это?

- Это один из знаков Ларлока, - мрачно ответил Мерит. - Тот лич был его, и он, вероятно, смотрел через этот глаз.

Джессайл вздрогнула: - Мы ослепили его? Или просто перекрыли ему обзор через того лича?

- Скорее всего, просто перекрыли ему обзор.

Мерит произнес это суждение так, словно оно его ничуть не утешило. Обхватив длинной рукой плечи Джессайл, он притянул ее к себе, крепко обнял и поцеловал - яростно и стремительно - и тут же отпрянул в сторону, подняв меч, чтобы окинуть взглядом все вокруг, словно ожидая, что в следующий миг на него набросится враг.

Ему не нужно было говорить ни слова, чтобы сказать ей: Я хочу сделать это, потому что для одного из нас или для обоих этот поцелуй может стать последним.

Его дама вздохнула: - Итак, есть личи, а есть ещё личи. Бэлнорны, похоже, не рады, что нашли нас здесь, но не знают, где это "здесь", и их магия подводит их в этом месте. А еще есть личи Ларлока. Чудесно. Это ни на шаг не приближает нас к пониманию того, что происходит или что мы должны сделать.

- Не волнуйся, Джесс, - сказал Флорин, когда они снова встали спина к спине, глядя вдаль и держа оружие наготове. - Есть худшие судьбы, чем не знать, что происходит. В конце концов, такова жизнь большинства людей в Фаэруне, причем почти каждый день.

- Твои слова одновременно и умны, и совершенно неудачны в качестве утешения, - сказала ему Джессайл, но в ее голосе было больше веселья, чем злости. - По крайней мере, тот бэлнорн стоял в тех же сапогах, что и мы: не зная, что происходит.

- И все же ему не следовало нападать так стремительно, - рассуждал Мерит. - И глаза его, казалось, изменились.

- Да, я тоже это заметил, - согласился Флорин. - Может быть, что-то или кто-то управляет им? - Он несколько мгновений вглядывался в туман, а потом добавил: - Я хорошо понимал его речь, старые стили, рифмы и все такое, кроме одного слова. Что значит "таэс"?

Мерит повернул голову достаточно далеко, чтобы рейнджер мог видеть, как он нахмурился:

- Точный перевод затруднителен, но... "молодой незнакомец-эльф?" Это нейтральное слово, но настороженное, сочетающее в себе "я тебя не знаю" и что-то вроде "между нами пока нет вражды". Однако Почитаемый сказал нечто гораздо более интересное, чем одно старое, малоупотребительное слово. Он говорил о своем долге охранять Плетение Ралава. Ралав - это имя эльфа, а не место, но под "Плетением", скажу я вам честно, он подразумевал миф.

- Значит, бэлнорн был мифальным стражем, - пробормотала Джессайл.
- И удивился, обнаружив себя вдали от своего мифала. Поэтому он не сделал и не испытал ничего необычного, чтобы привести себя сюда. - Она устала в бесконечные туманы. - Интересно, может, кто-то другой доставил его сюда и попытался настроить против нас?

- Ларлок, похоже, ты размышляешь, - сказал Флорин.

Джессайл развела руками: - Разве это не кажется более чем просто возможным? Но его хозяином может быть тысяча тысяч других существ, или цепь старых заклинаний, или совсем другие причины, я согласна. Чтобы быть уверенным, нам нужно посмотреть, все ли личи носят какой-нибудь знак Ларлока или заявляют о своей верности ему. Если появятся другие бэлнорны - или кто-нибудь или что-нибудь еще, - мы должны попытаться узнать по знакам или по речи, не внушает ли им кто-нибудь.

Мерит кивнула: - Бэлнорны обычно так себя не ведут, это точно.

Флорин неожиданно усмехнулся: - О? Ты встречал многих?

Темнокожий красивый лунный эльф не улыбнулся в ответ: - Не спрашивай меня. Пожалуйста.

- Я бы многое отдала, чтобы узнать, почему мои заклинания превращаются в безобидное пламя, - пробормотала Джессайл, - но всевозможные существа, похоже, могут свободно перемещаться сюда - по крайней мере, одно существо способно пронзить лича, и по крайней мере одно может магически или ментально управлять бэлнорном. - Она перевела взгляд с Мерита на Флорина и обратно и добавила: - И избавьте меня от умных комментариев о том, что каждый смертный желает знать причины и следствия своей жизни, но только боги прокляты, чтобы понимать такие вещи.

Два других рыцаря послушно промолчали, обменявшись подмигиванием.

На это Джессайл закатила глаза и заметила: - Как я уже начала говорить, это всего лишь вопрос времени, когда один из этих внезапно прибывших сумеет убить или ранить кого-то из нас - и если мы все будем стоять настороже с оружием наготове, то в конце концов слишком устанем, чтобы защищаться, и...

- У тебя даже сейчас мрачное настроение, любовь моя, - сказал Мерит, поглаживая ее по щеке так, как, он знал, ей нравится. - Постой спокойно, пока мы с Флорином немного подумаем. Наш разум работает медленнее, чем твой, ми...

Неподалеку от них клубившийся туман окрасился в золотистый цвет, теплое мерцание превратилось в свет костра. Рыцари заглянули, словно через окно, в густо клубящийся туман, который на мгновение показался им похожим на падающие снега Сумеречной долины глубокой зимой, в освещенный камином кабинет. Там эльф с кожей, похожей на серебристый металл, в странном вздернутом табарде сидел на парящем в воздухе диване и сосредоточенно изучал переплетенный в драконью кожу фолиант.

Джессайл с интересом наклонила голову вперед, пытаясь разглядеть то, что было написано на этих страницах. Эльф, казалось, почувствовал, что за ним наблюдают, и поднял голову, чтобы взглянуть на нее - или мимо нее, не совсем ее видя, - розово-красными, острыми от гнева глазами.

Он взмахнул длиннопалой рукой, сплетая замысловатое заклинание, которого никто из рыцарей не узнал. Они поспешно разбежались, по давней привычке, только для того, чтобы увидеть, как то, что это было, вспыхивает золотым пламенем... и превращается в пульсирующее серебряное пламя, которое мгновенно угасает на расстоянии вытянутой руки от породившей его руки.

Эльф вскочил с места - гнев перешел в настоящую тревогу от того, во что превратилось его заклинание, - и отшвырнул книгу заклинаний. У заклинания выросли плавники или шипы, похожие на острые лезвия мечей, и оно полетело прочь, проносясь по крутой дуге, как ласточка, чтобы исчезнуть из виду за краями окна в тумане.

Эльф-маг выхватил посох, от которого исходило сильное потрескивание. С обоих концов посоха выросли лезвия, сверкающие лунными рунами. Он взмахнул им, беззвучно крича что-то приключенцам, которых он не мог видеть.

Окно снова закрылось, и рыцари остались смотреть на белый туман и друг на друга.

- Эй-ха, - пробормотала Джессайл. - Удивительно странно. Была ли эта сцена послана нам как некое послание, или мы просто стоим в месте, которое часто соприкасается со многими другими местами, и...

Она в недоумении пожала плечами.

- Твоя догадка, - сказал Флорин, - столь же велика, как и моя. Тот эльф-маг не был знаком никому из нас, верно?

Мерит и Джессайл покачали головами, и тут свет позади Мерита изменился. Он повернулся лицом к вспышке и предостерегающе вскинул руку.

Вдалеке клубящийся туман мерцал рубиново-красным и еще мгновение светился зеленым. В это мгновение из изумрудного разлома вышли две молчаливые фигуры в темных одеяниях. В следующее мгновение туман снова стал белым, но двое новоприбывших все еще были там, направляясь к рыцарям.

- Опять личи, - с отвращением подумал Мерит, увидев безносые лица, наполовину состоящие из увядшей плоти и наполовину из пожелтевших костей. Два высоких некогда человека возвышались над ним, и длинные исхудалые руки тянулись к нему.

Эльф отсек одну руку своим грохочущим длинным мечом, а кинжалом отбил когтистые пальцы другой. Когда второй лич наклонился, чтобы ударить его по лицу, гудящий клинок Флорина вонзился над плечом Мерита. Джессайл пригнулась и выскочила между ними, чтобы перерубить пальцы и отбросить их владельца в сторону.

- Они даже не пытаются творить заклинания, - пробормотала Джесса, поднимая кинжал и вглядываясь в туман вокруг в поисках других нападающих.

Два лича снова потянулись к Мериту с тем упорством, с которым рыцари обычно смотрели на шаркающих могильных зомби. Бледные глаза смотрели из их ладоней.

Джессайл вытащила из ножен длинный колюще-режущий кинжал на заднем шве одного из сапог и всадила его в один из этих глаз, пока Флорин запутывал пальцы руки лича в своем клинке.

Глаз другого выплюнул в нее что-то, превратившееся в мерцающее, недолговечное серебряное пламя.

Она одарила эти извивающиеся языки хрупкой улыбкой и сказала: - Ну, по крайней мере, не только я.

- Полезные сведения, - согласился Флорин, когда его клинок резанул в одну сторону, а клинок Мерита - в другую, и голова лича упала покотившись сквозь клубящийся туман.

Обезглавленная нежить нагнулась, чтобы подхватить потерянную голову, а Мерит вскочил в воздух и со всей силы ударил ногой по согнутым плечам, отбросив ее назад, к другому личу. Они упали в мягко трепещущий клубок, и они с Флорином набросились на них, рубя, как мясники в бешеной спешке. Лишь мимолетно взглянув на их злобность, Джессайл осталась между сгустившимися ветвями, которыми были Дав и Эльминстер, и бросила взгляд в туман.

Почти сразу же прямо за Флориным в тумане возникла еще одна ярко-красная вспышка. Джессайл предупреждающе вскрикнула, и рейнджер, крутанувшись, вонзил свой длинный меч в другого лича, как раз в тот момент, когда тот вышел из изумрудной прорехи в клубящемся тумане.

Он вцепился когтями в воздух, вскинул руку, в которой открывался глаз, и Флорин ударом сзади разрубил эту руку в прах. Осколки сухой плоти, пыль и растопыренные пальцы брызнули обратно в безмолвно оскалившееся лицо лича.

Оторвавшись от своей завершенной бойни, Мерит с вихрем бросился рубить лича Флорина, бормоча: - Никаких заклинаний, и ни слова не говорят! Это кажется... неумелым для Ларлока. Слишком неуклюже.

Флорин кивнул. Они расчленили своего молчаливого врага, перевернули его останки остриями мечей, тщетно выискивая интересующие их предметы, и поспешили обратно в Джессайл.

- Гораздо больше бестолковости, чем предполагает репутация Ларлока, - согласился Флорин, когда они снова повернулись спина к спине. - И зачем так предлагать себя нашей стали? Без их заклинаний мы можем уничтожить их достаточно легко. Зачем нападать на нас? Если их заставили, то тот, кто ими командует, должно быть, действительно тугодум!

Еще одна красная вспышка слева от Джессайл, еще одна справа - и еще два лица двинулись вперед. Более дальний из них снова скрылся из виду, но тут недалеко от Мерита появились еще двое.

- Ха, - хмыкнул эльф, - вот этого я и ожидал. Возможно, он просто проверял нас.

- Дорогой способ проверить врага, - прокомментировал Флорин, выныривая из скопления рыцарей, чтобы ударить по руке изумленного лица и плавно отвести ее назад, прежде чем тот успел отпрянуть.

Джессайл нахмурилась: - Возможно, в этом-то все и дело. Впечатлить нас до печенок, когда мы задыхаемся от того, сколько личей может позволить себе потерять пославший их враг.

- Это мысли менестрелей, - сказал Мерит, удерживая мечом оскалившегося лица и сильно пиная его в живот - если у него еще был живот, - чтобы отправить его, спотыкаясь, прочь. - Время насмешек и злорадства. Зачем производить впечатление на того, кого собираешься убить?

Из разломов вокруг рыцарей вышли еще личи - дюжина или больше - и к ним присоединился бэлнорн, высокий, исхудалый и недоумевающий. Он огляделся по сторонам, казалось, в гневе, и, спотыкаясь, нехотя направился к рыцарям. По мере приближения он гримасничал, бился в конвульсиях и дрожал, бормоча что-то невнятное и явно сопротивляясь.

- Воюет с самим собой, - пробормотала Джессайл.

- Сражается с Ларлоком или с тем, кто ему приказывает, ты имеешь в виду, - пробормотал Флорин. Он поднял свой гудящий новый клинок и сделал шаг в сторону, чтобы они с Меритом, который остался на месте, могли обойти стражника с фланга.

Бэлнорн остановился и печально посмотрел на них, прекрасно понимая, какая опасность ему уготовлена. Затем, вздохнув, он протянул руку через плечо и из невидимого кобуры неохотно извлек какой-то длинный, очень тонкий меч с черным лезвием, который легко согнулся и заскулил, но не зажужжал. Руны вспыхивали вверх и вниз по соболиной длине этого странного меча, пока хранитель размахивал гибкой сталью вокруг себя на уровне плеч, словно готовясь к схватке.

Когда он шагнул вперед, продолжая вращать клинком, четыре лица обошли его с флангов, держа в руках длинные ножи.

Флорин высоко поднял меч, чтобы парировать удар черного клинка, и пригнулся всем телом, перекатившись вперед, даже когда на него посыпались искры. Его рука онемела, а меч в знак протеста взвизгнул над головой.

Мгновение спустя он уже врезался в голени бэлнорна, и тот опрокинулся навзничь, черный клинок дико хлестнул по ближайшему личу. Флорин повалил его на землю и, извернувшись, занес то, что осталось от его собственного меча, чтобы ударить ближайшего лица, стоявшего на другом фланге бэлнорна.

На мгновение он увидел, как из одной из его ладоней сверкнул злобный глаз. Затем он подпрыгнул на двух борющихся телах, и скрученный обрубок его меча уже не мог достать до лица, на которого он замахнулся, - он наклонился вперед.

Джессайл бросилась в воздух, как от удара мечом, ногами вперед. Лич сложился вокруг нее с изумленным хрустом и упал, оставив лича за ними обоими смотреть вниз в недоумении, если бы на его черепе осталось достаточно плоти для выражения каких-либо эмоций.

Джессайл вскочила на ноги из извивающихся конечностей убитого ею лича, перерезала горло уставившейся на нее нежити со скоростью и жестокостью, достаточной для того, чтобы ее череп неустойчиво покачивался на плечах, и прошипела: - Потанцуем? Если ты ищешь моей смерти, не хочешь попробовать еще раз?

Оно оскалилось и подняло руки, пальцы удлиннились, как когти, и она отсекала каждый из них, гадая, как скоро ее клинок затупится - или один из них вынырнет из тумана и послужит ей так же.

Позади нее Мерит заканчивал расчленять лича, которого она завалила первым, и пробормотал: - Милая моя леди, как ты думаешь, пламя, в которое превращаются твои заклинания, сожжет плоть лича?

Флорин рубил плечи, бедра и шеи личей, не обращая внимания на бэлнорна. Он видел, что Мерит делает то же самое слева от него, и... последний оставшийся в живых лич исчез. Бэлнорн погрузился в небытие с черным клинком, извивающимся, как змея с длинным хвостом, а в белом тумане возникло еще одно боговзрывное возмущение. Разлом темного, бушующего красного цвета, пронизанный мерцающим зеленым сиянием, хлынул на весь Фаэрун, словно светящийся зеленый водопад.

Вслед за ним появился ярко-зеленый залив, из которого выплыла еще одна пара личей. Они шли целенаправленно, угрожающе, подняв руки, чтобы поднять мерцающие глаза, которые смотрели из ладоней по мере их приближения.

Как только Флорин встретился взглядом с одним из этих глаз-ладоней, он почувствовал, как внезапно глубокий ледяной холод пронзил его, словно лезвие меча.

Он пошатнулся и почувствовал, что содрогается - неконтролируемая дрожь, которая охватывала его все медленнее и медленнее, спазмы превратились в медленное затекание, конечности отяжелели, он...

Они шли к нему, темные и страшные, а рядом с ним всхлипывала Джессайл, борясь с тем же холодом.

Флорин слышал проклятия Мерита, находившегося неподалеку, с той стороны, куда была повернута его голова. Он не мог надеяться повернуть голову, чтобы увидеть, прежде чем личи доберутся до него, их руки были подняты, как когти, чтобы рвать и метать.

Сестра?

Голос разума ворвался в сознание Шторм Серебряной Руки с такой дикой силой, что она задохнулась и чуть не пролила травяной отвар, в который окунала кончики пальцев, чтобы осторожно влить его в рот больного ребенка.

Мать маленького мальчика в тревоге отпрянула назад, отталкивая больного сына. Вся Сумеречная долина знала, что когда Бард делала что-то внезапное или неожиданное, магия вырывалась из нее с ревом, и люди умирали.

- Да? - ответила Шторм, произнося слова вслух, чтобы успокоить хозяйку фермы. - Что беспокоит Королеву Агларонда этой прекрасной ночью?

Этена Асторма, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО! Где мой Эльминстер, и почему я не могу связаться с ним или почувствовать его присутствие?

Шторм глубоко вздохнула, жестом велел хозяйке фермы взять больного младенца на руки, и задумалась: Алассра в Алтуриаке, Эль вел Дав и троих рыцарей...

Симбул была так напугана и взбешена, что нарушила все правила вежливости и послала свой разум по каналу связи между ними, врываясь в сознание Шторм в ее нетерпении увидеть все, что знала бард из Сумеречной долины.

Воспоминания и картины в голове вспыхивали и обрывались, захлестывая и хозяйку фермы, и ребенка. Шторм едва услышала их испуганные крики в бурлящей суматохе, которая внезапно закончилась. Она осталась дрожать и обливаться потом в залитой светом комнате, снова одна в своей голове, и все контакты с Симбул исчезли.

Хозяйка фермы в ужасе смотрела на нее, слишком напуганная, чтобы сделать что-то еще, кроме тихого мяуканья. Ее ребенок, однако, моргнул и произнес первые в своей жизни связные слова яростным, женственным тоном королевы-ведьмы Агларонда:

- И когда я найду их...!

Две женщины уставились на него, но его лицо снова было полно удивления, когда он посмотрел на них в ответ, и следующим его словом было: - Глааааа?

В поле зрения Флорина мелькнула сталь: Кинжалы Мерита, плавно вращаясь из стороны в сторону, устремились к глазам, сверкающим из ладоней личей - напрасные удары, обреченные промахнуться по этим быстро движущимся целям.

Личи вытянули вперед руки, чтобы глаза смотрели на Флорина и Джессайл, и повернулись, уходя от кинжалов Мерита.

Мимо плеча Флорина промелькнуло что-то еще - два нечто, певучих и мерцающих, тонких и серебристо-белых. Яркие лучи силы вырвались

наружу, чтобы ударить по кувыркающимся кинжалам в крутящейся, вихревой клетке серебристо-белых колющих ударов, и повернуть их - да, повернуть их - направив к личам.

Флорин потерял равновесие, охваченный дрожью, которая держала его тело в плену. Джессайл тоже упала, опрокинувшись на него.

Она упала на его руку, спокойно подумал военачальник рыцарей, пока спазмы беспомощно крутили его повернутую набок голову, чтобы осмотреть место, где они все стояли до прихода бэлнорна.

Когда он плавно спустился в сплошную белизну, где должен был лежать бэлнорн - но, казалось, совсем исчез - Флорин увидел, что из утолщений в двух нитях, обозначающих место, где Эльминстер и Дав слились с белизной, пробиваются те самые поющие линии силы.

Ему не нужно было видеть, как эти лучи нацеливают кинжалы, превращая их полет в дуги, которые вонзаются в оскаленные глаза в ладонях личей, он знал, что они это сделали. Холод, сковавший его, прошел, он снова мог двигаться, и тут к нему подскочила Джессайл, разразившись испуганными проклятиями.

Флорин подхватил ее на руки и рывком поднял на ноги, наблюдая, как его старшая подруга качается, пытаясь обрести равновесие в вихре огненных волос. С трудом поднявшись на ноги, он успел заметить, что личи гримасничают, их ладони пронзают кинжалы Мерита - кинжалы, пылающие, как маленькие факелы, сгорают, оставляя после себя лишь клубы дыма. За ними туман мерцал красным и зеленым в дюжине мест или даже больше, а личи вышагивали десятками - ходячая стена безмолвной смерти.

Джессайл покачала головой: - Милая Мистра, - пробормотала она, - если бы они могли творить свои заклинания...

Ее муж усмехнулся, пожал плечами и почти весело ответил: - Если бы магия служила нам здесь, я бы смог сохранить нам жизнь - я думаю. А так...

Мерит снова пожал плечами и взял в одну руку свой гудящий меч, а в другую - длинный нож, который он так редко доставал. Поймав взгляд Флорина, он пробормотал: - Хотел воспользоваться им в последний раз, если мы собираемся...

И грозные ряды личей были сметены в сторону, словно гигантской рукой, а белый туман превратился в сине-белый огонь.

Из сердца этих сине-белых разрывов вышли вертикальные воины из металла, неподвижно преследующие существ, которые двигались рывками и поворотными движениями, со сверкающими боевыми оружием и звенящими, вихрящимися клинками. У них не было лиц, но они двигались так, словно могли видеть. Среди них не было двух одинаковых. У одних руки оканчивались огромными топорами, у других головы были похожи на гигантские чайники, носики которых торчали прямо, а не под углом вверх. Шестеренки и зубчатые колеса жужжали и лязгали в их блестящих шкурах.

Все три рыцаря уставились в недоумении, и чуть устало подняли оружие, готовясь умереть от острой, режущей стали, а не от леденящих когтей лича.

- Порадуй меня, - горько прошептала Джессайл. - Покажи мне новые и захватывающие виды, уведи меня далеко от скучного и привычного - и там убей меня!

- Спокойно, любимая, - прошептал Мерит рядом с ней. - Мы будем вместе.

Автоматические часовые механизмы с жужжанием и лязгом подбегали к рыцарям и сворачивали в сторону, чтобы колоть и преследовать личей.

Темные мантии и плащи завихрились, когда конечности нежити в тревоге отпрянули назад, длинные руки превратились в когти, и...

Котелок изверг огонь, от которого лич вспыхнул, как факел, и не успел Мерит начать хихикать, как полдюжины исхудавших неживых рухнули под вспышками десятка лезвий часовых механизмов.

Трое искателей приключений смотрели, раскрыв рты, и поняли, что сине-белый огонь угасает, открывая в его темнеющих остатках прекрасную эльфийку, которую они видели раньше и которая стояла, улыбаясь им. Ее сапфирово-синие волосы плавно переливались в воздухе вокруг нее, как будто жили собственной беспокойной, любопытной жизнью.

- Мы снова встретились, рыцари. Доблестно сражайтесь - слишком доблестно, чтобы пасть, если бы этот или любой другой мир знал справедливость. Сражайтесь! - Маленькая загорелая рука помахала им - и снова исчезла, вместе с последним сине-белым огнем.

В нескольких местах тумана вспыхнули багровые и ярко-зеленые вспышки, перекатываясь по белизне, словно разгневанные или подстрекаемые сине-белым разрывом. Бэлнорны мелькали тут, там и повсюду, чтобы в недоумении уставиться на рыцарей, затем - один за другим - поворачивали головы и устремляли на них увядшие синие руки.

Они указывали не на рыцарей, а на самый большой красно-зеленый разлом, который вертикально раскалывал туман, словно гигантский моллюск, неохотно раздвигающий свою раковину. Высокое, жуткое пение, которое, как знали рыцари, было песней из мифов, пронеслось по этим каналам, звеня в воздухе почти видимым эхом, встречаясь и раскачиваясь по краям расширяющегося разлома.

- Ах, да, - прошептал Мерит. - Это традиционное время для того, чтобы объявить, что у меня плохое предчувствие по этому поводу, не так ли?

Флорин усмехнулся: - Так и есть.

Джессайл закатила глаза.

С лязгом и блеском марширующие автоматы в унисон повернулись от последних дымящихся остатков личей лицом к расширяющемуся разлому и начали идти к нему.

- Насколько я помню, - заметила Джессайл с укором в нежном голосе, - я как раз собиралась попросить Шторм принести еще чаю, когда Старая Странная Борода появился из воздуха и вызвал нас на эту небольшую прогулку. Кто-нибудь напомните мне, почему я вообще согласилась пойти с вами на эти...

Одинокая фигура вышла из зеленых бликов разлома. Высокая, темная и страшная, она неподвижно стояла в самом центре нарастающего трепета мифической силы, которая, казалось, окутывала ее позолоченными, полувидимыми, извивающимися кривыми и фантастическими изгибами силы, которые постоянно формировались и переформировывались вокруг нее.

Внутри этого сплетения мифической магии лич стал заметно темнее и выше, глядя на рыцарей с молчаливой угрозой. Он был более крепким и мускулистым, чем все, кого они до сих пор видели, и больше походил на могучего архимага в черном плаще с болезненной бледностью, чем на нежить.

- Не дай бог, - пробормотала Джессайл, - это Ларлок?

- Нет, - сказал Мерит. - Или, по крайней мере, если это он, то выглядит он совсем иначе, чем когда я его видела.

Оба других рыцаря резко посмотрели на эльфа.

- Когда все закончится, друг Мерит, - сказал Флорин, - если боги дадут нам обоим возможность говорить вместе, я захочу услышать ответы из твоих уст, поверь мне.

Ухмылка Мерита была такой же яркой, как и всегда.

- Я чувствую себя лишенным страха.

Лишившись личей, которых можно было бить и палить, автоматы с часовым механизмом с лязгом устремились к личу, проходя перед рыцарями, чтобы сойтись на одинокой фигуре, которая была на голову выше самого большого из этих лязгающих существ.

- Остановите бэлнорна, - приказал Мерит. - Что бы они ни делали, они питают силой вашего Скверного Сэра Черноплаща, и очень скоро он собирается...

Серебряный огонь вырвался наружу в конусе рваного и кричащего тумана. Мрачная улыбка удовлетворения Джессайл сменилась тихим проклятием, когда пламя угасло, а заклинание лича возымело действие - автоматон разлетелся на металлические осколки.

- Его заклинания работают, взорви его! - прорычала она. - Слезы Матери Мистры!

Рыцари поспешно бросились вниз, когда еще два часовых механизма взорвались с грохотом.

Смертоносный металл с жужжанием разлетелся во все стороны. Джессайл увидела, как в тумане подпрыгнула шестеренка и беззвучно скрылась из виду, словно в трясине.

Следующее заклинание вообще не содержало серебряного пламени и рассеяло туман: четыре сферы с разящими струями вонзились в сердце

марширующих автоматов и разорвались с сокрушительным ревом и вспышкой ослепительного, обжигающе-горячего пламени.

- Что ж, - сказал Флорин, - по крайней мере, мы уже лежим и можем спокойно умереть.

Второй метеоритный рой ударил по ушам, и туман осыпал их шрапнелью и кручеными зубчатыми дугами шестеренок и зубчатых колес, которые больше не могли вращаться.

Мерит всматривался в дымный, клубящийся туман и бормотал: - Вот и с часами разобрались...

Из тумана вылетело еще четыре шара, рассыпая искры, прямо на рыцарей.

- Прощайте, друзья, - сказал Флорин, - мы славно провели время вместе...

Прямо над их головами сферы замерцали, как они всегда делали за мгновение до взрыва, и застыли, тщетно вращаясь в захвате четырех вибрирующих серебряных сфер, возникших из ниоткуда.

У сфер были свои искровые тропы, ведущие к утолщенным нитям, которые были или стали Эльминстером и Дав.

Гудящие нити померкли, сферы сжались, как кулаки, а четыре метеора лича подмигнули один раз и исчезли, словно их и не было.

Из двух нитей вырвались новые линии гудящей силы, превратившись в огромную паутину и устремившись к рыцарям. Под их сиянием внезапно вспыхнула багровая вспышка, и лич встал рядом с нитями, злобно наклонившись к ним.

- Кто-нибудь скажет мне, что происходит? - прорычала Джессайл, снова поднимаясь на ноги.

Лич повернул голову и уставился на нее, из его пальцев вырвалось еще одно заклинание, и серебряные нити вспыхнули ослепительно-ярким светом, блокируя ускоряющуюся магию.

Из-за этой внезапно возникшей стены последовала еще большая вспышка и рев. Белые нити выгнулись наружу и затрещали. Темная фигура лича отшатнулась назад, врезавшись в ветвь, которая была Дав.

Из ветви выросли руки - руки Дав, - которые обхватили лича сзади, яростно обнимая его. Из белизны проступило ее лицо, искаженное болью, глаза закрыты, а на шее, как изогнутые лезвия, выделяются шнуры, которыми она цеплялась за сопротивляющегося лича.

Рыцари поднялись на ноги и бросились в сторону схватки. Лич уменьшался в руках Дав, таял и содрогался, даже когда тщетно пытался повернуться и схватить ее когтями. Его пальцы удлинились и превратились в жестокие изогнутые когти, каждый из которых был длиннее предплечья Джессайл.

Дав крепко обхватила лича, пока тот опускался и прогибался, разваливаясь. Пепел падал с него потоками, когда она скользила по ветке, крепко сжимая руки и подтягивая колени, обвиваясь вокруг нежити, когда та совсем рассыпалась, оставив ее содрогающейся и задыхающейся.

- Дав! - воскликнул Флорин, подбегая к ней. - Любовь, я...

Она покачала головой, борясь с желанием говорить, и смогла только прошептать: - Я позову..., - после чего сильные содрогания захлестнули ее. Отмахнувшись от него, она снова погрузилась в ветвь, и та снова превратилась в гладкую белизну под кончиками пальцев Флорина.

Его яростно выкрикиваемые проклятия были перебиты Меритом.

- Она вернулась, - огрызнулся эльф, указывая на него.

Он имел в виду, что крошечная, красивая, синеволосая эльфийка вернулась и вышла из разлома, подняв одну руку, чтобы указать на бэлнорна.

Он исчез. Она указала снова, и следующий исчез. И следующий.

Она изгнала более дюжины бэлнорнов, а вместе с ними и их поющую мифальную силу, прежде чем туман разразился десятками багрово-зеленых пастей. После этого она исчезла в одно мгновение, еще до того, как сквозь новые разломы пробились личи с горящими глазами на раскрытых ладонях и торопливо огляделись во всех направлениях.

Они не обращали внимания на рыцарей, словно трое людей были простым туманом, и смотрели на немногих оставшихся бэлнорнов. Затем личи выкрикивали различные проклятия, обменивались мрачными взглядами друг с другом и начинали произносить заклинания - вернее, одно и то же заклинание.

Это была незнакомая, но настороженно наблюдавшим за ними рыцарям магия, которая заставила клубы тумана разлететься от личей во все стороны, обнажив бесконечную паутину белых нитей и сверкающую паутину серебряных нитей вокруг и над рыцарями.

Несколько личей смотрели на эту паутину узкими, недружелюбными глазами и стояли на страже, наблюдая за ней прямо оттуда, где они находились в далеком тумане. Другие творили заклинания, посылая поисковые лучи, которые покачивались среди нитей, словно взволнованные гадалки, отыскивая каждую нить.

- Так мало, - прорычал один лич в недоумении. - Что случилось с ними со всеми? - Он махнул рукой в сторону трех рыцарей. - Эти черви могли убить не больше кучки.

Даже Мерит, чей слух был гораздо острее, чем у двух его спутников-людей, не смог расслышать, что ответил стоявший ближе всех лич на этот гневный возглас.

Не смог он расслышать и то, что громкоголосый лич сказал дальше, потому что между его ушами раздался тихий, мелодичный шепот. Это был голос эльфийки, приветствовавшей их здесь, той самой, которая, как он был почти уверен, была...

Рыцари Миф Драннора, - донесся до них теплый шепот, и Мерит понял, что они все трое слышат голос; он чувствовал, как разум Флорина, словно яркий острый меч, и его возлюбленной Джесс, словно ее теплые объятия, движутся против его собственных мыслей. Мне нужно, чтобы вы

ударили по этим созданиям Ларлока. Пожалуйста. Без своих заклинаний они всего лишь шагающая нежить.

- Ларлок? Мы не можем победить Ларлока! - В голосе Джессайл послышался всхлип ужаса. - И против стольких личей!

- О, но вы сможете, - послышался уверенный шепот, - с моей помощью и с тем, что пошлет вам Эльминстер.

- А Ларлок? Что ты сделаешь, чтобы защитить нас, когда он появится?

Он не станет. Он ведет долгую игру, и для него это лишь одна хитрость из тысячи тысяч. Он слишком холодно расчетлив, чтобы когда-нибудь прийти к мысли, что стоит рисковать собственным существованием. Задолго до того, как его постигнет эта участь, он посчитает цену в потерянных личах слишком высокой.

- И снова, - прорычала Джессайл, - я хотела бы знать, что, во имя всех богов, происходит?

В их головах воцарилась тишина; голос разума исчез.

- Пойте, менестрели, о моем абсолютном не удивлении, - огрызнулась Джессайл. - Я думала, что занялась приключениями, чтобы избежать того, чтобы меня по жизни вели под чужими предводительствами, но тогда быть авантюристом - значит быть дураком.

Флорин произнес последнюю фразу вместе с ней, ухмыляясь. Она окинула его черным взглядом и злобно сказала: - Не хочешь присоединиться ко мне, чтобы взорвать пару личей?

- Твои заклинания не сработают, помнишь?

- Тогда мне придется просто разорвать их на куски голыми руками, не так ли? - прорычала она, направляясь к ближайшему личу. На ходу она сунула руку в сапог, чтобы вытащить свой самый большой кинжал.

Мерит и Флорин обменялись взглядами и посмотрели, как серебристые нити устремились за целеустремленным магом, известным многим за ее спиной как "Матрона Рыцарей". Они вздохнули и рысью двинулись за ней, на ходу поднимая свои звенящие клинки.

Личи игнорировали их. Нежить Ларлока собиралась небольшими группами, образуя круги вокруг каждого бэлнорна и творя странные, сложные заклинания. Металлическая сила снова потекла золотым потоком.

Джессайл не обращала на нее внимания, так же как личи игнорировали трех рыцарей. Когда она настигла выбранную ею жертву и нанесла ей жестокий удар, личи, шедшие чуть впереди - направляясь к ближайшему скоплению бэлнорнов, - продолжали идти, даже после того как трое рыцарей разрубили лича на части и смотрели, как его конечности исчезают в белизне вокруг их лодыжек.

Джессайл покачала головой и направилась к следующему личу.

Мерит и Флорин закатили глаза и рысью побежали за ней.

В центре каждого круга поднималось свечение заклинаний: призрачные кольца изумрудного света образовывались и вращались под разными углами вокруг неподвижного бэлнорна. К этим кольцам

присоединялась золотая мифриловая сила, а длинные руки лича с паучьими пальцами творили замысловатые заклинания, заставляя зеленые и золотые кольца подниматься вокруг их голов. Подниматься, и вращаться, и сиять...

- Что они сейчас замышляют? - вслух поинтересовалась Джессайл.

Рыская у ее плеча, Мерит усмехнулся и пожал плечами: - Ты у нас заклинательница, милая.

Ответ Джессайл не заставил себя ждать. Она была еще в дюжине торопливых шагов от лича, к которому бежала, и едва ли в половину меньше, чем в кольцо нежити вокруг бэлнорна, когда в изумрудных кольцах над кругом личей вспыхнуло знакомое багровое сияние, переходящее в ярко-зеленое.

И в этом сиянии был еще один бэлнорн, удивленно моргающий, когда он влетел в круг. Сила Мифала дергала его за поднятые руки, пока из пальцев не потекли золотые завитки, и он не потерял тревожный вид.

Мерит нахмурился: - Они притащили сюда еще больше бэлнорнов!

- Скоро во всем Фаэруне не останется ни одного мифала без охраны, - прокомментировал Флорин, наблюдая, как над кругами открываются другие разломы.

Джессайл замедлила шаг, когда ее добыча вошла в круг: - Должна ли я ударить по Йону? - спросила она. - Или я просто обреку нас на гибель без веской причины?

Я бы сказал, обрекаете себя.

Голос в их головах вернулся.

Волшебница из Рыцарей вздохнула: - Ты собираешься сказать нам, кто ты? И что мы здесь делаем? И что они замышляют? - Джессайл негромко пробормотала, но ее жест, направленный на спины ближайших личей, был настолько яростным, что казался криком.

Конечно. Как только я произнесу определенное заклинание. Создания Ларлока услужливо подготовили для меня идеальные условия.

Рыцари огляделись вокруг, но не увидели ни вихря сапфирово-синих волос, ни крошечного загорелого эльфа, который должен был быть под ними.

- Давайте вернемся к Эльминстеру и миледи, - предложил Флорин. - Я думаю, что стоять рядом с личами, возможно, не самая мудрая стратегия в данный момент.

В молчаливом унисоне три рыцаря повернулись и поспешили назад, часто оглядываясь через плечо.

Они были уже на полпути к ветвям, из которых свивалась серебряная паутина, когда началось это.

Слабая пульсация в крови, тревожный всплеск и толчок. Рыцари могли бы счесть это несварением желудка, если бы каждая белая прядь в поле зрения не изгибалась в такт медленному, неумолимому ритму.

- Мне все еще не сказали, что происходит, - прошептала Джессайл, но в ее голосе было больше веселья, чем недовольства.

Затем что-то пронеслось сквозь туман и пряди, прорвалось над ними и покатилося дальше. Что-то огромное, тяжелое и почти беззвучное, что в бархатной тишине подхватывало и отбрасывало личей, а мифрилово-золотые и изумрудные кольца превращались в огромные сферы из белых нитей, охватывая всех и каждого бэлнорна. Сферы мягко падали с высоты, подпрыгивая и мягко перекатываясь среди нитей, и останавливались то тут, то там.

Из белой туманной пустоты над головой не так мягко упало нечто, похожее на тряпичную куклу, и разбилось бы о Флорина, если бы он не отбросил свой клинок, не отступил назад и не подставил руки, чтобы поймать ее.

От силы ее падения он упал на колени и перевернулся на плечи. Сапфирово-синие волосы ослепили его, а мягкие конечности захлестнули его грудь, когда их обладательница задыхалась, стонала, уворачивалась от настороженного кинжала Джессайл и выхватывала меч Флорина.

Опустившись на колени, эльф с усмешкой посмотрел на леди-мага: - Не волнуйся, я не собираюсь использовать эту сталь против тебя или кого-либо еще. Потерять свой клинок - плохая награда за мое спасение. - Она повернула голову и посмотрела на Флорина: - Моя благодарность, парень.

Рейнджер опустился на колени, едва держась на ногах. Эльф был не тяжелее ребенка. Он вежливо улыбнулся ей, и она взяла его меч за лезвие и протянула ему.

Когда она это сделала, Мерит опустился перед ней на колени со всей пышностью, как перед короной или великой дамой.

Она улыбнулась ему: - С меня хватит таких вещей, юный галант. Очень надеюсь. Но я не собираюсь полностью отказываться от любезностей. Хорошо встретились на странной поляне, кровь Мейринты. Вижу, кровь в тебе бурлит.

Мерит залился румянцем, но сапфирововолосая эльфийка повернула голову к двум другим рыцарям, продолжая: - Примите мою благодарность, все вы. - Затем она полностью повернулась к Джессайл, золотые глаза мерцали. - И мои объяснения.

Вблизи ее красота была еще более захватывающей. Идеальная кожа, загорелая, почти золотистого оттенка, длинные руки и длинные ноги для такой крохи... даже Джессайл невольно восхитилась.

Изящная рука махнула в знак отказа.

- Я видела гораздо более красивых; нет нужды пялиться на эти старые кости.

- Ах, леди... - начал Флорин, не в силах оторвать взгляд от великолепных сапфирово-синих волос.

Она вздохнула, и Флорин обнаружил, что перед ним женская версия Мерита: великолепные волосы стали черными, а кожа - нежно-белой.

- Вот. Тебе так спокойнее?

- Только если бы я мог знать, что вижу твою истинную форму, Леди, - сказал Флорин. - Мы сражались со многими прекрасными на вид врагами, которые были чешуйчатыми змеями или еще хуже - под красотой, которой они нас заманивали.

Она пожала плечами и снова стала загорелой и синеволосой: - К этому я привыкла. По правде говоря, я не могу вспомнить, насколько она далека от того, как я выглядела до того, как освоила свои первые заклинания.

Она подтянула под себя ноги и села, положив руки на туманную белизну, служившую в Тшаддарне "землей".

- Прости меня, - пробормотала она. - Я все еще измотана после этих мифологических перипетий. - Она махнула рукой в сторону ближайших нитей-сфер.

- Ты - Шринши, - сказал Мерит.

Она повернулась, чтобы посмотреть на него, потеряла улыбку и кивнула: - Да.

Он с опаской посмотрел на нее и пробормотал: - Простите меня, леди, но вы из моего рода... среди эльфов, то есть, или...?

Стройное плечо приподнялось в пожатии: - Лунный эльф, солнечный эльф, - пробормотала Шринши. - Я так далеко ушла от этого.

Она сидела неподвижно и молча, ее кожа стала тускло-голубой, волосы - серебристо-белыми, а глаза превратились в бездонные зеленые лужи. Затем они стали голубыми вместе с волосами, кожа стала бронзовой, волосы снова приобрели медный оттенок и засияли золотом.

Флорин издал беззвучный журчащий звук в глубине горла, пораженный красотой одной из ее комбинаций, но Шринши продолжала меняться. Ее кожа стала темно-коричневой, волосы стали такими же, кожа приобрела медный оттенок с зеленым, глаза стали ореховыми, сиреневыми и обсидианово-черными, и Мерит с шипением вдохнул воздух.

Шринши посмотрела на него кроваво-красными глазами, приподняла губы в невеселой улыбке, которая была скорее насмешкой, чем чем-то еще, и снова стала загорелой кожей, золотыми глазами, сапфирово-синими волосами и милой улыбкой.

- Хватит игр, - сказала она. - Я буду рада непринужденно поболтать с вами позже - если мы сможем выкроить время для всех нас, - но пока вы мне еще нужны, доблестные рыцари. Чем скорее мы одержим победу, тем лучше, ибо знайте: Время здесь идет гораздо медленнее, чем в Фаэруне. Там, в королевствах, дни проносятся мимо, подобно рассеивающимся грозovým тучам.

Три пары бровей поднялись в молчании, и ее улыбка расширилась: - Позже.

- Леди, - сказала Джессайл, - я готова подождать с рассказами, но, пожалуйста, почему именно мы, и что мы должны делать дальше?

- Вы, потому что Эльминстер решил, что вас лучше всего взять с собой. Мы здесь, чтобы сорвать последний план Ларлока. Ему пришла в голову

идея подчинить себе бэлнорнов, чтобы они действовали от его имени. В конце концов они станут его рабами, и он сможет использовать магическую энергию их мифалов.

Флорин моргнул и развел руками туман вокруг: - Это его... личный двор для игр?

- Нет. Мне удалось заманить бэлнорна в Тшаддарну, чтобы привести сюда и личей Ларлока. Ларлок останется в другом месте, работая только через своих личей-слуг. Таков его путь.

Джессайл нахмурилась: - Что это за место?

- Тшаддарна - есть и другие - это внепространственные сферы, созданные заклинаниями, давным-давно.

Джессайл сделала круговое движение рукой, что вызвало у Мерита гримасу, а у Шринши - ухмылку.

- Заклинания творили некоторые Имаскари, Нетерезы и даже Кровь Малауга, прежде чем они ушли в свое Место Теней, которое гораздо больше и лучше им подходит.

Шринши махнула рукой на белые туманы и пряди.

- Как я уже сказала, это места, куда теперь может добраться только Плетение. Их "концы Фаэруна", если хотите, были уничтожены, но - что очевидно - сами места не были сметены вместе с ними.

Флорин посмотрел на нее довольно мрачно.

- И сколько же армий скрывается в этих потаенных местах? Если уж на то пошло, сколько там тшаддарнов?

- Нет вооруженных хозяев - в шаддарне нечего есть, кроме друг друга, и нечего пить, кроме собственной крови и выделений. Более того: собери войско в одно, и месяцы пройдут в этом кратком сборе - куда делся твой враг за все это время, и что он сделал? Сколько их, никто не знает. Я знаю по крайней мере о десяти-и-четырех. Они запутались в Плетении, как мухи в паутине. Найти их и добраться до них практически невозможно, если только не уметь перемещаться по Плетению.

- Ты можешь, - сказала Джессайл, пригнув голову, чтобы это не прозвучало как обвинение.

Шринши кивнула: - Некоторые могут. Ларлок - один из них. Он использует их для хранения магии и сокровищ. Я могу отвести тебя в шаддарн, который по пояс завален золотыми монетами, насколько хватает глаз.

- Не говорите об этом Торму, - попросил Мерит своих товарищей-рыцарей, - что бы вы ни делали.

- Еще один - Маншун из Зентарима. Он оставил отголоски себя в разных Тшаддарнах, большинство из них в стазисе.

Флорин изогнул бровь, его меч поднялся.

- Стоит ли нам ожидать встречи с ним здесь?

Шринши улыбнулась, как бабушка, бережно хранящая секрет, но ответила просто: - Нет.

Флорин уловил ее минутное колебание: - Просто "нет"?

Улыбка Шринши стала язвительной.

- Один из ранних Маншунов, все еще активный и могущественный в Королевствах, отступает в определенный шаддарн, как змея ищет свою нору, когда опасность подбирается к нему слишком близко в Фаэруне. В другой шаддарн, не в этот.

Джессайл кивнула: - Ты ведь тоже прячешься в Тшаддарне, не так ли?

Улыбка Сринши не изменилась.

- Конечно.

- Почему?

- Чтобы позволить эльфийскому роду снова расти, отвернувшись от упадка и смерти разума, связанного с избеганием других существ - избеганием, которое могло перерасти только во взаимную ненависть и истребление. Пока я и некоторые другие старейшины были здесь, с самой могущественной магией Народа в руках, эльфы повсюду могли верить в свое превосходство и превозносить себя над другими. Даже те, кто жил с людьми, могли внутренне верить, что они мудрее, лучше... чище. И ни одна раса не находит снисходительность других приятной - или свою собственную снисходительность здоровой.

- Миликки помилуй, терпение, которое ты должна иметь, - прошептал Флорин.

Улыбка Шринши стала немного кривой: - Я не образец, каким вы меня считаете, Лорд Соколинорукий. В некотором смысле я то, что некоторые люди любят называть "ведьмой" или "стервой". Мстительная и по-детски жестокая. Я считаю себя выше некоторых людей, видите ли.

- И так оно и есть, - ответил Флорин. - На Фаэруне нет недостатка в злодеях - от преступников до падших Зентаримов.

- Злодеев? Действительно. Я развлекаюсь - не могу назвать свои действия более благородными - тем, что прореживаю ряды некоторых из них, наиболее амбициозных и магически одаренных.

Глаза Джессайл сузились: - О? Как именно?

Шринши вздернула брови и оскалилась в дикой пародии на маньяка-злодея, пока Джессайл не удержалась от ухмылки, а оба рыцаря-мужчины захихикали.

- Попытки магически достичь Тшаддарны могут лишить ищущего мудрости - то есть некоторых заклинаний, способностей и воспоминаний, - если я заманю пытливого в шаддарн, где содержатся аллипы, чудовища хаоса, девауреры, нишруу или другие существа, которые крадут воспоминания или вызывают безумие. Когда я нахожу красного мага или мага Зентарима, я... поддаюсь искушению очистить вашу расу, хотя бы немного.

- И тем самым подтверждаешь, что ты не лучше... - прошептал Мерит, лицо его исказилось.

- Именно, Лорд Соколинорукий. Именно. - Рокот Шринши на мгновение стал ледяным, и она добавила: - Так что если меня убьет такой враг, это будет не лучше, чем то, чего я заслуживаю. Но я не стану искать

смерти по неосторожности, не стану лишать себя жизни собственными руками, ибо от стольких врагов должен защищаться весь Фаэрун. Я нужна.

- Пока существуют Ларлоки, - заметил Флорин.

- Пока существуют Ларлоки, - вторила ему Шринши и широко улыбнулась. - Ах, как мне этого не хватало. С тех пор как я жила с Эльминстером в Миф Дранноре, я не испытывала так умы и языки. Мечи скрещены с уважением.

- Я... Леди, мы так не подходим для этого, так недостойны, - начал Мерит, подыскивая слова, и застыл, когда ее рука коснулась его запястья. Ее пальцы были теплыми и живыми от магии, но в то же время какими-то ледяными.

- Искусство здесь ненадежно, - сказала она рыцарям, - особенно для нежити. Магия, поддерживающая их, начинает давать сбои. Поэтому вы, о столь недостойные рыцари, можете стать эффективными противниками для личей и, если понадобится, для бэлнорнов.

Шринши наклонилась вперед, и внезапные искры закружились вокруг них, затмевая собой все окружающие белые туманы и пряди.

- Мое намерение, - добавила она, и ее щиты завибрировали вокруг них, - не только победить личей, но и обмануть Ларлока относительно того, как они были побеждены.

- И что?

- Так, Леди Соколинорукая, он поверит, что его план с бэлнорном никогда не сработает, и не будет продолжать попытки. Нам всем нужны эти мифалы, чтобы продержаться долгие-долгие годы.

- А если Ларлок воспримет тебя как преграду на пути своих замыслов и придет сюда, чтобы уничтожить тебя? - спросил Флорин.

Шринши улыбнулась: - Я угасала, лорд, была на пути к тому, чтобы стать лишь манящим призраком и полузабытым именем, когда умерла Мистра. Большая часть ее сущности пришла сюда, вошла в меня в моем одиночестве, восстановила меня, и более того, сделала меня мудрее, чем я когда-либо была. У меня всегда была гордость, но она дала мне силу.

Джессайл поморщилась: - Эти слова, вероятно, слишком подходят многим магам.

Даже когда Шринши кивнула, ее щиты потрескивали и темнели вокруг них.

- Вставайте, друзья, - сказала она. - Полагаю, Ларлок устал от невозможности подслушивать и снова вызвал нас на бой.

Крошечная эльфийка взмахнула рукой, и ее щит растаял в сверкающей полупрозрачности. Они увидели белый туман над головой, белизну под ногами и темную, сплошную стену злобно улыбающихся личей вокруг, уходящую вглубь.

Лицо Шринши стало мрачным.

- У него больше личей, чем я думал. Это может означать гибель для всех нас.

За темной стеной нежити на мгновение мелькнула серебристая вспышка. Она на мгновение отбросила в сторону невольных личей, как трещина в огне в пылающей тьме превращающегося в пепел бревна, чтобы показать рыцарям прядь, которая была Эльминстером, пылающим яростным серебряным огнем.

Затем все потемнело, и стена личей снова стала целой.

Последовала еще одна вспышка, разорвавшая личей в несколько ином месте. Они увидели, как нить, которая была Дав, пульсирует серебром, более нежным - или более слабым, - чем пылала нить Эльминстера. Затем она тоже потемнела, и личи снова сошлись вместе.

Холодно ухмыляясь, они сомкнулись вокруг рыцарей, которые подняли оружие и ждали смерти.

- Крепкие сердцем, герои, - призывала Шринши из-за их спин. - У меня еще есть пара приемов...

Мир взорвался в ревущем серебряном огне.

Отброшенные вниз и кувыркаясь в беспомощности, как листья в шторм, рыцари увидели, как изумленные глаза Шринши вспыхнули серебристым пламенем. Из ее рта вырвалось еще больше пламени, и ее тело бросилось на них, метаясь, как беспомощная тряпичная кукла.

Крошечные руки и ноги настигали катящихся рыцарей и разбивали их, серебряный огонь перекачивался по ним в звенящем, ужасающем рычании, от которого они оцепенели и задыхались.

Яростный женский голос прорычал: - Лежать!.

Джессайл оказалась на спине, с одной из стройных ног Шринши поперек горла, поэтому она видела, кто выплюнул этот гневный приказ.

Женщина, чьи глаза были двумя тлеющими серебряными звездами, оглядывала ряды трусящих и шипящих личей. Она выгнула свое тело назад, как змея, готовящаяся нанести удар, а затем выставила вперед обе руки, как кнут, и послала серебряный огонь во всепоглощающем потоке.

Королева-ведьма Агларонда пришла на зов.

Все личи, стоявшие перед ней, исчезли. Там, где они стояли, туман уступил место десяткам крошечных клубов дыма, струящихся из кучек пепла, которые были ногами.

Личи позади Симбул бежали, растворяясь в тумане, как множество больших и неуклюжих черных летучих мышей, пытаясь скрыться, пока она...

Повернувшись, она снова пустила в полет еще один разрушительный поток серебряного огня, сжигая и нити, и бегущих личей.

Это было впечатляюще, и продолжалось долго. Отрубленные белые нити упали в туманную белую даль. Босоногая женщина в черных лохмотьях пошатнулась, глаза ее потемнели, руки упали набок, как бескостные вещи, и она упала лицом на землю.

Немногочисленные личи, оставшиеся поблизости, поднялись с мест, где они трусливо затаились среди последних вздохов тумана, и отчаянно бросились к упавшей Избранной, поднимая руки с когтями.

Шринши помчалась к Симбул еще быстрее, оттолкнувшись от рыцарей в стремительном полете, питаясь жизненной силой, вырванной у трех искателей приключений. Ее магия, лишаящая жизни, оставила рыцарей больными и содрогающимися.

- Простите, друзья, - отозвалась она, протягивая руку к нитям, поглотившим Эльминстера и Дав, и делая что-то, что вызвало из них еще больше серебряного огня.

Личи отшатнулась, когда огонь налетел на нее двумя тонкими рычащими лучами, на мгновение очертил ее ореолом серебряного пламени и погрузился в нее. Шринши опустилась на колени перед распростертой королевой Агларонда и поцеловала ее безгубый рот - поцелуй, пронизанный серебряным огнем.

К тому времени Флорин поднялся на ноги, покачнулся, опираясь на меч, словно на трость. Он успел сделать два неуверенных шага к Шринши, прежде чем ее отбросило к нему извержением Симбул. Кувыркаясь вместе, они перекатились через слабо проклинающую Джессайл и увидели, как Королева Агларонда вновь извергает серебряный огонь.

Сияние исходило не огромными потоками, а крошечными струйками, вырывавшимися из ее указующего перста в одинокого лича, который вспыхивал, как кричащий факел, потом в того, который горел еще яростнее.

Один за другим личи падали под колющим серебряным огнем Симбул, а белизна вокруг вздрагивающих, с трудом держащихся на ногах рыцарей, казалось, пульсировала серебром и вспучивалась под их сапогами. Она начала складываться вокруг них, белизна прорезалась разломами, бесчисленными паутинными трещинами и огромными клубящимися просторами распространяющейся тьмы. Нити распадались, превращаясь в светящийся белый суп; туман, пылающие личи, и все это бешено кружилось вокруг них; великий рев поднимался из костедробильных глубин на высоту, от которой закладывало уши; и...

Из оглушительного хаоса Шринши вырвался Мерит и закричал: - Шаддарн рушится!.

Он дернулся, пытаясь дотянуться до жены, но Джессайл была уже за кончиками его напряженных пальцев и падала от него - в ждущую хватку длиннопалой руки, показавшейся ему знакомой.

Мерит успел только заключить, что она принадлежит Эльминстеру, а локоть, пронесшийся мимо его носа, должно быть, принадлежит Дав, схватившей Флорина, прежде чем все закружилось в пронзительной тьме, и он падал...

Падал...

Падение сквозь солнечный свет на мягкую, темную землю с треском и грохотом бобовых жердей, когда знакомые триподы из серебристых от

старости деревянных лонжеронов опрокидывались, оставляя за собой устики и танцующие листья.

Пышные зеленые листья? Листья шиповника? Тепло, солнце и никакого снега? Когда только наступило лето в огороде Шторм?

Как долго они были в шаддарне?

Мерит подпрыгнул, когда кто-то тяжелый приземлился на него и так же внезапно исчез, а мимо его взгляда заплесали новые листья. Он почувствовал, как чей-то сапог ударился о его сапог, опустился на него и откатился в сторону... и тут перед ним возникло веселое лицо Шторм Серебряной Руки, протягивающей к нему загорелую руку.

- Все прошло хорошо, я вижу, - прокомментировала она, - если только человек не оказался бобовым растением. Сестра, неужели ты всегда должна дробить один и тот же сорт? Ты же не ешь их...

Симбул, распростертая лицом вниз под большинством рыцарей среди множества жердей и раздавленной зелени, не пошевелилась и не ответила.

- Мы должны идти, - сказала Шринши, - прямо сейчас. Разумы бэлнорнов, пострадавших от Ларлока, должны быть восстановлены.

Эльминстер лишь кивнул ей, и они вместе вышли из помещения.

Дав и Шторм посмотрели друг на друга, вздохнули и потянулись к Симбул.

- Она выпустила много силы, - сказала Дав. - Однажды она потратит слишком много, и...

Тут у Джессайл перехватило дыхание, да так резко, что звук, который она издала, был почти всхлипом.

Флорин и Шторм резко подняли головы и замерли, позволяя тишине опуститься и углубиться, как разворачивающемуся плащу.

Фигура в плаще, стоявшая в воздухе в нескольких шагах от Шторм в ее саду, была высокой, страшной, от нее веяло холодом и силой. Над седой головой фигуры медленно и терпеливо кружилось кольцо из плавающих, тускло светящихся драгоценных камней, которые так и пульсировали силой. Глаза, похожие на мерцающие ямы белого огня, смотрели на трех сестер и троицу рыцарей, стоявших на коленях вокруг них, а рука, представлявшая собой не более чем увядшую серую плоть с костями, крепко сжимала потрескивающий от силы посох.

Мерит поднял свой меч, странно обрадованный тем, что он больше не гудит, и открыл рот, чтобы выплюнуть слова неповиновения.

- Ларлок, - поприветствовала Шторм так спокойно, словно определяла, с какого дерева упал пролетающий мимо лист.

- Кто никогда не рискует собой, - прошептала Джессайл. - Так почему...?

Король-лич не сводил глаз с Барда из Сумеречной долины. Его иссохшие руки слегка раздвинулись, словно в мольбе, но ничто в этом жесте не указывало на хрупкость или слабость.

- Это... не моих рук дело, - сказал Ларлок, его голос был сухим и глубоким. - Время от времени я... проверяю служащих мне Лични, предоставляя им свободу и наблюдая, что они с ней делают. В этот раз они совершили глупость.

- Это не послание, - пробормотал Флорин. - Это действительно он.

Мерит согласился: - Его желание или нужда, должно быть, очень важны.

Приготовив мечи, двое медленно поднялись на ноги, каждый по давней привычке отошел в сторону, чтобы рассредоточиться и таким образом предложить новому врагу более широкие цели и более широкое поле для угрозы.

Ларлок проигнорировал их. Его ледяные глаза смотрели на Дав и Шторм, которые медленно шагали вперед в унисон, руки были пусты от оружия, а волосы беспокойно вздымались вокруг них.

- А теперь? - спросила Шторм, в ее словах звучал явный вызов.

Серебряный огонь плясал в ее глазах и глазах ее сестры.

Король Теней ничего не ответил, и Шторм сделала что-то без слов, отчего слеза серебряного огня упала из ее глаз на грудь, где превратилась в тонкую линию серебряного пламени, которая пронеслась по руке к плечу и вниз, ничего не поглощая и не затемняя, заполнила ладонь и поднялась туда в беспокойном голоде, мерцая и пылая.

Еще более сильный голод разгорался в глазах Ларлока, когда он смотрел на то, что плясало на ладони Шторм.

- А теперь, - ответил он, неохотно переводя взгляд с серебряного пламени на глаза Шторм Серебряной Руки, - я приношу свои извинения и ухожу. Я стремлюсь к большему Искусству, и так будет всегда. Я не ищу битвы ни с тобой, ни с теми, кто служит Леди.

- Нет?- спросила Дав, подняв пустую руку, словно собираясь что-то бросить.

- Нет, - ответил Ларлок, поклонившись ей. Изумрудные огоньки потрескивали из ниоткуда, прочерчивая дорожки по увядшей серой плоти. - Я не дурак. Каким бы могущественным человек ни стал, всегда найдутся те, кто сильнее.

- И все же ты медлишь, - напомнила ему Шторм, так вежливо, как только леди из мелкого дворянства разговаривает с королем.

- Леди, я иду, - ответил повелитель нежити. - Признаюсь, я... - Он вздохнул и почти шепотом объявил: - Созерцание серебряного огня дорого мне.

Шторм молча смотрела на него в течение, казалось, долгого времени, затем медленно шагнула вперед, ее лицо было торжественным. В затаившем дыхании молчании рыцари смотрели, как она идет к нему.

Король Теней сделал шаг назад перед лицом ее спокойной, мягкой поступи. Затем еще один.

Там, где он стоял на месте, легкий ветерок шевелил длинные, слипшиеся белые волосы, прилипшие к плотно натянутой серой плоти его

черепа. Его глаза, казалось, горели белым огнем, а из кожи выпрыгивали зеленые молнии, беспокойно пробегая по нему при приближении Шторм. Они слышали, как он пробормотал: - Я знаю о своем риске.

Бард из Сумеречной долины остановилась, почти коснувшись Ларлока, и медленно подняла руку между ними. Он поспешно отвел свой посох в сторону, с дороги, и уставился вниз.

Шторм позволила серебряному огню прыгать и танцевать на ее ладони, и Ларлок наклонился, чтобы посмотреть на нее, пока его нос почти не коснулся самых высоких лижущих серебряных языков. Он задрожал от желания, и руки его почти непроизвольно поднялись.

Дав, казалось, поднялась вместе с ними, собираясь что-то предпринять, а Джессайл облизала губы и подняла руки, готовясь сотворить то, что почти наверняка окажется совершенно бесполезным заклинанием.

А Ларлок выпрямился, посмотрел на Шторм прямо, глаза в глаза, и сказал: - Спасибо. Прошло очень много времени с тех пор, как кто-то проявлял ко мне доброту.

Он отступил назад, глубоко поклонился и сказал: - Не бойся меня больше. С вдохновением я возвращаюсь к своему искусству.

Король Теней повернулся, накинул на себя плащ - и тот упал на землю, пустой, исчезающий в небытие, коснувшись земли на свежей клумбе Шторм. Вслед улетающим камням, пролетавшим над Ларлоком, раздался слабый перезвон, похожий на переливы на самых верхних струнах металлической арфы.

Шторм стояла и смотрела, крутя пальцами в быстром заклинании... и повернулась, заметно расслабившись, чтобы сообщить: - Он ушел. Совсем ушел, не оставив после себя ни шпионской магии, ни таящейся опасности.

- Что? - Шепот был сырым и ужасным, но огонь в глазах Симбул, когда она подняла подбородок от земли, был таким же яростным, как всегда.

- Даже не дав мне шанса сразиться с ним?

- Алассра, - с искренней нежностью произнесла Дав, - это был бы совсем не шанс.

Королева Агларонда мгновенно взвизгнула и зашипела, как обиженная кошка.

- Сестра, ты намекаешь...?

- Нет, - сказала Дав, без труда взяв Симбул за плечи и удерживая ее в вертикальном положении, - я говорю прямо. Как бы ты ни была разбита или утомлена, ты можешь превратить себя в прыгающую молнию - я видела это достаточно часто, Мать Мистра знает - и ничто из того, что может сделать Ларлок, не сможет стать барьером против серебряного огня. Как чистый серебряный огонь, ты не можешь не достичь его, и одним прикосновением уничтожить его.

Шторм кивнула, присоединившись к ним на вытопанных бобах.

- Вот что он имел в виду, когда говорил о том, что знает свою судьбу. Ты видела зеленый огонь, ползущий по нему? Это заклинание, которое он

создал для поддержания своей жизни, ускоряющееся, когда огонь Мистры приблизился к нему.

- Он не смеет обладать серебряным огнем, но так жаждет его силы, - сказала Джессайл. - Он знает, что это принесет ему забвение, и жаждет этого, но не может заставить себя, после столь яростной и долгой борьбы за жизнь, оставить все в один миг.

Три сестры кивнули, каждая по-своему.

- В то время как простые молодые, энергичные грубияны наблюдают за ним, - прибавил Флорин. - Видя его благородство насквозь.

Мерит бросил на друга взгляд исподлобья: - Не так много "энергичных". Я и сам чувствую себя немного утомленным. Возможно, это все из-за того, что я слушаю высокопарную болтовню.

- Возможно, - согласилась Шторм со знакомым блеском в глазах. - Чай, кто-нибудь?

- Чай? - Королева Агларонда превратила это слово в капающую симфонию отвращения. - И это все, что ты можешь предложить? После того, как я уничтожила почти сотню личей, замена которых должна занять Старых Теневых Мудрецов по крайней мере на несколько десятилетий?

- Я могу предложить вино, если у Мерит и Флорина хватит сил дойти до моего погреба, и суп, если у тебя хватит терпения дождаться, пока он будет готов, - усмехнулась Шторм. - Но что касается чего-то более существенного, то, боюсь, Торм и Ратан стали обедать здесь каждый вечер в твоё отсутствие под предлогом готовности к твоему возвращению, а в моей кладовой не осталось ни куска мяса, ни бочки рыбы.

Симбул нахмурилась, вздохнула и нахмурилась еще сильнее. И вот уже целый жареный кабанчик - вертел и все такое - шипел и капал на бобы, паря в воздухе прямо перед ней.

Она торжествующе улыбнулась, раскинула руки в знак признательности и подпрыгнула. Кабан утонул, и Дав обхватила ее за плечи, чтобы поддержать. Симбул вздрогнула и побледнела.

Волосы Шторм вздыбились вокруг ее плеч, как вихрь, и падение кабана остановилось.

- Полагаю, ты обидишься, если я спрошу, где ты это украла?

Прислонившись к плечу Дав, Симбул бросила на сестру грязный взгляд и пробормотала: - Это мое. Из моей кухни, я имею в виду, и взято с помощью заклинания, которое говорит моим поварам, чья рука его сделала.

Голубка осмотрела свои собственные ногти и сказала им: - Боже, работа в твоём дворце, должно быть, очень веселая.

Симбул закатила глаза: - Не утруждай себя борьбой за трон и защищай его, убивая красных волшебников из года в год, - сказала она Флорину, выпрямившись и решительно отстранившись от руки Дав. - Видишь, какое уважение это тебе принесло?

- Леди Королева, - ответил рейнджер, протягивая ей руку, как подобает серьезному придворному, - это не входило в мои личные планы, нет.

Улыбнувшись, Симбул оперлась на него. Она оказалась на удивление тяжелой, но Флорин не счел нужным комментировать это или даже выдавать свое понимание. Величественно ступая, он повел ее по одной из садовых дорожек вслед за Шторм Серебряной Рукой.

Позади него Джессайл покачала головой: - Восход, закат, и, как неизбежно, снова мы здесь!

- Что, - с усмешкой сказал ей на ухо Мерит, - есть еще личи? Где?

- Охо-ха-ха, - ответила она. - Я хочу чаю, если никто больше не хочет. Я останусь и на суп. Сейчас я могла бы съесть...

- Кабана? - предположил Мерит.

- Проблема эльфов, - заметила сзади него Королева-ведьма Агларонда, - в том, как легко ими управляет их умное чувство юмора.

Шторм Серебряная Рука обернулась в дверях своей кухни, глаза ее были темными и сверкающими, и сказала: - Ах, нет, сестра, тут ты ошиблась. Проблема эльфов не в этом. Это их слава.

УРОК ПЕВЧЕГО КЛИНКОВ

Ричард Бейкер

Фламерул, Год Грозových Штормов (1374 ЛД)

Дэрид Селшеррин пробирался сквозь теплые зеленые тени разрушенного дворца. В его идеальных глазах сверкала холодная ненависть. Он был одет для битвы в длинную золотую кольчугу такой тонкости, что она могла быть сделана из змеиной кожи, а в руке он держал смертоносный эльфийский тонкий клинок, пропитанный мощной магией. Он был поразительно красив, даже по высоким стандартам солнечных эльфов, но в гневе его тонкие черты потемнели, превратившись в образ обиженного ангела.

Он оценил ущерб, который мог видеть - черные шрамы от давнего пожара, разрушенный двор, разбитые окна и провалившуюся крышу - и без лишних слов сунул меч обратно в ножны. Он просто не видел причин для этого, и это злило его до тех пор, пока в голове не поплыл яркий гнев.

- Они разрушили мой дом! - прорычал он, а затем глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

Семьдесят лет назад он оставил старое поместье семьи своей матери, защитив его сильными заклинаниями от непогоды, времени и воров. Но казалось, что все его старания были напрасны. Заклятия были разрушены, и в заросших дворах и залах среди густого подлеска и сырого запаха гнилой древесины стояли крепкие молодые деревья.

Корни и дожди нанесли свой урон старому поместью, но таков был путь растущих вещей и быстротечных времен года. Какой смысл искать недостатки в работе природы? Нет, лучше бы он приберег свой гнев для грабителей и мародеров, которые выбили древние двери, сделанные его дедом, развеяли чары, призванные сохранить дворец Морваерила до того дня, когда по его мраморным полам вновь ступит нога эльфа.

Дэрид медленно повернулся на месте, изучая пустые комнаты поместья. Теперь ничего не оставалось делать, кроме как выяснить степень разрушений и попытаться собрать воедино то, что произошло за долгие годы, пока дом стоял в лесу безмолвным и пустым. В парадном зале все было достаточно просто. Старые крепкие двери были выбиты. Прекрасная резьба, выполненная рукой его деда, была побита и помята ударом грубого бревна, которое все еще лежало у входа. От импровизированного тарана не осталось ничего, кроме десятифутового контура гнилого дерева, но расколотые двери находились прямо в коридоре.

- Как долго свежесрубленное дерево будет так разлагаться? - размышлял он вслух. - Сорок лет? Пятьдесят?

Очевидно, разбойники пришли вскоре после того, как он и его семья отступили, покинув Кормантор ради зеленой гавани Эвермита. Он надеялся, что пройдет несколько поколений, прежде чем люди начнут опустошать старые места Народа. Но терпение никогда не было человеческой добродетелью, не так ли?

Дэрид прошел в дом по старым указателям. Главный зал был превращен в конюшню, по крайней мере, на время. Низкие кучи насыщенного черного компоста лежали на соломенной подстилке и навозе животных. На стене над бессистемным кругом из камней размером с кулак виднелась густая жирная копоть, свидетельствующая о давних кострах. Дэрид поковырялся в пепле и нашел обугленные кусочки костей, остатки кожаного ремня, небрежно брошенную деревянную ложку. Человеческая работа, все вместе взятое.

Он выпрямился и вытер руки. Затем он пошел по следам разрушений вглубь дома. В каждой комнате обнаруживалось все то же самое. В старом эльфийском поместье не осталось ни единого предмета обстановки, все было унесено.

Он подошел к крутой каменной лестнице, ведущей в подвалы под домом, и тут Дэрид впервые за час улыбнулся. Один из старых вторженцев не справился с магической защитой дома. Камеру охраняла живая статуя - каменный воин, оживленный эльфийскими заклинаниями. Сама статуя валялась неподалеку, разбитая на куски, а у одной из стен лежал

человеческий скелет, пустые глазницы которого смотрели на провалившуюся крышу над головой. Одна сторона черепа была пробита ножом - работа каменного стража, предположил Дэрид.

- По крайней мере, один из вас поплатился за свою жадность, - сказал он пожелтевшим костям. - Но, похоже, ваши товарищи не думали о вас в достаточной степени, чтобы похоронить или сжечь. Тебе не повезло в выборе друзей, не так ли?

Он опустился на колени рядом со скелетом и внимательно осмотрел его. Ржавая кольчуга свободно свисала над костями. Под ней блеснул металл, и он осторожно вытащил из туники мертвеца небольшой кулон из потускневшего серебра. По потускневшей зеленой эмали кулона мчалась бегущая лошадь из темного потускневшего серебра.

Я уже видел эту эмблему раньше, понял Дэрид. Некоторые из Всадников Туманной долины носили такой амулет. В захудалой человеческой деревушке неподалеку от поместья Морваерила стоял грубый и грязный трактир, над дверью которого висел этот символ.

- Далийцы разграбили мой дом? - пробормотал он. Он сорвал кулон с шеи скелета и стоял, сжимая потускневший амулет в кулаке.

Его просто ошеломила неблагодарность этой вещицы. Дэрид Селшеррин вернулся в леса Кормантора с армией Сейверила Миритара, чтобы уничтожить Демонических Фей, напавших на Эвермит. Жалкие исчадия ада укрылись в разрушенном Миф Дранноре, угрожая всем окрестным человеческим землям своими призванными демонами и павшим колдовством. Дэрид и все, кто участвовал в Крестовом походе, рисковали жизнью, чтобы противостоять этому злу. Кровь и доблесть эльфов стали единственным щитом между теми же Далийцами и кошмаром адского пламени и древнего гнева. В пяти милях от того места, где он стоял, еще двадцать воинов-эльфов, служащих Крестовому походу Лорда Миритара, охраняли ту жалкую человеческую деревню. И все же он видел вокруг себя, как жалкие человеческие воры и мародеры, унаследовавшие управление Кормантором, обращались с тем, что оставил после себя Народ Дэрида.

Неужели они забыли нас меньше чем за сто лет? тихо проворчал он. Почему один эльф-воин должен рисковать жизнью, чтобы защитить таких существ? Каким же дураком был Сейверил Миритар, что потратил хотя бы один час на поиски доброй воли и помощи далийцев, да и вообще людей?

С досадой скривившись, Дэрид завернул кулон мертвого вора в маленькую тряпочку и опустил ее в мешочек на поясе. Он намеревался задать трудные вопросы об этой эмблеме, и поскорее. Затем он просунул голову под низкую каменную перемычку лестницы, ведущей под усадьбу, и спустился в покои вниз.

Воздух был прохладным и затхлым, что разительно отличалось от влажного тепла летнего леса наверху. Он не стал зажигать свет: яркого полуденного солнца было достаточно, чтобы его эльфийские глаза смогли разглядеть состояние хранилища под лестницей.

Оно тоже было опустошено.

Зазубренные следы пузырей на камне свидетельствовали о том, что здесь была пущена в ход жестокая и грубая боевая магия. Со стен были содраны старые ловушки для вызова, в которых незваным гостям должны были противостоять благородные небесные звери, верные и преданные.

Пять остроконечных арок вели из комнаты у подножия лестницы, и адамантиновые двери, закрывавшие каждую из них, просто исчезли. Разрушенные кислотой, распавшиеся под действием магии, возможно, унесенные как добыча - неважно, не так ли? Важно было то, что старые хранилища стояли открытыми и неохраемыми.

Конечно, клан Дэрида не оставил в покинутом имении никаких тайных кладов с сокровищами. Но они наверняка думали, что давно похороненные мертвецы их рода будут в безопасности за стенами из мощной магии и эльфийской каменной кладки. Один за другим Дэрид заглядывал в каждое хранилище и находил десятки предков и родственников своей матери, лишенных погребальных украшений. Их кости лежали в бездумном беспорядке, перерывы и выброшенные, как мусор.

На глаза Дэрида навернулись горячие слезы, но он не позволил себе отвести взгляд. Зайдя так далеко, он не позволит себе отвернуться, пока не увидит все, что можно было увидеть.

Не по-эльфийски было отправлять мертвых в Арвандор с полными комнатами драгоценностей или богатств для использования в следующей жизни. Солнечные эльфы не были людьми, которые так боялись смерти, что надеялись, что подобные обряды и сокровища сулят им господство в грядущих веках. Большинство солнечных эльфов, принадлежавших к высокому роду, хоронили в своих лучших одеждах, надевая драгоценности и диадемы, которые прилагались к такой официальной одежде, - просто из почтения. Но это не означало, что останки высокочтимых мертвецов должны были подбирать любые падальщики.

Он подошел к последнему склепу, и там потеря была поистине горькой. Там покоился двоюродный брат его матери Альванир, последний из Морваериллов. Он был похоронен с древним лунным клинком Дома Морваерил, поскольку с уходом последнего из рода меч клана Морваерил сам угас в бессилии и дремоте. Каждый лунный клинок предназначался для одного эльфийского Дома, и если Дом терпел поражение, то клинок не мог быть использован никем другим.

Древний меч, разумеется, тоже забрали.

Даже если клинок был неактивен или вовсе угас, он все равно был сокровищем Дома Морваерил, а через мать Дэрида - и Дома Селшеррин. Все остальное Дэрид мог вынести, как бы горько это ни было, но кража угасшего лунного клинка оставила глубокую, горячую боль в центре его груди.

- Какая вам от этого польза? - спросил он давно исчезнувших грабителей гробницы. - Неужели у вас нет ничего святого?

Он вернулся в центральную комнату и тихо заплакал во мраке и тенях. Он родился в этом доме семнадцать десятилетий назад. Он помнил мягкие фонари, колыхавшиеся под прохладным весенним ветерком, зеленый и пышный навес из листьев и лозы, укрывавший двор летом, высокие окна библиотеки, сверкавшие оранжевым и золотым светом морозным осенним утром. Ничто больше не напоминало ему о юности, прошедшей столько лет назад.

Мягкий щелчок когтистой лапы на ступенях позади него спас ему жизнь.

Дэрид очнулся от своей печали как раз вовремя, чтобы отпрыгнуть в сторону, когда с лестницы на него бросилось мерзкое адское чудовище. В темном порыве тварь пронеслась мимо него, ее крючковатые когти с шипением рассекли воздух там, где мгновением раньше были лицо и горло эльфа. Горячий острый коготь царапнул щеку Дэрида, и мощный рывок твари отбросил его в сторону, упустив возможность повалить его на землю и вырвать горло.

Дэрид удивленно хрюкнул и отступил назад, получив пространство на расстоянии двух вытянутых рук, чтобы сориентироваться и выхватить меч. Его противник был похож на человека, но за спиной у него извивался длинный толстый хвост, как у голодной змеи, а с головы до ног он был усеян колючками из стального твердого рога длиной с кинжал. Кожа его была багровой и горячей, а глаза светились в тени склепа, как шары зеленого пламени.

- Ты оплакиваешь мертвых, эльф? - шипело оно. - Будь спокоен. Я оставлю твои кости здесь, вместе с остальными сухими обломками.

- Ты насмехаешься над моими предками на свой страх и риск, исчадие ада, - прорычал Дэрид, держа острие меча между монстром и собой.

Тварь оскалила пасть с острыми клыками и бросилась на эльфа со шквалом колющих и режущих когтей. Но Дэрид был готов к встрече с чудовищем; он позволил себе легко погрузиться в бодрствующий транс мастера клинка - безвременное состояние души и тела, в котором каждое движение превращалось в хореографический танец. Со спокойным раздумьем Дэрид двигал мечом, отводя когти монстра от его плоти, парируя колющие удары хвоста, маскируя тонкие выпады и контрудары.

Бритвенное острие тонкого клинка проскакивало между колючками и шипами, пронзая адскую плоть, потом еще и еще. Горячие брызги черной крови падали на пыльный пол, но тварь не подавала признаков того, что ей причинили боль. Оно дико огрызалось и махало руками, когти, клыки и шипы со свистом проносились мимо Дэрида. Эльф и дьявол сражались в мрачной тишине, без единого звука, кроме тупого щелчка и скрежета когтей о сталь. Острые колючки вонзались в конечности Дэрида, когти царапали его блестящую броню, но он продолжал сражаться, не позволяя боли или усталости помешать его концентрации.

Дьяволу удалось схватить рукав Дэрида в одну когтистую руку, и он бросился на него, пытаясь впиться в него, как в живое месиво из гвоздей.

Но Дэрид вывернулся, перевернув руку существа. В тот же миг он выкрикнул слова смертельного заклинания и свободной рукой схватил чудовище за кисть. Золотая молния взорвалась от прикосновения клинка, испепелив руку его противника в бессмысленные черные ошметки.

С низким шипением дьявол отпрянул, его хватка на Дэриде ослабла. Он низко присел и крутанулся, занося свой свирепый шипастый хвост для мощного удара, способного сокрушить камень. Но Дэрид перепрыгнул через удар дьявола и одним плавным движением вонзил обух своего тонкого клинка в горло чудовища.

Дьявол отбросил его назад, остервенело нанося косые удары и вонзая колючки. Но черная кровь дымилась в его пасти и текла между желтыми клыками. Дьявол сделал еще два шага к Дэриду, зеленое пламя в его глазах померкло, и он рухнул на пол в лужу собственного зловонного ихора.

Дэрид тщательно прицелился и еще одним ударом размозжил ему голову. Затем он отступил назад, ожидая, пока труп исчезнет. Вызванные монстры всегда исчезали. Но ничего не произошло; тело адского зверя осталось лежать там, где упало.

- Оно не было призвано? - пробормотал он в ужасе. Оно не было призвано на Фаэрун заклинанием, оно прошло через какие-то врата между мирами по собственной воле. Оно было таким же реальным в этом мире, как и он сам.

Дурное предзнаменование. Было ли присутствие этого существа в этом мире делом рук демонофея, или какая-то другая опасность грозила Дэриду и эльфам, следовавшим за ним?

Каков бы ни был ответ, не похоже, чтобы он смог узнать больше в руинах поместья Морваерила. И уж тем более он ничего не узнает о том, кто похитил древний лунный клинок и какое отношение к этой краже имеют далийцы.

Избитый и убитый горем, Дэрид стряхнул с меча запекшуюся кровь и поднялся обратно по лестнице к летнему теплу.

Дэрид вернулся в лагерь за час до захода солнца. Это было приятное место, хорошо затененная лесная поляна в двух шагах от могильного голоса Ашабы, где десяток эльфийских воинов под командованием Дэрида несли вахту. В их задачу входило следить за тем, чтобы сембийские наемники из Боевой долины - союзники или приспешники демонофеев, Дэрид не знал и не заботился о том, кто именно, - не достигли западного берега реки, переправившись без сопротивления в зеленые глубины леса. Если сембийцы переберутся через Ашабу здесь, они обойдут легионы эльфов, готовые защищать главную переправу у города Ашабенфорд в пятнадцати милях дальше на север.

Это показалось Дэриду глупой затеей. Никто не считал вероятным, что сембийцы станут искать путь через безбрежные глубины леса, чтобы попытаться переправиться через реку, где нет удобного места для брода. Именно поэтому Весильд Герт, рыцарь-командор, возглавлявший войска крестоносцев в Туманной долине, отрядил всего два десятка воинов для защиты от такой возможности. Если в результате какого-то удивительного подвига сембийцам удастся совершить лесной марш и переправиться через реку, Весильду Герту нужно было предупредить об этом за несколько часов, чтобы он мог оставить оборону в Ашабенфорде и отступить из ловушки.

Герт также сказал Дэриду, что тот должен захватить, отогнать или убить всех сембийских разведчиков, которые попытаются разведать эльфийскую оборону на южном краю долины. И, если уж на то пошло, он должен был сделать все возможное, чтобы расправиться с любыми демонами, дьяволами или подобными чудовищами, которые появятся, чтобы досаждают жившим поблизости человеческим селянам и фермерам. Собственно, именно поэтому Дэриду и поручили это задание. Как у мастера певчего клинков, у него, по крайней мере, был шанс справиться с такими чудовищами с помощью своего мастерства и магии. Большинство других эльфов в его небольшой компании были бы ошеломлены адским чудовищем любой силы.

- Лорд Селшеррин возвращается! - возвестил ясный голос. Дэрид поднял голову: на вершине большого валуна, возвышавшегося над лагерем, стоял лунный эльф Андариэль и приветственно кланялся. Молодой и порывистый, Андариэль относился к высоким семейным и личным достижениям Дэрида с такой серьезностью, что иногда Дэрид подозревал в его манерах тайную насмешку. Но за искренностью младшего эльфа он никогда не находил и следа сарказма.

Дэрид ответил на приветствие Андариэля отрывистым взмахом руки и направился к временному убежищу, служившему ему местом отдыха и командным пунктом. Там его ждали еще два эльфа - Хиселин, еще один лунный эльф, и маг Тириандилн, солнечный эльф, который, пожалуй, был самым близким другом Дэрида во всем Крестовом походе. Очень необычно для эльфа, Тириандилн обладал тонкой, заостренной козлиной бородкой с тонкими золотистыми усиками. Вместе с его мрачной манерой поведения и блестящими зелеными глазами борода придавала ему остро злобещий, почти дикий вид.

Маг взглянул на Дэрида и нахмурился. - Что с тобой случилось?

- Я встретил дьявола в развалинах поместья Морваерил.

- Дьявола? - резко спросила Хиселин. Она отложила стрелу, которую накладывала. - Вы ранены, лорд Селшеррин?

- Ничего серьезного, - ответил Дэрид. Он перевел взгляд на Тириандильна. - Я убил его, но его тело не исчезло. Оно не было вызвано.

- Демонофеи должны управлять какими-то воротами. Или, возможно, это существо было одним из дьяволов, запертых в Миф Дранноре. Я

слышал, что многие подобные монстры бродили по руинам годами. - Тириандилн нахмурился еще сильнее. - Что это было за существо? Ты знаешь?

- На полфута выше высокого эльфа, с более тяжелым телосложением. У него не было крыльев, но оно было покрыто огромными шипами или колючками.

- Значит, хаматула - колючий дьявол, как их иногда называют. - Остролицый солнечный эльф пристально посмотрел на Дэрида. - Тебе повезло, что ты остался жив, Дэрид.

Дэрид пожал плечами и ничего не сказал. Но Хиселин сняла с пояса тонкую палочку из белого ясеневое дерева и опустилась рядом с ним на колени, бормоча слова исцеляющей молитвы. Певчий клинков вздрогнул, когда проколы, порезы и синяки снова заявили о себе, но боль от каждой раны тут же утихла, успокоенная магией лунной эльфийки. Он вдохнул глубже и кивнул ей в знак благодарности.

- Так что же делал дьявол в поместье Морваерила? - спросила она, убирая палочку.

- Теперь дом лежит в руинах, - сказал Дэрид. - Он был разграблен, его защитные заклинания разрушены. Даже хранилища под ним были опустошены. Родственников моей матери ограбили во время их вечного сна и оставили лежать там, где они упали. Воры украли даже лунный клинок Морваерилов, мертвых уже сто лет. Ничего не осталось.

- Я вырос в этом доме. Прошло всего семьдесят лет с тех пор, как я покинул его. Увидев его сейчас, можно подумать, что отсутствие нашего Народа здесь исчислялось веками, а не десятилетиями.

- Кто бы мог сделать такое? - размышляла Хиселин вслух.

- Тот, кто носит эту эмблему. - Дэрид протянул руку, показывая остальным кулон с изображением бегущей лошади. - Я нашел его на скелете человека, лежащем в доме.

- Я знаю этот знак, - сказал Тириандилн. - Он висит над трактиром, который стоит в человеческой деревне под названием Глен.

Дэрид сомкнул кулон и засунул его обратно в тунуку. - Я знаю.

Хиселин вздохнула и покачала головой. - Лорд Дэрид Селшеррин - как давно там лежит этот скелет? Как давно ворвались в дом вашей семьи? Десять лет? Двадцать? Пятьдесят? Люди, которые сейчас живут в Глене, возможно, не имеют к этому никакого отношения.

- Ради их блага я надеюсь, что это правда. - Дэрид встал и посмотрел на солнце, опускающееся на запад. - Видели ли наши разведчики что-нибудь, о чем стоило бы сообщить сегодня днем?

- Нет, все было тихо, - ответил Тириандилн. - Но Илдиirr и Сарран должны появиться только через пару часов, а они дальше всех из наших на востоке.

- Если ничего не случилось, то я оставляю тебя за главного еще на некоторое время, - сказал ему Дэрид. - А сам отправляюсь в Глен. Там кое-кому есть за что ответить.

Час спустя Дэрид Селшеррин стоял под побитой зеленой вывеской таверны в человеческой деревне Глен. На вывеске красовалась эмблема бегущей лошади, но яркая серебристо-белая краска обветшала и облупилась. Насекомые жужжали в летних сумерках, наполняя воздух стрекотом и звоном. Тысячи крошечных мошек порхали вокруг ярких фонарей, висевших на фонарных столбах, разбросанных по деревне.

Крестьяне и горожане стояли парами тут и там по всей деревне, одетые в плохо сидящие кожаные куртки и держащие в руках ржавые пики или старые луки. С тех пор, как в руинах Миф Драннора демоны начали разжигать старое зло, далийцы подвергались смертоносным набегам и бесчинствам всевозможных чудовищ и демонов. Они выставляли деревенский дозор на два или три дня - не то чтобы у какого-то неопытного фермера было много шансов против тех inferнальных тварей, которых Сарья Длардрагет могла послать в Туманную долину. Дэрид слышал от других эльфов, что далийцев часто бывает больше, чем кажется на первый взгляд, и среди тех, кто стоял на страже, было немало опытных ветеранов или бывалых продавцов, которые еще помнили, как обращаться с мечом. Но в Глене он не видел ни одного человека, которому можно было бы доверить острую вилку, не говоря уже о копье или мече.

Из двери доносились приглушенные звуки густых человеческих голосов и неуклюжее бречание грубого струнного инструмента. Нахмурившись, Дэрид толкнул дверь и вошел в пивную.

Это было наполненное дымом помещение с низким потолком и тяжелыми черными бревнами для балок и столбов. От этого зрелища он вздрогнул. Неужели они могли погубить еще больше деревьев, когда возводили эту огромную конуру? задался он вопросом. Он покачал головой и обратил внимание на людей в комнате.

Полдюжины людей сидели и смотрели на него, их разговоры прерывались на полуслове. Из-за дыма и влажного ночного тепла в пивной было довольно жарко, и пот свободно струился по волосатым лицам и толстым домотканым туникам. Один высокий долговязый парень с длинными руками и челюстью, похожей на фонарь, стоял за обветренной стойкой - трактирщик, или по крайней мере так предположил Дэрид.

Высокий мужчина неловко поклонился и обратился к Дэриду на обычном для людей языке. - Добрый вечер, сэр. Мы слышали, что некоторые из Справедливого народа разбили лагерь в лесу неподалеку. Что я могу для вас предложить?

- Ответы, - проворчал Дэрид. Он опустил потускневшую эмблему на грубую столешницу перед трактирщиком. - Этот кулон был оставлен в поместье эльфов в пяти милях к востоку отсюда. Человек, носивший его, уже давно лежит мертвым в том доме, но я знаю, что он посещал это

поместье не более семидесяти лет назад. Кто из вас может знать что-нибудь о том, что там произошло?

Трактирщик нахмурился и зашаркал ногами. Ярость Дэрида застала его врасплох, и он наконец отвернулся, чтобы вытереть руки о фартук и отойти на пару шагов от клинка.

- Ты говоришь о Доме Бледного Камня? - спросил он через плечо. - Старая вилла из белого камня на восточном берегу реки, стены которой покрыты зелеными лозами?

Дом Бледного Камня? Дэрид никогда не слышал, чтобы дворец Морваерила называли как-то иначе, но это название показалось ему достаточно подходящим. - Двери дома лежат снаружи разбитыми. Они вырезаны в виде полумесяца, возвышающегося над лесной поляной, с семью семиконечными звездами на вершине.

- Да, это то самое место, - сказал трактирщик. - Я посетил это место однажды, когда был молодым парнем. Я помню вывеску на старых дверях. Но я не осмелился туда войти. Все знают, что в руинах таится смертельная магия и беспокойные духи. - Он снова посмотрел на кулон. - Ты хочешь сказать, что нашел его в Доме Бледного Камня?

- Если ты не входил в дом, то кто же?

Трактирщик снова высушил руки в фартуке. - Я не ломал эти двери, сэр эльф. И никто из моих знакомых тоже. Это место было таким со времен моего отца, а может, и деда. Здесь водятся привидения. Иногда смелые молодые парни из города ходят посмотреть, как я, когда был мальчишкой. Но мы все слышали истории об опасностях этого старого поместья. В этом доме умирали продажные мастера и вольные разбойники.

- Красный Гарвальд не боялся этой старой пыльной гробницы!

Дэрид удивленно повернул голову. У холодного камина сидел старый горожанин и курил длинную трубку, ухмыляясь. Он и не подозревал, что все присутствующие в таверне наблюдают за его допросом трактирщика. Он намеренно прислонился спиной к стене и переместился так, чтобы лучше видеть комнату.

- Вада, ты хочешь сказать, что Красный Гарвальд осмелился войти в Дом Бледного Камня? - спросил старика трактирщик.

- Да, и еще дюжину гробниц, склепов и дворцов. В лесах полно мест, которые Справедливый Народ оставил пустыми. Красный Гарвальд заглянул в каждое из них в радиусе сорока миль. - Старик Вада кивнул на свои собственные затхлые воспоминания. - Я помню тот день, когда Красный Гарвальд и его смельчаки сели вон за тот стол и рассказали о жутких ловушках и страшных опасностях, которые они встретили в Доме Бледного Камня. Половина жителей Глена собралась в этой самой комнате, чтобы послушать рассказ.

- Как давно это было? - спросил Дэрид.

Старик вынул трубку изо рта и нахмурился в раздумье. Он стряхнул пепел на каменные плиты очага и со знанием дела прочистил чашу. - Это

было за несколько дней до середины лета, в Год Разящего Сокола. Сорок лет, добрый сэр. Не так много времени, как вы считаете, я предполагаю, но достаточно долго для человека. Ведь Эрек, - он кивнул на высокого трактирщика, - был тогда еще совсем малышом.

Певчий клинков отрывистым жестом приказал мужчине замолчать. - Где сейчас этот Красный Гарвальд?

Вада моргнул, ошеломленный. Через мгновение он снова улыбнулся. - Он мертв, господин эльф. Двадцать пять лет, должно быть.

Дэрид бросил на него взгляд. - Полагаю, вороватый пес наконец-то встретил справедливый конец в одном из разграбленных им домов.

- Вы неправильно понимаете, сэр. Красный Гарвальд был героем, а не вором. Он был самым отважным человеком, которого я когда-либо встречал, и к тому же щедрым. О, иногда он бывал вспыльчив, но никогда не сердился надолго. Он выслеживал разбойников, расправлялся с разбойниками и бандитами, защищал Глен от набегов орков и огров больше, чем я мог сосчитать, и даже сталкивался с более странными и смертоносными чудовищами, когда они появлялись из глубин леса, чтобы напасть на наш город. А когда в Долину забредали настоящие расхитители гробниц и жаждущие наживы вольные разбойники, рискуя навлечь на себя настоящие неприятности, он прогонял их лишь суровым взглядом и несколькими тихими словами. Я был обязан ему жизнью по меньшей мере дважды. Многие жители Глена были обязаны.

Дэрид пристально смотрел на болтливого старика, оценивая правдивость его слов и манеры. Безучастная улыбка Вады казалась менее теплой, чем прежде, но эльф не почувствовал в ней двуличия. Он нахмурился и обернулся к трактирщику, ища хитрую ухмылку или неискреннюю усмешку, которая могла бы выдать ложь в рассказе старика, но Эрек лишь кивнул в знак согласия.

- Он всегда был добр ко мне, когда я был мальчишкой, - сказал трактирщик. - Хороший человек, герой, который никогда не относился к другим так, словно они были чем-то меньшим, чем он сам. - Красный Гарвальд был лидером этого города в течение многих лет. Он не был вором.

Вполне ожидаемо, что они объединятся, чтобы защитить своих, сказал себе Дэрид. Вероятно, этот Гарвальд купил себе город, полный друзей и поклонников, с помощью прекрасных вещей, которые он украл у почтенных мертвецов. Тем не менее, солнечный эльф понимал, что на одних обвинениях далеко не уедешь. Горожане помнили этого человека как героя, а, по опыту Дэрида, никто не любил узнавать о промахах своего героя.

Кроме того, если Вада и Эрек говорили правду, то этот Гарвальд уже много лет исправно тратил награбленное. К этому времени погребальные богатства мертвых Морваерила должны были быть разбросаны по половине Фаэруна, перепроданы и проданы десятки раз.

Люди в пивной настороженно наблюдали за ним. Дэрид смирился с тем, что ему придется действовать более терпеливо, и позволил сомнениям и враждебности исчезнуть с его лица.

- Как вы уже догадались, руины, которые вы называете Домом Бледного Камня, когда-то были домом моей семьи, - начал он. - Я совсем недавно вернулся из Эвермита и был потрясен, обнаружив, что дворец взломан, а склепы разграблены. Надеюсь, ты понимаешь, почему я был расстроен.

Трактирщик Эрек настороженно кивнул. - Любой бы так поступил, - согласился он. Он подождал, пока Дэрид продолжит.

- Возможно, человек, которого ты называешь Красным Гарвальдом, был тем, кто открыл наши хранилища, а возможно, кто-то другой разграбил это место еще до того, как он туда ступил. Драгоценные камни и украшения, снятые с наших мертвых, не так уж важны для меня. Я хотел бы, чтобы сон моих предков не был потревожен, но дело сделано, и я больше не буду говорить об этом.

- Но есть одна вещь, о которой я прошу тебя, только одна реликвия семьи моей матери, которую я хотел бы вернуть. Это был меч из прекрасной эльфийской стали, с тремя жемчужинами в перекрестье и рукоятью в форме морского змея. Лезвие украшал узор в виде ряда бьющихся волн. Когда-то он был зачарован, но его магия угасла много веков назад. Сейчас это не более и не менее, чем красивый старый меч, но мне было бы очень приятно найти его. - Дэрид почувствовал, как в нем снова поднимается ярость при мысли о том, что лунный клинок Морваерила может оказаться в руках какого-то человеческого разбойника, но он сдержал свой гнев, глубоко вздохнув. - Я, конечно, заплачу очень хорошую плату за находку нынешнему владельцу. Я не осуждаю никого, кто владеет им сейчас. Я буду удовлетворен его возвращением.

Глаза трактирщика сузились, пока Дэрид описывал клинок. Когда он закончил, Эрек взглянул через плечо рассказчика на Ваду, сидящую у очага. Дэрид медленно повернулся, но Вада не скрывал своего согласия.

- Я верю ему, - сказал Эреку старик. - Он и его люди прошли долгий путь, чтобы защитить нас от ужасных врагов. Было бы неблагодарностью и глупостью с нашей стороны игнорировать его жалобы.

Трактирщик кивнул и вновь обратил свое внимание на Дэрида. - Я видел этот меч, - сказал он мастеру певчих клинков. - Он висел в ножнах из красной драконьей кожи над камином человека по имени Андар, сына Гарвальда. Он жил в доме, который построил Гарвальд.

- Очень хорошо, - сказал Дэрид. - Я...

Эрек остановил его поднятой рукой. - Андар был убит два дня назад, господин. Он повел часть наших людей против большого отряда чондатских мародеров. Но после того, как он прогнал их, некоторые из наемников решили проследить за ним до его поместья. Они убили его,

разграбили и сожгли большую часть поместья дотла. Я не знаю, остался ли там твой меч или нет.

Дэрид помрачнел. Он вспомнил, что его разведчики рассказывали ему о стычке возле города пару дней назад, но не придавал этому значения. Банды отчаянных людей и шайки бродяг бродили по долинам; он и его эльфы отгоняли или убивали тех, кого ловили, но некоторые ускользали от них. В конце концов, они следили за лесами на юго-востоке, а не за открытыми землями на западе.

- Чондатцы? Я думал, ваши враги - сембийцы.

Трактирщик фыркнул. - Сембийцы сами мало воюют, сэр. Они нанимают роты наемников со всего Фаэруна, чтобы те служили им армией. Жесткие, жестокие люди, слишком жаждущие добавить немного грабежа к своему сембийскому золоту.

- Где я могу найти поместье?

- Вы найдете это место чуть меньше чем в двух милях к юго-западу от города, - сказал трактирщик. - Это крепкий дом из полевого камня на вершине небольшого холма, вокруг него большой яблоневый сад. Просто найдите дым.

Певчий клинков кивнул и повернулся, чтобы уйти, но приостановился. Две или три насильственные смерти в деревне размером с Глен - тяжелое испытание даже для людей. Житель Глена не опустошил дворец его семьи и не лишил эльфийских мертвецов их погребальных нарядов, хотя вполне вероятно, что это сделали их отцы. Они не заслуживали его гнева. От двери он оглянулся на Эрека и Ваду. - Выжил ли кто-нибудь из семьи? - спросил он.

- Сыновья Андара и их семьи живут здесь, в городе; их там не было, - сказала Вада. - Нильса жила с отцом, но в тот день она ушла в Ашабенфорд. Она вернулась только утром. - Старик устремил свой водянистый взгляд на Дэрида и направил ствол своей трубки на эльфа. - Если ты встретишь их в доме Гарвальда, помни, что они потеряли достаточно за последние несколько дней. Говори с ними менее сурово, чем с нами, если в твоём сердце есть хоть капля сострадания.

Дэрид кивнул один раз и ушел, отряхиваясь от тяжести людских взглядов на своей спине.

После захода солнца дневное тепло заметно не уменьшилось. Долгий, жаркий полдень просто перетек во влажную, липкую ночь. Луна была лишь тонким полумесяцем на юго-востоке, а звезды были слабыми и немногочисленными. Если бы лунного света не было совсем, Дэриду было бы трудно, но и так он легко шел по следу, оставленному мародерами, которые разграбили и сожгли старый дом Гарвальда. Они вели с собой большую часть скота и двигались медленно, как и следовало ожидать от группы налетчиков, нагруженных добычей.

Они думают, что никто не осмелится их преследовать, решил Дэрид. Они настолько глупы или настолько самонадеянны. Возможно, они решили, что ни одна деревня в этом пустом уголке Долины не сможет собрать достаточно опытных воинов, чтобы бросить вызов тридцати пяти или сорока опытным наемникам. Таково было предположение Дэрида о численности отряда. Он мог быть и больше, если там были другие группы, которые разбрелись в разные стороны до того, как он вышел на их след.

Он нашел полу сожженную усадьбу, как и сказал ему Эрек. Стены старого дома из полевого камня уцелели, но крыши почти не было, а различные хозяйственные постройки сгорели. Из дома было вынесено и разбросано удивительное количество обыденного имущества - кастрюли и чайники, табуреты и стулья, сундуки и шкафы. На небольшом расстоянии от дома лежали три свежевырытые могилы. Он не знал, кто еще, кроме сына Гарвальда, умер там, но в сожженной усадьбе не было никого, кого можно было бы спросить.

Быстрое прорицание подтвердило его подозрения: лунного клинка Морваерила там больше не было, его унесли мародеры, разграбившие это место. Не раздумывая ни секунды, Дэрид отправился в погоню.

Люди вряд ли путешествовали всю ночь напролет, а налетчики в любом случае двигались не быстро. Эльфы, напротив, быстро передвигались и ночью, и днем и могли идти несколько дней с минимальным отдыхом. Даже с их преимуществом он думал, что сможет нагнать мародеров до того, как они достигнут лагеря сембийцев в Боевой долине. Это был его единственный шанс вернуть себе лунный клинок Морваерила.

Кроме того, борьба с такими отморозками, как преследуемые им мародеры, была одной из причин, по которой Весильд Герт направил Дэрида и его небольшую компанию в Глен. Корелэн только знал, какие еще акты насилия и грабежа они уже совершили в других местах Долины или совершат, если представится возможность.

Всю ночь Дэрид рысью продвигался на юг, следуя по просеке, оставленной наемниками. Вместо того чтобы направиться прямо в Боевую долину, наемники, похоже, свернули на несколько миль к западу, обогнув границу леса по пути на юг. Несомненно, они еще не насытились кровью и добычей и надеялись, что перед тем, как повернуть на родину, им представится еще больше возможностей устроить хаос. В двух случаях он миновал одинокие хутора, разграбленные мародерами, за которыми он следовал. Какова бы ни была причина, каждый обход, который совершали убийцы, давал Дэриду больше времени, чтобы поймать их до того, как они присоединятся к сембийской армии.

На рассвете он позволил себе час отдыха, съев немного хлеба и сушеных фруктов, которые носил в мешочке на поясе. Затем он встал и двинулся в путь. В середине утра тропа мародеров наконец повернула на восток и скрылась в тени Кормантора.

Под деревьями день был еще совсем теплым; ни малейшего дуновения ветра не шевелило ветви. Путь налетчиков пролегал по старой тропе в лесу - не по эльфийской дороге, ибо для того, чтобы найти и пройти по одной из скрытых дорог Кормантора, потребовалось бы эльфийское мастерство. Это была тропа лесоруба, потому что Дэрид миновал множество старых пней - деревьев, срубленных много лет назад. Он остановился, чтобы осмотреть несколько первых из них, и обнаружил, что старый дровосек из кожи вон лез, чтобы брать только мертвые или умирающие деревья. По крайней мере, некоторые люди принимают эльфийские учения близко к сердцу, хотя эльфы не стали бы так сильно уродовать лес своей заготовкой древесины.

Немногим более десяти миль от того места, где тропа мародеров вошла в лес, Дэрид подошел к Ашабе. И там, посреди леса, он обнаружил мост.

Конечно, это был не мост, построенный человеком. Вместо этого это был один из старых эльфийских переходов - набор подводных и полу подводных валунов, которые были тайно расставлены так, чтобы образовать легкий путь через реку. Само русло реки было устроено так, чтобы противостоять наводнениям, распределяя воду по широкой, мелкой гравийной насыпи, а не топить переправу полностью. Давным-давно заклинания иллюзии скрыли часть прохода, так что любой, кто наткнулся бы на него, не зная его тайны, не увидел бы там никакой переправы. Но со временем эти заклинания ослабли, и весь путь был виден всем желающим. Даже слепые люди не могли не заметить ее - да они и не заметили, потому что тропа мародеров вела через старый переход.

Певчий клинков остановился в изумлении. Между Ашабенфордом и бассейном Йевена не должно было быть легких переправ через великую лесную реку. Его рота несла вахту в двенадцати милях выше по течению, не зная о вполне исправной переправе, о которой знали и которой пользовались, по крайней мере, некоторые сембийские продажные клинки. Вряд ли сембийской армии нужно было импровизировать переправу возле Глена, когда эта могла бы служить почти так же хорошо. Конечно, она находилась дальше от Ашабенфорда, но зато к ней вела прекрасная дорога, ведущая прямо в западные районы Туманной долины.

Дэрид на мгновение задумался. Он и его лучники могли бы удержать мост против небольшой роты человеческих солдат, но если несколько сотен человеческих воинов пойдут этим путем, они смогут сделать не больше, чем замедлить атаку. Но оставался шанс, что предводители сембийской армии не знают о переправе. Наемники на службе Сембии могли не сообщить о переправе своим нанимателям - не раньше, чем у них появится возможность сначала пограбить.

В конце концов, если бы сембийцы знали о переправе, почему бы им уже не напасть?

- Это неубедительные рассуждения, Дэрид, - сказал он самому себе.

Но если существовал хоть малейший шанс, что он сможет предотвратить попадание информации о переправе обратно к командирам сембийцев, он должен был попытаться. К тому же это означало, что он сможет продолжить преследование мародеров, не так ли?

Легко перепрыгивая с валуна на валун, он поспешил через скрытый мост и выбрал тропу на восточном берегу Ашабы. Он удвоил темп и бежал в течение долгих, теплых часов после полудня, скользя среди деревьев и кустарника, как бесшумная зеленая тень. Пот блестел на его лбу, глаза болели от недостатка отдыха, но он не сбавлял темпа. Только мягкий стук его шагов по лесному суглинку и легкий скрип доспехов выдавали его спешку.

Он замедлил шаг, только когда услышал впереди на тропе человеческие голоса.

Осторожно подняв капюшон плаща, Дэрид натянул его поплотнее на плечи, несмотря на дневную жару. Благодаря серо-зеленому оттенку плаща и скрывающим чарам его было гораздо труднее заметить. Затем он приблизился к своей жертве.

Наемники остановились возле темной, тихой лесной лужайки, разбив свой лагерь на ночь. Это были крупные, грязные мужчины, одетые в тяжелые кольчуги и кожаные доспехи. Пот пропитал их брови и стекал с лиц, пачкая плащи и туники. Они были грубы, черствы и неряшливы, но Дэрид не упустил ни тщательности, с которой они выставляли дозорных, ни бдительности тех, кто оставался на страже. Возможно, это были наемники самого низкого сорта, но это также означало, что они были профессиональными бойцами, и они знали достаточно, чтобы остерегаться бдительного молчания Кормантора.

За час наблюдения он насчитал тридцать одного из них. Он выделил и предводителя этой грубой банды - высокого худого парня с сильно помятым лицом и обритой наголо, до короткой щетины головой. Большинство наемников довольствовались простыми навесами или навесами из парусины, чтобы укрыться от дождя, но у предводителя была палатка, в которой он хранил большую часть добычи. Несколько свирепых гончих рыскали по лагерю, а в небольшой ложбине неподалеку наемники устроили небольшой загон для коров, свиней и лошадей, которых они увели у делийцев. В воздухе пахло навозом, потом и лесным дымом.

Через некоторое время Дэрид отошел на несколько сотен ярдов и нашел себе подходящее место, чтобы лечь в стороне от посторонних глаз и отдохнуть. Он съел легкий ужин и позволил себе несколько часов задумчивости, чтобы освежиться и восстановить силы. Люди будут здесь всю ночь, и он мог позволить себе несколько часов отдыха.

Через три часа после наступления сумерек он поднялся из своего укрытия. Ночь была еще теплее, чем предыдущая, и воздух казался тяжелым и неподвижным - скоро должна была начаться гроза. Избегая тропинки, Дэрид вернулся в лагерь наемников через бездорожный лес.

Он заметил пару дозорных, наблюдавших за тропой, ведущей обратно к Туманной долине, и еще двоих, следивших за лесом неподалеку. Понаблюдав некоторое время, он решил, что еще двое дозорных охраняют другую сторону лагеря.

И он обнаружил, что за лагерем наблюдает еще кто-то.

На небольшом расстоянии перед ним за деревом присела молодая женщина с мощным луком в руках. На ней была туника из домотканого льна, бриджи, а не юбка, и зеленый плащ с откинутым капюшоном. Она была одета как одна из Делийцев, но казалось маловероятным, чтобы одна девушка могла выследить в лесу целый отряд наемников. Конечно, сам Дэрид именно так и поступил, но он был высококвалифицированным певчим клинков и опытным воином; он знал, что делал.

Девушка глубоко вздохнула и подняла лук, прицелившись в ближайшего часового, стоявшего в двадцати ярдах от нее. Дэрид нахмурился - если она начнет стрелять в наемников, то поднимет на ноги весь лагерь и, скорее всего, сама погибнет. Это, конечно, ничуть не помогло бы его усилиям.

Он подошел ближе и прошептал: - Не стреляй. Ты разбудишь их всех.

Девушка удивленно обернулась и нацелила на него лук, но Дэрид предусмотрительно встал за деревом между ними. Он сделал небольшое движение рукой: - Подожди.

Медленно девушка опустила лук. Она с подозрением изучала Дэрида. Она была необычайно тонкокостной для человека: нежные глаза, узкое лицо, уши, которые выдавали только самые тонкие точки.

В ней течет эльфийская кровь! понял Дэрид. Конечно. Люди разграбили все остальное наше. Почему бы им не взять то, что они хотели, и у наших женщин?

Он подумал о том, чтобы уйти и позволить девушке просто убить себя. Она родилась в насилии и грабеже; почему он должен вмешиваться, чтобы избавить ее от последствий человеческого безрассудства? Но прежде чем он решил бросить ее, она заговорила.

- Кто ты такой? - шипела она на него. - Почему ты вмешиваешься в мои дела?

- Я - Дэрид Селшеррин из Эвермита, - ответил он, не повышая голоса. - У этих продажных воинов есть кое-что, принадлежащее моей семье, и я хочу это вернуть.

- Отлично, можешь обыскать их вещи, когда я с ними закончу. - Она повернулась к нему спиной и снова подняла лук.

Дэрид не ожидал, что его проигнорируют. Он был настолько ошеломлен, что почти позволил ей начать бой, не сказав ни слова. Но он сделал два мягких шага ближе и покачал головой. - Я не могу позволить тебе усыпить их бдительность. Итак, кто ты? И почему одна человеческая девушка ищет своей смерти, нападая на лагерь, полный закаленных наёмников?

- Я Нильса Харвальмир. Они убили моего отца и сожгли мой дом. Я собираюсь увидеть, как они заплатят за то, что сделали.

Дэрид пристально посмотрел на нее. - Нильса, дочь Андара?

- Да. Откуда ты меня знаешь?

- Я следил за этой бандой наемников из дома твоего отца.

Девушка изучала его. - Ты капитан эльфов, чьи лучники находятся рядом с Гленом, не так ли?

- Да. - Он и не подозревал, что кто-то из жителей Глена знает, кто он такой.

- Остальные твои воины поблизости? Сможешь ли ты уничтожить всю эту группу?

Дэрид покачал головой. - Я здесь один, - сказал он.

Нильса нахмурилась. - Почему ты здесь один?

- Я должен объясниться? - спросил он. Возможно, она считает лунный клинок Морваерила реликвией своего Дома, а не моего. Но, по его опыту, всегда лучше быть правдивым, даже если эти слова трудно услышать.

- Я пришел за мечом, который твой дед забрал из родового дома моей семьи, - сказал он. - Я только два дня назад узнал, что он пропал. Горожане сказали мне, что он хранится в доме вашей семьи. Когда я узнал, что ваш дом был разграблен, я решил проследить за мародерами и забрать его.

Она уставилась на него в недоумении. - Ты пришел сюда, чтобы вернуть меч?

- Да, но теперь, когда я здесь, я думаю, что отгоню этих разбойников от повторного набега на твою Долину. Было бы бессовестно оставлять их на свободе, чтобы они убивали и грабили других.

- Ты высокого мнения о своей способности отговорить их.

- Я знаю, что я могу сделать, - сказал он. Он посмотрел на лук в ее руках. - Ты умеешь обращаться с этим оружием?

- Я знаю, что я могу сделать, - ответила ему Нильса. - На этом расстоянии я буду убивать по человеку при каждом выстреле.

Прочитав ее лицо, Дэрид решил, что она верит в то, что говорит правду. В конце концов, это было не больше и не меньше, чем он ожидал от эльфийской лучницы. Правда ли ее мнение о собственной стрельбе из лука, он сказать не мог. Скорее всего, ей удастся сделать пару хороших выстрелов, но она утратит самообладание и прицел, когда неожиданность атаки исчезнет. Но все же пара хороших стрел в нужный момент ему не помешает.

- Хорошо, - сказал он. - Я разберусь с дозорными на этой стороне лагеря, затем проскользну внутрь и убью их капитана. Затем я позову тебя на эльфийском. Ты будешь стрелять в любого человека, которого увидишь в центре лагеря. Выпусти пять стрел и отходи. Точный огонь важнее быстрого. Я предпочту, чтобы один человек был убит или ранен, нежели чтобы промазали все пять стрел. Я буду верить, что ты не выстрелишь в меня.

- После того, как я устрою еще немного хаоса, я тоже отступлю. Я встречу тебя в полумиле назад по тропе, и мы устроим засаду на случай, если нас будут преследовать.

Нильса нахмурилась в тени. - Кто решил, что ты здесь главный?

- Я. У тебя есть план получше?

Девушка молчала, явно обдумывая вопрос. Наконец она кивнула. - Хорошо, попробуем по-твоему. Я подожду, пока ты позовешь, прежде чем начну стрелять.

Дэрид кивнул и скрылся в лесной тени. Он кружил в стороне от позиции Нильсы, двигаясь медленно и осторожно. Он не знал, поможет ли ему стрельба девушки, поэтому решил исключить ее из своего плана. Если ей удастся ранить или убить кого-то из его врагов, что ж, хорошо. Если нет, то даже дикие стрелы, выпущенные во время боя, добавят хаоса в лагерь чондатцев, который он намеревался создать.

Когда он занял выгодную позицию, то приостановился и прошептал слова нескольких заклинаний, которые должны были помочь ему в бою: заклинание сверхъестественной ловкости и быстроты и еще одно, которое должно было уберечь его от вражеских клинков. Обучение певчим клинков сочетало в себе изучение магии и фехтования, а Дэрид был не только искусным магом, но и искусным фехтовальщиком. В предстоящем деле ему пригодятся оба искусства.

Охраняемый своими чарами, Дэрид приблизился к лагерю и подошел к двум первым дозорным. Они стояли среди деревьев, вдали от света костра, на расстоянии около двадцати футов друг от друга. И снова он понял, что должен отдать наемникам должное за опыт. Одиночного часового было бы легко нейтрализовать в тишине, но с двумя, стоящими достаточно близко, чтобы видеть друг друга, но достаточно дисциплинированными, чтобы оставаться на расстоянии, справиться было гораздо сложнее. Для этого ему понадобится магия.

Вдалеке загрохотал гром.

Дэрид дождался очередного слабого проблеска света вдалеке, беззвучно отсчитывая время до раската грома. Затем, когда над лесом раздался низкий раскат, он быстро произнес слова другого заклинания, используя гром, чтобы заглушить звуки магических слогов. Ближайший часовой все равно что-то услышал и начал поворачиваться к нему, но тут его подбородок опустился на грудь, и он опустился на землю, погрузившись в сон. Другой часовой просто опустился на землю, привалившись спиной к дереву.

Наверное, он мог бы оставить их, так как вряд ли они проснутся сами по себе через какое-то время, но приближающаяся гроза беспокоила его. Громкий раскат грома мог снова разбудить дозорных, а он не хотел, чтобы ему пришлось ускользать от них, когда он будет покидать лагерь. Поэтому Дэрид тщательно связал и заткнул рот обоим мужчинам, а затем перешел к двум следующим дозорным. Убивать людей во сне было нелегко, даже таких, как эти.

Следующие двое дозорных были не столь настороженными, как их товарищи. Между ними стояли густые заросли деревьев, так что трудно было уследить друг за другом. Дэрид просто отвлек того, что стоял слева, магическим словом и движением руки, вызвав шорох в подлеске возле ног дозорного. Пока тот смотрел вниз и отступал на шаг, Дэрид скользнул за спину второго и убил его ударом меча в горло. Это не был благородный удар, но он напомнил себе, что эти чондатцы были убийцами и грабителями. Он видел, что они оставили после себя на фермах, разграбленных к югу от Глена. Человек у его ног умер гораздо лучше и быстрее, чем многие из жертв наемников.

- Ролдо? - позвал первый мужчина. - Ты что-то слышал?

Оставшийся часовой сделал два шага к месту, где упал его товарищ, а Дэрид вышел из тени и прошептал еще одно заклинание.

- Быстро и бесшумно, - шипел он, - беги назад к Ашабе и следи за переправой.

Огромный человек три удара сердца смотрел на него, не отрываясь, охваченный силой заклинания Дэрида. Затем он энергично кивнул и поспешил в ночь, исчезая в лесу. Ашаба находилась более чем в десяти милях в том направлении. Дэрид гадал, доберется ли тот до реки до того, как чары ослабнут, или придет в себя где-нибудь посреди леса.

С четырьмя дозорными разобрались; двое на другой стороне лагеря не имели отношения к усилиям Дэрида. Несколько жирных теплых капель дождя начали стучать по ветвям над головой. Казалось, что через несколько минут начнется ливень, но певчий клинков решил, что сильный дождь ему только поможет. Он не обращал внимания на капли дождя и скользил к свету костра.

Несколько чондатцев все еще сидели, разговаривая друг с другом у костра. Более десятка их товарищей лежали, разбросанные по поляне, поверх своих подстилок, поскольку ночь была теплой. Среди спящих людей дремали три большие боевые гончие с ошейниками, утыканными железными шипами, которые дремали вместе со своими хозяевами.

Гончие были опасны... но если все пойдет так, как он задумал, они не доставят ему много хлопот.

Он глубоко вздохнул и стал ждать очередного раската грома. Гром не заставил себя ждать, и когда верхушки деревьев вздохнули и задрожали от теплого ночного ветра, он прошептал слова заклинания невидимости. Затем он двинулся в лагерь, прокладывая себе путь мимо спящих мужчин. Капитан спал в палатке отдельно от своих людей. Это был удивительно большой и добротно сделанный шатер, весивший, наверное, сотни фунтов. Ни один эльфийский вождь не стал бы обременять себя таким показным жилищем, но Дэрид предположил, что капитан наемников, скорее всего, давно взял его из какого-нибудь разграбленного вражеского лагеря и заставил своих людей нести его с собой, чтобы придать себе благородства.

Дэрид проскользнул в палатку, держа в руке сталь. Он не мог не потревожить заслонку, служившую входом в палатку, но сделал это

молча. Внутри палатки лежали груды награбленного добра - обломки десятков жизней, загубленных наемниками за последние несколько дней. Певчий клинков прошел мимо мешков и свертков. Небольшая перегородка отделяла спальное место. Мрачно острием меча он откинул портьеру со своего пути.

Капитан наемников сидел лицом к нему за небольшим походным столом, прислонив обнаженный меч к столу. Он взглянул на движение портьеры и нахмурился, возможно, озадаченный странным движением перегородки. Его глаза странно блестели в слабом свете масляной лампы.

На складной раскладушке лежал лунный клинок Морваерила в изготовленных человеком ножнах из красной кожи. Дождь стал сильнее стучать по тяжелой парусине палатки, и в воздухе запахло далекими молниями.

Дэрид холодно улыбнулся и вновь обратил свое внимание на предводителя наемников. Тот бросил взгляд на древний меч, лежащий на раскладушке, и снова посмотрел в сторону Дэрида. Крошечное движение его брови выдало удивление.

Он видит меня, понял Дэрид. Он видит меня!

Знал ли капитан какую-то свою магию или владел каким-то зачарованным жетоном, позволявшим ему различать магическую невидимость, Дэрид не знал. Но теперь он должен был ударить, и ударить быстро, потому что его преимущество исчезло. В мгновение ока он прыгнул вперед, острие его меча было нацелено в сердце худого человека.

Но человеческий капитан пришел к тому же выводу, что и Дэрид, и так же быстро. Он выхватил свой меч и одним мощным толчком отбросил легкий походный стол на пути Дэрида. Дэрид попытался перепрыгнуть через стол, но не смог и оказался распростертым у ног человека, которого намеревался убить. И его заклинание невидимости исчезло, испорченное атакой, которую он только что предпринял против своего врага.

- К оружию! К оружию! - крикнул капитан своим людям снаружи. - На нас напали! - Затем он яростно ударил Дэрида, его меч метался и наносил удары, как серебряная тень в затемненном шатре.

Магическая ловкость Дэрида спасла ему жизнь. Он бросился в сторону, прижавшись к ножке койки.

- Будь оно все проклято до черных чертогов Ллос! - прорычал он по-эльфийски. Затем он перекатился в другую сторону и вскинул руку, чтобы подняться на ноги, но через мгновение выхватил ее обратно, когда маленькая гадюка с нефритово-зеленой чешуей ударила по его вытянутой руке. Глаза маленькой змейки сверкнули неестественным умом, и она злобно зашипела на него.

Фамильяр волшебника, понял эльф. Это многое объясняло. Предводитель наемников был больше, чем казался, и Дэриду придется жить с последствиями своих необоснованных предположений.

- Не знаю, эльф, в чем причина твоей ссоры со мной, но тебе недолго придется сожалеть о своей ошибке, - прорычал человек.

Он прижался вплотную и ударил Дэрида по ногам, но Дэрид закончил кувырок и встал на колени, опираясь на одну руку. Он выкрикнул слова собственного заклинания - вспышка эльдрического огня испепелила все вокруг. Гадюка отшатнулась и уползла в кучу добычи, в которой пряталась, а капитан зарычал от ярости и попятился назад.

Наконец-то он смог встать, Дэрид глубоко вздохнул и погрузился в состояние совершенной ясности, действий без мыслей, которое характерно для певчих клинков. Он провел острием меча по знакомым пассам, и в его сознании возникли арканские символы. Он отступил от шатра наемника, поскольку лучше всего сражаться на свободном пространстве, а он не хотел оказаться зажатым в шатре между капитаном и его воинами.

Он вышел на сцену полного хаоса. Вокруг него люди с трудом поднимались на ноги и хватались за оружие, крича друг другу. Несколько человек просто изумленно смотрели на него, когда он появился из палатки их капитана - эльф лорд в золотых латах, чей меч кружился в головокружительном сплетении яркой стали.

Всего в трех шагах перед ним мечник со шрамом на лице и гнилыми зубами смотрел на Дэрида с тупой яростью. - Что здесь происходит в Девяти Чертогах Ада? - прорычал он, снимая с пояса изогнутый тулвар.

- Эльф пытался убить лорда Сартоса! - закричал кто-то.

Мечник со шрамом хрюкнул и бросился вперед. Но Дэрид выкрикнул еще одно заклинание и окутался яркой аурой голубого пламени. Он протянул руку, чтобы схватить человека со шрамом и ударить его в горло. Как зефир из белой стали и смертоносной магии, он закружился по поляне. Потерявшись в пении клинков, он едва ли понимал, что делает. Он скользил в пространстве между глазами, оттачивая свое восприятие, пока ему не стало казаться, что капли дождя медленно опускаются в ночь, а молниеносные удары меча становятся вялыми и медленными.

Он отрубил ноги еще одному человеку и, повернувшись, увидел, что на него несется гончая. Он присел и приготовился вцепиться животному в предплечье, а не в горло, но оно уклонилось от магического пламени, окутавшего его тело. Оно злобно рычало, наполняя ночь своим лаем, но не осмеливалось подойти ближе. Наемнику неподалеку повезло меньше. Ему удалось нанести неглубокий удар по лопатке Дэрида, но пламенная аура Дэрида ответила на удар обжигающим жаром. Охваченный голубым пламенем, человек с криком бросился в ночь.

В конце концов, это может сработать, подумал Дэрид. Затем из палатки вышел капитан - как он догадался, Лорд Сартос. Прорычав свое страшное заклинание, Сартос вскинул руку и пронзил Дэрида болтом ползучей черной силы. Даже в трансе Дэрид вскрикнул от боли, когда его бок запылал и задымился, а из конечностей ушла сила. Он наткнулся на старого сержанта с алебардой, которая едва не отсекла ему руку мощным ударом сверху, а маленький жилистый человек с парой изогнутых кинжалов подобрался достаточно близко, чтобы нанести ему сильный

удар в середину тела, прежде чем огненный щит отбросил его назад, ослепленного и кричащего.

Я должен разобраться с волшебником, решил он. Правильным заклинанием повелитель наемников мог обездвижить или покалечить Дэрида, и он был бы срублен в мгновение ока.

Превозмогая усталость, Дэрид бросился на вражеского лорда. Он набросился на волшебника, но тот легко отбил его клинок своим.

- Не пользуйтесь мечами, парни! - обратился Сартос к своим людям. - Эльфа охраняет огненный щит. Для этой работы вам понадобятся копья или стрелы.

Отступив от Дэрида, владыка наемников снял с пояса жезл и осыпал Дэрида шквалом магических болтов, которые прожгли в доспехах над его сердцем дыры размером с палец. Дэрид споткнулся и опустился на одно колено, его транс певчего клинков был окончательно нарушен болью и усталостью. Его защищал только огненный щит, а когда он поднял голову, то увидел полдюжины наемников, приближавшихся с длинными копьями, чтобы поразить его будучи на коленях.

Я недооценил их, понял он. Я думал, что моего мастерства и магии будет достаточно.

Он оглянулся на лорда чондатцев, который смотрел на него, оскалив зубы в кровожадной ухмылке. - Ты не так хорош, как тебе казалось, не так ли? - усмехнулся Сартос. Он жестом указал на копьеносцев.

В свете костра мелькнула стрела и попала в правую часть груди мордатого лорда, повалив его на землю. Затем другая стрела попала в глаз приближающемуся к Дэриду копьеносцу, отбросив воина, как марионетку, у которой перерезали ниточки. Третья стрела вонзилась в спину сержанта, повалив его на землю с придушенным криком.

- Лучники! - крикнул один из воинов. - Лучники!

- Она стреляет так же хорошо, как и говорила, - удивленно пробормотал Дэрид.

Он взглянул на Лорда Сартоса, который сидел на одном из локтей, мрачно борясь со стрелой в груди, и кровь струилась из его раны. Нагрудник мужчины принял на себя большую часть удара, но он задыхался от боли и не обращал внимания на певчего клинков. Другие мужчины бросились в лес, пытаясь уничтожить нападавших и выбраться из-под света костра.

Лунный клинок Морваерила находился всего в пятнадцати футах от него. Но попытка достать его стоила бы ему жизни. Зарывав от досады, Дэрид наложил на лагерь заклинание тьмы, погрузив поляну в крошечную тьму. Затем, позволив своему огненному щиту погаснуть, он, пошатываясь, поднялся на ноги и зашагал прочь из лагеря наемников.

Болезненное воздействие черного луча лорда наемников, казалось, со временем ослабевало. К тому времени, когда Дэрид добрался до хорошего места в полумиле к северу от лагеря чондатцев, он уже не дрожал от полного изнеможения. Раны, конечно, беспокоили его, но за несколько минут работы он перевязал худшие из них и решил, что сможет снова сражаться, если понадобится. Отойдя на несколько ярдов от тропы, он устроился поудобнее и стал ждать и наблюдать, закутавшись в свой серо-зеленый плащ, в темноте виднелись только глаза.

Гроза медленно уходила, оставляя за собой мокрый, но заметно прохладный лес. Было уже за полночь, и луна быстро опускалась к западу. Другой эльф, возможно, прокрутил бы в голове стычку в лагере, пока он ждал, но Дэрид не был склонен сожалеть или выдавать желаемое за действительное. Что сделано, то сделано; не было смысла желать иного. Он не стал бы снова недооценивать своих противников.

Он более чем наполовину ожидал, что вся группа человеческих марадеров в любой момент обрушится на него с тропы, но, к его удивлению, они не стали его преследовать. Возможно, они думали, что ночью здесь бродит больше эльфийских лучников. Из-за недостатка лунного света и пасмурного неба под деревьями было очень темно. Для человеческих глаз это была крошечная тьма, и даже самый кровожадный наемник подумал бы дважды о том, чтобы вслепую бродить в темноте.

Прошел час, прежде чем он начал беспокоиться о Нильсе.

Сначала он сказал себе, что она просто кружит в стороне от тропы, отклоняясь от лагеря, чтобы сбить преследование. Это легко могло превратить десятиминутную рысь в долгий, медленный час работы. Но по мере того, как час сменялся двумя, ему становилось все труднее сохранять терпение. Неужели она просто заблудилась в темноте? спросил он. Ее навыки работы с деревом, похоже, были лучше, но кто знает, что произошло в суматохе после боя в лагере? Или она попала в руки наемников? Если это так... Дэрид искренне надеялся, что она вынудила их убить ее, а не взять в плен. Он представлял, на что способны такие люди, как чондатцы, и смерть была бы предпочтительнее.

Он размышлял над тем, стоит ли возвращаться в лагерь, когда она наконец появилась, выбирая путь по тропе. Через каждые несколько шагов она останавливалась и три удара сердца прислушивалась и вглядывалась в лес.

Когда она подошла ближе, он встал и тихо позвал: - Сюда, Нильса.

Девушка начала. - Ты напугал меня до полусмерти, эльф, - пробормотала она. Она поспешила сойти с тропы и присоединилась к нему в тени.

- Где ты была? Что случилось? - потребовал он.

- Я собиралась спросить тебя о том же. Ты должен был перебить весь лагерь. Таков был твой план, насколько я помню.

- Я не ожидал встретиться с компетентным магом. Иначе все пошло бы по-другому.

- Если ты так говоришь. - Она тихонько фыркнула в темноте. - После того как ты наложил заклинание тьмы, я попыталась затаиться и переждать чондатцев. Но они выпустили своих гончих, и я поняла, что долго скрываться не смогу. Поэтому я пристрелила двух оставшихся собак, а от людей ускользнула, покружив на юг, а потом вернулась в этом направлении.

Дэрид смотрел на нее из тени. Он знал не одного опытного воина-эльфа, у которого не хватило бы духу лежать неподвижно в такой близости от стольких врагов или холодного расчета убить гончих, чтобы помешать преследованию.

- Я ошибся в тебе, - пробормотал он вслух. - Мне жаль, что я не подумал о тебе лучше. Или о наших противниках, если уж на то пошло.

- Ты не знаешь и половины, - ответила Нильса. - Когда я кружила на юг, я наткнулась на очень большой лагерь, чуть меньше чем в миле дальше по направлению к Боевой долине. Чондатцы, как и остальные, но я бы предположила, что их три сотни, а может, и больше.

- Триста? - повторил Дэрид. Его сердце похолодело. - Ты уверена?

- Я не считала головы, но я знаю, что видела. Разве точное число имеет значение?

Дэрид покачал головой. Еще пару часов назад он бы отверг утверждения девушки как дикое преувеличение, но теперь он начинал понимать, что ей можно верить на слово.

- Если ты права, они, должно быть, направляются на север, чтобы вторгнуться в западную часть долины, за наши оборонительные сооружения вдоль Ашабы. Мародеры, которые пришли в Глен, разведывали маршрут для основных сил.

- Я тоже так думаю, - сказала Нильса. Она вздохнула и посмотрела в сторону. - Естественно, они предавались любым убийствам и бесчинствам, которые им нравились. Глен просто оказался на их пути.

Дэрид быстро собрал свои вещи. - Идем. Нам нельзя терять ни минуты, - сказал он. - К рассвету этот лес будет переполнен наемниками сембийцев.

Он поспешил обратно на тропу, Нильса - на пару шагов позади него, и сразу же отправились в путь. По его расчетам, до человеческой деревни оставалось двадцать пять миль, может быть, чуть больше. Певчий клинковый устал, раны заныли, но если повезет, думал он, то сможет добраться до своих воинов где-то к полудню. Вопрос был в том, как сильно полу-человеческая девушка будет его тормозить. Если она не сможет за ним угнаться, он не видел другого выхода, кроме как оставить ее позади и в одиночку набрать максимальную скорость.

Он бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы посмотреть, как дела у Нильсы. Она бежала трусцой на небольшом расстоянии позади него, на ее лбу выступили капельки пота, но дыхание было легким и ровным.

Они бежали вместе всю летнюю ночь, лишь немного замедляя шаг, когда луна окончательно померкла. Он заметил, что Нильса лучше

ориентируется в темноте, чем полнокровный человек, - небольшой дар ее несчастного предка-эльфа, кем бы он ни был. Возможно, это также означало, что она не так легко устает.

Нильса поймала его взгляд. В перерывах между шагами она спросила: - Ты можешь остановить их, эльф?

- Если они так сильны, как ты говоришь, то их слишком много для нас.

- Тогда что ты будешь делать?

- Эта атака повернет фланг нашей армии в Ашабенфорде. Я должен передать весть Лорду Герту и предупредить его.

Дэрид вернул свое внимание к тропе у своих ног. Меньше всего ему хотелось подвернуть лодыжку о невидимый корень.

- Сможет ли он отбиться от них? - спросила Нильса.

- Сможет, но это будет ошибкой. Мы не можем рисковать оказаться в ловушке между армией сембийцев к востоку от Ашабы и этими наемниками, наступающими с юга. - Он прошел рысью несколько шагов, собирая дыхание. - Герт оставит оборону Ашабы и отступит, прежде чем мы окажемся в ловушке и будем уничтожены вдоль реки.

Нильса некоторое время молчала, прежде чем снова заговорила. - Это не поможет жителям Глена или Ашабенфорда.

- Здесь ничем не поможешь, - сказал он ей. - Враги по эту сторону Ашабы лишают смысла оборону Ашабенфорда. Нет ничего хорошего в том, чтобы позволить нашим воинам быть уничтоженными здесь.

- Пока твои эльфийские воины покидают долинные земли, банды наемников разоряют мой дом! - огрызнулась Нильса. Она споткнулась в темноте и поклялась себе. Дэрид обернулся и протянул ей руку, но девушка сердито отмахнулась от него.

- Я не знаю, что, по-твоему, я могу сделать, - сказал Дэрид. - Под моим командованием едва ли двадцать воинов. Нас не хватит, чтобы остановить отряд в сотни человек. В сложившейся ситуации бегство - наш единственный выход.

- Мы можем собрать около сотни луков для собственной защиты. Если вы поможете нам, мы сможем отразить нападение.

Фермеры и купцы, сражающиеся против закаленных солдат, которых в три раза больше? Дэрид покачал головой. В этом не было никакого смысла. Если бы у него было пятьдесят или шестьдесят опытных воинов-эльфов, он мог бы уменьшить их силы, используя стратегию засады и отступления, опережая медлительных людей и избегая боя в лоб. Но если бы жители Глена попытались сделать что-то подобное, их бы перебили - тем более что у чондатцев, очевидно, был по крайней мере один способный волшебник во главе войска. Это была бы бойня.

Они добрались до старой эльфийской переправы примерно за час до рассвета и остановились, чтобы плеснуть холодной водой на лица и брови. Ноги Дэрида горели от усталости, а раны ужасно болели, но он знал свою выносливость. Он будет измотан, когда доберется до города, но он доберется.

Волосы Нильсы прилипли к голове от пота и утренней сырости, и она выглядела бледной в серых отблесках рассвета. Она старалась не садиться, пока они отдыхали, и медленно ходила кругами по берегу реки, изучая старую переправу. Песня реки наполняла воздух, журчание гравия и изношенного камня.

- Полагаю, у тебя нет никакой магии, чтобы сделать это место непригодным для использования, не так ли? - спросила она Дэрида.

Он покачал головой. - У меня нет иллюзий, подходящих для сокрытия этого места, и большая часть моей боевой магии исчерпана. Если бы у меня было несколько часов работы своими руками, я бы смог что-нибудь сделать. Но я не думаю, что у нас есть время. - Он взглянул на серые полосы, осветившие небо на востоке. - Полагаю, чондатцы уже выступают в поход. Они знают, что их обнаружили. Значит, скорость - их лучшее оружие.

- Латандер оберегает нас, ты прав, - пробормотала Нильса. Она отвернулась от наступающего рассвета и прижала руки к груди. - Могла ли я быть глупее? Весь отряд будет идти за нами по пятам. Я думала, что убью убийц моего отца, но все, что я сделала, это привела их обратно в Глен.

Дэрид помрачнел. По правде говоря, у него не было для нее ответов. У него не было дара к бессмысленным словам утешения, и он просто не мог лгать о том, что ожидает крошечную деревню Глен и ее жителей в ближайшие несколько дней. Он видел, как мародеры орудовали в доме отца Нильсы и в деревнях по их кровавому следу. И все же он попытался.

- Они все равно шли против Глена, Нильса, - сказал он. - Если бы ты не преследовала мародеров, ты бы не узнала об опасности, которая подступает к твоей деревне. И ты не была бы рядом, чтобы спасти меня от последствий моей собственной глупости.

Она посмотрела на него через плечо. - Смерть моего отца - это только начало, не так ли?

Певчий клинков изучал девушку. В усиливающемся полусвете он мог более четко разглядеть в ее чертах эльфийские черты. Ее глаза были зелеными, как весна, а на переносице россыпь веснушек. Кем бы она ни была, ее наследие вряд ли было неудачным. В ее лице эльфийское безвременье встретилось с человеческой молодостью, человеческой страстью и снова превратилось в нечто новое. Он мог прочесть отчаяние, изнеможение, горе в ее чертах, и все же огонь и решимость по-прежнему горели в ее глазах. В конце концов, она была дочерью героев. И дочерью народа тоже.

Он встретил ее ровный взгляд. - Это будет тяжело для тебя и твоего народа, Нильса. Но ничего еще не написано. Это то, что мы выиграли в нашей глупой погоне - несколько часов, чтобы сделать свой выбор. Возможно, сегодня мы сделаем более мудрый выбор, чем вчера.

Девушка задрожала в прохладном влажном воздухе. Она посмотрела на север, возможно, представляя, что впереди их ждут долгие мили. Затем

она посмотрела себе под ноги и сказала: - Дэрид, мне жаль, что ты не смог вернуть меч своей семьи. Мой дед не должен был брать его. Я не думаю, что он хотел причинить вред тебе или твоему народу, но это не делает его правым.

Он неловко пожал плечами. - Я должен был держать себя в руках, - сказал он. - Кроме того, я не уверен, что потерял шанс вернуть лунный клинок Морваерила. Думаю, я еще не покончил с Лордом Сартосом. Наши пути скоро пересекутся.

Нильса бросила на него острый взгляд. - Ты собираешься помочь нам в борьбе с продажными мечами?

Дэрид кивнул. - Да... Я в долгу перед тобой за то, что ты спала мне жизнь в лагере мародеров. - Он снова взвалил на плечи рюкзак и жестом указал на переправу через реку. - Идем, нам еще предстоит тяжелый день пути.

За час до захода солнца Дэрид и Нильса расстались у дымящихся развалин фермы ее отца. Девушка поспешила в город, чтобы передать предупреждение о колонне сембийцев, идущей с юга, а Дэрид помчался обратно к лагерю своих воинов на берегу Ашабы.

Он ввалился в лагерь, покрытый дорожной пылью, ноги его подкашивались и слабели, раны пульсировали и пылали, словно огненные линии, проведенные по его конечностям и телу. Вдалеке он услышал приветственный крик часового и шум, когда эльфы выходили из укрытий или прибегали с работы в ближайшем лесу, чтобы приветствовать его возвращение. - Похоже, меня не заметили, - пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Морщась от боли, он позволил себе опуститься на землю возле убежища, которое использовал как свое собственное. Он схватил оказавшийся под рукой сосуд с водой и долго и глубоко пил, а затем опрокинул его содержимое себе на голову.

- Клянусь мечом Корелэна, Дэрид, что с тобой случилось? - Появился маг Тириандилн и опустился на колени рядом с ним. Его лицо было озабоченным. - Где ты был?

- Призови Андариэля, - сказал Дэрид. - Я должен попросить его немедленно передать послание Лорду Гертю.

Тириандилн нахмурился, но махнул рукой воину, стоявшему неподалеку. Тот кивнул и поспешил на поиски молодого лунного эльфа. Дэрид отмахнулся от вопросов мага поднятой рукой, борясь с усталостью и собираясь с мыслями.

- Наши разведчики не обнаружили в этом районе следов сембийцев?

- Нет, мы не видели никаких признаков того, что сембийцы находятся поблизости. Однако вчера появился еще один демон. Мы провели весь день, отслеживая монстра.

Волшебник сделал паузу, затем добавил: - Твоего меча не хватало, Дэрид. Роллаэль и Фельдирр были тяжело ранены, сражаясь с адскими тварями.

- Я сожалею об этом, - сказал Дэрид. Он посмотрел в сторону. - Я не должен был так быстро отступать от своих обязанностей здесь. Но, возможно, это и к лучшему.

Лунный эльф Андариэль подбежал к приюту и отвесил торопливый поклон: - Ты послал за мной, Лорд Селшеррин?

- Да. Ты должен немедленно отправиться в Ашабенфорд и передать это послание Весильду Герту - или тому, кого ты найдешь командиром, если Герта там нет. Скажи ему, что сильный отряд чондатских наемников идет на север через лес. Они нашли старую тропу через Кормантор, которая выходит на западный край долины. Похоже, там есть старая эльфийская переправа через Ашабу, о которой мы не знали.

Воины вокруг него обменялись мрачными взглядами. Они понимали, какая опасность угрожает армии эльфов в Ашабенфорде.

- Их по меньшей мере триста человек, - продолжал Дэрид, - но их может быть больше. По состоянию на закат луны прошлой ночью они находились примерно в пяти милях к югу от реки и в двадцати милях к западу от Глена. Я думаю, они достигнут нас здесь завтра около заката, а Ашабенфорда - послезавтра.

- Я намерен противостоять их походу как можно дольше и помочь жителям Глена защитить свой городок.

Остальные эльфы тоже не смогли скрыть своего удивления. Они знали, что он не собирался вступать в стычку с таким большим отрядом или позволить роте эльфов увязнуть в обороне безымянной человеческой деревни. Если бы он не был так утомлен, Дэрид нашел бы их настороженные взгляды более чем забавными. А так он притворился, что просто ничего не заметил. Он поднял глаза на Андариэля и сказал: - Повтори то, что я тебе только что рассказал.

Андариэль повторил свое послание, почти слово в слово. Дэрид счел его достаточно хорошим. Устало кивнув, он сжал плечо Андариэля. - Ты наш самый быстрый всадник. Езжай быстро, но осторожно. Важнее, чтобы послание дошло до Герта, чем то, чтобы ты поразил нас своей скоростью.

- Я не подведу тебя, лорд Селшеррин, - серьезно ответил молодой лунный эльф. Он снова поклонился и поспешил прочь.

- Об этом мы уже позаботились, - вздохнул Дэрид. Он устало стянул с рук пыльные перчатки и принялся расстегивать тонкую золотую броню. После трех дней постоянного ношения доспехи, легкие и хорошо подогнанные, казались свинцовым саваном.

Тириандилн присел на землю рядом: - Не припоминаю, чтобы ты намеревался сражаться с таким сильным войском, - сказал он, обращаясь только к Дэриду. - Ты уверен, что это разумно, друг мой?

- Нам нужно дать Лорду Герту время, чтобы ускользнуть из Ашабенфорда. Каждый час задержки наемников сембийцев дает нашим

воинам больше шансов уйти без боя. И мы дадим людям, живущим в восточной части этой долины, шанс спастись от сходящихся здесь армий.

- Если ты прав, то их в десять раз больше, чем нас, Дэрид. Возможно, в двадцать раз.

- Нам не придется противостоять им в одиночку. Жители Глена смогут собрать сотню луков для своей защиты.

Волшебник задумчиво посмотрел на Дэрида. - Ты не придавал этому значения, когда мы впервые заступили здесь на вахту.

- Тогда я еще не видел, чтобы кто-нибудь из них стрелял. Теперь видел.

Дэрид положил доспехи на землю и растянулся на одеялах, расстелив тунику. Он уже чувствовал, как Грёзы овладевает им, но долго сопротивлялся, чтобы добавить: - Обязательно поставьте наблюдателей вдоль дороги, ведущей на юго-запад из Глена. Это дорога, по которой пойдут наемники. Мы должны найти наемников и следить за ними, пока они не придут сюда.

- Все будет так, как ты скажешь, - ответил Тириандилн. - Отдохни немного, Дэрид. Мы разбудим тебя, когда ты нам понадобишься.

Певчий клинков кивнул и погрузился в молчание.

Поздним вечером следующего дня разведчики заметили отряд наемников, шедший на Глен. Они двигались быстрее, чем ожидал Дэрид, однако многие из наемников были конными. Несколько чондатцев ехали на больших боевых конях, обвешанных кожаным чехлом, а большинство остальных обходились седлом и одеялом. Те, кто не ехал верхом, просто шли рядом с колонной, их лица покрывала пыль, а пот пачкал грязные кожаные куртки.

Должно быть, они привели с собой большую часть лошадей, решил Дэрид. Маловероятно, чтобы мародеры могли захватить столько лошадей с ферм, усеявших сельскую местность к югу от Глена. А это означало, что врагов у них еще больше, чем он опасался, - Нильса наверняка заметила бы лошадей, загнанных в лагерь, который она нашла. Учитывая это, Дэрид не мог не прийти к выводу, что некоторые из них, по крайней мере, наемники, с которыми они еще не сталкивались.

- Я не предполагал, что будет так много всадников, - тихо сказал Тириандилн.

- Я тоже, - признался Дэрид.

Он смахнул волосы с глаз. День выдался жарким. В тихом воздухе жужжали и стрекотали насекомые. Они стояли в яблоневых садах поместья Андара, теплых и благоухающих в лучах позднего полуденного солнца. Цветы давно опали, и на ветвях громоздились маленькие, терпкие золотистые плоды. Через день или около того они будут готовы к сбору, но Дэрид сомневался, что к тому времени, когда созреют яблоки, кто-нибудь останется для этой работы.

Чондатцы приближались медленно, следуя по пыльной тележной колее через широкие зерновые поля, золотисто блестящие на солнце. Еще несколько сотен ярдов, и дорога проведет их мимо фруктового сада, где ждали Дэрид и его воины.

Остролицый маг нахмурился. - Кавалерия разрушает твой план битвы, Дэрид. Возможно, было бы разумнее просто пропустить их. Большинство жителей Глена укрылись за Ашабой в Корманторе. Эти мародеры не найдут ничего, кроме пустой деревни.

Певчий клинков долго смотрел на приближающихся воинов, оценивая их. Затем он покачал головой. - Нет, мы продолжим. Я подозреваю, что многие из этих парней не справятся со своими лошадьми в бою.

- Не стоит недооценивать их, друг мой.

- Поверь мне, Тириандилин, я уже не хочу совершать эту ошибку. Я бы хотел, чтобы у них было меньше всадников или больше луков, но таков наш бой, и мы сделаем все, что в наших силах. - Дэрид не отрывал взгляда от приближающейся группы. - Передай нашим воинам, чтобы они в первую очередь целились в тех, кто едет на закованной в броню лошади - это те, кто умеет сражаться верхом.

Он подождал некоторое время, пока наемники приближались. Воздух был тяжелым и влажным, как всегда летом на этой широкой зеленой земле. В его памяти остался аромат увядших яблоневых цветов. В Эвермите не было такого времени года, как здесь; прекрасный западный остров круглый год омывали океанские бризы. Он и не подозревал, как соскучился по пышному богатству корманторского лета за те десятилетия, что провел вдали от дома.

- Сейчас? - спросил Тириандилин.

Певчий клинков глубоко вздохнул: - Да, - ответил он и сделал единственный отрывистый жест рукой.

Двадцать эльфов, спрятавшихся среди яблонь, согнули свои белые луки и выпустили стрелы в сотни наемников, шедших на север к Глену.

За три удара сердца в рядах наемников возник хаос. Серебристая смерть дождем посыпалась на всадников. Мужчины падали с седел, стрелы вонзались в горло или грудь. Другие ревели от внезапной боли и страдания, уязвленные эльфийскими древками, которые не убивали с одного удара. Лошади закричали и взревели, пехотинцы разбежались, и еще одна порция стрел ударила в людские ряды.

Несмотря на удивление, чондатцев было нелегко сломить. Крича и ругаясь, человеческие наемники начали движение, пока третий полет был еще в воздухе. Пехотинцы сняли с плеч большие ромбовидные щиты и поспешили встать на колени плечом к плечу, сцепив щиты, чтобы создать стену из дерева и кожи против эльфийских стрел. Арбалетчики сомкнулись за стеной щитов и начали вслепую палить по деревьям. Над головой Дэрида шипели и свистели в воздухе стрелы.

Выхватив меч из ножен, капитан во главе наемников уклонился от нескольких стрел, просвистевших мимо него: - Вперед, псы! - прорычал он.

Бросив вызов невидимым лучникам, он повел несколько всадников прямо во фруктовый сад.

Дальше по колонне чондатцев большие отряды конницы выехали на открытые зерновые поля по обеим сторонам дороги и понеслись вскачь, совершая широкие круги по укрытой земле.

- Следите за флангами! - предупредил Тириандилн. - Они пытаются заманить нас в ловушку.

- Я вижу их, - ответил Дэрид. Но сначала им нужно было разобраться с чондатцами, ворвавшимися во фруктовый сад. Он указал на капитана и всадников, мчавшихся к укрытиям эльфов. - Сначала возьмем этого!

Маг кивнул. Он ловко достал щепотку серебристой пыли из мешочка на боку. Сплетающимся движением руки он бросил пыль в воздух, затем произнес слова смертельного заклинания и жестом указал на приближающихся всадников. Каждая пылинка, повисшая в воздухе над кончиками его пальцев, выросла в длинную иглу серебристо-белого льда и стремительнее стрелы полетела в наступающих всадников. Сверкающие осколки пробивали стальные нагрудники и рубахи, словно бумагу, а через мгновение взрывались белой вспышкой смертоносного инея. Первый импульсивный натиск чондатских всадников распался под смертоносным градом морозных игл, и людей, и зверей пронзило насквозь или прожгло холодом такой силы, что плоть побелела, а кровь застыла.

Сверкающий иней и темная кровь запятнали яблони. Дэрид поморщился, но все же хлопнул мага по плечу и приказал: - А теперь вперед! У них могут быть свои маги.

Два эльфа отступили на тридцать ярдов, пробираясь между деревьями. Позади них во фруктовом саду, как раз там, где они стояли, раздался сильный взрыв огня. Волна сернистого горячего воздуха развела плащ Дэрида по плечам и опалила волосы на его затылке. Дэрид прошел еще около десяти ярдов, присел за деревом и быстро осмотрел место стычки.

Стрелы по-прежнему с шипением вонзались в ряды чондатцев на дороге, но их было гораздо меньше. Эльфийские лучники двигались между выстрелами, стараясь не попадаться на глаза. Дэрид с первого взгляда заметил, что всадники, проносящиеся по полям вокруг фруктового сада, отвлекают на себя огонь лучников с флангов. Через несколько мгновений он и его воины окажутся в ловушке в роще, и это будет для них концом.

Он сжал серебряный медальон, висевший над его сердцем, и прошептал слова заклинания. Магия донесла его слова до всех эльфов в роще, будь они рядом или в сотне ярдов от него.

- Немедленно отступайте! - приказал он им. - Во вторую линию, быстро!

Вместе певчий клинков и волшебник повернулись и помчались на север, направляясь к дальнему краю большого фруктового сада. Дэрид

мельком увидел, как его воины то появлялись, то исчезали, бегая среди деревьев рядом с ними. Он слышал далекие крики людей позади себя - чондатцам не потребовалось много времени, чтобы понять, что их противники отступают.

Они знают, что делают, решил он. После встречи с воином-волшебником Сартосом две ночи назад он не очень-то рассчитывал, что предводители наемников окажутся некомпетентными, но все же надеялся удивить их своим сопротивлением.

Они достигли края фруктового сада и вышли на открытое поле. Дэрид удлинил шаг и побежал в своем лучшем темпе, прекрасно осознавая отсутствие укрытия вокруг себя и своих воинов. На первый взгляд казалось, что большинство его воинов все еще с ним - более дюжины эльфов бесшумно мчались по полю по пятам. Но тут с запада, всего в паре сотен ярдов от него, появились три десятка кавалеристов, яростно скачущих вокруг большого фруктового сада.

- Дэрид! - позвал Тириандильн.

- Я вижу их! - ответил он. - Не останавливайся!

Через поле длинный, низкий хребет, покрытый густыми зарослями, стоял зеленой стеной поперек их пути. Дэрид рискнул еще раз оглянуться через плечо и изменил курс вправо, уклоняясь от встречных всадников, чтобы им понадобилось чуть больше времени, чтобы нагнать его воинов. Жаркое солнце палило на него, и золотая пшеница, обвивавшая его талию, заставляла его делать высокие, резкие шаги, скорее пробираясь, чем пробегая. Он не сводил глаз с темных зарослей впереди и не позволял себе замедлить шаг, хотя пот струился по его лицу, а влажный воздух казался густым, как патока, в его легких.

Позади него слышался стук копыт всадников. Крики и вопли наемников приобрели дикий, триумфальный оттенок, а воины-эльфы все еще находились в пятидесяти ярдах от рощи впереди.

Откуда-то из леса впереди раздался одиночный звук рога. Мгновенно Дэрид крикнул своим воинам: - Ложись!. Он бросился в высокое зерно и покатился, стебли пшеницы хлестали его по лицу и рукам.

Над его головой одновременно загрохотало более восьмидесяти луков. В укрытии деревьев впереди почти все мужчины Глена, способные натянуть лук, и некоторые женщины тоже поднялись и открыли огонь по кавалеристам, намеревавшимся настигнуть отступающих эльфов. Не все они стреляли так хорошо, как стреляли бы эльфийские воины, но некоторые все-таки попадали, а остальные, конечно, стреляли достаточно метко. Лошади кричали и ржали, всадники падали с седел, а другие в панике крутились под шквальным огнем. После трех быстрых залпов чондатские наемники развернулись и поскакали прочь из зеленых зарослей, оставив половину своего отряда мертвыми или умирающими у ног эльфов, которых они намеревались уничтожить.

Дэрид и его воины вскочили на ноги и рысью бросились в укрытие зарослей. Там его ждала Нильса и Эрек, высокий трактирщик из "Белой

лошади". Неподалеку стояли другие жители деревни и крестьяне с мрачным выражением удовлетворения на лицах. Они были одеты в потрепанные доспехи - от совершенно никаких до старых кольчуг или кожаных курток с заклепками, но у всех были ухоженные луки, а на поясах у многих висели мечи или топоры.

В этих жителях долин есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд, решил Дэрид: - Это было здорово придумано, Нильса. Нас бы просто задавили, если бы ты и твои люди не стреляли так метко.

- Я ждала столько, сколько могла, прежде чем подать сигнал, - сказала Нильса. Она неловко пожала плечами. - Не думала, что они будут преследовать Вас так быстро. Хорошо, что вы быстро передвигаетесь, иначе вам не удалось бы от них уйти.

- И что? - Эрек спросил Дэрида. Он служил капитаном городского ополчения после смерти отца Нильсы. Легкомысленный трактирщик стал другим человеком на поле боя. Его беззаботная улыбка и легкий смех исчезли, сменившись решимостью и беспокойством. - Со сколькими мы столкнемся?

Дэрид быстро пересчитал оставшихся с ним воинов-эльфов. Из двадцати, что были в саду, с ним оставалось шестнадцать. Двое были ранены, и Хиселин, которая ждала с жителями долин, помогала им своими исцеляющими заклинаниями. Был небольшой шанс, что его пропавшие воины все еще прячутся во фруктовом саду, не имея возможности присоединиться к нему, но более вероятно, что их поймали до того, как они смогли сбежать.

Он вздохнул и повернулся к своим союзникам-людям. - Мы насчитали около двухсот пеших и столько же конных. Мы подстрелили много всадников, но недостаточно, чтобы уравнять шансы. Думаю, вам стоит отказаться от своего плана и отступить, пока есть возможность.

Эрек наблюдал за всадниками наемников, зависши на расстоянии выстрела из лука возле яблоневого сада. Всадники сгруппировались вокруг, яростно глядя на деревья, за которыми ждали эльфы и жители Туманной.

Он покачал головой. - Вы сделали свое дело, теперь мы сделаем свое. Они не пройдут через эти поля, не потеряв много людей, и они уже видят это. Помни, они наемники - им платят за бой, а не за смерть. Если мы сможем ранить или убить большое количество, остальные могут решить, что не стоит продолжать атаку.

- Надеюсь, он прав, - пробормотал Тириандилн на эльфийском. - Многие из этих людей погибнут, если наемники решат, что за мертвых товарищей полагается большая доля добычи.

Дэрид внимательно изучал землю. Это было хорошее место для стоянки, а поросший густым лесом хребет давал возможность укрыться, по крайней мере, на пару сотен ярдов. Но за холмом лежали открытые сельскохозяйственные угодья вокруг поместья Харвальмир. Если вражеские всадники прорвутся через лес на поля позади них, мало кто из защитников сможет вырваться из их линии обороны.

- Нильса, могут ли люди на лошадях обойти этот хребет? - спросил он.

- Нелегко. Она тянется на несколько миль вот так. На востоке она становится выше и скалистее, пока не упирается в лес и Ашабу. На западе она выходит на широкий участок труднопроходимого леса.

- Вы забаррикадировали просеку, через которую проходит дорога?

- Как могли, - ответил за нее Эрек. - Мы срубили несколько деревьев поперек дороги и сделали колючий брус толщиной в десять футов. У меня есть еще лучники, прикрывающие проход.

Ничего не оставалось делать, как ждать, решил певчий клинков. - Я оставлю с собой четырех своих воинов, а остальные расположатся парами вдоль линии, - сказал он жителю Глена. - Если нам придется сдаться, мы отступим на запад, оставаясь в лесу вдоль хребта.

- Это поставит чондатцев между нами и нашими семьями, - ворчал один из мужчин неподалеку.

- Да, но если мы отступим на восток, боюсь, что мы можем попасть в ловушку, когда река будет у нас за спиной. Или, что еще хуже, мы можем направить битву к убежищу, где прячутся остальные твои люди.

Дэрид знал, что его воины смогут убежать через Ашабу, даже если наемники будут идти по пятам, но он не думал, что жители деревни смогут это сделать.

- Если мы задержим их здесь, нам не придется делать такой выбор, - сказала Нильса.

Дэрид быстро пересчитал своих воинов и отправил их на свои места в рядах жителей деревни. Затем, на всякий случай, он отправил пару разведчиков на обратную сторону хребта, чтобы предупредить их на случай, если чондатцы удивят их, найдя способ обойти или пройти через хребет незамеченными. Затем он расположился на отдых, чтобы наблюдать и ждать.

Чондатские всадники собрались на дальнем краю поля, под сенью фруктового сада. Мужчины скакали взад и вперед, разнося сообщения и приказы. Знаменосцы развернули свои алые флаги и заняли позиции. Затем из фруктового сада появились пехотинцы, выстроившись за штандартами. Мужчины застегивали тяжелые доспехи и расчехляли щиты, готовясь к битве. Эльфы наблюдали, пока жители долины суетились и нервно переговаривались друг с другом.

- Что-то происходит, - сказала Нильса.

Дэрид проследил за ее взглядом. Под главным штандартом выстроились в ряд несколько продажных мечей в прекрасных доспехах и шлемах с плюмажами. Даже на расстоянии он мог видеть разницу в вооружении и доспехах между людьми у штандарта и остальными наемниками. Затем он заметил высокого худощавого мужчину, стоявшего позади остальных и сплетавшего руки в извилистых движениях заклинателя.

- Это Сартос, - сказал он. - Капитан-волшебник из лагеря.

- Что он делает? - спросила Нильса.

- Творит магию, - ответил певчий клинков. Он взглянул на Тириандильна. - Я не могу разглядеть его на таком расстоянии. А ты?

Маг солнечных эльфов покачал головой. - Нет, это слишком далеко. Но я думаю, что он не единственный волшебник среди чондатцев. Я видел несколько других, произносящих заклинания.

Где-то в массе чондатских бойцов раздался звук рога. Неровным шагом пехотинцы двинулись вперед, маршируя по желтому полю за своими знаменами. Ряды сцепленных щитов защищали переднюю шеренгу, а люди во второй и третьей шеренгах держали свои щиты поднятыми над головой. Группы всадников скакали и ждали в фруктовом саду.

- Они приближаются! - кричали голоса по всей линии.

- Спокойно! - воскликнул Эрек.

- Всадники ждут, чтобы разбить нас после разгрома, - тихо сказал Тириандильн Дэриду.

- Возможно, - ответил Дэрид. Он еще не был уверен в этом. Сартос и его чондатцы замыслили что-то злое, он чувствовал это. Он снова подумал о призыве к отступлению, но сейчас было бы трудно увести жителей долин... даже если бы они согласились уйти. Они вряд ли побегут, пока не убедятся, смогут ли чондатцы причинить им вред или нет.

- Дайте им подойти поближе, ребята! - обратился Эрек к жителям деревни. - Не тратьте пока стрелы на эти щиты. Подождите, пока вы сможете выбрать свои цели и пустить стрелы в дело!

Пехотинцы подбежали ближе, приседая за щитами. Линия начала смещаться вправо, каждый человек в строю сознательно или бессознательно закрывался щитом от того, кто стоял рядом с ним. Сталь и кожа звенели при каждом шаге, и хор криков, возгласов и нецензурных ругательств поднялся от тех продажных мечей, которые были склонны кричать или бросать вызов поджидающим их лучникам.

- Огонь! - крикнул Эрек.

Луки жителей долины загрохотали, и из зарослей, жужжа, как рассерженные осы, полетели стрелы. Многие из них отскочили от щитов или нагрудных пластин, но жители долины рассчитывали на столь короткую дистанцию, что их мощные луки были вполне способны пробить броню насквозь длиной в ярд, если попадут точно в цель. Со своей стороны, эльфийские лучники не пытались пробить доспехи противника. Вместо этого эльфийские стрелы находили горло, глаза или подмышки - места, где кираса мечника не защищала его. Наемники кричали, ругались или падали на землю, раненные или умирающие. С каждым упавшим человеком в стене щитов появлялись бреши, и все больше стрел сыпалось в массу солдат.

Чондатцы издали яростный рев и бросились вперед, чтобы настигнуть лучников на расстоянии удара меча. Несмотря на тяжесть своей стали, они преодолели последние несколько ярдов открытого поля быстрее, чем Дэрид мог себе представить. Люди падали и умирали с каждым шагом, но

все же они наступали - и теперь Дэрид понял их план. На другом конце поля ожидающие всадники пришпорили своих коней и устремились вслед за бронированными пехотинцами. Пока жители долины и эльфы были заняты тем, что расстреливали людей прямо перед собой, всадники беспрепятственно преодолевали открытое пространство.

- Тириандилн! Останови кавалерию! - крикнул Дэрид.

Волшебник выкрикнул слова заклинания и обрушил на встречных всадников огненную вспышку. Огромный взрыв оставил на поле дюжину людей и лошадей мертвыми, а над полем поднялся черный дым. Тут же Тириандилн повернулся и бросил еще одно заклинание в другую группу всадников. - Их слишком много! - крикнул он в ответ Дэриду.

Пока волшебник плел свои смертоносные заклинания, а стрелы продолжали косить ряды чондатцев, Дэрид снял с пояса тонкий жезл и обратил свое внимание на строй мечников, скрывающихся за деревьями. Жезл принадлежал Тириандильну, но Дэрид умел пользоваться им достаточно хорошо. Он направил его на первую группу чондатцев и произнес активирующее слово. Сияющая голубая молния сбила пятерых мужчин с ног. Безрассудно Дэрид снова и снова пускал в ход палочку, пытаясь остановить атаку на корню.

На мгновение ему показалось, что им это удастся. Осыпаемые стрелами и молниями, пешие воины попятились к самой опушке леса, а колеблющиеся группы всадников за ее пределами уклонились от огненных ударов Тириандильна. Но тут по лесу позади Дэрида и его воинов прокатилась волна тупых ударов или раскатов, похожих на отдаленный гром, и наполнила тени под деревьями сернистым зловонием.

- Дьяволы! Дьяволы! - раздался крик.

Дэрид в ужасе обернулся и увидел, что посреди рядов защитников материализовалась банда хаматулов - колючих дьяволов. Сверкая изумрудными глазами ненависти, страшные существа тут же бросались на любого жителя деревни или эльфа, оказавшегося в пределах досягаемости когтей. Адский огонь чернил деревья и испепелял плоть.

Не раздумывая ни мгновения, Дэрид легко вошел в транс певчего клинков и скользнул вперед, навстречу порожденным адом извергам. Яростная битва вокруг него перетекла в странную, унылую тишину. Вдалеке он заметил стычку чондатских мечников и лучников жителей долины, отчаянную резню и борьбу мужчин и женщин, сражающихся за свою жизнь, но он просто уклонился от боя и двинулся к первому из чудовищ.

Существо злобно ухмыльнулось и метнуло в Дэрида огромный шар зеленого огня, но певчий клинков прошептал слова заклинания и поймал клубящийся шар пламени на острие своего меча. Он метнул его через плечо в стоящего позади него чондатского мечника и испепелил того дьявольским огнем. Затем раздался внезапный удар когтей и колючек об эльфийскую сталь, и существо отпрянуло, истекая кровью из нескольких глубоких порезов. Дэрид перевернулся с высокой стойки на низкую и,

используя жезл молний в левой руке, сразил еще трех мечников, после чего вернулся к поединку с хаматулой.

- Теперь ты умрешь, эльф! - шипел хаматула.

Он бросился на него, широко расставив руки, стремясь вонзить клинок в лес шипов, покрывавших его тело. Дэрид пригнулся к земле и ударил его в живот, перекатился под ноги и рухнул на землю позади него. Зазубренные шипы зацепили его за плечо и верхнюю часть спины, но он просто отбросил боль и перекатился на ноги, продолжая танцевать на клинках.

В зарослях грохотала боевая магия - огненные взрывы и колющие вилы молний. Он мельком увидел Нильсу, грациозно двигавшуюся среди деревьев, когда она стреляла и стреляла, и каждая стрела уносила по человеку. Затем он заметил еще одного колючего дьявола, склонившегося над растерзанным телом Фельдирра, лунного эльфа. Чудовище смотрело на умирающего эльфа, вцепившись когтями ему в грудь.

Дэрид отбросил дьявола от своего воина с помощью магических кинжалов. С шипением ярости дьявол поднялся на ноги. Он направил свою страшную волю на певчего клинков, пытаясь парализовать его своей ужасной магией, но в своем трансе Дэрид едва ли осознавал такие вещи. Пока дьявол смотрел на него, он крутанулся рядом и перерезал ему горло длинным ударом, отчего тот рухнул на землю рядом с телом Фельдирра.

Затем он пронесся сквозь узел наемников, ослепив одного из них своей магией, а другой умер от удара в живот. Но тут его вывел из транса ошеломляющий удар колючего дьявола, впившегося ему в спину, словно таран из раскаленной стали. Агонизирующие крючья и шипы пронзили плоть Дэрида в дюжине мест, но его золотая броня выдержала достаточно, чтобы не дать ему погибнуть сразу.

Дьявол на его спине шипел и плевался огнем, обжигая Дэрида, когда пытался вцепиться своими черными клыками в шею певчего клинков. Он боролся в грязи и подлеске, пытаясь подтянуть под себя ноги или освободить руку, чтобы вырваться, но сила дьявола была ужасна. Он вырвал кровавый кусок плоти из его плеча, и, невзирая на самого себя, Дэрид закричал.

- Слезь с меня! - прорычал он.

- Тебе это не понравилось? - шипело существо ему в ухо. - Ах, как ты будешь петь, пока я не закончу с тобой, восхитительный эльфлинг!

Дэрид вывернул свой тонкий клинок и попытался ударить чудовище, но дьявол выбил клинок из его руки. В отчаянии Дэрид откатился в другую сторону и нащупал жезл молний своими цепкими пальцами. Быстро, как кошка, он метнул конец жезла через плечо в морду дьявола и разнес ему голову ударом молнии, которая подхватила его и отбросила на дюжину футов.

Обугленная и дымящаяся одежда Дэрида неуверенно поднялась на ноги. Доспех, скрывавший мундир, был мокрым от его собственной крови. Не обращая внимания на шум битвы вокруг, он, пошатываясь, подошел к

дергающемуся труп дьявола и достал свой тонкий клинок. Затем он выпрямился, насколько мог, и попытался понять, что происходит вокруг. Похоже, битва все еще продолжалась, хотя землю устилали десятки мертвых и умирающих людей, а также несколько эльфов.

- Аиллесил Селдари, - вздохнул он.

Жители долины еще не были побеждены, но казалось невозможным, что они смогут продолжать сражаться против таких сил. По крайней мере, в бою больше не осталось колючих дьяволов.

- Я предчувствовал, что мы еще встретимся, эльф.

Дэрид повернулся и оказался лицом к лицу с волшебником Сартосом. Повелитель чондатцев носил нагрудник с изображением рычащего дракона, а над его заросшей щетиной головой красовался богато украшенный шлем. Человек жестоко улыбнулся.

- Жаль, что ты уже ранен, - сказал он. - Я надеялся испытать тебя с лучшей стороны. Это было бы незабываемое состязание.

В руке он держал лунный клинок Морваерила.

- Ты должен быть осторожен в своих желаниях, чондатец, - прохрипел певчий клинков. - Ты можешь получить именно то, чего хочешь.

Не обращая внимания на шаткость ног и колющую боль в спине, он с вызовом поднял свой тонкий меч. Медленно он обошел Сартоса кругом, оценивая противника, пока вокруг них бушевала битва.

Наемник ударил первым. Прорывав слова зловещего заклинания, он вскинул руку и запустил в певчего клинков черный болт с трещащей силой. Но Дэрид все еще был защищен заклинанием парирования, которое он использовал, чтобы отклонить огненный шар, брошенный в него первым колючим дьяволом. Он успел выставить свой тонкий клинок и отбить угольный луч обратно в Сартоса. Луч зацепил наемного мага сбоку и закрутил его пополам, его ледяная тьма высасывала силы и жизненную энергию.

Сартос с трудом отбивался от воздействия собственного заклинания, и Дэрид увидел свой шанс. Он подбежал к чондатцу вплотную и успел сильно порезать его руку и лицо, прежде чем Сартос отшатнулся, и кровь хлынула из его ран. Певчий клинков продолжал атаковать, напрягая последние силы, а его клинок сверкал и летал, сплетаясь в сложные и совершенные узоры, которым учили мастера меча Эвермита.

Но Сартос был почти так же искусен в работе с клинком, как и Дэрид. В течение пяти ударов сердца он отражал атаки Дэрида, сталь прыгала навстречу стали, и Дэриду удалось быстрый спиральный рипост, который поймал лунный клинок в руках человека и отправил его вращаться в воздухе. Он приземлился острием вниз в лесной суглинок и застыл там, дрожа.

Повелитель чондатцев упал назад от удара Дэрида и закричал на резком, шипящем языке, от которого у эльфа заложило уши. - Невархем! Шеор! Помогите мне! - прокричал он.

В мгновение ока еще два колючих дьявола появились в облаках серного дыма, рассекая воздух сдвоенными раскатами грома, когда телепортировались на помощь своему хозяину.

Певчий клинков смотрел на своих новых противников без страха. У него не было сил, чтобы встретиться с ними, но он все равно попытался бы, а смерть приходит ко всем в свое время, не так ли? Он мог лишь встретить ее как можно лучше. Он обернулся к Сартосу и холодно улыбнулся сквозь боль и усталость.

- Похоже, мы определили, кто из нас лучший фехтовальщик, - заметил он.

- Тебя это мало утешит, когда ты будешь мертв! - прорычал чондатец. Он махнул рукой дьяволам, и те двинулись на Дэрида, протягивая к нему когти и шипы.

- Ты будешь предшествовать ему, убийца! - воскликнула Нильса.

Она встала рядом с лунным клинком Морваерила, поднесла тетиву к уху и прицелилась в военачальника. Но колючие дьяволы, преследовавшие Дэрида, прыгнули на нее так стремительно, что она не успела выстрелить. Она крутанулась и вонзила свою белую стрелу в грудь первого чудовища, сбив его с ног. Потом, когда стрелы кончились, она бросила лук и схватилась за рукоять меча, лежавшего перед ней на земле.

Как только ее рука коснулась рукояти, лунный клинок Морваерила ожил. Из древней эльфийской стали хлынул яркий белый свет, а ряд раскаленных рун, начертанных на клинке, вспыхнул так ярко, что Дэрид был вынужден отвести взгляд.

- Невозможно, - вздохнул он. - Этот лунный клинок был мертв. Мертв!

Сартос и остальные дьяволы колебались, ослепленные и пораженные не меньше, чем сам Дэрид. Нильса и сама стояла, тупо уставившись на меч в своей руке, пораженная изумлением. Но тут последний из дьяволов оправился от удивления. С пронзительным визгом он бросился на Нильсу, когти и шипы потянулись к ее сердцу.

- Нильса, дьявол! - закричал певчий клинков.

Девушка подняла голову как раз вовремя, чтобы поднять острие меча. Хаматула прекратил свой безумный бросок и попытался оббежать клинок, но Нильса одним ловким движением снесла его голову с плеч. Белый огонь лунного клинка пронзил его адскую плоть, словно солнечный свет, пробивающийся сквозь туман. Первый хаматул, тот, которого она подстрелила, вскочил на ноги и бросился на нее, но Нильса быстро отступила на два шага и отсекала его когтистую руку, когда он потянулся к ней. Чудовище закричало и споткнулось. Она вонзила лунный клинок в сердце дьявола и отправила его обратно в ад, из которого он был призван.

Сартос побледнел, а затем начал произносить слова смертельного заклинания против нее. Но Дэрид нашел в себе силы для последнего рывка. Крутанувшись в низком приседании, он подсек ноги Сартоса и

повалил чондатского военачальника на землю. Волшебник смотрел на него в шоке и изумлении, а тонкий клинок Дэрида пригвоздил его к земле.

- Это за отца Нильсы, - сказал певчий клинков.

Сартос вытаращился на него, изо рта у него потекла кровь. Затем, к удивлению Дэрида, черты его лица словно расплавились и изменились, став более худыми и угловатыми. Из плеч умирающего мага выросли крылья с черными ребрами, а его покрытое пятнами человеческое лицо стало алым и покрылось мелкой чешуей. Его уши из округлых превратились в заостренные, а глаза приобрели эльфийский разрез.

- Будь я проклят, - пробормотал Дэрид. - Ты - фей'ри.

Неудивительно, что Сартос показал такое мастерство владения клинком и заклинаниями. Скорее всего, он был таким же мастером певчих клинков, как и сам Дэрид, ведь фей'ри были древними солнечными эльфами, в крови которых текла демоническая кровь. Они владели магией и клинками с тем же мастерством и традициями, что и Дэрид или любой другой сын Эвермита.

- Дэрид! - Нильса поспешила к нему. - Ты ранен.

- Ничего страшного, - сказал певчий клинков. - Иди, помоги своему народу, если можешь.

Он стоял над своим врагом и смотрел, как умирает повелитель фей'ри. Затем его собственные силы тоже иссякли, и он рухнул на землю на расстоянии вытянутой руки от своего противника.

Последнее, что видел Дэрид в этой битве, - как Нильса подняла лунный клинок Морваерила навстречу заходящему солнцу, а чондатцы, пошатываясь, отступали из смертоносного леса.

На рассвете второго дня после Битвы при Глене, Дэрид и его оставшиеся в живых воины медленно выехали из города. Из его небольшой компании осталось только одиннадцать человек. Хиселин выжила, но друг Дэрида Тириандилн пал в бою на хребте, убитый дьяволами фей'ри, когда он из последних сил бросал заклинание за заклинанием.

Эльфы нашли Нильсу и Эрека, которые ждали их у Белой Лошади, стоя вдоль дороги, чтобы проводить их. Нильса была одета в простое синее платье и выглядела как простая деревенская девушка, а не опытная воительница и героиня своего народа. Она стояла неловко, с прямой, как железо, спиной - под блузкой у нее была тугая повязка на ребрах, где она получила сильный удар мечом во время боя в лесу. Но кроме слабого вздрагивания от дискомфорта, она не показала своей боли.

- Так это все? - спросила она Дэрида, когда он проскакал мимо. - Ты просто собираешься уехать?

Дэрид остановил свою лошадь. Остальные члены его компании тоже остановились, ожидая его.

- Да, боюсь, что так, - сказал он. - Весильд Герт отступает из Ашабенфорда. Мы должны присоединиться к Крестовому походу.

Эрек шагнул вперед и встретился взглядом с Дэридом.

- Лорд Селшеррин, я не знаю, как это сказать, но я попробую: Спасибо, что помогли нам против чондатцев. Мы никак не можем отплатить вам за жизни ваших товарищей, кроме как пообещать, что будем чтить их жертву до тех пор, пока мы и наши потомки будем жить в этом месте.

- Мы были рады помочь. И мы не забудем доблесть жителей Глена, Эрек. Мне жаль, что я не был лучшего мнения о вашем народе до того, как мне выпала честь сражаться рядом с ним.

- Никогда не поздно начать все сначала, - с улыбкой сказал высокий трактирщик. - Или первое впечатление.

Какой уникальный человеческий взгляд на мир, подумал Дэрид. Он покачал головой. - Одна из многих вещей, которые я узнал за последние несколько дней, наверное. Удачи тебе, Эрек.

Он снова взял поводья и начал понукать коня вперед, но Нильса подняла руку и остановила его.

- Есть еще кое-что, - сказала она. Она подняла с земли у своих ног длинный тонкий сверток и протянула его Дэриду. - Лунный клинок твоего Дома.

Певчий клинков остановился и долго смотрел на девушку. Двигаясь медленно и скованно - казалось, у него было больше ран, чем он мог сосчитать, - он соскользнул с седла и встал перед ней. Он принял от нее меч, но затем сдержанно поклонился и вернул его ей в руки.

- Теперь он не мой, Нильса, - сказал он ей. - Лунный клинок ответил на твой зов. Сотни лет он не признавал ни одного эльфа подходящим наследником Морваерилов. Но он узнал тебя, когда ты положила на него руку, и принял тебя. Носи клинок Морваерила до конца своих дней, Нильса Харвальмир. Воспитавай своих детей верными и сильными, чтобы они тоже были достойны его.

- Я не могу принять это, Дэрид. Я не эльф!

- Дело не в том, примешь ли ты клинок, Нильса. А в том, примет ли клинок тебя. - Дэрид улыбнулся. - Что же касается того, эльф ли ты, то ты определенно эльфийка. Возможно, быть Тел'Квессиром - это нечто большее, чем просто случайное наследие, и этот лунный клинок намерен показать нам это.

Нильса фыркнула и завернула лунный клинок обратно в покрывало.

- Если ты так веришь в суждения этого меча, то, наверное, я тоже, - сказала она. Затем она наклонилась вперед и поцеловала Дэрида в щеку. - Береги себя, певчий клинков. Сладкой воды и легкого смеха, пока мы не встретимся снова.

- Сладкой воды и легкого смеха, Нильса, - ответил Дэрид. - Надеюсь, мы встретимся в лучшие времена.

Осторожно двигаясь, певчий клинков взобрался обратно в седло и постучал пятками по бокам лошади. Помахав рукой на человеческий

манер, он повернулся лицом к западу и повел своих товарищей навстречу утренним теням.

